Исторический архив

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

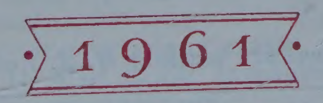
ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ

1

ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

Издается с участием

**ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
ПРИ ЦК КПСС
и
ГЛАВНОГО АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР**

К сведению авторов:
Рукописи авторам не возвращаются.

Технический редактор *Н. А. Колгурина*

Адрес редакции: Москва, В-36, 1-я Черемушкинская ул., д. 19,
тел. В 5-17-61

Подписано к печати 31/I Т-00047 Формат бумаги 70×108[1]/16. Бум. л. 6
Печ. л. 16,44+1 вкл. Зак. 1174 Уч.-изд. листов 19,2 Тираж 3325

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

Документы

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

(1931—1937 гг.)

Внимание мировой общественности привлечено к той последова-ельной политике мирного сосуществования между государствами с раз-ичным общественным устройством, которую настойчиво проводит Совет-кое правительство. Политика эта, провозглашенная Владимиром Ильичом Лениным, завоевывает с каждым днем все большее признание различных лоев зарубежной общественности, государственных деятелей капитали-тических стран.

Публикуемые ниже документы посвящены одному из важнейших мо-ентов этой политики — борьбе Советского правительства за установле-ие контактов с представителями деловых и культурных кругов крупней-лей страны капиталистического мира — Соединенных Штатов Америки.

Документы представляют переписку видного деятеля Коммунистиче-кой партии и Советского государства Валерия Ивановича Межлаука представителями деловых кругов и научной общественности США, пони-авшими миролюбивую сущность политики Советского правительства, це-есообразность и взаимовыгодность установления тесных экономических и ультурных связей между Советским Союзом и Соединенными Штатами мерики. Документы обнаружены в фондах Центрального государствен-ого архива Октябрьской революции и социалистического строительства ССР и являются частью большой публикации о деятельности В. И. Меж-аука, готовящейся к печати.

В. И. Межлаук, работая в тридцатые годы заместителем председателя овета Народных Комиссаров СССР и председателем Госплана СССР, ыграл большую роль в укреплении дружественных связей со странами апада и особенно с США. От имени Советского правительства он вел ереговоры с деловыми кругами США, участвовал в работе мировой эко-омической конференции. Неутомимая работа В. И. Межлаука в этом на-равлении, его обширные связи с реально мыслящими промышленниками прогрессивными представителями интеллигенции США способствовали асширению культурных и экономических связей между Советским Сою-ом и США. В фондах ЦГАОР СССР сохранилась часть переписки . И. Межлаука с зарубежными деятелями.

Документы дают представление о различных аспектах экономических политических взаимоотношений СССР и США в период 1931—1937 гг. письме к Серго Орджоникидзе из Нью-Йорка в январе 1931 г. (см. док. № 1) В. И. Межлаук характеризует Международную ассоциацию про-ышленных отношений, возглавлявшуюся известной прогрессивной дея-ельницей Мери Ван Клик.

Многие документы показывают установление конкретных связей между советскими организациями и зарубежными фирмами. В. И. Межлаук большое внимание уделял вопросам электрификации страны. В связи с этим интересно отметить, те контакты, которые были установлены с крупнейшими электротехническими компаниями мира, в частности с такой американской компанией, как «Дженерал Электрик Компани» (см. док. №№ 11—14).

В письме В. И. Межлаука мистеру Кулиджу, руководителю научно-исследовательской лаборатории «Дженерал Электрик Компани» (см. док. № 14), говорится о научно-исследовательской работе советских институтов в области электротехники и одобряется предложение Кулиджа об обмене опытом между американской лабораторией в Скенектеди и советскими лабораториями. В свою очередь Кулидж в письме В. И. Межлауку (см. док. № 13) дает высокую оценку научной работы, проводимой советскими учеными — электротехниками.

Атмосферу дружественного сотрудничества, установившуюся между представителями автомобильной промышленности СССР и США, характеризует переписка В. И. Межлаука и Эдсела Форда — президента «Форд Мотор Компани» (см. док. №№ 7, 8).

Большой интерес представляет переписка между В. И. Межлауком и видным американским финансистом Уильямом В. Ланкастером (см. док. №№ 9, 10). В письме к В. И. Межлауку от 1 ноября 1932 г., Ланкастер приводит данные о политическом и экономическом положении Соединенных Штатов в период подготовки к президентским выборам 1932 г., оценивает перспективы развития экономических связей с СССР, анализируя различные планы предоставления американских кредитов Советскому Союзу.

22 ноября 1932 г. В. И. Межлаук пишет Ланкастеру, что «в настоящее время, когда возбуждение от президентских выборов улеглось, я надеюсь, наступил момент для объективной оценки всех внутренних и внешних дел». Анализируя состояние мировой экономической конъюнктуры и политическую обстановку, В. И. Межлаук отстаивает советские взгляды по вопросу улучшения торговых взаимоотношений с Соединенными Штатами.

В связи с победой Ф. Д. Рузвельта на президентских выборах В. И. Межлаук подчеркивает, что «г-н Рузвельт будет теперь иметь время для изучения русского вопроса так тщательно, как он этого хотел бы, и сможет сделать все выводы, которые будут благотворны для Соединенных Штатов. Мировая политическая ситуация, по моему мнению, продолжает оставаться очень благоприятной для восстановления нормальных взаимоотношений между нашими странами.

О значительном внимании к изучению опыта промышленного развития СССР со стороны торгово-промышленных кругов США свидетельствует ряд статей, систематически публиковавшихся в то время в американской печати. Так, в журнале «Бэнкерс Мэгезин», весьма популярном в финансовых кругах США, была опубликована статья молодого американского экономиста Лайонела Д. Эди, в которой было уделено место вопросу об иностранной валюте в СССР. Любопытно, что в кругах Уолл-Стрита заинтересовались мнением советских финансовых специалистов по поводу этой статьи. Об этом пишет в письме к В. И. Межлауку представитель Американо-Русской торговой палаты в СССР Спенсер Уильямс [1].

Большое значение имела работа по ознакомлению зарубежного (в частности, американского) читателя с фактами советской действительности, с замечательными успехами в развитии социалистической промышленно-

[1] См. ЦГАОР СССР, ф. 31, д. 47, л. 41.

сти и сельского хозяйства. Книги о наших пятилетках имели широкий отклик за рубежом. У. Ланкастер пишет в своем письме В. И. Межлауку, что достижения, о которых он узнал, прочитав одно из таких изданий, «вероятно, не имеют себе равных во всей истории промышленного развития» (док. № 15).

В публикуемых документах встречаются имена Хью Л. Купера (см. док. №№ 3, 4), Мориса Ллуэллина Кука (см. док. № 17) и других деятелей, которые стремились к установлению более тесных связей с Советским Союзом.

Большую работу по установлению взаимопонимания и дружеских взаимоотношений с СССР проводили в Соединенных Штатах две женщины — проф. Сьюзен Кингсбери и доктор Милдред Фэйрчальд; их деятельность также отражена в публикации. Значительный интерес представляет переписка между М. Фэйрчальд и В. И. Межлауком по вопросам научной деятельности, а также в связи с назначением В. И. Межлаука народным комиссаром тяжелой промышленности СССР (см. док. №№ 2, 18, 19).

Документы выявлены и подготовлены к печати совместно с А. А. Новиковой. Перевод с английского выполнен Т. А. Поль-Закс — бывш. иностранным секретарем В. И. Межлаука.

Ф. К. Межлаук

№ 1

Письмо В. И. Межлаука Г. К. Орджоникидзе с просьбой обсудить вопрос об участии Советского Союза в работах Первого международного конгресса по экономическому планированию[1)]

24 января 1931 г.

Дорогой Серго!

Ко мне обратилась мисс Ван Клик, вице-президент Международной ассоциации промышленных отношений. Это — одно из влиятельных обществ в экономических, т. е. по американской практике, не деловых, а более абстрактных кругах, которые занимаются исследованием разных вопросов, касающихся международных отношений в области экономики. Конгресс этого общества происходит обычно в Голландии, и отчеты о заседаниях распространяются довольно широко. В обществе этом принимают участие и целый ряд деловых людей и люди, имеющие некоторое политическое влияние в Вашингтоне. К числу членов принадлежат самые различные страны.

Ближайший конгресс будет иметь место в Амстердаме в конце августа 1931 г. В программу этого конгресса, который называется «Первый международный конгресс по экономическому планированию», входит доклад представителя СССР о наших методах планирования производства и распределения и результатах его.

Я не сомневаюсь, что опытный в экономических делах и международной обстановке товарищ, типа, например, В. В. Осинского, может принести некоторую пользу со всех точек зрения, если он примет участие в этом конгрессе. Всякая чепуха, которая написана персонально обо мне, не имеет, разумеется, никакого отношения к делу. Но использовать этот конгресс как трибуну, независимую и не связанную с экономическими органами Лиги Наций, было бы, по-видимому, полезно.

Я ответил мисс Ван Клик, что сообщил о желаниях этого общества в Москву, в дополнение к тем письмам, которые общество уже послало

в декабре в адрес Госплана, Наркоминдела, ВЦСПС и ВОКС[1]. Одновременно я сообщил, что не знаю, как правительство отнесется к этим предложениям и, в частности, сомневаюсь в том, что наши представители будут посланы в Амстердам. В письме на мое имя, которое прилагаю с прочими материалами, мисс Ван Клик пишет, что, если бы наше правительство согласилось послать своих представителей, но возражало бы против территории, то они готовы перенести свой конгресс в другую страну, которая нами будет указана.

Думаю, что следует этот вопрос обсудить и через одну из наших организаций ответить этой ассоциации на имя Ван Клик, Нью-Йорк.

Твой Валерий

г. Нью-Йорк.

ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 29, д. 86, л. 27.— Подлинник.

№ 2

Письмо Сьюзен Кингсбери В. И. Межлауку с просьбой о помощи в подготовке доклада о Советской России

24 июля 1931 г.

Дорогой г-н Межлаук, к этому письму прилагаю обещанный доклад, который мисс Фэйрчальд и я представили Ассоциации международных промышленных отношений по вопросу занятости и безработицы в довоенной и Советской России. До нас дошли слухи, что Вы находитесь в Лондоне, и этим, я знаю, объясняется то, что мы не получили ответа на нашу телеграмму, в которой мы запросили Вас, правильно ли мы указали, что все контрольные цифры за прошлое время представляют уже осуществленные показатели, за исключением цифр за текущий год и, конечно, тех, которые даются как запланированные на будущее. По нашему мнению, контрольные цифры на 1928/29 г. включают уже достигнутые показатели до 1928/29 г., но не по 1928/29 включительно. Далее, в каждую группу показателей, представленных в контрольных цифрах, мы внесли коррективы, учитывая заключительный год предыдущей группы цифр, а цифры 1928/29 года мы приняли как запроектированные. Мы также пытались во всех случаях указывать плановые цифры.

В своей книге «Экономическая жизнь Советского Союза» Кальвин Гувер говорит, что приведенные в контрольных цифрах данные за предыдущее время не представляют собой достигнутых показателей и поэтому на них нельзя полагаться. В случае, если бы мы оказались неправы в своем утверждении и если Вы нам еще не телеграфировали, не откажите в любезности телеграфировать мне немедленно по адресу — Сьюзен Кингсбери, Рокланд, Мэн. Конечно, мы, возможно, получим Ваш ответ еще до получения Вами настоящего письма. Мисс Фэйрчальд послала Вам в субботу телеграмму из Бостона. Она съездила в Бостон на субботу — воскресенье и считала, что оттуда телеграфировать вернее и дешевле. Это было 12 июля.

Я прошу Вас как об особом одолжении прочитать этот доклад внимательно и просмотреть цифры, после чего протелеграфировать мне ошибки или неточности, с указанием страницы и строчки доклада.

Мисс Ван Клик, кажется, довольна докладом, и я надеюсь, что Вы оцените его положительно. Конечно, д-р Фэйрчальд со слушателями своего семинара и мисс Смит усиленно работали над ним с 1 февраля, и д-р Фэйр-

[1] Указанные письма не обнаружены.

чальд и миссис Мисколчи проделали большую подготовительную работу для этого доклада в течение первого семестра. Мы также с самого начала учебного года отдали этой работе много сверхурочных часов,— фактически совсем как у Вас русских,— чтобы он был готов во-время. Вы не можете себе представить, какое большое удовлетворение мы все испытывали от сознания, что на основании этого доклада Советская Россия будет представлена на конференции в Амстердаме, и мы все и особенно, я бы сказала, мисс Ван Клик благодарны Вам за предоставленные нам возможности.

Конечно, мы знаем, что причина, почему мы не получили данных от Вас, это Ваша большая занятость. Несомненно, этот доклад был бы гораздо эффективнее и нам бы легче было его приготовить, если бы Вы прислали нам тот материал, который Вы рассчитывали нам прислать. Мы не удивились, узнав, что Вы в Лондоне. Я опасаюсь, что это означает то, что Англия получит все те заказы, которые могла бы получить Америка, но это наша собственная вина. И это не будет особенно хорошо ни для нас, ни для России. Однако в конечном итоге все это означает развитие торговли.

Мы очень беспокоимся, как германская ситуация может отразиться на Вашей работе, хотя я полагаю, что Белый Дом, наконец, понял необходимость приведения в порядок, по крайней мере, немецких финансов.

Еще один большой минус здесь в том, что это означает, что Вы не приедете в Соединенные Штаты, как мы, было, надеялись. Я позволила себе направить к Вам мисс Гертруду Илай, но, по-видимому, Вы будете в это время в Лондоне, судя по газетным сообщениям. Она находится в группе лиц, сопровождающих Бернарда Шоу. Мне не надо было беспокоить Вас письмом. Две другие мои подруги, мисс Грин и мисс Чоут, которые, как я надеялась, должны были поехать к Вам, решили не ехать. Мисс Грин из-за плохого самочувствия, ну а мисс Чоут уж с ней заодно. Я дала письмо мисс Вестон, которое ей, вероятно, не понадобится. Это способная молодая девушка, внучка Руфуса Чоута, она ведет большую работу по подготовке общественного мнения, доказывая целесообразность нашего вступления в Лигу Наций.

Что касается нас, то после весьма тяжелого года мы неплохо себя чувствуем. Мы обе очень устали, но не так серьезно, чтобы это возбуждало опасения. Мисс Фэйрчальд приедет сюда на будущей неделе, чтобы посвятить две недели сосредоточенной работе над нашей книгой, которую мы решили выпустить этим летом. Наконец, у нас еще две серьезные статьи готовы для печати, а еще две почти закончены.

Передайте, пожалуйста, наш сердечный привет миссис Межлаук и Вашей дочери, а также мистеру Гагарину.

И, судя по всем сообщениям, я могу поздравить Вас с тем, как успешно двигается Ваша работа.

Со всей сердечностью
Ваша Сьюзен М. Кингсбери

ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 29, д. 84, лл. 21—22.— Подлинник; перевод с английского.

№№ 3—4

Переписка В. И. Межлаука с руководителем американской компании «Алюминиум лимитед» Д. Лидом о заключении сделки на поставку алюминия в Советский Союз и дальнейшем расширении торговли

14 июля — 21 августа 1932 г.

№ 3

Джонас Лид — В. И. Межлауку

14 июля 1932 г.

Дорогой г-н Межлаук,

Полковник Хью Л. Купер, который через несколько дней выезжает в Россию, любезно согласился доставить Вам это письмо.

Благодаря очень ценному сотрудничеству с Вами, моя компания «Алюминиум лимитед» и Амторг в Нью-Йорке через м-ра Богданова подписали соглашение о покупке алюминиевого кабеля для электролиний Свирьстроя на сумму 1,5 млн. долл.

Поскольку я являюсь тем лицом, которое начало эти переговоры и переговоры по заключению других сделок между Советской Россией и моей компанией, Вы поймете мое полное удовлетворение.

Единственное, что сейчас осталось сделать, это получить разрешение правительства Канады на импорт вашего угля.

После недолгого пребывания в Нью-Йорке, на следующей неделе я выезжаю в Канаду и по возвращении после окончания Оттавской конференции [2)] надеюсь, что вопрос будет решен положительно.

Как я уже заявил вчера м-ру Богданову, это не единственный бизнес, который мы можем иметь с Вашей страной. Я имею и другие важные планы по снабжению Вас дополнительным количеством нашего материала, в котором Вы нуждаетесь, но для этого мне необходимо поехать в Москву и обсудить этот вопрос с Вашими официальными лицами. Я имею, например, план приобрести излишки пиломатериалов, которые Вы сейчас не можете экспортировать вследствие эмбарго, и взамен дать Вам алюминиевую продукцию, в которой Вы очень нуждаетесь.

Полковник Купер любезно согласился обсудить этот вопрос с Вами, потому что знает, как энергично я работал по установлению деловых связей с Россией в течение семи лет моей работы в компании, и нет надобности говорить, что я еще больше буду обязан Вам за все то, что Вы сможете сделать по этому вопросу.

С лучшими пожеланиями и надеждой, что Вы пребываете в добром здоровьи, остаюсь, поверьте мне, преданный Вам

Ваш Джонас Лид

ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 29, д. 87, лл. 137—138.— Подлинник; перевод с английского.

А. И. Микоян и В. И. Межлаук. 1935 г.

На Пушкинской выставке в Москве 17 февраля 1937 г.
Слева направо: Я. Б. Гамарник, В. И. Межлаук и К. Е. Ворошилов.
Пояснения дает нарком просвещения А. С. Бубнов.

№ 4

В. И. Межлаук — Джонасу Лиду

21 августа 1932 г.

Дорогой г-н Лид!

Ваша телеграмма от 11 июля получена мною лишь сегодня по возвращении на работу из отпуска. Одновременно я получил Ваше письмо от 14 июля, переданное мне полковником Хью Л. Купером [1].

Хочу поблагодарить Вас за Вашу любезность, проявившуюся в информировании меня о сделке, заключенной Вашей компанией с Амторгом (Амторг Трейдинг Корпорейшн), а также о Ваших планах заключения сделок в дальнейшем.

Я переслал Ваше письмо в соответствующие инстанции с просьбой уделить Вашему интересному плану все внимание, которое он заслуживает.

Искренне Ваш

В. И. Межлаук

ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 29, д. 87, л. 139.— Копия; перевод с английского.

№ 5

Рекомендательное письмо В. И. Межлаука с просьбой оказания содействия американским ученым С. Кингсбери и М. Фэйрчальд

26 августа 1932 г.

Предъявительницы сего, профессор Кингсбери, директор Отдела социальной экономики «Брин Мор Колледж» в США и ее ассистент доктор Фэйрчальд приехали в СССР с целью изучения советской экономики, нашего планового хозяйства и методов планирования. Они интересуются нашим новым строительством и производством и желают осмотреть ряд наших заводов и фабрик, а также ряд институтов и учреждений, связанных с народным образованием, здравоохранением и т. п.

Прошу оказывать им содействие и уделять им соответствующее внимание при посещениях и беседах в разных предприятиях и учреждениях.

Заместитель председателя Госплана СССР В. И. Межлаук

ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 29, д. 84, л. 121.— Копия.

№ 6

Отношение В. И. Межлаука в Иностранный отдел Мособлисполкома о выдаче выездных виз С. Кингсбери и М. Фэйрчальд

14 сентября 1932 г.

Прошу оформить выездную визу американских гражданок проф. Кингсбери и д-р Фэйрчальд, которые после полуторамесячного пребывания в СССР возвращаются в США. Они летят в Берлин 18 утром (через Великие Луки).

Проф. Кингсбери и д-р Фэйрчальд, директор и ассистент Отдела социальной экономики колледжа «Брин Мор», приехали сюда вместе с проф.

---

[1] См. док. № 3.

М. Ван Клик (см. наше письмо от 1/IX — с. г.) с целью установления с нами более тесной связи в области экономики и народнохозяйственного планирования. Они провели ряд бесед с ответственными работниками Госплана СССР и подобрали материалы по вопросам труда, кадров и культурно-просветительной работы, которые им нужны для издания книги «Женщина в советской промышленности».

Заместитель председателя Госплана СССР В. И. Межлаук

ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 29, д. 84, л. 133.— Копия.

№№ 7—8

Переписка В. И. Межлаука с президентом компании «Форд Мотор Компани» Э. Фордом о сотрудничестве с Советским Союзом

14 сентября — 5 октября 1932 г.

№ 7

Эдсел Форд — В. И. Межлауку

14 сентября 1932 г.

Мой дорогой г-н Межлаук,

Я только что имел интересную беседу с мистером Олейниковым, который собирается вернуться в Россию. Наши ответственные работники сожалеют, что он уезжает, так как он был очень приятным представителем, сотрудничавшим с нами во всех отношениях.

Мы знаем, что его преемником назначен мистер Ф. М. Ломанов, и я уверяю Вас, что мы будем рады оказывать ему всяческую помощь в его работе здесь.

С наилучшими пожеланиями, остаюсь преданный Вам

Эдсел Форд, президент

ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 29, д. 87, л. 200.— Подлинник; перевод с английского.

№ 8

В. И. Межлаук—Эдселу Форду

5 октября 1932 г.

Мой дорогой г-н Форд!

Хочу поблагодарить Вас за Ваше письмо от 14 сентября и за то, что Вы любезно информировали меня об отъезде мистера Олейникова и назначении его преемником мистера Ломанова. Я слышал, что он тем временем уже прибыл в Детройт.

Хотя, как Вы знаете, я сейчас очень сильно занят подготовкой плана 1933 г. и предварительной работой по Второму пятилетнему плану и не занимаюсь вопросами технической помощи различным отраслям промышленности, я, однако, был очень рад услышать о развитии Ваших деловых связей с нашим автомобильным трестом.

С чувством благодарности за Вашу позицию дружественного сотрудничества с представителями автомобильной промышленности СССР и с приветом от меня лично, преданный Вам —

В. И. Межлаук

ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 29, д. 87, л. 201.— Копия; перевод с английского.

№ 9—10

Из переписки В. И. Межлаука с американским банкиром У. В. Ланкастером о расширении торговых отношений между США и СССР

1—22 ноября 1932 г.

№ 9

Уильям В. Ланкастер — В. И. Межлауку

1 ноября 1932 г.

Дорогой г-н Межлаук!

Со времени возвращения в Соединенные штаты я не писал Вам в надежде, что ситуация прояснится и это даст мне возможность написать Вам более определенно. Осуществление этих надежд, однако, настолько затянулось, что я решил больше не ожидать.

Я убедился по возвращении, что создались определенные настроения против займов иностранным государствам, и что лидеры как республиканской, так и демократической партий высказались против заграничных займов. В платформе демократической партии имеется декларация против заграничных займов, и этот вопрос, вероятно, будет передан на рассмотрение конгресса следующего созыва.

Политические деятели лишь отражают общественное мнение. При таких обстоятельствах Вы, несомненно, согласитесь, что план, который Вы предложили мне под названием план № 1, неосуществим [3]. Это никоим образом не бросает тень на кредитоспособность Вашего правительства, отличная финансовая репутация которого в отношении платежей по своим обязательствам отмечена с положительной стороны всеми американскими банкирами и бизнесменами, которые уделяли этому все свое внимание.

Обозревая создавшееся этой осенью положение, я с убеждением могу заявить, что о займе не может идти речь, если значительная часть соответствующей суммы не будет затрачена в Соединенных Штатах. Насколько мне удалось выяснить, сомнительно даже, можно ли будет в свете кажущегося медленного улучшения положения в Соединенных Штатах, разместить какой-либо значительный заем для финансирования американской торговли с СССР. Лица, которые запросили «Реконстракшн Файненс Корпорейшн» («Финансовая корпорация по реконструкции»), сообщают мне, что оттуда вряд ли можно ожидать какой-либо помощи. Тем не менее дело такого финансирования все-таки кажется заманчивым небольшой группе американских бизнесменов, которые делают энергичные попытки добиться подобного финансирования.

Из моих бесед в Москве я, однако, вынес впечатление, что займы, которые могли бы быть использованы только для того, чтобы финансировать закупки в Соединенных Штатах, не представляли бы интереса для СССР и, соответственно с этим, я не делал шагов, чтобы зондировать почву в этом направлении. Вы помните, что мы с Вами назвали такой план — планом № 2.

Несмотря на выраженное мною выше сомнение, я сожалею, что СССР не расположен далее развивать план № 2. Хотя у меня и нет определенного впечатления о том, как на этот план смотрят американские банкиры, вряд ли стоит выяснять их отношение к этому, поскольку я знаю, что план № 2 был бы неприемлем для Москвы.

Мое чувство сожаления усугубилось на прошлой неделе, когда я услышал о запросах на большое количество сахара, поступивших на Нью-Йоркский рынок. Сахар можно достать, но возникают трудности в отношении того, какой метод будет использован для финансирования значительных закупок. Если бы план № 2 получил успешное развитие, то в данном случае

он был бы взаимно выполним для Нью-Йорка и Москвы. Возможно, что метод финансирования этой сделки будет найден людьми, заинтересованными в продаже сахара, но я совершенно уверен, что расходы покупателя по финансированию будут гораздо больше, чем в случае существования нормальных финансовых отношений.

Хотя я и не могу с абсолютной уверенностью утверждать, но казалось бы реально возможным, что удовлетворительное решение в отношении плана № 3, принесло бы, пожалуй, значительную экономию СССР в сделках, подобных вышеуказанной, и я полагаю, что имеется и много других, из которых и американские поставщики и русские покупатели извлекли бы огромную пользу.

Из разных источников мне сообщают об имеющихся, по мнению тех, кто об этом сообщает, признаках делового оживления в США, и я замечаю, что и в Берлине и в Париже, так же как и в Лондоне, считают, что Соединенные Штаты определенно «сделали поворот» в сторону улучшения. Я бы не решился класть на весы факты, на которые обратили мое внимание, но оптимизм, который я разделяю с моими соотечественниками, делает меня склонным предвидеть определенную перемену к лучшему.

Мое мнение подкрепляется тем, что, на мой взгляд, интерес к развитию рынка в России для американских экспортеров стал меньше, хотя маленькая, но лояльная группа лиц, видимо, продолжает агитировать за улучшение торговых связей с СССР. Однако влияние этой группы может быть эффективным лишь в том случае, если американские деловые круги определенно почувствуют, что им нужен русский рынок.

Что касается политических вопросов, которые Вы и я затронули, то внимание общественности так занято внутренними делами, что, кажется, не проявляется интереса к делу признания России. Г-н Гувер постепенно преуменьшал важность внешней торговли как фактора, способствующего окончанию депрессии. Я вижу, что он изо дня в день уменьшал свою оценку американской внешней торговли сначала от 10% до 8%, а совсем недавно — до 7%.

Г-н Рузвельт не стал высказываться по вопросу о признании и желает, чтобы ему дали больше времени для изучения этого вопроса. Я сомневался бы,— по тем сведениям, которые у меня имеются,— уделяет ли в настоящее время какой-либо общественный деятель в Америке внимание вопросу достижения более близких отношений с СССР. Некоторые из тех, кто обращает внимание на этот вопрос, пожалуй, немного реагируют,— одни положительно, другие отрицательно,— но они немедленно забывают об этом и начинают интересоваться финансированием сельского хозяйства, безработицей в промышленности, вопросом о том, кто владеет общественными предприятиями, тарифом, стабильностью валюты и т. д. Возможно, однако, что после выборов, возможно весной, вопрос о признании вновь станет важным.

В заключение моего письма я хотел бы подчеркнуть то, что я высказал по поводу плана № 1. В случае, если Ваше правительство когда-либо проявит интерес к планам № 2 и № 3, я надеюсь, что Вы, не колеблясь, свяжетесь со мной, ибо мой интерес к развитию лучших взаимоотношений между нашими двумя странами не уменьшился, и лично я убежден сейчас, как я был убежден на протяжении многих лет, что развитие лучших отношений было бы выгодным и для моих американских соотечественников и для народа Вашей страны.

С наилучшими пожеланиями лично Вам,

остаюсь очень преданный Вам Ваш Уильям В. Ланкастер

ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 29, д. 87, лл. 223—226.— Подлинник; перевод с английского.

№ 10

В. И. Межлаук — Уильяму В. Ланкастеру

22 ноября 1932 г.

Уважаемый г-н Ланкастер,

Я получил Ваше письмо от 1 ноября и надеюсь, что положение к настоящему времени уже выяснилось, после того как выборная кампания закончена и Ваша страна возвращается к нормальной жизни. Я не думаю, однако, что ближайшее будущее принесет какие-нибудь особые, резкие перемены во внутренней или внешней политике Соединенных Штатов, так как мировая конъюнктура кажется весьма запутанной. Требование Англии и Франции предоставить им отсрочку платежей по их обязательствам перед Соединенными Штатами, неуверенность в деле Мировой экономической конференции, давление банков Соединенных Штатов на «Бэнк оф Инглэнд» или английское правительство по вопросу о восстановлении золотого стандарта и т. д., я полагаю, потребуют некоторого времени для урегулирования.

Мне кажется, что то или иное разрешение этих очень важных проблем, без сомнения, окажет влияние на «модус вивенди» между нашими странами. Я могу легко понять отвращение, которое питает широкая общественность в Соединенных Штатах к иностранным займам, вследствие того, что прежний опыт США в этом отношении оказался не очень удовлетворительным, так как деньги и проценты с сумм, инвестированных в европейские дела во время войны и в Германии после войны, не выплачиваются регулярно, а иногда и совсем не выплачиваются. Более того, кое-кто в Европе старается найти юридическое обоснование для своей линии поведения.

Схемы, которые мы обсуждали во время Вашего пребывания в Москве, имеют весьма существенные различия, но в одном пункте они совпадают, а именно, в вопросе урегулирования наших взаимных претензий, который включает весьма важный вопрос о наших взаимных обязательствах. В каждой из этих схем наши обязательства довольно значительны, и поэтому мы считаем, что одни лишь коммерческие кредиты для наших закупок в Америке недостаточны, чтобы покрыть наши издержки, связанные с нашими обязательствами, которые возникли бы из осуществления таких схем, которые выдвигались в процессе обсуждения.

С другой стороны, мы считаем вопрос хороших коммерческих кредитов в Соединенных Штатах очень важным фактором для развития наших торговых взаимоотношений с Соединенными Штатами и их предоставление в сочетании с расширением нашего экспорта в США было бы весьма существенно для восстановления нашей торговли с США в объеме 1930 года или даже более.

К сожалению, мне приходится констатировать, что получаемая мною из различных иностранных экономических журналов и бюллетеней информация не указывает на какое-либо действительное или постоянное улучшение мировой экономической конъюнктуры, за исключением случайных сезонных или местных улучшений, и все признаки говорят за то, что эта зима будет очень тяжелой для внешнего мира.

Я надеюсь, что г-н Рузвельт будет теперь иметь время для изучения русского вопроса так тщательно, как он этого хотел бы, и сможет сделать все выводы, которые будут благотворны для Соединенных Штатов. Мировая политическая ситуация, по моему мнению, продолжает оставаться очень благоприятной для восстановления нормальных взаимоотношений между нашими странами.

В настоящее время, когда возбуждение от президентских выборов улеглось, я надеюсь, наступил момент для объективной оценки всех внутренних и внешних дел.

Я ценю Вашу любезность, выраженную в Вашей готовности продолжить наши беседы, если обстоятельства будут этому благоприятствовать.

Передавая Вам свой личный искренний привет, остаюсь

Ваш В. И. Межлаук

ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 29, д. 87, л.л. 214—215.— Копия; перевод с английского.

№№ 11—12

Переписка В. И. Межлаука с президентом американской компании «Дженерал Электрик Компани» Джерардом Суоупом об оказании содействия доктору У. Д. Кулиджу в его поездке по Советскому Союзу

25 августа — 3 ноября 1933 г.

№ 11

Дж. Суоуп — В. И. Межлауку

25 августа 1933 г.

Дорогой мистер Межлаук!

Я с таким удовольствием вспоминаю свою встречу с Вами, которая наполнила меня таким чувством уважения и преклонения перед Вами лично и той работой, которую Вы сейчас делаете, что я не приношу извинений за то, что даю это рекомендательное письмо моему другу и коллеге д-ру У. Д. Кулиджу, который является одним из директоров наших научно-исследовательских лабораторий.

Я рассказал д-ру Кулиджу о Вас и о работе, которую Вы выполняете, и я надеюсь, что ему представится возможность встретиться с Вами, и, если Вы сочтете нужным, Вы познакомите его с теми людьми в России, которые заняты научно-исследовательской работой, аналогичной той, которую он ведет и которой он глубоко интересуется.

Я уверен, что если у Вас найдется время, то Вы будете рады встретиться с д-ром Кулиджем, точно так же, как и я рад, давая Вам обоим возможность познакомиться друг с другом.

С выражением моего глубокого уважения и с большой искренностью Ваш

Джерард Суоуп

ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 31, д. 47, л. 112.— Подлинник; перевод с английского.

№ 12

В. И. Межлаук — Дж. Суоупу

3 ноября 1933 г.

Дорогой мистер Суоуп, я получил письмо д-ра У. Д. Кулиджа из Берлина, датированное 1 октября, вместе с Вашим рекомендательным письмом от 25 августа, которое он не смог передать мне лично, так как меня не было в Москве во время его визита. Я очень сожалею, что не встретился с мистером Кулиджем, так как несомненно это была бы приятная и интересная встреча.

Мне доставило удовольствие прочитать Ваши любезные слова о том, что Вы вспоминаете нашу встречу, и я рад, что имею возможность выразить Вам мое чувство глубокого уважения.

Искреннейше Ваш

В. Межлаук

ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 31, д. 47, л. 114.— Копия; перевод с английского.

№№ 13—14

Переписка В. И. Межлаука с руководителем научно-исследовательской лаборатории фирмы «Дженерал Электрик Компани» У. Д. Кулиджем о его поездке по Советскому Союзу

1 октября — 1 ноября 1933 гг.

№ 13

У. Д. Кулидж — В. И. Межлауку

1 октября 1933 г.

Уважаемый м-р Межлаук!

Прилагаю рекомендательное письмо от м-ра Суоупа, которое я не смог вручить Вам лично в связи с Вашим отсутствием во время моего пребывания в Москве.

Хочу лишь сказать Вам, что мне был оказан замечательный прием как в Москве, так и в Ленинграде, и мне показали все, что я хотел и имел время посмотреть.

Я встречал многих ваших ученых и на меня произвели большое впечатление проводимая ими научная работа и те шаги, которые Вы предпринимаете, чтобы еще больше расширить Ваши возможности для фундаментальных научных исследований.

Надеюсь, что Вы к нам когда-нибудь приедете и дадите мне возможность познакомить Вас с исследовательской работой, которая проводится «Дженерал Электрик К°».

Искренне Ваш У. Д. Кулидж

ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 31, д. 47, л. 107—111.— Подлинник; перевод с английского.

№ 14

В. И. Межлаук — У. Д. Кулиджу

1 ноября 1933 г.

Уважаемый м-р Кулидж!

Вернувшись в Москву после отпуска, я обнаружил Вашу любезную записку из Берлина от 1 октября [1] и рекомендательное письмо м-ра Джерарда Суоупа от 25 августа [2]. Я весьма сожалею, что упустил возможность встретиться с Вами, но в то же время Ваше описание впечатлений о поездке в Москву и Ленинград доставило мне большое удовольствие. Особенно приятно было узнать, что Вы отметили развитие у нас научно-исследовательской работы. Разрешите сказать Вам, что, по неофициальным данным, число научно-исследовательских институтов в СССР на 1 января 1932 г. было немногим меньше 900. Вы, вероятно, знаете в области электротехники два наших выдающихся института — «Всесоюзный электротехнический ин-

[1] См. док. № 13.
[2] См. док. № 11.

ститут» в Москве, и «Телемеханический институт» в Ленинграде с филиалами в Свердловске, Киеве и других городах. Функционируют семь научно-исследовательских лабораторий по электричеству — в Москве, Ленинграде, Харькове, Тифлисе — и четыре электротехнические исследовательские лаборатории в Ленинграде и Горьком (бывший Нижний Новгород). Это следует признать большим достижением ввиду того, что Советское правительство получило от старой царской России в наследство всего 2,2% вышеуказанного числа институтов, в то время как остальные 97,8% были созданы Советским правительством за период с 1918 по 1932 гг. То, что я знаю о работе Вашей лаборатории, свидетельствует об очень высоком качестве Ваших методов исследований и Ваших работ по практическому применению результатов исследований, и я думаю, что обмен опытом между Вашей лабораторией и некоторыми нашими лабораториями был бы интересен и полезен как для американской, так и для советской стороны.

Надеюсь, что в будущем появится возможность установления более тесного контакта между научными институтами Соединенных Штатов и Советского Союза.

Искренне Ваш В. Межлаук

ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 31, д. 47, л. 114,— Копия; перевод с английского.

№ 15

Письмо У. В. Ланкастера В. И. Межлауку с выражением благодарности за присылку книги «Итоги первой пятилетки» и оценкой достижений Советского Союза

8 октября 1933 г.

Дорогой г-н Межлаук!

Я получил от г-на Богданова направленные мне по Вашей просьбе «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР». Достижения, данные о которых приводятся в этой книге, вероятно, не имеют себе равных во всей истории промышленного развития. То, что я уже прочел из этого отчета, обострило мое желание прочитать все от корки до корки. Я поздравляю Вас и всех Ваших коллег, участвовавших в том огромном деле, которое Вам удалось совершить.

С сердечнейшим личным приветом, пребываю

Искреннейше Ваш Уильям В. Ланкастер

ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 31, д. 47, л. 107.— Подлинник; перевод с английского

№ 16

Письмо В. И. Межлаука У. В. Ланкастеру с выражением признательности за высокую оценку достижений Советского Союза в период первой пятилетки

1 ноября 1933 г.

Дорогой г-н Ланкастер!

С большим удовольствием я узнал, что Вы получили «Итоги выполнения первого пятилетнего плана», опубликованные Госпланом в 1933 г.

Мне кажется, что я прав, считая, что внимательное ознакомление с

одержанием указанной книги оправдает Ваше желание прочесть ее «от корки до корки».

Я с глубоким удовлетворением принимаю Ваши поздравления по поводу наших достижений в период первой пятилетки. С сердечным приветом.

Искренне Ваш
В. И. Межлаук

ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 31, д. 47, л. 108.— Копия; перевод с английского.

№ 17

Письмо инженера М. Кука В. И. Межлауку о перспективах развития советско-американских отношений

12 декабря 1933 г.

Мой дорогой г-н Межлаук!

Я Вам очень благодарен за Ваше любезное письмо от 20 ноября и проявленный Вами интерес к книге о составлении бюджета. Я уверен, что книга будет представлять интерес для Вашего народа, так как это первая попытка с нашей стороны связать финансовые операции с личной ответственностью исполнителей. Различные затраты, входящие в эти операции, группируются здесь соответственно с теми лицами, которые имеют полномочия их определять. И так снизу доверху. Я позабочусь о том, чтобы Вам был послан экземпляр немедленно после опубликования книги.

Конечно, я разделяю Ваши чувства об огромной важности установления нормальных отношений между нашими обеими странами. И теперь дело лидеров мысли обеих наций — добиться, чтобы это сближение было настолько выгодным, насколько это возможно.

Мы особенно удачно выбрали нашего первого посла. Назначение г-на Буллита должно означать хорошее начало для подготовки таких возможностей. Вам будет небезынтересно узнать, что в мае месяце 1919 г. г-жа Кук сказала г-ну Буллиту: «Вы должны быть нашим первым послом в Советской России», и он ответил: «Многое должно будет случиться, прежде чем это осуществится». Ну и что же — это случилось!

Мы будем надеяться, что в недалеком будущем развитие событий сможет опять привести Вас в нашу страну. Тем временем сотрудничать с Вами по мере того, как открываются пути для этого, будет истинным удовольствием.

С горячим приветом, искреннейше Ваш
Морис Ллуэллин Кук

ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 31, д. 47, л. 151.—Подлинник; перевод с английского.

№ 18

Письмо руководителя Отдела социальной экономики и социальных исследований «Брин Мор Колледж» М. Фэйрчальд В. И. Межлауку в связи с его назначением наркомом тяжелой промышленности и выражением благодарности за хорошую организацию поездки по Советскому Союзу

9 марта 1937 г.

Дорогой мистер Межлаук!

Мы с мисс Кингсбери прочли несколько дней тому назад в газете «Нью-Йорк Таймс» сообщение о Вашем назначении комиссаром тяжелой промышленности, и я спешу написать Вам и выразить то огромное удовле-

творение, которое мы обе испытываем по поводу этого назначения,— не только потому, что мы, как Ваши друзья, восторгаемся предоставленной Вам возможностью служить Вашей стране, но и потому, что мы преисполнены глубочайшей верой в то, какие выгоды Советский Союз получит от этого назначения.

В статье «Таймс» также указывается, что Вы, возможно, вновь приедете в Соединенные Штаты в недалеком будущем. Если это действительно возможно, то мы обе — мисс Кингсбери и я — хотим напомнить Вам, что наши двери всегда для Вас открыты, и мы надеемся, что Вы не преминете посетить нас во время Вашего пребывания в нашей стране. Мы будем чрезвычайно рады узнать, каковы Ваши планы, когда они будут составлены. Может быть, миссис Поль-Закс сможет черкнуть нам пару слов об этом, если у Вас лично не будет возможности написать нам. Мне незачем говорить Вам, как нас искренне радует мысль о возможности Вашего приезда.

Я Вам очень мало писала в этом году, и я, кажется, еще не сообщила, со времени моего возвращения в США, как неимоверно много мы обе получили от поездки в СССР прошлым летом. Я была так сильно занята этой зимой, что не в состоянии была работать над своими материалами в такой мере, в какой надеялась поработать. Я намерена посвятить этому делу все лето, а в будущем году я вычеркну из списка все прочие виды деятельности, чтобы сосредоточить все внимание на этой исследовательской работе.

Со стороны миссис Поль-Закс было чрезвычайно любезно прислать мне весь материал, который я ей оставила. Только один комплект докладов не пришел, а именно тот, который дал мне мистер Богданов из Наркомместпрома. Я пишу письмо непосредственно г-ну Богданову с просьбой, не сможет ли он еще раз собрать этот материал и прислать мне его, так как миссис Поль-Закс вернула его ему, думая, что это должно быть его делом — переслать нам указанный материал — из-за характера содержащихся там данных. Я упоминаю об этом, так как думаю, что, может быть, возник вопрос об отправке его из страны, поскольку эти отчеты не предназначались для печати и, конечно, были устаревшими. Мистер Богданов понял, что я обещала не использовать цифры и не публиковать ничего, имеющего отношение к этим отчетам, без Вашего полного разрешения.

Однако, сами формы были бы чрезвычайно полезны мне, показывая, какого рода и какого типа отчеты составляются. Если Вам удобно разрешить отправку мне такого материала, я была бы очень признательна (я прилагаю перечень тех докладов, которые я имею в виду). Если же нет, то, как Вы знаете, я подчиняюсь Вашему решению. Мисс Кингсбери просит меня передать Вам ее поздравления, мы обе хотим выразить Вам наши горячие, наши наилучшие пожелания. Мы надеемся, что сможем выразить их Вам лично в не очень отдаленном будущем.

С большой сердечностью Ваша

Милдред Фэйрчальд, руководитель Отдела социальной экономики

ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 34, д. 70, лл. 29—31.— Подлинник; перевод с английского.

№ 19

Письмо В. И. Межлаука М. Фэйрчальд с выражением признательности за поздравления

25 апреля 1937 г.

Дорогая мисс Фэйрчальд,

Пишу просто для выражения сердечной благодарности Вам и мисс Кингсбери за Ваше любезное письмо от 9 марта. Я всегда был уверен в Вашем дружественном отношении к Советскому Союзу и лично ко мне, и для меня несомненно, что многие из Ваших добрых пожеланий, переданных через Госплан всему народному хозяйству СССР, в равной мере относятся и к тяжелой промышленности, которая составляет значительную часть целого.

Я надеюсь, что мне удастся оправдать лучшие ожидания всех искренних друзей экономического развития СССР и успешно продолжить великое дело, которое вдохновляло моего предшественника и друга покойного товарища Серго Орджоникидзе. Характер и объем стоящей теперь передо мной работы потребуют времени, превосходящего продолжительность одной человеческой жизни, и дорога, безусловно, каждая минута.

Поэтому я надеюсь, Вы не будете возражать против торопливости и краткости этого ответа на Ваше письмо. Моя поездка в США в ближайшем будущем не состоится. Если вопрос об этом возникнет, Вы будете в числе первых, которые это узнают.

Самые лучшие пожелания мисс Кингсбери и Вам

Искренне Ваш В. Межлаук

г. Москва.

ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 34, д. 70, л. 26.— Копия; перевод с английского.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Первый международный конгресс по экономическому планированию состоялся в Амстердаме с 23 по 28 августа 1931 г. В нем приняли участие представители 24 стран, в том числе и СССР.— 5.

2) Речь идет об имперской конференции по экономическим вопросам, состоявшейся в Оттаве с 21 июля по 19 августа 1932 г. при участии Англии, ее доминионов и Индии. Надежды Д. Лида не оправдались, так как конференция приняла ряд решений, направленных против советского экспорта в Англию и Канаду.— 8.

3) Здесь и далее речь идет о различных вариантах торговых соглашений между советскими внешнеторговыми организациями и фирмами США.— 11.

«ЗОЛОТОЙ ЭШЕЛОН»

(Возвращение золотого запаса РСФСР. Март — май 1920 г.)

Немало легенд было создано о судьбе золотого запаса РСФСР, который попал в руки контрреволюции и с августа 1918 г. по март 1920 г. прокочевал по многим городам Сибири, пока, наконец, снова не стал достоянием Советской Республики. О золотом запасе упоминалось в воспоминаниях, о нем писалось в ряде книг и статей, однако эта тема еще нигде не раскрыта с должной достоверностью.

Некоторые авторы, не имея в своем распоряжении документов по данному вопросу, стали выдвигать свои предположения. Так А. Караваева [1], а затем Я. Гордон [2] утверждали, что командиром поезда являлся венгерский интернационалист Матэ Залка. В ряде книг приводились противоречивые сведения о количестве золота и времени его возвращения советскому народу.

О людях, обеспечивших сохранность золота после того как оно было отбито у Колчака, вообще ничего не говорилось.

Примером отхода от исторической правды могут служить кинофильм «Золотой эшелон», не так давно выпущенный на экраны страны, и книга Ю. Дмитриева «Золотой поезд» [3]. В последней опять развивается легенда о несуществующем командире поезда; время возвращения поезда переносится на лето 1919 г., в связи с чем поезд неоднократно перегружают, взрывают, золото прячут в тайге, зарывают и т. п.

Попытку изложить историю золотого запаса Республики в систематизированном виде сделали А. М. Гак, В. Н. Дворянов и Л. М. Папин в своем сообщении, опубликованном в журнале «История СССР» [4]. В сообщении в конспективном виде приведены в основном опубликованные сведения, причем также допущены неточности, связанные, видимо, с отсутствием у авторов достаточных документальных данных.

Следует отметить, что документы подпольных большевистских организаций, штабов партизанских отрядов, полков и соединений, действовавших в тылу Колчака, и тем более документы, имеющие непосредственное отношение к золотому запасу, сохранились в крайне незначительном количестве. Это обстоятельство только увеличивает их ценность и некоторыми из них, даже в косвенной форме освещающих данный вопрос, пренебрегать не следует.

---

[1] А. Караваева. О Матэ Залка. «Знамя», 1938, № 8, стр. 181—186.
[2] Я. Гордон. Матэ Залка. М., 1956.
[3] Ю. Дмитриев. Золотой поезд. М. Трудрезервиздат, 1959.
[4] «История СССР», 1960, № 1, стр. 137—143.

Авторы сообщения рассказывают о борьбе коммунистов и партизан Сибири за возвращение золотого запаса, используя только воспоминания. Между тем, еще в 1959 г. были опубликованы интересные документы о партизанском движении в Приангарье, которые воссоздают довольно полную картину успешных действий советских войск Северо-восточного партизанского фронта Сибири, созданного и руководимого подпольными большевистскими организациями Восточной Сибири, в частности, Иркутским губкомом партии во второй половине декабря 1919 г.[1].

Из документов следует, что без героических усилий партизанских групп: Н. А. Бурлова — на Тулунском направлении в 370 *км* от Иркутска, К. Мясникова и Н. В. Дворянова — в пределах Балаганского уезда и Н. А. Каландарашвили — непосредственно на подступах к Иркутску по Якутскому тракту, не могло быть и речи об успехе восстания рабочих в Черемхово и Иркутске задолго до прихода туда частей Красной Армии. Следовательно, они сыграли большую роль в аресте Колчака и возвращении золотого запаса советскому народу.

Более того, 3 января 1920 г. Временный центральный военно-революционный совет Северо-восточного фронта, учитывая успехи группы Н. А. Бурлова (к тому времени уже командующего Окинским фронтом), дал ему указание предъявить белочехам требование о выдаче Колчака и золотого запаса[2]. Следует также указать, что, хотя фактически золотой запас с января 1920 г. находился в ведении Иркутского ревкома, его охрана была смешанной (чехи и красногвардейцы) вплоть до 4 марта, когда из Иркутска ушла на Восток последняя чехословацкая часть.

Недавно найденные нами документы о золотом запасе РСФСР, позволяют уточнить и дополнить ранее имевшиеся сведения и составить хронику событий, которая внесла бы полную ясность в историю вопроса.

Золотой запас РСФСР попал в руки контрреволюции в августе 1918 г., когда вслед за провокационным мятежом чехословацкого корпуса в Поволжье вспыхнуло пламя гражданской войны. Об этом факте сообщают многие воспоминания участников гражданской войны в СССР, опубликованные главным образом в двадцатых годах, и архивные документы, изданные в последнее время[3].

Публикуемые документы уточняют данные о количестве золота, захваченного белогвардейцами в Самаре и вывезенного через Самару — Уфу в Омск; о количестве золота, расхищенного Колчаком[4] и, наконец, сумму золота, возвращенного Советской Республике. Из документов явствует, что в Омск было доставлено золота на сумму 651 532 117 руб. 86 коп. (см. при-

---

[1] См. сб. док. «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии. 1918—1920 гг.», Иркутск, 1959. А. М. Гак и В. П. Дворянов обязаны были знать этот сборник, так как сами публиковали материалы о деятельности Иркутского комитета РКП(б) в период колчаковщины (см. «Исторический архив», 1960, № 4, стр. 86—94). Это, впрочем, спасло бы их от перепечатки уже опубликованных документов.

[2] См. Госархив Иркутской области, ф. р-852, оп. 1, д. 8, лл. 14—15.

[3] См., например, сборники: «Колчаковщина». Екатеринбург, 1924; «Партизанское движение в Сибири». Центрархив. М.—Л., 1925; «Последние дни колчаковщины». М.—Л., Госиздат, 1926; «Горняки Сибири. Революция и гражданская война. Профсоюзное строительство. 1919—1927». Новосибирск, 1927; журн. «Сибирские огни», 1927, № 4; Е. Якушкин. Колчаковщина и интервенция в Сибири. М.—Л., 1928; сборники: «Из Колчаковщины». М., 1931; «За власть Советов». Новосибирск, 1947; В. В. Рябиков. Центросибирь. Новосибирск, 1949; сборники: «Омские большевики в борьбе за власть Советов». Омск, 1952; «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии. 1918—1920 гг.». Иркутск, 1959.

[4] Выступая на IX Всероссийском съезде Советов, Е. Ярославский привел цифры расхищенного Колчаком золота, ссылаясь на отчет колчаковского министра финансов Бурышкина (см. «Девятый Всероссийский съезд Советов». М., 1922, стр. 40). Однако Бурышкин явно занизил эти цифры.

ложение I) [1], а при передаче золота 4 марта 1920 г. в руки Советской власти в Иркутске количество золота сократилось до 409 625 870 руб. 23 коп. Таким образом, было похищено 11 453 пуда золота, на сумму 241 906 247 руб. 63 коп. из расчета 5 руб. 50 коп. золотник [2].

Возможно, что при дальнейшем изучении вопроса сумма расхищенного золота окажется более высокой, так как выемка золота часто производилась колчаковцами без всякого учета.

Документы устанавливают, когда и сколько золота было отправлено во Владивосток для пересылки в иностранные банки, сейфы и кассы фирм и контор Америки, Франции, Англии и Японии. Они также свидетельствуют, что 10 марта 1919 г. было отправлено 1235 ящиков со слитками золота и 1 ящик с золотой монетой (см. приложение 3-е). Если добавить к ним 22 ящика со слитками золота, отправленных 8 сентября 1919 г., то общая их стоимость составит 71 515 389 руб. 74 коп. [3].

19 и 20 июля 1919 г. было отправлено 1010 ящиков и 396 двойных мешков с российской монетой на сумму 84 360 000 руб. и 249 ящиков, 352 двойных мешка и 12 одинарных мешков с иностранной монетой на сумму 40 577 839 руб. 35 коп. (см. приложение 4-е).

8 сентября 1919 г., кроме уже указанных 22 ящиков со слитками, отправлено: 9 ящиков золотых полос на сумму 529 447 руб. 23 коп., 7 ящиков с кружка́ми на сумму 525 447 руб. 23 коп. и 34 ящика разных ценностей на сумму 486 598 руб. (см. приложение 5-е).

Все это золото ушло за границу, а в обмен на него иностранные империалисты направляли Колчаку оружие, боеприпасы и снаряжение. Только во Владивостокское отделение Гонконг — Шанхайского банка из золотого запаса было депонировано чистого золота на сумму 2 560 169 долл. 9 цент. [4]. Это золото было вывезено в Гонконг 6 октября 1919 г. и впоследствии по распоряжению колчаковского Министерства финансов было переведено на личный счет финансового агента Угета.

Винтовки направлялись в адрес генерала Грэвса, командующего войсками США в Сибири. В связи с тем что прибывшее во Владивосток ору-

---

[1] Следует оговорить, что золото на эту сумму было доставлено в Омск, а в Казани его было захвачено больше, примерно, на 657 млн. руб., не считая 100 млн. руб. кредитными знаками, запасов платины, серебра и иных ценностей (см. «Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии. Хроника событий», т. II. Самара, 1929, стр. 162). Так называемое правительство «Комитета членов Учредительного собрания» (Комуч) также истратило немало золота из этого запаса.

[2] Эти итоговые цифры весьма близки к тем цифрам, которые были приведены в докладе председателя Особой комиссии по выявлению убытков, причиненных интервенцией в Омской губернии, Омскому губисполкому 30 мая 1924 г. (см. сб. «Сибревком». Новосибирск, 1959, стр. 118). В претензиях к государствам, ответственным за интервенцию и блокаду, предъявленных советской делегацией на Международной экономической конференции в Генуе 8 мая 1922 г., было указано, что Колчак незаконно изъял из российского золотого фонда 215 млн. руб. золотом, не считая 60 млн. руб. золотом, переведенных на счета своих финансовых агентов в различных городах мира.

В пояснениях к этим цифрам указывалось, что «точное количество золота, которое правительство Колчака было вынуждено перевести за границу на счета финансовых своих агентов и затем в уплату частным фирмам, нам в 1922 г. не было известно» и что «выяснение совершенно точной цифры представляет пока некоторые затруднения» (см. «Внешняя политика СССР. Сборник документов». Т. II (1921—1924 гг.). М., 1944, стр. 360—361).

[3] Согласно результатам проверки золотого запаса в мае 1919 г. (см. приложение I), золота в слитках было на сумму 95 078 493 руб. 25 коп. По результатам проверки золота в марте 1920 г. слитков осталось на сумму 13 005 359 руб. 45 коп. (см. приложение II). Кроме того, в октябре 1919 г. в Чите было перехвачено атаманом Семеновым слитков на сумму 10 557 744 руб. 06 коп.

[4] См. предисловие акад. И. И. Минца к книге Грэвса «Американская авантюра в Сибири». М., 1932, стр. XXIX—XXX.

кие хотели получить казаки Семенова и Калмыкова, которым покровительствовала Япония, а генерал Грэвс хотел доставить американские винтовки непосредственно заказчику (Колчаку), возник инцидент. Из объяснений Грэвса перед Военным департаментом США по этому вопросу следует, что эти винтовки посылались Колчаку на основании соглашения от 2 июня 1919 г. Уже 16 сентября 1919 г. генералу Грэвсу было предложено получить от колчаковцев один миллион долларов золотом и выдать требуемые винтовки [1].

Одна из последних отправок золота из подвалов Омского отделения Госбанка состоялась 18 октября 1919 г. (см. приложение 6-е), когда было увезено 172 ящика со слитками золота и 550 ящиков с российской золотой монетой, всего на сумму 43 557 744 руб. 6 коп. Но это золото по пути было захвачено атаманом Семеновым.

В ночь на 12 января 1920 г., когда золотой запас находился под смешанной охраной союзников Колчака, на перегоне между станцией Зима и Иркутском, у станции Тыреть, было похищено 13 ящиков золота на сумму 780 000 руб. (см. приложение 9-е). Судьба этого золота до сих пор неизвестна, что и породило, видимо, легенды о золоте, спрятанном в сибирской тайге.

Когда в январе 1920 г. золотой запас был отбит у колчаковцев партизанами и рабочими, большевики Сибири предприняли все меры к возвращению его в центр Советской России. В. И. Ленин, информированный о захвате у колчаковцев золота (см. док. № 1), уделял большое внимание его возвращению, охране и месту назначения.

После получения телеграммы Сибирского ревкома В. И. Ленину с просьбой сообщить место назначения поезда с золотым запасом (см. док. № 5) этот вопрос был поставлен на Политбюро ЦК партии.

20 апреля на заседании Политбюро в присутствии В. И. Ленина было принято решение считать местом назначения золотого эшелона Казань. В тот же день вечером в Сибревком за подписью В. И. Ленина была послана телеграмма:

«Всё золото в двух поездах, прибавив имеющееся в Омске, немедленно отправьте с безусловно надежной достаточной военной охраной в Казань для передачи на хранение в кладовых Губфинотдела.

Предсовнаркома
Ленин» [2].

Публикуемые документы сообщают имена тех, кто обеспечил сохранность золота и его перевозку в центр Республики. Они свидетельствуют, что перевозка столь больших ценностей по железной дороге, полуразрушенной отступавшей армией Колчака, окруженной таежными лесами, где скрывались многочисленные банды недобитого врага, была сопряжена с огромными трудностями и большим риском. Но несмотря ни на что, преодолевая взорванные колчаковцами мосты, люди, сопровождавшие поезд, в лютый мороз, порой вручную перекатывая вагоны с золотом, все же доставили золотой эшелон по назначению, в Казань. Это был поистине подвиг — подвиг, оставшийся незамеченным в те горячие, полные тревоги дни.

Героев было много. Среди них — представитель Особого отдела ВЧК

---

[1] Грэвс. Ук. соч., стр. 182—183. См. также «Исторический архив», 1960, № 6, стр. 3—28.

[2] Ленинский сборник XXXV, стр. 117.

при 5-й армии Восточного фронта А. А. Косухин [1], командир 3-го батальона 262-го Красноуфимского стрелкового полка 30-й стрелковой дивизии Н. П. Паначев [2], командир 1-го Интернационального полка Иштван Варга [3] и другие.

В связи с тем, что в литературе в качестве командира золотого эшелона фигурирует имя Матэ Залка, на этом вопросе следует остановиться особо. Матэ Залка, выдающийся революционер, боец-интернационалист, известный венгерский писатель, был в составе 1-го Интернационального полка, который нес охрану золотого эшелона на участке Ачинск — Казань [4]. Но командиром эшелона, как свидетельствуют документы, он никогда не был.

Доставка золота была возложена на группу людей. Один отвечал за хранение золота, другой — за охрану поезда, третий — за техническую исправность подвижного состава и т. д. Но одному человеку поручено было быть «главным ответственным за поезд», быть «ответственным за правильность соблюдений инструкций, существующего законоположения и действий вышеуказанных лиц» (приложение VI). Таким человеком был А. А. Косухин.

* * *

Публикуемые документы выявлены в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ЦГАОР СССР) и Центральном государственном архиве Советской Армии (ЦГАСА). Документы №№ 2, 3 были любезно предоставлены женой А. А. Косухина — Е. Н. Борисовой. Поскольку большинство документов взято из одного дела (ЦГАОР, ф. 2881, оп. 2, д. 33), полный шифр указывается только на документы из других архивов. Документы публикуются в той последовательности, как они отложились в делопроизводстве.

А. П. Кладт, В. А. Кондратьев

---

[1] Александр Афанасьевич Косухин (1900—1939) — член КПСС с 1918 г., после Октябрьской революции работал в Чрезвычайной комиссии Щигровского у. Курской губ., партизанил на Южном фронте. В мае 1919 г. был командирован на Туркестанский фронт, а оттуда — на Восточный. Как сотрудник Особого отдела 5-й армии участвовал в разгроме контрразведки Колчака и аресте министров колчаковского «правительства». В последующие годы — ответственный работник ДВР, Курской губернской чрезвычайной комиссии, Управления охраны северных границ Республики и гражданских учреждений Курска.

[2] Николай Павлович Паначев (род. в 1888 г.) — член КПСС с 1918 г. В рядах 30-й стрелковой дивизии сражался всю гражданскую войну. Награжден орденом «Красного Знамени». В настоящее время персональный пенсионер.

[3] Иштван Варга (род. в 1894 г.) — член КПСС с 1920 г. В 1916 г., будучи офицером австро-венгерской армии, попал в русский плен. Царское правительство, а затем белогвардейцы упрятали его в концентрационный лагерь под Красноярском. Бежав из лагеря, вступил в Красную Армию, формировал 1-й Интернациональный полк. После 1920 г. сражался с басмачами в Средней Азии, затем был на партийной и советской работе.

[4] Подробнее см. А. П. Кладт, В. А. Кондратьев. Братья по оружию. Соцэкгиз, 1960.

№ 1

Из телеграммы Сибирского ревкома В. И. Ленину о захваченном у колчаковцев золоте[1]

17 февраля 1920 г.

...Для Вашего сведения сообщаем [о] находящихся [в] нашем распоряжении ценностях, захваченных от павшей власти. На вокзале в Иркутске находится в вагонах под смешанной охраной нашей и чехов [1] запас золота по оценке пять рублей пятьдесят копеек золотник [в] слитках — на тринадцать миллионов пять тысяч триста пятьдесят девять рублей сорок пять копеек, в монете — на триста девяносто шесть миллионов шестьдесят две тысячи семьсот сорок три рубля семьдесят восемь копеек; всего на четыреста девять миллионов шестьдесят восемь тысяч сто три рубля двадцать три копейки.

Л. 17.— Копия.

№ 2

Удостоверение А. А. Косухину о предоставлении ему чрезвычайных полномочий при перевозке золотого запаса РСФСР из Иркутска в Казань

14 марта 1920 г.

г. Иркутск.

Предъявитель сего, тов. Косухин Александр, является старшим ответственным представителем от Особого отдела ВЧК при 5-й армии при золотом запасе РСФСР, отправляющемся из Иркутска в Москву.

Тов. Косухину как главе, ответственному за поезд, предоставляются права:

1) Контроля поезда во всех отношениях.

2) При случае каких-либо преступлений со стороны сопровождающих поезд — арестов.

3) Пользования: а) телеграфом и прямым проводом, б) продовольствием для поезда за плату по интендантским ценам от сельских, уездных и губернских продкомов, в) вне всяких очередей передвижным составом до Москвы и обратно до Иркутска, а потому от имени Реввоенсовета 5-й армии всем комендантам станций, военным и гражданским властям предлагается оказывать тов. Косухину самое широкое содействие в его требованиях и просьбах, что подписями и приложением печатей удостоверяется.

Член Реввоенсовета 5-й армии Позерн
Председатель Иркутского губревкома — Я. Янсон
Военком Госкона 5-й армии Пичугин
Нач. отдела ВЧК при 5-й армии [*подпись*] [2]
Начальник гарнизона гор. Иркутск Грязнов

Архив Е. Н. Борисовой.— Подлинник.

---

[1] Опущен текст о наличии советских денежных знаков в Иркутске.
[2] Подпись неразборчива.

№ 3

Доклад А. А. Косухина начальнику Особого отдела ВЧК при 5-й армии об охране поезда с золотым запасом

Не ранее 22 марта 1920 г.[1].

Приняв на себя обязанности, согласно Вашей телеграммы от 9 марта с. г. за № 107 [2], представителя при поезде золотого запаса РСФСР, отправляющегося на запад, я получил утверждение старшим ответственным представителем: Иркутским губревкомом, Госконом 5-й армии. Первой моей задачей было создание хорошего аппарата охраны поезда, контроля его и осведомительной службы.

1. Поезд с золотым запасом охраняется 3-м батальоном, 262-го полка, 30-й дивизии. Это вполне надежный и боеспособный батальон, во главе которого стоят старый испытанный товарищ военком и комбат, показавший свою истинную принадлежность к Советской власти на красном фронте. Батальон составляет 671 человек, в том числе 45 кавалеристов.

Следование поезда с золотым запасом таково: впереди идет указанный [командир] с ротой охраны до 150 человек; во время движения на крышах вагонов, на задних тормозах и на паровозе находятся часовые и во время стоянок часовые у вагонов; впереди — пулемет с командой и патруль около поезда. Для всяких надобностей между паровозом, караульной командой и вагоном ответственных представителей есть телефонное сообщение.

Через пролет от поезда золотого запаса следует поезд с остальной охраной, и последний догоняет первый для смены караула и т. п. В таком положении находится охрана поезда.

2. Контроль поезда производится следующим образом: не менее трех тщательных осмотров в сутки вагонов с золотым запасом, т. е. замков, пломб (с каждой стороны вагона есть по одному замку и по две пломбы Госкона и Госбанка), стен, полов и крыш вагонов во время стоянки поезда продолжительное время (например, сутки). Во время движения поезда на малых остановках делаются беглые осмотры, т. е. осматриваются только пломбы и замки, и на продолжительных, как указано выше, сверх трех обязательных осмотров, делаются такие же осмотры в зависимости от числа продолжительных стоянок — 15—20 мин.

После каждого осмотра делается пометка в постовой ведомости и в актовой книге. Допуск к вагонам дается по особому пропуску комбата и осмотр делается завпоездом или его заместителем в присутствии (обязательно одного представителя) от контроля двух сотрудников-счетчиков. Особый осмотр производится только внешний. В случае же необходимости внутреннего осмотра вагонов, то таковые могут быть только с ведома представителя от Особого отдела и в его присутствии, а также и в присутствии одного или двух лиц от охраны; при всяких внутренних осмотрах, т. е. вскрытиях вагонов, составляются акты и скрепляются надлежащими подписями присутствовавших при осмотрах.

3. Осведомительная служба в настоящее время налажена отлично.

4. При поезде находятся следующие начальствующие лица и представители:

1) Представители от желдороги, начальник и комиссар поезда. На обязанности первого лежит ответственность за техническую исправность поезда и правильное продвижение последнего. При следовании поезда в днев-

---

[1] Датируется по времени отправления поезда из Иркутска.
[2] Телеграмма не обнаружена.

ное время он идет 20, в ночное — 10 верст, согласно максимальной нормы. Машинисту дается особое предупреждение под расписку о том, что в случае недосмотра в чем с его стороны, последний подвергается суду.

В поезд золотого запаса никакие посторонние лица, будь то ответственные работники, для проезда не пускаются. На обязанности комиссара поезда лежит смотреть за правильным соблюдением своих обязанностей начальником поезда. Оба назначены по распоряжению особоуполномоченного Наркомпути Рудого.

2) Представители от Иркутского губфинотдела: заведующий поездом, его заместитель, сотрудники. Первый ответствен за целость, сохранность и доставку золота, второй как заместитель тоже. Остальные сотрудники являются счетчиками, на обязанности которых лежит считать при вскрытиях вагонов ящики и проверять вагоны при внешних осмотрах.

3) Представители Госкона, на обязанности которых лежит следить за правильностью действий сотрудников Иркутского губфинотдела.

4) Уполномоченный Особого отдела ВЧК при 5-й армии, на ответственности которого как старшего ответственного представителя при золотом запасе лежит контроль действий всех вышеуказанных лиц, включая комбата, и вся инициатива по организации того или иного аппарата или части его; решающее право в более или менее важных вопросах находится в руках последнего и как старшего представителя, и как военной власти.

Вот в каком положении находится поезд с золотым запасом Республики, следующий на запад.

Старший ответственный представитель
Особого отдела при 5-й армии — А. Косухин

Архив Е. Н. Борисовой.— Подлинник.

№ 4

Телеграмма заместителя наркома финансов РСФСР С. Е. Чуцкаева Сибирскому ревкому о месте назначения возвращаемого золота

30 марта 1920 г.

Все золото, находящееся в Иркутске, без остатка должно быть срочно и спешно эвакуировано в Европейскую Россию, пока в Казань. Что касается серебра, то оно может быть оставлено в распоряжение Сибревкома для торговли с Монголией[2].

Замнаркомфин — Чуцкаев

Л. 1.— Отпуск телеграммы.

№ 5

Телеграмма Сибирского ревкома из Омска В. И. Ленину с просьбой сообщить место назначения поезда с золотым запасом

17 апреля 1920 г. 11 час. 30 мин.

Прибыл из Иркутска в Омск эшелон с золотом. Сообщите, куда его направлять — в Москву или в Казань.

Отвечайте срочно.

ЦПА ИМЛ, ф. 461, ед. хр. 28971, л. 1.— Дешифрант.

№ 6

Телеграфное сообщение В. И. Ленину о выходе поезда с золотым запасом из Омска в Москву

21 апреля 1920 г., 19 час. 45 мин.

Москва. Кремль. Вне очереди, срочно. Товарищу Ленину.

Эшелон особой важности № 10 950 вышел [из] Омска 21 апреля в 20 час. московского времени на запад.

Заведпоездом Казановский
Статпредособот ВЧК при 5-й армии Косухин
Комиссар поезда В. Дидюк

Л. 19.— Телеграфный бланк.

№ 7—12

Телеграммы В. И. Ленину и в Наркомфин РСФСР о движении поезда с золотым запасом

№ 7

26 апреля 1920 г.

25 апреля [в] 16 час. московскому времени поезд миновал Златоуст.

Л. 18.— Дешифрант.

№ 8

26 апреля 1920 г., 16 час. 15 мин.

Эшелон № 10 950 26 апреля в 16 час. московского времени проследовал Уфу.

Л. 12.— Дешифрант.

№ 9

28 апреля 1920 г., 22 час. 25 мин.

Эшелон № 10 950 28 апреля [в] 21 час. московского времени проследовал Абдулино.

ЦПА ИМЛ, ф. 461, ед. хр. 28974, л. 1.— Телеграфный бланк.

№ 10

30 апреля 1920 г.

Эшелон № 10 950 29 апреля [в] 24 час. московского времени проследовал Самару.

Л. 15.— Телеграфный бланк.

№ 11

30 апреля 1920 г., 15 час. 19 мин.

30 апреля в 16 час. московского времени эшелон № 10 950 проследовал станцию Сызрань.

Л. 20.— Телеграфный бланк.

№ 12

2 мая 1920 г., 14 час. 10 мин.

2 мая в 14 час. московского времени эшелон № 10 950 проследовал станцию Алатырь.

Л. 20.— Телеграфный бланк.

№ 13

Донесение командования 1-го Интернационального полка в реввоенсовет 5-й армии о начале выгрузки золотого запаса в Казани

5 мая 1920 г.

Из Казани.

4 мая приступили к выгрузке. Вверенный мне полк несет охрану у эшелона и в банке. Выгрузку и сдачу кончим 8 мая. Жду дальнейших распоряжений.

Временно исполняющий должность командира
1-го Интернационального полка Хедрих
Военный комиссар Михали

ЦГАСА, ф. 185, оп. 4, д. 42, л. 10.— Телеграфный бланк.

№ 14

Доклад заведующего поездом с золотым запасом Н. С. Казановского в Народный комиссариат финансов РСФСР о возвращении золотого запаса в Казань

28 мая 1920 г.

Вследствие предложения заведующего финансовым отделом Иркутского губревкома от 17 марта 1920 г. за № 281 в присутствии сотрудников Иркутского госконтроля, представителя Особого отдела ВЧК при 5-й армии, мною совместно с сотрудниками Иркутского губфинотдела тт. М. Гайским и Б. Челноковым 18 марта была произведена приемка поезда с золотым запасом Республики от заведующего поездом А. Арбатского, сопровождавшего поезд из Омска в Иркутск.

Весь золотой запас Республики, вывезенный Колчаком из Омска, по распоряжению Сибревкома должен быть отправлен обратно в его распоряжение в Омск, а затем в центр.

Приемка золотого запаса в Иркутске была произведена посредством пересчета количества ящиков, сложенных правильными штабелями в 13 вагонах американского типа.

Всего было принято нижеследующее количество ящиков, а именно:

в вагоне	№ 935 499—520	ящиков		в вагоне	№ 933 578—520	ящиков
» »	» 938 043—520	»		» »	» 933 113—520	»
» »	» 934 716—520	»		» »	» 933 546—520	»
» »	» 937 357—520	»		» »	» 934 732—519	»
» »	» 936 787—520	»		» »	» 939 863—502	»
» »	» 940 882—520	»		» »	» 933 887—600	»
» »	» 937 390—514	»				

а всего 6815 ящиков, о чем и был составлен надлежащий акт.

По имеющимся у меня данным в 6354 ящиках находится полноценной российской золотой монеты на сумму 381 234 944 руб. 65 коп.; в 262 ящиках дефектной золотой монеты на сумму 15 385 566 руб. 13 коп.; в 197 ящиках (в том числе трех ящиках с вырубками) находятся слитки, стоимость коих вместе с вырубками по документам Московской конторы бывшим отделом кредитных билетов в Омске определена в сумме 13 005 359 руб. 45 коп.; и в двух ящиках, полученных от Пермского отделения Нарбанка 1 декабря 1919 г. при эвакуации золота из Омска, находятся слитки весом в 4 пуда 29 фунтов 63 золотника, но без указания стоимости золота.

Следовательно, общая стоимость золотого запаса, возвращенного Республике, не включая сюда ценность слитков в двух ящиках Пермского отделения, составляет приблизительно 409 625 870 руб. 23 коп. по номинальной оценке.

Более точных и подробных цифровых данных по золотому запасу в настоящее время представить я не могу, так как вся переписка и книги по золоту Московской конторы, Тамбовского и Казанского отделений находятся во Владивостоке, а переписка по эвакуации золота из Самары и Омска оставлена в Иркутске Иркутским губфинотделом для составления отчета по золоту ст. кассиром отдела кредитных билетов Н. Кулябко.

После проверки наличности мест в 13 вагонах двери таковых были с обеих сторон заперты на замки и опломбированы двумя пломбами: отдела кредитных билетов Госбанка и Госконтроля. Для охраны поезда с золотым запасом в пути был назначен 3-й батальон, 262-го Красноуфимского стрелкового полка, общая численность которого была около 600 человек.

Поезд золотого запаса состоял из 26 вагонов и был составлен в следующем порядке: после паровоза находился вагон американского типа с караульной частью охраны, затем шли все 13 вагонов с ценным грузом, после которых вновь шли вагоны с охраной и затем вагоны с служебным персоналом.

На случай принятия экстренных мер для охраны поезда между паровозом, караульным помещением, дежурным по караулу (3 кл) и ответственными лицами (2 кл) во все время следования поезда существовала телефонная связь.

При поезде с золотым запасом в пути из общего состава охраны отряжалась караульная часть в количестве от 137 до 146 человек при пяти пулеметах и трех лошадях для вестовых. Остальная же часть охраны находилась во втором поезде, следовавшем вслед за золотым запасом на расстоянии одного станционного перегона.

Караульная служба при поезде с золотым запасом неслась следующим распорядком:

А) При остановках на станциях впереди поезда выставлялся один часовой; у вагона, стоящего первым после паровоза, где помещалась кара-

ульная часть охраны, выставлялся пулемет; у груженных золотом вагонов выставлялись с каждой стороны по пяти часовых, и затем один часовой и пулемет охраняли хвост поезда. Кроме того, беспрерывно совершали обход поезда патрули из шести человек.

Б) При следовании поезда в пути впереди паровоза, на площадке помещался часовой с пулеметом и один часовой с телефонистом при машинисте; на крышах 13 груженых вагонов помещались пять часовых. Кроме того, на всех тормозных площадках и в хвосте поезда помещались часовые.

Смотря по обстоятельствам, на больших станциях караул золотого запаса усиливался от 20 до 30 человек, а у груженных золотом вагонов количество часовых увеличивалось с 10 до 26, а патруль — с 6 до 18 человек.

Для сопровождения золотого запаса до места назначения Иркутским губфинотделом были командированы нижеследующие лица:

1. Заведующий поездом — сотрудник Иркутского губфинотдела Н. Казановский.

2. Заместителем завпоездом — сотрудник Иркутского губфинотдела М. Гайский.

3. Кассиром — сотрудник Иркутского губфинотдела Б. Челноков.

Счетчиками —сотрудники Иркутского губфинотдела: 4) М. Осодчий. 5) С. Неверович, 6) Е. Майоров, 7) А. Ахаимов, 8) П. Вещин, 9) И. Стеклянников.

Кроме перечисленных лиц, при поезде находились представители от Государственного контроля: 10) Н. Никольский, 11) А. Новоселов, 12) Н. Брянцев.

Представители от железной дороги: 13) Комиссар поезда — В. Дидюк, 14) Начальник поезда — ревизор 1-го участка Томской ж. д. П. Шляхетко.

Уполномоченный от Особого отдела ВЧК при 5-й армии — 15) А. Косухин.

Для каждой группы этих лиц в Иркутске были выработаны инструкции, каковые должны были служить им руководством для безопасного продвижения поезда к месту назначения. Кроме того, во время пути ответственными лицами принимались для успешного продвижения поезда, помимо инструкции, те или другие необходимые меры, вызываемые обстоятельствами.

Во все время следования поезда всеми сотрудниками Иркутского губфинотдела, сопровождающими поезд, совместно с представителями Госконтроля поочередно в количестве не менее четырех человек неслись суточные дежурства. На обязанности дежурных лежал осмотр целости пломб и замков, исправного состояния вагонов с ценным грузом и проверка количества их. Такой осмотр производился днем и ночью не менее трех раз в сутки, причем о каждом осмотре делалась соответствующая отметка в постовой ведомости у караульного начальника охраны и в актовой книге в канцелярии у заведующего поездом.

По актовой книге таких осмотров зарегистрировано с момента приемки поезда в Иркутске 148, не считая тех беглых осмотров, которые производились сопровождающими лицами на станциях при малых остановках поезда.

Во время продолжительных стоянок, вызываемых различными обстоятельствами, состав поезда с золотым запасом ставился на удобный для охраны путь, обыкновенно у воинских платформ, рядом с эшелоном охраны и в ночное время освещался свечными фонарями.

Поезд с золотым запасом отбыл со ст. Иркутск 22 марта 1920 г. в 4 часа дня в присутствии местных военных властей и на следующий день благополучно прибыл на ст. Зима, где простоял вместе с поездом охраны

в течение 11 дней, ввиду неоконченных работ по исправлению моста через реку Ию.

По исправлении этого моста и после произведенного испытания поезд с золотым запасом 4 апреля был повагонно перекатан через мост красноармейцами 3-го батальона 262-го Красноуфимского полка и рабочими, исправлявшими мост, при участии всех лиц, сопровождавших поезд. Перекатка по этому мосту началась в 9 час. 15 мин. вечера и была закончена в 3 часа ночи на 5 апреля.

Работа по перекатке была затруднительна ввиду большого подъема профиля пути за мостом, а также бывшего в то время сильного мороза, затруднявшего сделать эту работу в более короткое время, чем она была выполнена.

Переправы же поезда через реки Уду и Бирюсу, где мосты также были повреждены, производились тем же перекатным способом, повагонно, но по обводным путям, установленным по льду этих рек. Работы по перекатке вагонов на этих путях были не столь продолжительны и заканчивались в продолжение 2,5—3 часов.

Миновав все упомянутые переправы, поезд с золотым запасом беспрепятственно следовал до ст. Канск, где была сделана двухдневная стоянка для получения охраной продовольствия.

Далее на ст. Ачинск 12 апреля поезд был вновь задержан на сутки вследствие приказа Реввоенсовета 5-й армии от 12 апреля за № 43/б о смене охраны 3-го батальона 262-го полка 1-м полком имени III Интернационала. Означенная замена охраны была произведена с соблюдением всех необходимых условий для безопасного и благополучного дальнейшего следования поезда. О самой замене был составлен акт; остальной путь от ст. Ачинск до Омска был совершен без продолжительных остановок и каких-либо изменений. В Омск поезд прибыл 16 апреля в 4 часа 40 мин. дня, где поступил в распоряжение Сибревкома. По сношении Сибревкома с Москвой, через пять дней после прибытия в Омск, поезд с золотым запасом был направлен в Казань, в распоряжение губфинотдела по маршруту: Челябинск — Уфа — Чишмы — Симбирск — Алатырь.

26 апреля в 2 часа дня поезд прибыл на ст. Уфа и здесь был задержан на 2,5 суток для получения разрешения из центра об изменении маршрута поезда и направлении его не по Бугульминской дороге, как было указано центром, а по Самаро-Златоустовской — через Самару — Рузаевку.

Начальник военных сообщений при ст. Уфа, учитывая тяжесть состава поезда с золотым запасом (60 000 пуд.), имея в виду малоподъемность профиля пути Бугульминской ж. д. и неисправность некоторых мостов на таковой, предложил или изменить маршрут, направив поезд по Самаро-Златоустовской ж. д., или же разделить два состава поездов на три и направить таковые по Бугульминской ж. д.

Считая невозможным по многим соображениям дробление поезда с ценным грузом на два состава и не беря на себя ответственности за изменение маршрута, ответственные лица, сопровождающие поезд, решили испросить от Вас разрешение изменить маршрут и направить поезд по Самаро-Златоустовской ж. д. Таковое разрешение от Вас последовало, и поезд около двух часов ночи на 28 апреля отбыл со ст. Уфа по Самаро-Златоустовской ж. д.

3 мая в 11 час. 30 мин. утра московского времени поезд с золотым запасом благополучно прибыл на ст. Казань и поступил в распоряжение губфинотдела.

Начиная от ст. Омск до прибытия на ст. Казань, во все время следования поезда ежедневно ответственными лицами о его местопребывании посылались по прямому проводу уведомительные телеграммы на имя

Председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара финансов.

В Казани после подготовительных работ в губфинотделе с утра 4 мая при участии всех лиц, сопровождавших поезд, и уполномоченных от Казанского губфинотдела под руководством завгубфинотделом началась разгрузка и перевозка золотого запаса в кладовые Народного банка по заранее выработанной Казанским губфинотделом инструкции.

При разгрузке золотого запаса в г. Казани мною было заявлено заведующему губфинотделом о размещении в отдельные группы в кладовых банка 1672 ящиков с монетой в новой упаковке, 20 ящиков, возвращенных Колчаком в поезд с золотым запасом в начале января с. г., и 197 ящиков со слитками для того, чтобы в первую очередь возможно было приступить к пересмотру мешков и пересчету монеты в этих ящиках по следующим причинам: при перегрузке золотого запаса из вагонов, прибывших из Омска в Иркутск, в вагоны американского типа комиссией при этой перегрузке при вскрытии некоторых вещевых мешков было обнаружено, что в таковых мешках внутренние мешки с монетою совершенно истлели, вследствие перевозки золота в дурную погоду при эвакуации из Омска, и монета сохранялась только в мешках вещевых.

Об этом было доложено Иркутскому губфинотделу и Государственному контролю, причем было обращено внимание на то, что с наступлением нынешней весны состояние многих мешков может придти еще в большую ветхость.

Иркутским губфинотделом для обеспечения сохранности золотой монеты в мешках при ее дальнейших перевозках была предпринята упаковка 1678 мешков, прибывших из Омска, во вновь изготовленные в Иркутске 1672 ящика. Работы по упаковке были закончены в течение 5 дней.

Ввиду того что упаковка мешков с золотом по причине политических событий производилась в вагонах в спешном порядке без осмотра внутренних мешков в ящики из сырого материала, способствующего дальнейшему разрушению мешков, необходимо было бы принять меры к скорейшему приведению в порядок золотого запаса Республики.

Необходимый внутренний осмотр мешков и пересчет золота в 20 ящиках, возвращенных Колчаком в поезд золотого запаса в начале января с. г., не был произведен ввиду полной невозможности произвести таковой в пути. 197 ящиков со слитками (в том числе 3 ящика с вырубками) золота необходимо было выделить для лучшего учета золотого запаса.

При этом могу свидетельствовать, что всеми лицами, коим было поручено сопровождать поезд с золотым запасом Республики из Иркутска в Казань, как то сотрудниками Иркутского губфинотдела, Государственного контроля, представителями железной дороги, уполномоченным от Особого отдела ВЧК при 5-й армии, охраной поезда — 3-м батальоном 262-го Красноуфимского полка и 1-м полком имени III Интернационала,— свои обязанности по доставке народного достояния в целости к месту назначения и его охране исполнялись с должною серьезностью, с точным выполнением инструкций, выработанных в Иркутске, и тех мероприятий, какове вызывались в пути обстоятельствами.

При этом прилагаю:

1) Справку об эвакуации золота из Самары в 1918 г. и из Омска в 1919 г. и о его наличности.

2) Сведения об эвакуированном в Иркутск золотом запасе по данным бывшего отдела кредитных билетов Государственного банка в Омске с 12 копиями актов и приложениями к таковым.

3) Акты от 18 и 31 марта и 12 апреля 1920 г.

4) Акт о приеме золота в Казани от 8 мая 1920 г.

5) Копию инструкции, данную мне Иркутским губфинотделом как заведующему поездом.

6) Копию постановления особого совещания от 17 марта 1920 г. по вопросу об отправке золотого запаса из Иркутска и

7) Мандат, выданный мне Сибревкомом от 21 апреля 1920 г. за № 2923/с[1].

Заведующий поездом с золотым запасом
Республики Н. Казановский

28 мая 1920 г. Самара.

Лл. 24, 57—60.— Подлинник.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Справка об эвакуации золота из Самары в 1918 г. и из Омска в 1919 г. и о его наличии к марту 1920 г. в эшелоне с золотым запасом на ст. Иркутск[2]

Не ранее 8 марта 1920 г.[3]

В сентябре 1918 г. все золото, сосредоточенное в Самарской конторе Государственного банка, было по распоряжению Комуча[3)] погружено в пять эшелонов и эвакуировано на Восток. По прибытии золота в Уфу, один из эшелонов был разгружен, но затем последовало новое распоряжение Комуча об обратной погрузке, и все пять эшелонов последовали далее. В ноябре 1918 г. все золото прибыло в Омск.

Вместе с золотом из Самары были вывезены следующие документы, касающиеся золотого запаса:

1) Книги Казанского отделения Государственного банка по золоту.

2) Книги Тамбовского отделения Государственного банка по золоту.

3) Документы Московской конторы.

Все документы эти были далеко не полны, т. е. не охватывали собой всего свезенного в Самару золота. В силу сего, а также за экстренностью эвакуации Самарская контора Государственного банка учет золота, отправленного из Самары, производила без составления точных описей, а лишь счетом мест.

При отправке из Самары было актами установлено, какое именно количество мест (ящиков, мешков и сумок) находится в каждом вагоне. Окончательная сводка этих актов показывает, что из Самары золото вывезено всего в 8399 ящиках и в 2468 мешках и 18 сумках.

При разгрузке золота в Уфе было обнаружено повреждение одного ящика, вследствие чего из него высыпалась монета. При проверке этого ящика в Уфе оказалось, что из него утеряно 410 руб.

Все эти ящики, мешки и сумки полностью доставлены в Омск, где и выгружены в две кладовые при Омском отделении Государственного банка.

В апреле 1919 г. в Омске было приступлено к проверке золота, результаты коего помещены в акте от 10 мая 1919 г. и четырех приложениях к сему акту. Полному пересчету этой проверки подвергалась монета, находящаяся в поврежденных ящиках и мешках; всего около 400 мест. Остальное золото не пересчитывалось.

---

[1] Мандат не публикуется, его содержание отражено в других публикуемых документах (см. приложения V и VI).
[2] Заголовок документа.
[3] Датируется по содержанию документа.

В тех случаях, когда в поврежденном мешке или ящике оказывалась нехватка монеты, против той суммы, которая была написана на ярлыке, прикрепленном к упаковке монеты, то недостающая сумма вкладывалась вместе с перечтенной монетой в новый мешок, который затем надлежаще упаковывался. Эта недостающая монета получалась со счета переходной ценности, на каковой были зачислены выпавшие и подобранные при эвакуации золотые монеты, а затем по полному израсходованию сего счета монеты получались со счета разных выдач Омского отделения.

Неповрежденные мешки и ящики с золотом не подвергались пересчету, но все они были вскрыты для проверки исправности внутренних мешков. С ярлыков этих внутренних мешков тогда же были списаны указанные в них суммы стоимости вложенной монеты, причем все они оказались за ярлыками с надписью 30 000 руб., т. е. в каждом месте было 60 000 руб. Тем же способом были проверены места с иностранной монетой.

Те места, в коих были слитки, полосы и кружки, при проверке частично в апреле [1919 г.], а затем в июле полностью также были вскрыты и проверка показала, что все слитки, кружки и полосы находятся налицо, за исключением двух слитков, о чем и составлен акт от 4 августа 1919 г. Оценка этих слитков, полос и кружков была взята из книг Казанского, Тамбовского отделений и документов Московской конторы.

При проверке мест с монетой оказалось, что часть этой монеты дефектная, что и соответствовало указаниям, помещенным в книгах Казанского отделения. Стоимость этой дефектной монеты была определена в Омске в 15 385 566 руб. 34 коп., что было сделано путем выписки и подсчета сумм, указанных на ярлыках мест с дефектной монетой. Эта сумма не сошлась с той суммой в 15 499 049 руб. 34 коп., которая указана в книгах Казанского отделения, а именно, оказалась меньше ее на 113 483 руб. 21 коп.

Установить точно причину этого расхождения не удалось.

Итоги пересчета и проверки оказались следующие: в Омск было привезено монеты полноценной на сумму 499 435 177 руб. 65 коп., монеты дефектной на сумму 15 385 566 руб. 13 коп., монеты иностранной на сумму 40 577 839 руб. 35 коп., слитков на сумму 95 078 493 руб. 25 коп., полос на сумму 529 594 руб. 24 коп., кружков на сумму 525 477 руб. 23 коп. Итого: 651 532 117 руб. 86 коп.

Еще до производства этой проверки было отослано во Владивосток по акту от 10 марта [1919 г.] 1 236 ящиков со слитками, причем эти ящики не проверялись и не вскрывались и оценка их при отсылке не была произведена. Таковая произошла в последующем порядке на основании имевшихся документов; включена она в сведения, приложенные к акту от 10 мая 1919 г., причем на эти слитки расценка не выделена и вошла в общую стоимость слитков.

Затем была отсылка золота во Владивосток, установленная актами 19 и 20 июля[1] 1919 г., причем тогда была отослана российская золотая монета — 1010 ящиков[2] и 396 дв[ойных] мешков. Всего 1406 мест на сумму 84 360 000 руб.[3]. Также ушло золото во Владивосток по акту от 8 сентября, причем тогда было отослано слитков — 38 ящиков и разных ценностей Монетного двора и пр[очих] 34 ящика, а всего 72 ящика. Затем последовала отправка золота во Владивосток по акту от 18 октября[4], причем тогда было отослано слитков — 172 ящика, в числе коих был один ящик с вырубками; российской монеты — 550 ящиков на сумму 33 000 000 руб.

На какую именно сумму отослано слитков, полос и кружков и пр. при отправках по актам от 8 сентября и 18 октября установить точно нельзя[4)].

---

[1] В тексте ошибочно «мая». Исправлено по приложению 4-му.

[2] В тексте ошибочно «1100». Исправлено по приложению 4-му.

[3] В тексте опущены сведения об отправке 249 ящиков, 352 двойных мешков и 12 одинарных мешков с иностранной золотой монетой (см. приложение 4-е).

[4] В тексте ошибочно «8 октября». Исправлено по приложению 6-му.

Затем последовала эвакуация остального запаса из Омска, причем при перевозке золота из Омского отделения на ст. Омск в эшелон 31 октября 1919 г. обнаружена кража одного мешка с золотом, установленная актом от того же 31 октября. Стоимость украденного мешка с золотом 60 000 руб. номинальных.

Также была произведена кража 13 ящиков золота во время продвижения золота в Иркутск, при следовании золота под междусоюзнической охраной, на что имеется акт от 12 января с. г. Стоимость этих 13 ящиков золота 780 000 руб. номинальных.

16 января 1920 г. этот остаток золота прибыл в Иркутск, и здесь с 27 февраля по 8 марта происходила проверка количества мест золота, частичное вскрытие ящиков и мешков и частичный же пересчет золота и укладка золота, упакованного в одни мешки, во вновь изготовленные в Иркутске ящики.

Эта проверка установила, что в Иркутск золото прибыло в том количестве, в каком оно отправлено из Омска по акту от 7 ноября 1919 г., за исключением 13 ящиков, пропажа коих установлена по акту от 12 января [1920 г.].

Исчисление стоимости этого золота, ныне находящегося в 13 вагонах эшелона с золотым запасом, помещено в прилагаемых к сему «Сведениях об эвакуации в Иркутск золотого запаса по данным бывшего отдела кредитных билетов Государственного банка в Омске» [1].

Все книги Казанского и Тамбовского отделений, а также документы Московской конторы по золоту ныне находятся во Владивостоке.

Начальник эшелона Народного банка Арбатский
Ст. кассир Народного банка Н. Кулябко

Лл. 27—28.— Подлинник.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Сведения об эвакуированном в Иркутск золотом запасе по данным бывшего отдела кредитных билетов Государственного банка в Омске [2]

Не ранее 8 марта 1920 г. [3]

Данные, на основании коих составлена настоящая справка:

1. Акт чинов Государственного банка и Государственного контроля в Омске от 10 мая 1919 г.
2. Приложенные к сему акту и заверенные теми же чинами сведения об эвакуированном золотом запасе с двумя приложениями [5]).
3. Акт об отправке золота во Владивосток от 10 марта 1919 г.
4. То же от 19 и 20 июля 1919 г.
5. То же от 8 сентября 1919 г.
6. То же от 18 октября 1919 г.
7. Акт об отправке золота из Омска от 7 ноября 1919 г.
8. Акт о краже золота в Омске от 31 октября 1919 г.
9. Акт о краже золота в пути от 12 января 1920 г. и дополнение к нему.
10. Акт о перегрузке золота в Иркутске от 8 марта с. г.
11. Акт от 1 декабря 1919 г.
12. Акт от 6 марта 1920 г. [4].

---

[1] См. приложение II.
[2] Заголовок документа.
[3] Датируется по содержанию документа.
[4] Пункты 11 и 12 вписаны позднее как дополнение к данным сведениям.

№№ вагонов	Количество ящиков	Род ценностей и стоимость их по документам 6. отдела кредитных билетов		
		полноценная монета	дефектная монета	Слитки
935 499	520[1]	31 200 000	—	—
934 716	520	31 200 000	—	—
933 578	520	31 200 000	—	—
933 113	520	31 200 000	—	—
933 546	520	31 200 000	—	—
934 732	519	31 140 000	—	—
939 863	502	30 120 000	—	—
936 787	486	29 160 000	—	—
	34[2]	—	—	—
940 882	520	31 200 000	—	—
937 357	518	31 030 000	—	—
	2[4]	—	—	—
937 390	282	16 920 000	—	—
	4[5]	245 844руб.65коп.	233руб.	—
	228[2]	—	—	—
938 043	472	28 320 000	—	—
	48[3]	—	—	—
933 887	451	27 060 000	—	—
	149[3] в том числе 3 ящика с вырубками	—	—	—
Итого	6815	381 245 844 руб. 65 коп.	15 385 566 руб. 13 коп.	13 005 359 руб. 45 коп. +стоимость слитков, указанных в примечании №4

Подлежат исключению согласно примечанию № 5 10 490 руб.

Итого: 381 235 354 руб. [65 коп.]

Если необходимо, сделать исключение согласно примечанию[6] 410

Итого будет: 381 234 944 руб. 65 коп.

[1] В каждом из ящиков за нижеуказанными исключениями находятся монеты на 60 000 руб. номинальных.— *Примечание документа.*

[2] Полная стоимость дефектной монеты, находящейся в 34 + 228 = 262 ящиках, определена в 15 385 566 руб. 13 коп. В эту сумму входит стоимость монеты в 233 руб., вложенной в один из четырех мешков, общая стоимость полноценной монеты коих определена в 245 844 руб. 65 коп. и кои положены в вагон № 937 390.— *Примечание документа.*

[3] Полная стоимость слитков и вырубков, находящихся в 48+149=197 ящиках, определена в 13 005 359 руб. 45 коп. Все эти слитки и вырубки находятся в ящиках Московской конторы Государственного банка и принадлежали частным банкам.— *Примечание документа.*

[4] Эти два ящика получены от Пермского отделения Народного банка по акту от 1 декабря 1919 г. на ст. Новониколаевск и стоимость их неизвестна. Вес находящихся в них слитков — 4 пуд. 29 фунт. 63 золотн.— *Примечание документа.*

[5] В каждом из этих четырех ящиков находится монеты на сумму, несколько большую 60 000 руб., так как в эту сумму входит монета старого чекана. В одном из этих четырех ящиков имеется иностранная монета.— *Примечание документа.*

[6] Из сведений, приложенных к акту от 10 мая 1919 г., видно, что один из мешков должен иметь недочет в 410 руб., утеря коих обнаружена в Уфе. Находится ли этот мешок (с монетой на сумму 59 590 руб.) в вагонах эшелона или он отправлен ранее во Владивосток, установить нельзя.— *Примечание документа.*

Начальник эшелона Народного банка Арбатский
Ст. кассир Народного банка Н. Кулябко

Л. 29.— Копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1-е

АКТ

1919 г. 10 мая составлен настоящий акт в том, что согласно распоряжению Государственного банка, был проверен чинами отдела кредитных билетов и прикомандированными к Центральному управлению Государственного банка служащими местных учреждений Банка, в присутствии представителей от Государственного контроля эвакуированный из Самары золотой запас.

Проверка золотого запаса производилась следующим образом:

А. Монета в поврежденных мешках и ящиках была подсчитана посредством разгонки ее на специальных столах, причем была установлена недостача монеты, которая пополнялась: а) со счета переходящих ценностей монетою, подобранною при перевозке золота с железнодорожной станции Омск и во время работ в кладовых Омского отделения и б) со счета разных выдач монетою из оборотной кассы Омского отделения.

Со счета переходящих ценностей недостача пополнена российской полновесной монетой на сумму 1100 руб. и иностранною — тремя кружками испанских альфонсов и тремя кружками румынских франков, а со счета разных выдач российскою полновесною монетою на сумму 2755 руб.

Не покрыта следующая недостача, за отсутствием в Омском отделении соответствующей монеты: а) 44 кружка дефектной российской монеты десятирублевого достоинства, переоцененная сумма коих не определена, и иностранной: одного кружка японской иены на 9 руб. 70 коп., 9 кружков испанских альфонсов на 83 руб., одного кружка французского франка на 7 руб. 41 коп., 2 кружка румынских франков на 14 руб. 98 коп. и 4 австрийских гульденов на 31 руб. 30 коп.; всего 17 кружков на 146 руб. 39 коп.

Б. Все неповрежденные ящики и солдатские вещевые мешки с монетой были вскрыты и сумма, показанная на ярлыках, а также №№ больших и малых внутренних мешков и ящиков записывались без пересчета монеты. На ящиках ставились порядковые номера с обозначением достоинства монеты, на вещевых мешках с иностранной монетой, кроме того, привязывались ярлыки с обозначением наименования монеты по государствам, суммы и порядкового номера, а на ящиках подписывались наименования государств, в коих была выпущена в обращение данная монета.

В. Золотые слитки, полосы и кружки в 196 ящиках Казанского отделения были вскрыты и по номерам слитков были сличены с книгами Казанского отделения. В 14 ящиках Московской конторы были обнаружены слитки Монетного двора — по четыре слитка в каждом ящике. Из 197 ящиков Московской конторы со слитками частных банков были вскрыты лишь 14 ящиков, но за неимением данных о весе и стоимости каждого слитка дальнейшая работа была приостановлена. Из 34 ящиков Монетного двора были вскрыты лишь 7 ящиков, в коих оказалось: в ящике за № 1 — два золотых шара, чечевица и пластинки, принадлежащие Главной палате мер и весов; в трех ящиках за №№ 2, 3 и 4 — платиновые и золотые самородки Горного института; в двух ящиках за №№ 133 и 143 — золото в катодных полосах, в ящике за № 39 — золотые полосы от монетных переделов.

После окончания работ по проверке золотого запаса в наличности оказалось следующее количество мест: с российской монетой — 6517 ящиков, 1803 двойных и 8 одинарных мешков на сумму 499 436 117 руб. 65 коп.; с иностранной монетой — 220 ящиков, 381 двойных и 12 одинарных [мешков] на сумму 40 577 839 руб. 36 коп.; с переоцененной монетой — 261 двойных и 3 одинарных [мешков] на сумму 15 385 566 руб. 13 коп., со слитками — 391 ящик, 9 ящиков с полосами на сумму 529 594 руб. 24 коп., 7 ящиков с кружками на сумму 525 447 руб. 23 коп., 34 ящика с ценностями Монетного двора и 3 ящика с 17 почтовыми посылками из лабораторий на имя Монетного двора на сумму 486 598 руб. Вышеуказанное количество мест с присоединением 1236 ящиков, отправленных во Владивостокское отделение,

согласуется с данными о количестве мест, обозначенных в актах по перевозке золотого запаса из Самары и документами Казанского отделения, если принять во внимание, что из общего количества привезенных в Омск мешков с золотой монетой было в наличности 5 (пять) одинарных мешков и что при переложениях монеты из 18 кожаных сумок, из мешков в ящики и обратно из ящиков в мешки количество ящиков увеличилось на 18, одинарных мешков также на 18, а двойных мешков уменьшилось на 18.

По документам Казанского отделения ящиков со слитками, полосами, кружками и ценностями Монетного двора эвакуировано 1679. Исходя из этого количества ящиков и принимая во внимание, что этих ящиков имеется в настоящее время в кладовых Омского отделения 444 ящика, необходимо предположить, что из 1235 ящиков, отправленных во Владивостокское отделение, один ящик имеется с монетой.

Сумма полноценной российской монеты (499 435 177 руб. 65 коп.) была выведена по наличию мест, находящихся в кладовых Омского отделения (т. е. посредством умножения числа мест на 60 000 руб., заключающихся в каждом мешке, с прибавлением к ним сборных мешков на неполные суммы), причем один мешок, из которого согласно акту, составленному в Уфе, было похищено монеты десятирублевого достоинства на 410 руб. и который при проверке золота не был обнаружен (вследствие чего был помещен в штабель мешков с полными суммами без недочета), считался в сумме 59 590 руб.

Суммы иностранной и переоцененной монеты были выведены на основании записей, производившихся при проверке золота.

Суммы, указанные лабораториями на 17 почтовых посылках (499 898 руб.), находящихся в трех больших ящиках, не согласуются с общей оценкой (486 598 руб.), произведенной Московской конторой, на 13 300 руб.

При сем прилагаются сведения о наличности эвакуированного в Омское отделение золота и две ведомости иностранной монеты.

Чины Государственного банка:

Ст. кассир Н. Кулябко
Ст. контролер Гусев
Контролер I разряда А. Окулик
Кассир Самарской конторы Челноков
Контролер II разряда Кузьмин

Чины Государственного контроля:

Данные, по коим выведены суммы и помещены в настоящий акт, проверены на выдержку, количество мест с ценностями удостоверяется.

Ревизор Березин
Пом. ревизора Н. Брянцев

Означенное в сем акте число мест — двадцать тысяч шестьсот сорок девять — принято Омским отделением Госбанка.

Управляющий А. Племянников
Кассир Васильев
Контролер Тимофеев
С подлинным верно: Арбатский

Лл. 31а — 31б.— Копия

ПРИЛОЖЕНИЕ 2-е

Выкопировка из сведений об эвакуированном в Омское отделение Госбанка золотом запасе

Наименование ценностей	Род упаковки:		Сумма, значащаяся по документам, доставленным из Самары	Сумма, выведенная после проверки наличности
	ящики	мешки		
Слитки частных банков в ящиках Московской конторы	197	—	13 005 359 руб. 45 коп.	13 005 359 руб. 45 коп.
Российская золотая монета разных достоинств	6 517	—	504 538 007 руб. 65 коп.	391 020 000 руб.
		8 одинарных		246 077 руб. 65 коп.
		1 двойной		59 590 руб.
		1801 двойной		108 060 000 руб.
		1 двойной		49 510 руб.
			Итого	499 435 177 руб. 65 коп.

Л. 32 об.— Копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3-е

АКТ

г. Омск. 1919 г. марта 10 дня.

Согласно предписанию Центрального управления Госбанка от 7 сего марта за № 2957, данному Омскому отделению Госбанка чинами Госбанка от отдела кредитных билетов и Омского отделения, в присутствии чинов Государственного контроля в течение 8, 9 и 10 марта с. г. было вынуто из кладовых: общей, верхней, № 1 и № 2,— всего одна тысяча двести тридцать шесть (1236) деревянных ящиков с золотыми слитками и золотистым серебром и серебристым золотом для направления их во Владивостокское отделение Госбанка.

Означенные ящики были перевезены и погружены на интендантской ветке Омской ж. д. в вагоны американского типа за №№ 933 847, 940 335, 935 101, 937 565 и 940 863 и сданы под расписку делопроизводителя Госбанка Ф. И. Соколова.

По нагрузке вагоны были запломбированы пломбами отдела местных учреждений Госбанка.

Настоящий акт составлен в трех экземплярах.

Приложение: 4 ведомости [1]

Чины Госбанка:

Ст. кассир Н. Кулябко
Контролер Гусев
Пом. кассира Челноков
Контролер Окулик
Ф. Соколов

Чины отделения:

Управляющий Племянников
Контролер Тимофеев
Кассир Васильев

---

[1] Ведомости не обнаружены.

Отсортировка указанных в акте ящиков производилась чинами Госбанка без вскрытия упаковки их, а потому представители Государственного контроля, удостоверяя количество ящиков, лишены, однако, возможности засвидетельствовать отмеченное в акте их содержимое.

Представители Госконтроля: Е. Березин, Н. Брянцев, В. Вавилов, Г. Исанев

С подлинным верно: Арбатский

Л. 36 б.— Копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4-е

АКТ

1919 г. июля 19 дня составлен сей акт в том, что сего числа чинами отдела кредитных билетов и других частей Центрального управления, а также Омского отделения Госбанка в присутствии представителей Государственного контроля из кладовых Омского отделения было вынуто, перевезено на интендантскую ветку Омской ж. д. и погружено в вагоны американского типа за №№ 936 992, 937 463 и 904 053 для дальнейшего отправления иностранной золотой монеты: ящиков деревянных — сто пятьдесят шесть (156) и мешков вещевых (двойных) двести восемьдесят девять (289), и с российской золотой монетой: ящиков деревянных — четыреста семьдесят пять (475), а всего: 920 мест.

Настоящий акт составлен в трех экземплярах.

Чины Омского отделения Госбанка:
Управляющий Тимофеев
Контролер Челноков
Кассир Васильев
Чины отдела кредитных билетов:
Ст. кассир Н. Кулябко
Кассир Челноков
Контролер Окулик

Чины Госконтроля:
Ревизор Березин
Пом. ревизора Брянцев

Принято девятьсот двадцать (920) мест.

С подлинным верно: Арбатский

19 июля 1919 г.

Л. 37.— Копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4-е

АКТ

1919 г. июля 20 дня составлен сей акт в том, что чинами отдела кредитных билетов и других частей Центрального управления, а также Омского отделения Госбанка, в присутствии представителей Госконтроля из кладовых Омского отделения было вынуто и перевезено на интендантскую ветку Омской ж. д. и погружено в вагоны американского типа за №№ 936 721, 940 053, 936 992, 938 728, 937 463 для дальнейшего отправления с иностранной золотой монетой: ящиков деревянных — девяносто три (93) и мешков вещевых двойных — шестьдесят три (63), с российской золотой монетой: ящиков деревянных — пятьсот тридцать пять (535) и мешков вещевых двойных — триста девяносто шесть (396), с иностранной золотой монетой: мешков вещевых одинарных — двенадцать, а всего 1 099 мест.

Настоящий акт составлен в трех экземплярах.

Чины Омского отделения Госбанка:
Управляющий Племянников
Кассир Васильев

Чины отдела кредитных билетов:
Кассир Н. Кулябко
Контролер Окулик
Чины Госконтроля:
Ревизор Березин
Пом. ревизора Брянцев
(подпись)

Одну тысячу девяносто девять мест принял

С подлинным верно: Арбатский

20 июля 1919 г.

Л. 38.— Копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5-е

АКТ

г. Омск, 8 сентября 1919 г. отделом кредитных билетов Госбанка из кладовой Омского отделения того же банка взято и погружено на подводы и отправлено на 14 санитарный путь Омской ж. д. для погрузки в вагоны: золота в слитках: 8 ящиков Казанского отделения, 14 ящиков Московской конторы, 9 ящиков полос, 7 ящиков кружков и 34 ящика разных ценностей Монетного двора, как то: золото в катодных полосах, золото в самородках, принадлежащих Горному институту, и золото Главной палаты мер и весов, а всего 72 места.

О чем и составлен настоящий акт в двух экземплярах.

Чины Госбанка:
Ст. кассир Н. Кулябко
Контролер А. Окулик
Кассир Челноков

Чины Госконтроля:
Пом. ревизора Успенская

С подлинным верно: Арбатский

Л. 39.— Копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6-е

АКТ

г. Омск, октября 18 дня 1919 г.

Настоящий акт составлен в том, что согласно предложению Госбанка от 17 сего октября 1919 г. за № 6974/16123, данному на имя Омского отделения Госбанка в присутствии нижеподписавшихся чинов Госконтроля и чинов Кредитно-ревизионного департамента Госконтроля из кладовой Омского отделения Госбанка взято и погружено на подводы и отправлено на 14 санитарный путь Омской ж. д. для погрузки в вагоны 80 ящиков в упаковке Казанского отделения со слитками частных афинеров, 92 ящика в упаковке того же Отделения со слитками частных банков (в том числе один ящик за № 546 с вырубками от означенных слитков) и 550 ящиков с российской золотой монетой, а всего семьсот двадцать два места.

О чем и составлен настоящий акт в четырех экземплярах.

Чины Госбанка:
Ст. кассир Н. Кулябко
Контролер А. Окулик
Контролер Пензенского отделения (подпись)
Бухгалтер I разряда (подпись)
Экзекутор Самарской конторы Шатиров

Чины Кредитно-ревизионного департамента Госконтроля
Ревизор Березин
Пом. кассира Свиступов
Управляющий Омского отделения Госбанка (подпись)
Контролер Тимофеев
Кассир (подпись)
Пом. ревизора Н. Брянцев

С подлинным верно: Арбатский

Л. 40.— Копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7-е

АКТ

7 ноября 1919 г.

Настоящий акт составлен на 14 санитарном пути ст. Омск в том, что сего числа оставлен поезд из 29 вагонов, груженных золотою монетою и слитками, принадлежащими Госбанку.

№№ ваг.	числ. ящ.	чис. меш.	№№ ваг.	числ. ящ.	число меш.
124 730	224	—	506 505	—	250
42 652	256	—	687 526	264	—
182 517	255	—	180 635	256	—
468 814	242	—	383 548	256	—
761 359	224	—	652 754	232	—
221 738	224	—	759 488	224	—
329 712	228	—	317 584	260	—
95 486	200	—	502 744	222	(в том числе 48 ящиков со слитками)
26 060	200	—	741 077	260	—
344 036	50	189	682 411	229	(в том числе 146 ящиков со слитками и 3 ящика с вырубками)
160 092	—	239			
315 582	—	250			
67 778	224	—			
269 221	224	—			
22 240	200	—			
176 452	200	—			
526 429	—	250			
27 926	—	250			
850 750	—	250			

а всего в 29 вагонов погружено (1 678) тысяча шестьсот семьдесят восемь мешков и (5 154) пять тысяч сто пятьдесят четыре ящика. Все вагоны опломбированы пломбами Госбанка и Госконтроля.

Означенные вагоны оставлены в г. Омске на путях под наблюдением начальника эшелона А. Д. Арбатского, и. о. директора Н. С. Казановского и ст. кассира Н. П. Кулябко.

Настоящий акт составлен в двух экземплярах.

Основание: акты о произведенных перегрузках с проверкою №№ вагонов по натуре.

И. о. директора Госбанка Н. Казановский
Начальник эшелона Арбатский
Ст. кассир Н. Кулябко
Ст. ревизор Никольский

С подлинным верно: Арбатский

Л. 42.— Копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8-е

АКТ

1919 г. октября 31 дня составлен сей акт в том, что при приеме по квитанции № 5 от г. Маслова (делопроизводитель отдела налогов и пошлин) принято вместо ста пятидесяти (150) мешков с золотом только сто сорок девять (149) мешков в № 344 036 вагона.

Бухгалтер Кальвиш, Маслов, Никитин
Пом. ревизора Н. Брянцев
И. о. директора Казановский

С подлинным верно: Арбатский

Л. 41.— Копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 9-е

АКТ

Станция Тыреть, 1920 г. января 12 дня, мы нижеподписавшиеся, получив уведомление от и. о. директора Госбанка Н. С. Казановского, проходившего около $8^1/_2$ час. утра местного времени на ст. Тыреть, что груженный золотом вагон № 566 027 [6]), стоявший рядом с классным вагоном № 709, имеет только одну пломбу на бичеве, произвели осмотр и проверку сего вагона, причем оказалось:

1. Две имеющиеся на проволоке пломбы отдела кредитных билетов и Госконтроля оказались оборванными, причем обрыв располагался около верха верхней пломбы. При внимательном осмотре проволоки, на которой висели эти пломбы, обнаружены следы среза каким-то режущим инструментом.

2. У пломбы, висевшей на бичеве, по ее снятии оказалось развороченным одно из верхних отверстий, в которое проходила бичева. В это отверстие бичева была вставлена обратно, по-видимому, с помощью ее забивки каким-то заостренным предметом.

3. По вскрытии вагона ящики оказались стоящими не в обычном порядке, который был применен при погрузке золота в Омске (в виде двух отдельных штабелей), а при подсчете числа ящиков была установлена недостача тринадцати ящиков, т. е. в вагоне № 566 027 их оказалось сто восемьдесят семь (187) ящиков вместо 200 ящиков, значащихся по акту № 4 от 14 ноября, и № 1 от 7 ноября 1919 г. По осмотре стен, пола и потолка как внутри, так и снаружи этого вагона таковые оказались в исправности. Люки были наглухо закрыты. В вагоне никаких предметов кроме ящиков с золотом не обнаружено.

4. По установлении сего означенный вагон был вновь опломбирован тремя пломбами, после чего был произведен чинами Госбанка и Госконтроля при содействии сопровождавших поезд начальников русской и чешской охраны осмотр всех теплушек и классных вагонов, причем таковой оказался безрезультатным.

5. Вечером 11 января с. г. дежурным чиновником Госбанка С. В. Колпаковым был произведен, что удостоверяет дежурный унтер-офицер чеховойск Слива, осмотр пломб, показавший целость всех пломб. Днем же 11 января чинами Госбанка осмотр пломб производился неоднократно и всякий раз устанавливал целость всех пломб.

6. С 8 часов вечера 11 января с. г. около вагона № 566 027 стояли следующие часовые: с 6—8 час. вечера — Унжаков, с 8—10 час.— Журавлев, с 10—12 час.— Ушков, с 12—2 час. утра — Макрушин, с 2—4 час.— Козлов, с 4—7 час.— Поляков и с 8 час. и до момента обнаружения отсутствия пломб — Жуков. Все солдаты эти из русской охраны и стояли с той стороны вагона, на которой оказались срезанными пломбы.

7. Часовой Жуков, приняв пост утром 12 января, по прибытии поезда на ст. Тыреть обнаружил отсутствие пломб одновременно с и. о. директора Госбанка Н. С. Казановским. Обнаружено это было уже тогда, когда предыдущий часовой Поляков ушел, т. е. по сдаче поста Жукову.

8. По опломбировании вагона № 566 027 был немедленно произведен осмотр всех вагонов с золотом, причем все пломбы оказались в целости.

9. Пломба на бичеве и проволока, на которой висели срезанные пломбы, при сем прилагаются и оставляются на хранении у чинов Госбанка.

На основании сего, а также принимая особенно во внимание: 1) что при осмотре вагонов вечером 11 января с. г. на ст. Зима все пломбы были целы и 2) что пломбы, повешенные на бичеве на ст. Нижнеудинск представителем чеховойск, принимавшим золото под свою охрану, оказались на ст. Тыреть оборванными, а другие две пломбы, висевшие на проволоке, оказались отрезанными, установили, что выемка тринадцати ящиков из вагона № 566 027 могла произойти лишь на ст. Зима или на перегоне между этой станцией и ст. Тыреть.

Кроме того, признали необходимым уведомить о происшедшем генерала Жанена, управляющего Госбанком и гос. контролера экстренной телеграммой следующего содержания: «Утром 12 января чинами Госбанка на ст. Тыреть обнаружено отсутствие двух пломб на вагоне № 566 027, а третья пломба, навешенная чешской охраной в Нижнеудинске, оказалась подвешенной на перерванной бичеве, проволока же,

на которой висели две сорванные пломбы, носит следы преднамеренного обрыва. По вскрытии вагона обнаружено отсутствие тринадцати ящиков золота. Вагон охранялся русским солдатом, который принял пост, не обращая внимания на количество пломб. Просьба дать распоряжение немедленному розыску».

Настоящий акт составлен в пяти экземплярах.

Начальник эшелона Госбанка Арбатский
Ст. кассир Госбанка Н. Кулябко
И. о. директора Госбанка Н. Казановский
Представители Госконтроля:
Ревизор Березин
Пом. ревизора Н. Брянцев

С настоящим актом согласен за следующими оговорками:

1. Указанная в 1-м пункте акта проволока, на которой висели две сорванные пломбы, была перед вскрытием вагона тщательно замотана.

2. Пломба, висевшая на бичеве, до вскрытия вагона производила исправное впечатление и ее повреждение обнаружено только после ее снятия щипцами.

3. Указание на то, что в сем вагоне было в свое время 200 ящиков, подтвердить не могу.

4. Сделать заключение о том, что кража золота произошла в пределах ст. Зима — Тыреть, воздерживаюсь.

Начальник охраны капитан Эмр
С подлинным верно: Арбатский

Лл. 43 а, 43 б.— Копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 10-е

АКТ

Ст. Иркутск. 1920 г., марта 8 дня.

Мы, нижеподписавшиеся, произвели в одном вагоне эшелона перекладку в ящики золота, находящегося в мешках, причем оказалось, что за это число в вагоне № 937 390 упаковано 313 ящиков. С упаковкой этих 313 ящиков работа по перекладке мешков с золотом в ящики полностью закончена и ныне количество ящиков, уложенных в каждом из 13 вагонов эшелона, имея в виду акты от 2, 6 и 7 марта с г., следующее:

№№ вагонов	Количество ящиков
935 499	520
938 043	520
934 716	520
937 357	520
936 787	520
940 882	520
937 390	514
933 578	520
933 113	520
933 546	520
934 732	519
939 863	502
933 887	600
Итого:	6815 ящиков

Все вагоны опломбированы двумя пломбами (на каждой двери вагона) Госбанка и Госконтроля и на каждую дверь навешено по одному замку.

Настоящий акт составлен в двух экземплярах.

[Начальник эшелона] Арбатский
Ст. кассир Н. Кулябко
Сотрудники Госконтроля 5-й армии: Березин, Брянцев

С подлинным верно: Арбатский

Лл. 44—45.— Копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 11-е

АКТ

Новониколаевск, 1 декабря 1919 г.

Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что во исполнение повеления верховного правителя, сообщенного в отношении директора канцелярии верховного правителя за № 180 от 1 сего декабря управляющий Пермским отделением Госбанка передал в эшелон литер «Д» золотого запаса Госбанка два ящика с золотом в слитках; всего по показанию г. управляющего Пермским отделением Госбанка, по надписям на ящиках, весом 4 пуда 29 фунт. 68 золотн.

Ящики за печатью Пермского отделения Госбанка не вскрывали, будучи приняты в эшелон по наружному виду.

Означенные два ящика положены в вагон № 687 526, который вновь и опломбирован пломбами отдела кредитных билетов Госбанка и Госконтроля.

Начальник эшелона поезда литер «Д» Арбатский
Ст. кассир Н. Кулябко
Контролер А. Окулик
Управляющий Пермским отд. Госбанка Матанцев
Представители Госконтроля: ревизор Березин
Пом. ревизора Брянцев
С подлинным верно: Арбатский

Л. 46.— Копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 12-е

АКТ

Ст. Иркутск, 1920 г., марта 6 дня.

Мы, нижеподписавшиеся, произвели в трех вагонах эшелона перекладку в ящики золота, находящегося в мешках, причем оказалось: 1) в вагоне № 936 787 было упаковано 122 ящика, 2) в вагоне № 940 882 было упаковано 141 ящик, 3) в вагоне № 937 357 было упаковано 118 ящиков, 4) что, таким образом, и принимая во внимание акт от 5 марта с. г., всего в вагоне № 936 787 было упаковано 520 ящиков и в вагоне № 940 882 также 520 ящиков, 5) что ныне в вагоне 937 357 находится 520 ящиков, 6) при проверке ящиков, находящихся в вагоне № 937 357, было замечено, что один из ящиков, принятый от Пермского отделения Госбанка и имеющий отметку о вложении в оба таких ящика золота весом 4 пуда 29 фунт. 68 золотн., имеет оборванную бичеву, которой он был обвязан и на коей имеется исправная печать Пермского отделения. Следов вскрытия сего ящика не обнаружено. Оставшаяся на ящиках, хотя и перерванная бичевка, благодаря целости печати и наличию вполне исправных ручек у ящика, убеждает также в том, что ящик не вскрывался, что бичева перервалась случайно и что вложенное в сей ящик золото должно сохраниться в целости.

Ввиду чего признали необходимым:

1. Не снимая порванной бичевы и печати, сделать проволочную увязку ящика с наложением пломбы отдела кредитных билетов Госбанка.

2. Также увязать проволокой и наложить такую же пломбу и на второй ящик с золотом, полученный от Пермского отделения.

Что и было немедленно сделано.

После окончания этих работ все эти три вагона были надлежаще опломбированы с навескою замков.

Настоящий акт составлен в двух экземплярах.

Подписал: Арбатский
Ст. кассир Н. Кулябко

Перечисленные в сем акте работы удостоверяем.

Целость пломбы и замков на дверях вагона и ящика дают полное основание полагать, что ящик с оборванной бичевой не мог быть вскрыт.

Сотрудники Государственного контроля 5-й армии: Е. Березин, Н. Брянцев

С копией верно: зав. поездом Казанский

Лл. 47 и об.— Копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

АКТ

18 марта 1920 г.

Ст. Иркутск.

Мы, нижеподписавшиеся, произвели осмотр и вскрытие всех 13 вагонов с золотым запасом, а также проверку количества мест с золотом, находящегося в каждом из вагонов, причем оказалось:

1. Что все вагоны, а также замки и пломбы на них находятся в исправном состоянии.

2. Что в каждом вагоне находится нижеследующее количество мест, а именно:

№№ вагонов	Количество ящиков
935 499	520
938 043	520
934 716	520
937 357	520
936 787	520
940 882	520
937 390	514
933 578	520
933 113	520
933 546	520
934 732	519
939 863	502
933 887	600
Итого:	6815 ящиков,

т. е. количество мест полностью соответствует акту от 8 марта 1920 г., и все эти места сложены в должном порядке.

После сего все тринадцать вагонов были вновь должным образом опломбированы с навеской на каждую вскрытую дверь вагона по одному замку и по две пломбы Госбанка и Госконтроля.

Ввиду вышеизложенного, а также согласно распоряжению тов. заведующего финансовым отделом Иркутского губернского революционного комитета за № 280 от 17 марта [1], золото, а также ключи с замками, навешенными на вагоны с золотым запасом, и пломбировочные щипцы отдела кредитных билетов сдали:

Нач. эшелона Арбатский
Ст. кассир Н. Кулябко
Приняли: заведующий поездом Н. Казановский
Заместитель заведующего поездом М. Гайский
Кассир Челноков, сотрудник Государственного контроля, пом. контролера Н. Брянцев
Присутствовали: Зав. финотделом Иркутского губревкома В. Бисенок
Уполномоченный особого отдела ВЧК при 5-й армии А. Косухин

Л. 48.— Подлинник.

[1] Документ не обнаружен.

АКТ

Ст. Зима. Марта 31 дня 1920 г.

Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что сего числа, вследствие ослабления затворных болтов у американских вагонов № 933 578 и № 934 716 с золотым запасом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, произвели вскрытие таковых вагонов и поправку неисправностей в затворах, причем количество мест с ценным грузом в вагоне № 933 578 — 520 ящиков и в вагоне № 934 716 — 520 (пятьсот двадцать) ящиков по проверке оказалось соответствующим количеству мест, показанному по приемочному акту от 18 марта с. г.

По исправлении затворов вагоны вновь заперты на замки и опломбированы двумя пломбами: отдела кредитных билетов и Государственного контроля.

Настоящий акт составлен в пяти экземплярах.

Заведующий поездом Н. Казановский
Ответственный представитель от Особого отдела ВЧК при 5-й армии при золотом запасе А. Косухин
Комиссар поезда В. Дидюк
Заместитель зав. поезда М. Гайский
Сотрудник губфинотдела Б. Челноков
Ст. контролер Н. Никольский

Л. 49.— Подлинник.

АКТ

12 апреля 1920 г.

Ст. Ачинск.

Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что согласно приказу Реввоенсовета 5-й армии, полученному телеграммой от 12 апреля с. г. за №43/б на имя комбата 3-го б-на 262-го стрелкового Красноуфимского полка тов. Паначева и копия — командиру полка 1-й Интернациональной дивизии тов. Варга о передаче командиром 3-го батальона 262-го полка командиру полка 1-й Интердивизии охраны поезда с золотым запасом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, произвели передачу охраны эшелона, состоящего из (13) тринадцати американских груженных золотом вагонов за нижеследующими №№: 933 546, 933 113, 933 578, 936 787, 937 357, 940 882, 937 390, 934 716, 938 043, 935 499, 933 887, 939 863, 934 732, с каждой стороны запертых снаружи висячими дверными замками и опломбированных двумя пломбами с оттисками отдела кредитных билетов Госбанка и Госконтроля.

Означенная передача состоялась сего числа в 4 часа дня московского времени при смене караулов 3-го батальона 262-го полка караульной частью интерполка, после чего состоялся осмотр вышеуказанных вагонов с внешней стороны, а именно: стен, полов и крыш, пломб и висячих дверных замков, причем все оказалось в исправности и должном порядке [7]).

Настоящий акт составлен в пяти экземплярах.

Сдали: Комбат 3-го [б-на] 266-го Н. Паначев
Военкомбат 3-го [б-на] 262-го Богданович
Приняли: Командир интерполка Варга
Военком интерполка — Михали
Присутствовали: Уполномоченный особого отдела ВЧК при 5-й армии А. Косухин
Заведующий поездом Н. Казановский
Заместитель зав. поездом Гайский
Представитель Госконтроля Никольский
Сотрудники Губфинотдела: Челноков, Стеклянников, Вещин
Комиссар поезда В. Дидюк

Л. 50.— Подлинник.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

Акт о выгрузке золотого запаса и доставке его в кладовые Казанского отделения Госбанка[1]

8 мая 1920 г.

г. Казань.

Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что на основании распоряжения Наркомфина от 27 апреля с. г., полученного заведующим Казанским губфинотделом по прямому проводу из Москвы, была произведена выгрузка на ст. Казань и доставка в кладовые Казанского отделения Народного банка золотого запаса Республики в количестве шести тысяч восьмисот пятнадцати ящиков, прибывшего из гор. Иркутска в тринадцати американских вагонах и поименованного в акте от 18 марта 1920 г., составленном при приемке означенного золота на ст. Иркутск.

Все означенные вагоны прибыли на ст. Казань 3 мая 1920 г. Предварительно приемки и разгрузки вагонов, по распоряжению заведующего Казанским губфинотделом т. Гордеева, губинспектором того же отдела т. Наконечным была составлена на сей предмет соответствующая инструкция, утвержденная завгубфинотделом. Причем приемка и разгрузка вагонов (каждого в отдельности) и доставка золотого запаса в кладовые Казанского отделения Народного банка производились под непосредственным и непрерывным наблюдением заведующего губфинотделом т. Гордеева, заведующего поездом т. Казановского, заместителя его т. Гайского, комиссара поезда золотого запаса Республики т. Дидюк, командира интерполка т. Хедрих, военкома того же полка т. Михали, особого уполномоченного ВЧК при 5-й армии т. Косухина, сотрудника Иркутского губфинотдела т. Челнокова, трех сотрудников Иркутской рабоче-крестьянской инспекции тт. Никольского, Брянцева и Новоселова, особоуполномоченных от Казанского губфинотдела Богоявленского, Антропова и Рачковского, и. о. управляющего отделением Народного банка т. Кандорского, главного контролера того же отделения т. Доброхотова, главного кассира банка т. Ахмадуллина и в присутствии двух представителей Казанской рабоче-крестьянской инспекции тт. Лисицына и Спиридонова. Разгрузка вагонов на ст. Казань и приемка ящиков с золотым запасом начались утром 4 мая 1920 г. При наружном осмотре каждого вагона с золотым запасом все имевшиеся на вагонах пломбы, замки и затворы, а равно стенки, крыши и дно вагонов оказались в полной исправности, после чего вагоны были вскрыты и подвергнуты тщательному внутреннему осмотру, причем стены, полы и потолки также оказались в полной исправности; в вагонах никаких предметов, кроме ящиков с золотом, не обнаружено.

По установлении сего, было приступлено к проверке количества ящиков, тщательному осмотру исправности таковых, выгрузке их из вагонов и отправке их в кладовые Народного банка. Количество ящиков с золотом как во всех вагонах, так и в каждом в отдельности оказалось в полном соответствии с тем количеством, какое показано в акте от 18 марта 1920 г., составленном при приемке означенного золота в г. Иркутске, а именно:

В вагоне	№	935 499	оказалось	520	ящиков
,,	,,	938 043	,,	520	,,
,,	,,	934 716	,,	520	,,
,,	,,	937 357	,,	520	,,
,,	,,	936 787	,,	520	,,
,,	,,	940 882	,,	520	,,
,,	,,	937 390	,,	514	,,
,,	,,	933 578	,,	520	,,
,,	,,	933 113	,,	520	,,
,,	,,	933 546	,,	520	,,
,,	,,	934 732	,,	519	,,
,,	,,	939 863	,,	502	,,
,,	,,	933 887	,,	600	,,
Итого:				6815	ящиков

[1] Заголовок документа.

из коих 1672 ящика были упакованы в г. Иркутске и без наложения печатей, причем по словесному заявлению сопровождавших означенный груз из г. Иркутска об упаковке был составлен в г. Иркутске соответствующий акт, ныне находящийся в г. Иркутске же при делах о золотом запасе.

При проверке исправности ящиков с золотом четыре ящика за №№ 6273, 6261, 6661 и 7301, находившиеся: первый ящик — в вагоне № 933 546, а остальные три ящика — в вагоне № 938 887, оказались не в полной исправности (с лопнувшими стенками), вследствие чего означенные ящики были вскрыты и осмотром их было обнаружено, что все находившиеся в них мешки с золотом совершенно целы с сохранившимися на них пломбами Народного банка, почему в проверке содержимого этих мешков надобности не представлялось. После проверки означенных неисправных ящиков и осмотра находившихся в них мешков последние вновь были упакованы в ящики без наложения на ящики печатей.

Вместе с сим в настоящий акт заносится, что наружные сургучные печати на ящиках с золотом оказались поврежденными, каковое обстоятельство, помимо естественных причин, по заявлению сотрудника Иркутского губфинотдела т. Челнокова и старшего контролера Иркутской рабоче-крестьянской инспекции т. Никольского, объясняется тем, что все означенные ящики вскрывались в г. Омске и после произведенной там проверки мешков с золотом мешки эти вновь были упакованы в те же ящики, но без наложения на них новых печатей (копия акта, составленного по сему предмету в г. Омске, при сем прилагается).

Разгрузка всех вагонов с золотым запасом продолжалась в течение четырех дней и закончилась 7 мая 1920 г. в 10 час. вечера. Ящики с золотом уложены в двух кладовых Народного банка: 4474 ящика в так называемой золотой кладовой (по плану № 4) и 2341 ящик в так называемой серебряной кладовой (по плану № 6). Двери кладовых Народного банка, куда сложены все вышеупомянутые ящики с золотом, ныне запечатаны печатями заведующего губфинотделом, управляющего, главного контролера и главного кассира Казанского отделения Народного банка; такие же печати накладывались на дверях кладовых и по окончании каждого дня разгрузки вагонов и доставки в кладовые ящиков с золотом.

Настоящий акт составлен в трех экземплярах.

Сдали: Зав. поездом Казановский
Заместитель зав. поездом Гайский
Уполособот ВЧК при 5-й армии, статпредставитель при поезде золотого запаса А. Косухин
Комиссар поезда золотого запаса Дидюк
Вридкомполка 1-го Интернационального Хедрих
Военком Михали
Сотрудник Иркутского губфинотдела Челноков
Старший контролер Иркутской рабоче-крестьянской инспекции Никольский
Помощник контролера Новоселов
Помощник контролера Н. Брянцев
Представители Казанской рабоче-крестьянской инспекции А. Спиридонов
А. Лисицын

Приняли: Зав. губфинотделом А. Гордеев
Особ. уполномоченные Казанского губфинотдела[1]
И. о. управляющего Казанским отделением Народного банка С. Кинярский
Контролер того же отделения Дорохотов
Главный кассир того же отделения[2]

Лл. 55—56.— Подлинник.

[1] Три подписи неразборчивы.
[2] Подпись неразборчива.

ПРИЛОЖЕНИЕ V

ИНСТРУКЦИЯ

заведующему поездом с золотым запасом Российской Социалистической Федеративной Советской Республики

1. На заведующего поездом с золотым запасом возлагается отправка его в г. Омск в распоряжение Сибирского революционного комитета в полной целости и сохранности.

2. Для осуществления указанной выше задачи в распоряжение заведующего поездом назначается потребное количество сотрудников отдела финансов Иркутского губернского революционного комитета.

3. Заведующий поездом и назначенные в его распоряжение лица отвечают за целость и сохранность вверенного им золотого запаса и обязаны принимать все меры к благополучному и быстрому продвижению его к месту назначения.

4. В частности, заведующий поездом обязан: а) ежедневно лично или через назначенных в его распоряжение лиц осматривать вагоны, в которых помещается золото, и проверять целость как самих вагонов, так и наложенных на них замков, пломб и печатей; б) в случае, когда поезд по какой-либо причине получит сильный толчок, при обнаружении повреждения стенок, пола и крыши вагонов или отсутствия замков, пломб и печатей, а также и в других случаях, когда, по его соображениям, может оказаться нарушенным правильное расположение внутри вагонов и целость ящиков с золотом, вскрывать вагоны и проверять груз; в) в случае пожара в поезде, крушения и т. п. принимать все необходимые меры к спасению и сохранению золотого запаса во всей целости.

5. Отлучки из поезда допускаются лишь во время стоянок под ответственностью заведующего поездом, но с тем, чтобы в поезде оставалось налицо не менее 2/3 из состава лиц, сопровождающих поезд, в том числе заведующий поездом или его заместитель.

6. Вход в вагон с золотом допускается в составе не менее трех лиц из назначенных отделом финансов для сопровождения поезда, считая в том числе заведующего поездом или его заместителя.

7. Из лиц, не принадлежащих к числу указанных в предыдущем пункте, имеют право входа в вагон с золотом лишь лица, назначенные для сопровождения поезда Иркутским губревкомом, местным учреждением Государственного контроля и Особым отделом ВЧК при 5-й армии, а также лица, имеющие на то специальные разрешения от заведующего финансовым отделом Иркутского губернского ревкома, от заведующего финансовым управлением Сибревкома.

8. О каждом случае входа в вагон с золотом должен быть составлен акт с указанием причин, вызвавших его, а также с описанием обнаруженного в вагонах и произведенных в них действий.

9. О каждом случае снятия замков, пломб и печатей и входа в вагон с золотом должна быть сделана отметка в постовой ведомости военного караула, назначенного для охраны поезда.

10. В случае повреждения вагонов и упаковки золота, настолько обширных и серьезных, что золото рассыпалось из нескольких вагонов сразу, к работе по собиранию и упаковке золота могут привлекаться и посторонние лица, но при условии принятия возможно полных мер предосторожности.

11. В случае надобности заведующий поездом имеет право обращаться за содействием ко всем местным властям по пути следования поезда.

12. О месте нахождения поезда и его состоянии заведующий поездом через каждые три дня по отбытии поезда из Иркутска сообщает депешей в Иркутск заведующему финансовым отделом, а по продвижении поезда западнее г. Красноярска также и в Омск заведующему финансовым управлением Сибревкома, о всех же происшествиях с поездом сообщает немедленно.

13. Заведующему поездом предоставляется право внеочередного пользования телеграфом и телефоном на всех станциях по пути следования поезда.

Заведующий отделом финансов Иркутского губревкома
С подлинным верно: зав. поездом Казановский

Лл. 61 и об.— Копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ VI

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1920 г., марта 17 дня в совещании своем по вопросу отправки золотого запаса в центр [в составе]: начальника гарнизона г. Иркутска тов. Грязнова, уполномоченного Особотдела ВЧК при 5-й армии тов. Косухина, зав. губфинотдела тов. Бисенока, командира 3-го батальона 262-го полка тов. Паначева и военкома того же батальона тов. Богдановича, представителя губфинотдела тов. Казанского, военкома Государственного контроля 5-й армии тов. Пичугина и представителя от желдороги тов. Шляхетко.

Постановили:

1. Ответственным за сопровождение, хранение и доставку золотого запаса является представитель губернского Иркутского финансового отдела заведующий поездом тов. Казановский.

2. Ответственным за наружную охрану поезда, пломб, замков и печатей является начальник караульной части командир 3-го батальона тов. Паначев.

3. Ответственным за правильность соблюдения инструкций, существующего законоположения и действий вышеуказанных лиц является представитель Особого отдела ВЧК при 5-й армии старший ответственный представитель при золотом запасе тов. Косухин.

4. За техническую исправность подвижного состава и продвижение поезда ответственным является представитель от железной дороги при золотом запасе тов. Шляхетко.

5. За правильность и точность при проверке золота [ответственными] являются представители Государственного контроля при золотом запасе товарищи Новоселов, Брянцев и Никольский.

6. Всякая проверка и внутренний осмотр вагонов с золотом должны производиться по распоряжению заведующего поездом или его заместителем, т. е. ответственным представителем от губфинотдела в присутствии не менее трех ответственных лиц от финотдела, представителя от Особого отдела, караульной части и Государственного контроля.

7. Установление необходимого караульного наряда как во время движения, так и при остановках поезда производится распоряжением начальника караульной части в зависимости от обстановки и положения поезда, причем всякое увеличение и уменьшение, а также и перемещение постов должно производиться с предварительного извещения заведующего поездом, причем последний во всех случаях, в коих он найдет нужным, может потребовать увеличения караульного наряда.

8. Допуск к внешнему осмотру вагонов с золотым запасом производится по распоряжению зав. поездом в присутствии не менее трех представителей финансового отдела, одного представителя Государственного контроля и представителя Особотдела, причем в каждом отдельном случае составляется соответствующий акт и делается отметка в постовых ведомостях.

Вскрытие вагонов, внутренний осмотр их и проверка производятся только по письменному распоряжению с соблюдением вышеуказанных требований.

Подлинный подписали:

Начгарнизона И. Грязнов
Уполособотдела ВЧК при 5-й армии А. Косухин
Зав. финансовым отделом губревкома В. И. Бисенок
Уполномоченный финансовым отделом, зав. поездом Казановский

Начальник охраны, командир 3-го батальона 262-го стрелкового полка Паначев
Военкомбат 3/262 Мих. Богданович
Начальник поезда Шляхетко
Военком Госконтроля 5-й армии Пичугин

С подлинным верно: адъютант нач. гарнизона Юдин
С копией верно: зав. поездом Казановский

Л. 62 — Копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Смешанная охрана состояла из представителей иностранных держав, аккредитованных при «правительстве» Колчака, отряда белочехов и югославов, а также бойцов красных партизанских отрядов Сибири.— 25.

2) Речь идет о серебре на сумму 4 121 121 руб. 18 коп., хранившемся в Иркутском отделении Госбанка. (См. ЦГАОР СССР, ф. 2281, оп. 2, д. 33, л. 2).— 27.

3) Комуч — «Комитет членов Всероссийского учредительного собрания» — контрреволюционная белогвардейско-эсеровская организация, образованная в Самаре 6 июня 1918 г. для борьбы с Советской властью.— 34.

4) Как явствует из письма ведомства финансов в Чрезвычайную следственную комиссию по делу «о захвате атаманом Семеновым части золотого запаса» от 23 января 1920 г., во Владивостокское отделение Госбанка 18 октября 1919 г. было отправлено золота в слитках на сумму 10 557 744 руб. 06 коп. (по оценке 5 руб. 50 коп. золотник) и российской золотой монеты на сумму 33 млн. руб.; всего на сумму 43 557 744 руб. 06 коп. (См. Госархив Иркутской обл., ф. Р—260, оп. 1, д. 225, лл. 1—3).— 35.

5) В первом из упомянутых приложений содержатся сведения о наличии иностранной монеты по государственной принадлежности, проходивших по книгам учета Казанского отделения и Московской конторы Госбанка, во втором — о наличности (по странам) иностранной золотой монеты в кладовой Омского отделения Госбанка. (См. ЦГАОР СССР, ф. 2281, оп. 2, д. 33, лл. 30—31).—36.

6) По-видимому, в этом акте № вагона 566 027 указан ошибочно, так как в акте от 7 ноября 1919 г. (см. приложение 7-е) вагона с таким номером не приводится.— 44.

7) Передача охраны поезда была вызвана необходимостью направить бойцов 262-го полка для участия в окончательном разгроме армии Колчака. I-й интернациональный полк был выделен для охраны в связи с проявленным им героизмом в боях и преданностью Советской власти, а также предстоящим переводом его в центр России, ближе к Западному фронту. В этом полку служил Матэ Залка.— 48.

ЛИТОВСКИЕ БУРЖУАЗНЫЕ НАЦИОНАЛИСТЫ И ЗАХВАТ КЛАЙПЕДЫ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ

Сейчас, когда опекаемые американскими империалистами литовские буржуазные эмигранты фарисейски оплакивают литовский народ, находящийся «под игом коммунизма», и выступают за его «освобождение», с особой силой звучат публикуемые ниже документы, разоблачающие предательскую роль буржуазных заправил Литвы по отношению к своему народу в период, когда фашистская Германия оккупировала Клайпедский край.

Этот грабительский акт произошел 22 марта 1939 г. и по существу являлся завершающим звеном той политики, которую проводил германский империализм после первой мировой войны, стремясь отторгнуть Клайпедский край от Литвы.

По Версальскому мирному договору исконная литовская земля — Клайпедский край,— захваченная в 1252 г. немецким Орденом, была отделена от Германии, но Антанта не пожелала отдать ее Литве, стремясь создать здесь базу для интервенции против молодой Советской республики.

В 1920 г. Клайпедский край был оккупирован французскими войсками. Главным комиссаром в Клайпеде Антанта назначила французского генерала. В состав директории — исполнительного органа Клайпедского края — вошли бывшие чиновники кайзеровской Германии.

В 1922 г. империалисты Антанты решили объявить Клайпеду «вольным городом», но под давлением широких масс населения вынуждены были от этого плана отказаться.

В январе 1923 г. Антанта договорилась с литовской буржуазией о передаче Клайпедского края Литве, одновременно приняв решение ввести в Клайпедском порту международное управление и предоставить Польше транзит через Литву. Эти действия вызвали протест Советского Союза. В своих нотах, врученных в феврале 1923 и марте 1924 гг. правительствам Англии, Франции и Италии, Советское правительство опротестовало намерения империалистов решить вопрос о Клайпедском крае, не считаясь с интересами литовского народа.

8 мая 1924 г. представителями Литвы, Великобритании, Франции, Италии и Японии в Париже была подписана Клайпедская конвенция, по которой Клайпедский край объявлялся автономной областью. В приложении к конвенции — «Статуте Клайпедской территории» — были зафиксированы основные положения об управлении Клайпедским краем. Согласно статуту издание местных законов поручалось сеймику края. Исполнительная власть — директория — была ответственной перед сеймиком и губернатором, назначаемым буржуазным правительством Литвы. Права Литвы

в Клайпедском крае были ограничены, но зато были созданы все условия для деятельности немецких агентов.

В Клайпедском крае открыто велась немецкая пропаганда. После прихода к власти Гитлера эта пропаганда и политика онемечивания Клайпедского края особенно усилились. Созданные в Клайпеде фашистские организации готовили почву для осуществления захватнических планов фашистской Германии. Гитлеровская пропаганда в Клайпедском крае особенно широко развернулась в 1938 г.

После Мюнхенского сговора угроза независимости Литвы со стороны гитлеровской Германии еще более возросла. В резолюции январского (1939 г.) пленума ЦК Коммунистической партии Литвы отмечалось, что «в настоящий момент самым главным врагом является гитлеровская Германия, намеренная поработить Литву взрывом изнутри, путем «договоров» или прямого вооруженного нападения. Эту опасность особенно усиливает укрепление гитлеровцев в Клайпедском крае и превращение последнего в базу борьбы против Литвы» [1].

Далее в резолюции подчеркивалось, что правительство Сметоны — Миронаса лишает Литву возможности оказать сопротивление Германии, так как своей политикой «нейтралитета» оно шаг за шагом капитулирует перед гитлеровской Германией.

Фашистское правительство Литвы скрывало от народа истинное положение, пытаясь представить свою предательскую политику за стремление сохранить хорошие отношения с соседями. Оно не приняло никаких мер к защите независимости Литвы, ибо для этого необходимо было дать оружие в руки народу, которого оно боялось. Оно отказалось от помощи Советского Союза, предпочитая во имя классовых интересов литовской буржуазии идти на любые уступки Гитлеру.

В дни самой сильной опасности официальная печать буржуазной Литвы продолжала уверять, что слухи о предстоящем захвате Клайпедского края — выдумка. В то же время в адрес Совета министров Литвы поступали секретные донесения представителей правительства за границей об угрозе захвата Клайпедского края (см. док. № 3).

Ответ премьер-министра В. Миронаса на запрос членов президиума сейма о положении в Клайпедском крае (см. док. № 2) со всей очевидностью показывает, что главари литовских фашистов лгали не только народу, но и своим единомышленникам.

Сохранившиеся в материалах Совета министров несколько вариантов ответа В. Миронаса содержат ряд исправлений, свидетельствующих о попытках империалистов сгладить все «острые углы». Эта боязнь правды доходила до смешного. Так, в одном варианте Миронас говорит, что экономическое положение страны «терпимое», затем зачеркивает и исправляет на «неплохое» и, наконец, в последнем варианте исправляет на «удовлетворительное».

Однако правящая верхушка не осмелилась опубликовать даже тщательно приглаженный и выхолощенный текст ответа В. Миронаса, оглашенный на заседании сейма. Вместо него в официозе «Лиетувос айдас» 1 декабря 1938 г. появился новый, до неузнаваемости «отредактированный» вариант, содержавший заверения, будто «для серьезного беспокойства нет серьезного повода», и сваливавший все на «безответственных людей, умышленно распространяющих злонамеренные слухи».

Накануне захвата Клайпедского края Совет министров Литвы на заседании от 20 марта 1939 г., обсудив положение, создавшееся в крае, вынес решение отдать его Гитлеру без сопротивления (см. док. № 4). Ха-

[1] ЦГА ЛитССР, ф. 56, оп. 10, д. 108, л. 59.

рактерно, что на этом же заседании было принято решение информировать о создавшейся обстановке правительства Англии и Франции и просить у них совета. Каков был этот совет, можно судить по тому, что через день фашистская Германия оккупировала Клайпедский край. Стремясь направить агрессию Гитлера против Советского Союза, империалистические правительства Англии и Франции и на этот раз капитулировали перед ним.

Используя явное попустительство своим агрессивным планам как со стороны правительства Литвы, так и со стороны английского и французского правительства, Гитлер действовал быстро и уверенно. Уже 20 марта 1939 г. Риббентроп, пригласив министра иностранных дел Литвы, предъявил ему категорическое требование — отдать Германии Клайпедский край.

21 марта 1939 г. Совет министров Литвы, обсудив это требование, вынес позорное решение удовлетворить его притязания (см. док. № 5). Против этого открытого акта агрессии даже не было вынесено никакого протеста, хотя этот вопрос и стоял на повестке следующего заседания правительства Литвы (см. док. № 6). По договору между Литвой и Германией от 22 марта 1939 г. Клайпедский край был отдан Гитлеру (см. док. № 7).

Такое решение вопроса было заранее обусловлено всей политикой, проводившейся фашистским правительством Литвы.

Коммунистическая партия и комсомол Литвы последовательно разоблачали предательскую политику фашистского правительства и, предупреждая в своей печати о грозной опасности, нависшей над страной, призывали народные массы встать на защиту независимости своей Родины (см. док. №№ 1, 8, 9).

* * *

Публикуемые документы извлечены из фондов, хранящихся в Центральном государственном архиве Литовской ССР. Все документы переведены с литовского языка, приложение к док. № 3 переведено с немецкого языка.

И. А. Раугалайте, Г. П. Сувейздене

№ 1

Статья из газеты «Тиеса» [1] *«Хозяйничание и провокации гитлеровцев в Клайпедском крае»*

15 июля 1938 г.

21 июня по случаю прибытия из Германии судна «Пройсен» германские и клайпедские гитлеровцы устроили беспорядки в городе Клайпеда, во время которых от пуль немецкой полиции погиб литовец Контаутас, а ряд [других] были тяжело ранены. Гитлеровцы избивали литовцев, немецкая автономная полиция стреляла в них и бросала в тюрьму, а директория Клайпедского края заявила, что действительными виновниками событий являются... литовцы.

Каждый гражданин Литвы понимает, что весь ход событий 21 июня подобен провокациям гитлеровцев в Чехословакии и что ими дирижировали из того же места — Берлина. Но литовские фашисты, пресмыкающиеся перед гитлеровцами, не могут признать этой простейшей правды. Вместо того, чтобы поднять тревогу против провокаций гитлеровцев, литовские фашисты еще заискивают перед Германией, которая якобы «поняла действительную обстановку и не предприняла ничего, что могло бы ухудшить положение» (из «Мусу краштас» от 14 июля). И другие газеты литовских фашистов стремятся осветить беспорядки в Клайпеде не по настоящим источником, а по немецким газетам, искажающим действительный ход событий.

Беспорядки, устроенные гитлеровцами в Клайпеде, еще раз показывают, что настоящими хозяевами «прекрасного литовского взморья» являются гитлеровцы, а стать хозяевами им помогло фашистское правительство Литвы своим пресмыкательством перед гитлеровской Германией и террором против трудящихся Клайпеды и всей Литвы. Литовцы в Клайпедском крае находятся на положении пасынков. Клайпедский магистрат не дает работы литовцам на общественных работах, на них не распространяются и другие социальные законы. Литовцы за комнату платят на 50% больше, чем немцы. С приближением выборов в сеймик директория отняла паспорта, т. е. право выбирать, у 3000 литовцев. Приобрести гражданство Клайпедского края невозможно, потому что, не считая шести месяцев, которые необходимо прожить в Клайпедском крае, надо еще зарабатывать не менее 30 литов в неделю, а рабочим литовцам везде платят на одну треть и даже наполовину меньше, чем немцам. Директория всячески поощряет деятельность гитлеровцев, назначая их на самые ответственные посты. Так, например, выпущенного Сметоной из тюрьмы крупного гитлеровского деятеля Неймана [2)] назначили заведующим краевым ветеринарным учреждением, а Бертулайтиса [3)] — директором банка с месячным окладом в 1000 [литов].

Эти факты показывают, что хозяевами Клайпедского края являются гитлеровцы, которые готовы расчистить путь Гитлеру для похода в Клайпеду. А литовское фашистское правительство, пресмыкаясь перед гитлеровской Германией, да еще ведя в последнее время тайные переговоры с Риббентропом, готовит Клайпедскому краю, а вместе с тем и всей Литве судьбу Австрии. Спасти Клайпеду от нападения Гитлера может только демократическая Литва, дав свободу народу Клайпеды и всей Литвы. Защитить Литву и Клайпеду от захвата Гитлером может только твердая, последовательная борьба против фашистских агрессоров и их агентов внутри страны, а не правительство Сметоны — Миронаса, лижущее Гитлеру сапоги.

ЦГА ЛитССР, ф. 56, оп. 5, д. 2761, л. 17.— Газ. «Тиеса», 15 июля 1938 г.

№ 2

Из ответа премьер-министра Литвы В. Миронаса на запрос членов президиума сейма о внутриполитическом положении в Клайпедском крае[1]

1 декабря 1938 г.

...Что касается Германии, то министр иностранных дел господин Лозорайтис уже заявил, и я с удовольствием это подтверждаю, что литовско-германские отношения являются нормальными и хорошими, что торговый обмен идет хорошо, что в области политики у правительства Литвы никогда не было иных интересов, кроме поддержания дружественных отношений с этим великим соседом, что оно всегда стремилось понять и уважать законные его интересы. А в отношении Клайпеды нам было заявлено, что Германия желает только одного, чтобы точно выполнялся статут Клайпедского края. Таким образом, любые слухи о посягательствах Германии на Клайпедский край — это ложь и вымысел. Отношения Клайпедского края, Малой Литвы с Великой Литвой [4)] должны быть наилучшими.

Мы, насколько это от нас зависит, всегда были и будем того мнения, что есть все данные для того, чтобы Малая Литва и Великая Литва жили

[1] Опущена первая часть ответа, освещающая экономическое положение Литвы.

в согласии. Надо только захотеть этого, надо искать и обязательно найти такой modus vivendi, который обеспечил бы наше доброе, свободное и основывающееся на доброй воле сосуществование, как общества, представляющего одну культуру с обществом, представляющим другую культуру, как автономного края с государством, которое уважает и автономию и права проживающих в нем людей, и, наоборот, который уважает суверенитет государства.

Нас занимает не борьба национальностей, а благосостояние государства и граждан и все, что должно быть сделано в направлении сосуществования. Следует уважать убеждения, которые в равной мере дороги как литовцам, так и немцам. Сосуществование национальностей Клайпедского края и уважение прав каждой из них бесспорно является обязательным.

В последнее время все чаще наблюдаются попытки фальсифицировать истинное положение в Клайпедском крае. Руководители культурбунда Клайпедского края, извращая факты, хотят создать впечатление, что Клайпедский край является чисто немецким, что, подходя объективно, и неверно и несправедливо. Неправильно пытаясь разжечь борьбу национальностей, должна быть устранена [1] и должны установиться другие отношения, которые гарантировали бы взаимную терпимость, доверие и уважение.

Несмотря на некоторые элементы разногласий, на эксцессы со стороны некоторых горячих голов и на некоторые выводы, сделанные с легким сердцем пессимистически настроенными людьми, события в Клайпедском крае не выходят за рамки статута автономии. И эти события абсолютно не следует связывать с какими-либо территориальными изменениями. Ведь отношения Литвы с Германией, как я уже сказал, в настоящее время являются совсем хорошими. Здесь также следует вспомнить, что фюрер Германии в своей речи сделал публичное заявление перед мировым общественным мнением, что после урегулирования вопроса о Судетском крае Германия не будет иметь никаких территориальных претензий в Европе. Это высказывание, несомненно, касается и нас.

В настоящее время в Клайпедском крае идет усиленная подготовка к выборам. Эта подготовка протекает в обычном порядке. Организованная литовская общественность надлежащим образом подготовилась к выборам в сеймик и сделала все, что было в ее силах; она продолжает заботиться о надлежащей охране интересов литовцев.

Хотя деятельность немецкой общественности весьма активизировалась, однако пока что она не вышла за рамки статута, а о том, чтобы она в дальнейшем не вышла за эти рамки, заботится правительство.

ЦГА ЛитССР, ф. 465, оп. 1, д. 1038, лл. 85—87.— Подлинник.

№ 3

Донесение полномочного министра Литвы в Берлине К. Шкирпы в Министерство иностранных дел Литвы о готовящемся захвате Клайпедского края гитлеровской Германией

11 марта 1939 г.

Совершенно секретно

Пересылая приложенное при этом сообщение, полученное от известного Министерству иностранных дел источника, со своей стороны считаю необходимым сделать следующие замечания о его достоверности:

[1] Так в тексте.

1. Данное сообщение исходит из посольства Польши, в руки которого попал упомянутый документ. По сообщению информатора, посол показал его своему доверенному лицу, поручив ему в свою очередь «сообщить об этом литовцам». Принимая во внимание содержание сообщения, вызывающее большую тревогу, аутентичность и достоверность документа, на который указывается, а также якобы выраженное послом желание информировать литовцев, представляется непонятным путь, выбранный послом для передачи такого сообщения. Тем более, что он мне еще должен [нанести] ответный визит, который, по его собственным словам, хотел сделать в ближайшем будущем и во время которого мог бы информировать меня о [полученном] сообщении, если он полностью уверен в его важности.

2. Если бы сообщение действительно было верно, то оно, казалось бы, могло быть известно очень небольшому кругу самых доверенных лиц, но едва ли могло бы попасть в какое-то написанное «Verein f. d. Deutschtum im Auslande» [1] письмо, которое якобы приобрело посольство Польши.

Поэтому, пересылая данную информацию для сведения Министерства иностранных дел, считаю необходимым достоверность ее принять с оговоркой.

К. Шкирпа — полномочный министр

ПРИЛОЖЕНИЕ

10 марта 1939 г.

Весьма важно!

Из документов, которые попали в руки одного из здешних посольств, с несомненностью явствует, что Клайпедский край еще в течение этого месяца будет оккупирован.

Далее из документов явствует, что одновременно должен был быть оккупирован также Данциг, однако, как мне дополнительно сообщают, эта акция отложена.

Подлинность документа не подлежит сомнению.

Сегодня утром сюда прибыл Нейман.

P. S. Сделанное во вчерашнем донесении сообщение о решении, принятом Гитлером, подтверждено мне с польской стороны на основании собственной, проверенной информации. В связи с этим было замечено, что польское правительство и особенно польское военное командование уже в течение некоторого времени считались с возможностью, что Гитлер примет решение именно в этом духе. В ходе дальнейшей беседы выяснилось, что польское правительство твердо рассчитывает на помощь со стороны Франции.

ЦГА ЛитССР, ф. 465, оп. 1, д. 1082, лл. 185—186.— Подлинник.

№ 4

Протокол заседания Совета министров Литвы по вопросам внешней и внутренней политики

20 марта 1939 г.

Председательствует президент республики А. Сметона.

Участвуют: премьер-министр В. Миронас и министры: С. Леонас, И. Тонкунас, И. Скайсгирис, бригадный генерал К. Мустейкис, К. Германас, И. Индришюнас, И. Гудаускис, государственный контролер К. Шаманас,

[1] «Союз для помощи немцам за границей».

кянис 5), чрезвычайный посол и полномочный министр при Квиринале 6) С. Лозорайтис, главнокомандующий армией бригадный генерал С. Раштикис и начальник штаба армии бригадный генерал И. Чернюс.

I. Вопросы внешней политики

Совет министров, заслушав сообщение премьер-министра о политическом положении в Европе и опасности, угрожающей Клайпедскому краю со стороны Германии, решил:

1. В случае, если сеймик Клайпедского края, созываемый 25 числа этого месяца, вынесет такое решение, которое выходит за пределы статуса, или если вождь немцев Клайпедского края Нейман совершит такое действие, которое выходит за пределы статута, то допускать такое решение или действие, пока они не представляют прямой угрозы для безопасности государства.

2. В случае, если немцы Клайпедского края вызовут волнения в крае, усмирить эти волнения при помощи вооруженной силы; однако если бы это усмирение побудило Германию оказать вооруженную помощь клайпедским немцам, то наши вооруженные силы без сопротивления германским войскам отвести в Великую Литву и здесь оказать им сопротивление.

3. Через своих представителей информировать правительства Великобритании и Франции об опасности, угрожающей Клайпедскому краю, и просить у них совета.

II. Вопросы внутренней политики

Совет министров, заслушав сообщение министра внутренних дел о внутреннем положении и констатировав подрывную деятельность немецкого и польского меньшинств, решил:

1. Установить жесткий контроль над административным аппаратом с тем, чтобы добиться большей согласованности в его работе и обуздать нелояльных недисциплинированных государственных служащих; таким служащим, которые нарушают дисциплину и распространяют среди общественности необоснованные слухи, не должно быть места в государственном аппарате.

2. Дисциплинировать организации и поднимать их престиж и работоспособность с тем, чтобы сами организации могли принять большее участие в позитивной государственной работе.

3. Усилить пропаганду в печати, по радио и проч.

Президент республики
Премьер-министр
Генеральный секретарь Совета министров

ЦГА ЛитССР, ф. 465, оп. 1, д. 1080, л. 46.— Копия.

№ 5

Протокол заседания Совета министров Литвы по вопросу о притязании Германии на Клайпедский край [1]

21 марта 1939 г.

Министр иностранных дел И. Урбшис доложил: министр иностранных дел Германии фон Риббентроп в беседе, имевшей место 20 числа этого месяца, заявил, что Клайпедский край был отделен от Германии по Версаль-

[1] На этом заседании кроме лиц, перечисленных в док. № 4, присутствовал министр иностранных дел И. Урбшис.

скому договору вопреки праву народов на самоопределение. После этого край заняла французская, а позже — литовская армия. Подобная несправедливость могла совершиться и допускаться до тех пор, пока Германия была бессильная (ohnmaechtig). Теперь создалось иное положение, и Клайпедский край должен быть возвращен рейху.

Если литовское правительство склонно вернуть Клайпедский край путем соглашения, то правительство Германии готово это сделать «grosszuegig» [1] и удовлетворить интересы Литвы в Клайпедском порту. Но если литовское правительство не хотело бы идти этим разумным путем, то Клайпедский край был бы возвращен Германии другим путем. Если бы там произошли столкновения и хоть один немец погиб, тогда уже не мы, политики, занимались бы этим делом, а войска, начав поход, неизвестно где остановились бы. После начала военных действий германское правительство больше ни на какие переговоры не пошло бы.

Кроме того, фон Риббентроп, отвечая на вопрос господина Урбшиса, подчеркнул, что он не может назначить срок для ответа, но следует иметь в виду, что 25 марта собирается сеймик и что это может привести к ситуации, когда урегулировать вопрос мирным путем будет поздно.

В своей речи фон Риббентроп раза два подчеркнул, что никаких других устремлений в отношении литовского народа Германия не имеет (Grossdeutschland hat ja keine andere Aspirationen auf das Litauische Volk).

Министр иностранных дел обещал фон Риббентропу сообщить о требовании правительства Германии и дать срочный ответ.

Совет министров, обсудив создавшееся положение и не находя другого выхода, считает, что он вынужден принять требование германского правительства.

Вместе с ответом на требование германского правительства вручить ему также протест. Подготовка текста протеста поручается чрезвычайному послу и полномочному министру при Квиринале С. Лозорайтису.

Перед лицом грозящей со стороны Германии опасности Совет министров не находит возможным выполнить требования 15 ст. конвенции, заключенной между Литвой, Британской империей, Францией, Италией и Японией о Клайпедской территории [7]. Министру иностранных дел поручается только информировать полномочных министров Франции и Великобритании в Каунасе о требовании правительства Германии вернуть Клайпедский край рейху.

Заседание началось в 14 часов, закончилось в 19 часов.

Президент республики
Премьер-министр
Генеральный секретарь Совета министров

ЦГА ЛитССР, ф. 465, оп. 1, д. 1080, л. 47.— Копия.

[1] в широких размерах.

№ 6

Протокол заседания Совета министров Литвы по вопросам об ответе на требования Германии и введении усиленной охраны государства[1]

22 марта 1939 г.

I. Вопрос о протесте по поводу требования правительства Германии

Совет министров решил вручить правительству Германии такой ответ:

«20 числа этого месяца министр иностранных дел Германии изложил министру иностранных дел Литвы альтернативу, согласно которой либо Клайпедский край будет добровольно, путем соглашения, присоединен к Германии, либо развитие событий приведет к вооруженной акции против Литвы, и просил в кратчайший срок довести до сведения правительства Литвы позицию правительства рейха по этому вопросу. Имея в виду такую позицию правительства рейха и не находя другого пути для сохранения мира, правительство Литвы заявляет о своем согласии на отделение Клайпедского края от Литвы и присоединение его к Германии, и готово вести переговоры об условиях передачи Клайпедского края.

По пожеланию правительства рейха, выраженному 21 числа этого месяца, литовское правительство направит сегодня с этой целью в Берлин своих уполномоченных».

Состав делегации установлен следующий: министр иностранных дел Иозас Урбшис, доцент Тадас Петкевичус, доцент Домас Кривицкас, чрезвычайный посол и полномочный министр Литвы Казис Шкирпа и военный атташе полковник Казис Гринюс [8)].

II. Вопрос о введении усиленной охраны государства

Совет министров, основываясь на 139 ст. [9)] конституции Литвы, решил просить господина президента республики объявить положение усиленной охраны государства с 22 марта 1939 г. в следующих уездах...[2]

Президент республики
Премьер-министр
Генеральный секретарь Совета министров

ЦГА ЛитССР, ф. 465, оп. 1, д. 1080, лл. 48—49.— Копия.

№ 7

Договор Литовской республики и Германского государства о передаче Клайпедского края[3]

23 марта 1939 г.

Президент Литовской республики и канцлер Германского рейха решили урегулировать государственным договором воссоединение Клайпедского края с Германским рейхом, устранить этим спорные вопросы, имеющиеся между Литвой и Германией, и таким образом открыть путь для дружественного развития отношений между обеими странами.

С этой целью назначили уполномоченными:

---

[1] На этом заседании присутствовали все лица, перечисленные в док. № 4.
[2] Далее перечисляются 19 уездов Литвы.
[3] Заголовок документа.

Президент Литовской республики — министра иностранных дел Литвы господина И. Урбшиса и посла в Берлине господина К. Шкирпу, канцлер Германского рейха — министра иностранных дел рейха господина Иоахима фон Риббентропа, которые, обменявшись своими полномочиями, найденными правильными и составленными в должной форме, согласились в нижеследующем:

1 статья. Клайпедский край, отделенный от Германии по Версальскому договору, считая с этого дня, воссоединяется с Германским рейхом.

2 статья. Из Клайпедского края будут немедленно эвакуированы военные и политические силы Литвы. Правительство Литвы примет меры, чтобы при эвакуации край был оставлен в порядке. Обе стороны, если это потребуется, назначат комиссаров для передачи тех ведомств, которые не состоят в ведении автономных учреждений Клайпедского края.

Другие вопросы, вытекающие из перемены суверенитета, особенно хозяйственные и финансовые вопросы, вопросы государственных служащих, как и вопросы гражданства, будут урегулированы особым соглашением.

3 статья. Принимая во внимание хозяйственные интересы Литвы, будет учреждена для Литвы зона свободного порта в Клайпеде. Детали будут определены отдельно, руководствуясь основами приложения к этому договору [10].

4 статья. Чтобы укрепить свое решение об обеспечении дружественного развития отношений между Литвой и Германией, обе стороны обязываются не применять силы одна против другой и не оказывать поддержки третьей стороне в применении силы, направленной против одной из них.

5 статья. Настоящий договор вступает в силу после его подписания.

В удостоверение сего уполномоченные обеих сторон подписали этот договор.

Подлинный составлен в двух экземплярах на литовском и немецком языках.

И. Урбшис
К. Шкирпа
Иоахим фон Риббентроп

ЦГА ЛитССР, ф. 465, оп. 1, д. 1100, л. 191.— Заверенная копия.

№ 8

Воззвание ЦК КП Литвы в связи с захватом Клайпедского края

23 марта 1939 г.

ГРАЖДАНЕ ЛИТВЫ!

Гитлеровская Германия захватила Клайпедский край. Она готовится захватить и всю Литву. Пример Чехословакии показывает, что Гитлер не удовлетворяется так называемыми немецкими областями, он захватывает все, что только может захватить и что ему позволяют захватить. Кроме того, Гитлер при захвате не считается ни с какими договорами или обещаниями. Поэтому, несмотря на подписанный теперь договор, которым якобы признаются новые границы теперешней Литвы, Литве ежедневно продолжает угрожать опасность лишиться независимости.

Сегодня, организуя оборону своей страны, мы должны помнить урок Чехословакии, который показывает, что капитулянтская политика бесконечных уступок не может спасти независимости страны. Народ Чехосло-

вакии, который не защищался, постигло рабство. И ответственность за это несет не народ Чехословакии, который был готов защищаться, а продажная реакционная буржуазия, которая, проводя капитулянтскую политику, окончательно продала Чехословакию.

Граждане! Мы призываем все слои, стоящие на позициях защиты независимости Литвы, объединить свои силы для борьбы против угрозы немецкой оккупации. Мы призываем еще более усилить борьбу против вольдемаристов [11] — агентов Гитлера, подготовляющих немецкую оккупацию. Надо укреплять вооруженные силы страны, будем требовать, чтобы весь народ обучался владеть оружием, чтобы он получил оружие. Надо бороться за право народа организовываться и мобилизовать свои силы. Везде и повсюду должны быть созданы комитеты защиты независимости.

В области внешней политики мы должны бороться против тех уступок немцам, которые похоронили бы нашу независимость, надо стремиться к созданию военного союза Прибалтийских стран против угрожающей им немецкой оккупации, воспользоваться Польшей, поскольку она настроена против оккупации Литвы Германией, а особенно опираться на Советский Союз, не раз помогавший защищать независимость Литвы.

Это то, что необходимо для Литвы сегодня. Кто не заботится о защите страны, кто своими делами не обеспечивает безопасности страны, тот предает Литву, является ее врагом. Поэтому надо быть бдительным везде и во всем, чтобы нас не постигла судьба Чехословакии. Предателям и капитулянтам не место ни в общественных организациях, ни в армии, ни в государственном аппарате, ни, наконец, в правительстве. Мы должны также бороться против провокаторских элементов, стремящихся взорвать Литву изнутри в интересах наших врагов.

Пассивность не может спасти Литву. Будем укреплять уверенность народа в своих силах, его решимость жертвовать своею жизнью за Литву. Только единый народ, готовый защищаться, сохранит свою независимость.

ЦК КП Литвы

ЦГА ЛитССР, ф. 56, оп. 5, д. 2722, л. 35.— Типографский текст.

№ 9

Воззвание ЦК ЛКСМ Литвы в связи с захватом Клайпедского края

26 марта 1939 г.

МОЛОДЕЖЬ ЛИТВЫ!

Мы лишились Клайпедского края. Гитлеровская Германия захватила наше побережье. Не верьте подписанному Гитлером договору, которым он гарантирует новые границы нашей страны. Помните, что точно так же Гитлер гарантировал новые границы Чехословакии, а спустя два месяца захватил ее. И нас ожидает такая же участь. Каждый день мы можем очутиться у Германии в рабстве. Если мы хотим остаться нацией, если мы хотим сохранить свой язык и культуру, если мы хотим пользоваться богатствами нашей страны, мы должны организовать ее оборону.

Молодежь Литвы! Ты являешься самой чуткой частью народа. Твою любовь к родине и решимость ее защищать до последней капли крови теперь надо доказать на деле. Помни, что политика уступок, которой придерживалась чешская реакция, привела чешский народ под иго Германии.

Поэтому будь бдительна! Усиливай борьбу против предателей народа — вольдемаристов, наймитов Гитлера. Они сеют в твоей среде дух отчаяния и капитуляции, а из-за угла готовят тебе порабощение. Требуй,

чтобы организации, государственный аппарат и правительство были очищены от капитулянтов, предателей народа и трусов. Организуй комитеты защиты независимости Литвы. Требуй оружия и учись стрелять. Каждый юноша должен уметь владеть винтовкой — это должно быть нашим лозунгом. Если мы покажем нашу решимость защищать свою свободу, то найдем друзей, которые помогут нам в нашей справедливой борьбе. Будем бороться против таких уступок немцам, которые похоронили бы нашу независимость.

Положимся на силы своего народа и будем помнить, что народ, не защищающий своей свободы, не достоин ее.

ЦК Коммунистического союза молодежи Литвы

ЦГА ЛитССР, ф. 56, оп. 5, д. 2722, л. 31.— Типографский текст.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) «Тиеса» («Правда») — орган ЦК КП Литвы — начала выходить с 12 апреля 1917 г. в Петрограде. С 1919 г. «Тиеса» издавалась в Вильнюсе. С конца 1919 г. Коммунистическая партия Литвы печатала «Тиесу» в подполье. 26 июня 1940 г. вышел первый легальный номер «Тиесы».— 56.
2) Нейман Эрнст — один из вожаков фашистов в Клайпедском крае. В 1934 г. совместно с другими гитлеровскими агентами руководил подготовкой заговора, направленного на отторжение Клайпедского края от Литвы и присоединение его к Германии. 26 марта 1935 г. буржуазным судом Литвы был приговорен к 12 годам тюремного заключения, однако актом А. Сметоны от 14 февраля 1938 г. досрочно освобожден.— 57.
3) Бертулайтис Виллюс,— как и Нейман, один из вожаков гитлеровского движения в Клайпедском крае. В 1935 г. вместе с Нейманом был приговорен к 12 годам тюремного заключения и также досрочно был освобожден и назначен директором банка, а затем председателем директории.— 57.
4) Малой Литвой называлась территория, охватывающая Клайпедский край и восточную часть Пруссии. Великая Литва — остальная часть территории Литвы.— 57.
5) Леонас Сильвестрас — министр внутренних дел, Тонкунас Иозас — министр просвещения, Скайсгирис Иозас — министр сельского хозяйства, Мустейкис Казис — министр обороны, Германас Казис — министр путей сообщения, Индришюнас Иулюс — министр финансов, Гудаускис Ионас — министр юстиции, Шакянис Константинас был одновременно председателем фашистского сейма Литвы 1936—1940).— 60.
6) Квиринал — итальянское правительство.— 60.
7) Упомянутая статья гласит, что права суверенитета Клайпедской территории или исполнение их не могут быть переданы без согласия договаривающихся стран.— 61.
8) Петкевичюс Т. и Кривицкас Д.— юристы, доценты университета им. Витаутаса Великого в Каунасе; Шкирпа К.— чрезвычайный посол и полномочный министр Литвы в Германии, Швейцарии, Венгрии (1938—1940). В 1940—1941 гг. руководил организацией агентуры гитлеровской Германии в Литве; Гринюс К.— военный атташе в Германии (1937—1940), в 1918—1919 гг. служил у Деникина и Корнилова.— 62.
9) Буржуазно-фашистское правительство Литвы, стремясь подавить усиливающееся революционное движение народных масс, ввело в буржуазную конституцию 1938 г. 139 ст., которая предусматривала введение усиленной охраны государства.— 62.
10) В приложении содержались основные положения об учреждении так называемой свободной зоны в Клайпедском порту. В конце приложения имеется текст ратификации договора от 1 апреля 1939 г.— 63.
11) Вольдемарас Аугустинас (1883—1944) — один из лидеров литовской фашистской партии таутининков, вождь крайне-реакционного крыла фашистской клики. Его последователи — вольдемаристы — были сторонниками и агентами Гитлера в Литве.— 64.

ЗАПИСКА П. А. ВАЛУЕВА АЛЕКСАНДРУ II О ПРОВЕДЕНИИ РЕФОРМЫ 1861 г.

В феврале 1961 г. исполняется 100 лет со дня отмены крепостного права в России.

Публикуемая записка управляющего Министерством внутренних дел статс-секретаря П. А. Валуева Александру II «О положении крестьянского дела к началу сентября 1861 г.» является новым ценным источником по истории проведения реформы 19 февраля в России. Автор записки делает попытку обобщения и анализа не только всего поступившего в Министерство внутренних дел официального материала, но и имевшихся в распоряжении Валуева «частных сведений» о ходе проведения крестьянской реформы 1861 г. за полугодие с момента вступления в силу «Положения». В этом отношении она представляет собой важное дополнение к ранее опубликованным еженедельным докладам министров внутренних дел царю за 1861—1862 гг. [1]. Вместе с тем в записке получили отражение взгляды одного из главных деятелей реформы на ее цели и характер, и, наконец, на ее место в политике правительства того периода.

Записка содержит ряд весьма ценных для историка свидетельств и откровенных признаний автора. «Преобразование помещичьих хозяйств необходимо,— писал он,— не только для предохранения самих помещиков от разорения, но и для обеспечения продовольственных и торговых нужд государства...» В хозяйственной перестройке помещичьих имений Валуев придает особое значение организации земельного кредита и предоставлению льгот по расчетам за ранее предоставленные ссуды, ибо накануне реформы (к 1859 г.) громадное большинство имений оказалось заложенными и перезаложенными в существовавших государственных кредитных учреждениях.

Валуев понимал, что реорганизация помещичьего хозяйства тесно связана с развитием всех других отраслей экономики и прежде всего промышленности. В свою очередь, это было возможно лишь при условии проведения ряда других реформ буржуазного характера. Валуев с удовлетворением отмечает, что «в настоящее время нет почти ни одной отрасли государственной администрации, в которой... не совершались или не предстояли существенные преобразования».

Обобщая результаты реализации «Положения» 19 февраля 1861 г. за полугодие, автор записки вынужден констатировать, что реформа не удовлетворила ни помещиков, ни, тем более, крестьян. Он отмечает, что помещики «не желают понимать нового порядка вещей», проявляют «односторонность и раздражительность», «не без основания еще чувствуют себя оскорбленными неоднократно возводившимися на них безразличными обвинениями в прямом несочувствии к освобождению крестьян и в старании затруднить, замедлить или даже приостановить это освобождение».

Больше всего беспокойства автора записки вызывает отношение к реформе крестьян. Валуев прямо признает, что «Положения 19 февраля вообще не вполне соответствовали и не могли вполне соответствовать напряженным ожиданиям крестьян».

---

[1] См. «Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы. 1861—1862» М.—Л.. 1950.

Крестьяне ответили на «освобождение», которое В. И. Ленин характеризовал «бессовестнейшим грабежом крестьян» [1], массовыми волнениями, в ряде случаев перераставшими в открытые выступления. Только за 3 месяца 1861 г., с апреля по июль, по неполным данным Министерства внутренних дел, представленным Александру II в 1864 г., произошло 647 случаев выступлений крестьян [2]. Через полгода после обнародования «Приложения» Валуев с тревогой вынужден признать, что «ныне господствующий порядок есть не столько результат окончательного уразумения крестьянами новых условий их быта и окончательного подчинения этим условиям, сколько последствие решительных мер, повсеместно принимавшихся к прекращению возникавших волнений. Присутствие войск почти во всех губерниях еще необходимо и порядок охраняется не одним только законом, но и нравственным влиянием военной силы». Однако «нравственным влиянием» дело далеко не ограничивалось. Выступления крестьян в Казанской, Пензенской, Черниговской и других губерниях жестоко подавлялись силой оружия. В Смоленской губернии войска прибегали к массовым поркам крестьян, где, как отмечает Валуев, «без прямого употребления оружия несколько человек лишились жизни». Известно, что в селе Самуйлове Гжатского уезда, о котором идет речь, в результате экзекуции погибло более двух десятков человек. «...почти во всех губерниях,— отмечается в записке,— неоднократно надлежало восстановлять порядок посредством содействия войск для арестования зачинщиков неповиновения или наказания наиболее в нем виновных крестьян».

Характерно, наконец, высказывание Валуева о том, что при объявлении «свободы» — «жертвы были только на стороне освобождаемых».

Особый интерес для исследователя представляют высказывания Валуева о крестьянской общине. «Понятие о поземельном „мире" составляет вообще камень преткновения на пути правильного развития хозяйственного быта крестьян, — указывает он.—...Впрочем, постепенный переход от общинного или душевого начала к участковому или подворному важен не только в хозяйственном отношении, но и в видах охранения общественного порядка. На разряд самостоятельных домохозяев легче действовать, чем на всю массу сельского населения, и в них легче находить опору охранительным мерам правительства». Постановка Валуевым этого вопроса в 1861 г. вполне понятна, если вспомнить высказывания В. И. Ленина о том, что «указ 9 ноября 1906 г. и закон 14 июня 1910 года суть крепостнические реформы такого же буржуазного, — как и реформа 61-го года, — содержания...» [3].

Многочисленные пометы Александра II на документе свидетельствуют о том, что по всем затронутым вопросам мнение Валуева не расходилось с мнением царя.

* *
*

Записка хранится в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде в фонде Департамента общих дел МВД. Приложенная к ней «Ведомость о расходах на учреждения по крестьянским делам» не публикуется. Текст записки написан писарским почерком; подпись Валуева и пометы Александра II — собственноручные.

О. Н. Шепелева

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 94.
[2] ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 66, д. 11.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 94.

О положении крестьянского дела в начале сентября 1861 г.[1]

15 сентября 1861 г.

На благоусмотрение вашего императорского величества еженедельно представляются краткие мемории о ходе крестьянского дела. В них излагается существенное содержание разных донесений и сведений, в течение недели поступивших из губерний в Министерство внутренних дел. Заключая в себе, таким образом, только семидневную хронику тех именно происшествий или наблюдений, которые в это время сделались известными Министерству, означенные мемории не могут представлять полного очерка современного положения крестьянского дела в империи. Составление подобных очерков по временам может, однако же, быть небесполезным для сравнения сведений, полученных из разных местностей, для общих заключений о постепенном движении и первоначальных результатах совершающейся реформы и, наконец, для определительного обозначения возбуждаемых ею новых вопросов. Опыт такового очерка повергаю на высочайшее воззрение вашего величества в настоящей записке.

I. Общественный порядок и его охранение

Со времени обнародования высочайше утвержденных 19 февраля Положений протекло полгода. Встречавшиеся при введении оных в действие первоначальные затруднения устранены. Вообще установление нового порядка поземельных отношений потребовало менее усилий, чем можно было ожидать при одновременном установлении их в 44 губерниях и без предварительного учреждения сельских начальств и мировых властей, которые должны были заменить упраздненную власть помещиков и пополнить существенно ограниченные права земских полиций и дворянских предводителей. Промежуток времени между обнародованием Положений и введением в действие мировых посредников был самым критическим моментом дела. Нельзя не отдать полной справедливости усердной и неутомимой деятельности и примерному самоотвержению, обнаруженным в это трудное время большей частью дворянских предводителей и земско-полицейских чинов. О действиях войск, повсеместно способствовавших к охранению порядка и к водворению его там, где он был временно нарушаем, я уже имел счастье выразить перед вашим величеством, что «они превзошли всякие ожидания и превосходят всякую похвалу». Вашему величеству благоугодно было всемилостивейше одобрить этот взгляд и, кроме неоднократного объявления высочайшего благоволения войскам, разрешить объявление оного и тем губернским присутствиям, дворянским предводителям и чинам земской полиции, коих действия в настоящем деле заслуживали преимущественного внимания. Нельзя также не отдать должной справедливости здравому смыслу народа, во многих случаях предохранявшему его от влияния неблагоразумных толков и злонамеренных внушений, его кроткому образу действий в первое мгновение торжественно провозглашенного освобождения и, в особенности, его верноподданнической покорности, когда при возникавших частных волнениях к нему обращались от имени вашего императорского величества и указывали на высочайшую вашего величества волю. Случаи буйного неповиновения были чрезвычайно редки. При одновременном объявлении гражданской свободы 20 миллионам душ обоего пола, подлежавшим действию крепостного права, не пало ни одной жертвы на стороне лиц, дотоле пользовавшихся этим правом или призванных по их должностным обязанностям ко введению в действие отменяющих оное законоположений. Жертвы были только на стороне освобождаемых и пали, к счастью, только в немногих местностях вследствие необходимости поддержать решительными мерами поколебленный безрассудными толпами общественный порядок. Оружие употреблено в 5 губерниях: Казанской, Пензенской, Пермской, Подольской и Витебской; в первых четырех по одному разу, в последней два раза. Сопротивление военной силе, в большей или меньшей мере, но без необходимости прибегать для подавления

[1] Заголовок документа.

оного к употреблению оружия, встретилось в 3 губерниях: Черниговской, Харьковской и Саратовской. В Смоленской губернии был случай столкновения, где без прямого употребления оружия несколько человек лишились жизни [1]). Наконец, почти во всех губерниях неоднократно надлежало восстановлять порядок посредством содействия войск для арестования зачинщиков неповиновения или для наказания наиболее в нем виновных крестьян. Но во всех этих случаях не обнаруживалось закоснелого упорства, волнение нигде не принимало опасных размеров и вообще легко объяснялось недоразумениями, возникавшими частью от неблагонамеренных внушений посторонних лиц, частью от естественного затруднения для крестьян сразу уяснить себе пространство и свойство дарованных им новых прав.

В настоящее время общественный порядок водворен повсеместно. Изредка встречаются случаи, где нужно прибегать ко вводу военных команд в неповинующиеся селения, но эти случаи не заслуживают особого внимания, и опасность обширных и упорных волнений, по-видимому, всюду миновалась. При всем том нельзя еще считать общественного спокойствия вполне обеспеченным. Ныне господствующий порядок есть не столько результат окончательного уразумения крестьянами новых условий их быта и окончательного подчинения этим условиям, сколько последствие решительных мер, повсеместно принимавшихся к прекращению возникавших волнений. Присутствие войск почти во всех губерниях еще необходимо, и порядок охраняется не одним только законом, но и нравственным влиянием военной силы.

II. Повинности. Барщина и оброк. Повинность смешанная. Повинности горнозаводских крестьян

На уклонение крестьян от исполнения лежащих на них повинностей слышны непрерывные жалобы. Но хотя не подлежит сомнению, что в некоторых местностях оброк вносится неисправно и что барщина почти везде отбывается неохотно, небрежно и в меньшем против указанного размере, но при всем том очевидно, что жалобы преувеличены, и едва ли не следует заключить, что даже в этом отношении успех дела превосходит ожидания хладнокровного наблюдателя событий. Нельзя было надеяться, что при внезапном упразднении помещичьей власти, при более или менее продолжительном отсутствии тех ближайших к крестьянам инстанций, которые должны были заменить эту власть, при сохранении рабочих повинностей в пользу помещика без предоставления ему права взысканий за неисполнение этих повинностей, при узаконенном уменьшении женской барщины, при безусловном устранении злоупотреблений, во многих местах доводивших мужскую барщину до 4 и 5 дней в неделю вместо 3, и, наконец, при неизбежном первоначальном впечатлении, произведенном на крестьян объявлением личной свободы, не произойдет существенного различия между массою труда, бывшего в распоряжении помещиков до обнародования манифеста 19 февраля, и суммою рабочих повинностей, остающеюся в их распоряжении после этого обнародования. В настоящее время уборка хлеба почти повсеместно окончена или оканчивается, и лучшим доказательством того, что в общей массе урожая нет слишком значительного против прежних лет ущерба, служит сравнительная таблица цен, представленная на высочайшее воззрение вашего величества при всеподданнейшем моем докладе от 1 сентября [1]. Возвышение цен в некоторых местностях вообще умеренно, в других местностях они даже ниже прошлогодних. Кроме того, из самых хлебородных губерний, каковы Самарская, Саратовская, Воронежская, наименее поступает жалоб на неправильное отбывание крестьянских повинностей. Наконец, при той настойчивости, с которой эти жалобы возобновляются в известных местностях, при явной раздражительности и торопливости, с которою они приносятся, едва ли можно сомневаться в том, что они были бы во сто раз настойчивее, многочисленнее и тревожнее, если бы действительно предстояла в значительном числе случаев полная остановка помещичьего хозяйства или знa-

[1] Упомянутый доклад не обнаружен.

чительный недобор в законных помещичьих доходах. Но и здесь, стараясь отделять истину от бессознательных или преднамеренных искажений, нельзя не признать, что землевладельцы действительно претерпевают убытки частью от неисправного платежа оброков, частью же, и преимущественно, от неисправного отбывания издельных повинностей. В сем последнем отношении не вполне оправдываются, по-видимому, правила, постановленные в Положениях 19 февраля. Обеспечение действительного отбывания законной барщины оказалось на деле затруднительнее, чем предполагалось. Крестьяне заметили это и в некоторых местах не соглашаются переходить на оброк. Между тем, для помещиков, при невозможности рассчитывать с надлежащею достоверностью на известную сумму рабочих сил в известное время и при затруднительности непрерывного обращения к мировым посредникам для охранения своих интересов, ведение хозяйства на началах обязательного труда становится до крайности обременительным, что и было поводом к возбуждению в разных губерниях вопроса о предоставлении помещикам права обязательного перевода крестьян на оброк [2]). Этот вопрос был внесен мною в Главный комитет об устройстве сельского состояния и по предварительном в нем рассмотрении передан на заключение губернских по крестьянским делам присутствий. Одним из главных поводов к возникавшим беспорядкам во многих губерниях и в весьма значительном числе имений было существование смешанной повинности, обременительной для крестьян. В Положениях 19 февраля не было указано способов к приведению оной в более правильные размеры до составления уставных грамот. По представлению моему состоялось высочайшее утвержденное вашим величеством постановление Главного комитета, пополнившее этот недостаток в законе [3]).

По горнозаводским имениям затруднения, возникшие в Пермской губернии, вскоре устранены. В Оренбургской они еще продолжаются, хотя и без нарушения порядка, вследствие различного понимания некоторых статей Положения и различных предположений к устройству дела со стороны губернского начальства, самих заводчиков и министерств финансов и внутренних дел. По сему предмету внесено представление в Главный комитет [4]).

III. Мирское управление. Волостные общества. Волостные и сельские начальства Волостные суды

В настоящее время общественное управление открыто почти повсеместно. При учреждении оного в разных губерниях соблюдались, без достаточно объясненных поныне причин, различные системы действий. В некоторых губерниях открытие волостей шло рядом с открытием сельских обществ; в других сперва учреждены сельские управления, и затем приступлено к учреждению волостных. В одних то и другое дружно и быстро приведено в исполнение; в других исполнение производилось медленно, например, в Нижегородской, Смоленской, Курской, где до сих пор часть волостных участков не разграничена. Взгляды на существенные условия образования волостей также были различны. Местами стремились к увеличению, по возможности, их размеров для сбережения издержек по волостным управлениям, что, по моему мнению, вполне правильно. В других местах, наоборот, преимущественно обращали внимание на цифру верст, означающую расстояние разных селений одной волости от центрального пункта. Иногда возникали по сему предмету пререкания в самих губернских присутствиях, например в Симбирском, где для устранения этих пререканий нужно было неоднократное вмешательство Министерства внутренних дел. Вообще нигде не принято в надлежащее внимание, что нынешний состав волостей есть только временный, а не окончательный, ибо, по совершении предуказанного высочайшею волею вашего императорского величества слияния всех свободных сельских сословий, неизбежно пересоставление волостных участков во всех местностях, где селения бывших помещичьих крестьян расположены чересполосно с селениями крестьян государственных или удельных.

Полных данных о волостных и сельских обществах и управлениях до сих пор не получено. О действиях означенных управлений и волостных судов отзывы вооб-

ще весьма удовлетворительны. Крестьяне, избранные в общественные должности, большею частью пользуются надлежащим уважением и разумно взялись за дело. Но нельзя, однако же, не заметить, что их власть и влияние не вполне действительны и даже иногда не употребляются с полным рачением, когда они требуются для охранения интересов помещиков.

IV. Мировые учреждения. Посредники. Съезды посредников. Губернские присутствия

Мировые посредники по настоящее время действуют усердно, успешно и вообще соответствуют своему назначению. Местами заметны односторонность взгляда, неопытность, неправильное понимание своего призвания и положения, выражающееся в стремлении считать себя вполне независимыми от губернского управления и от Министерства внутренних дел и не признавать над собою никакой власти, кроме правительствующего Сената. Для предупреждения недоразумений Министерство внесло в Главный комитет два представления, относящиеся до ближайшего определения положения мировых посредников в общем составе местных учреждений: первое — по вопросу о порядке ревизии мировых учреждений вообще[5]; второе — о порядке назначения следствия над мировыми посредниками, в особенности[6]. Но при всем том, если принять во внимание число посредников (более 1600), то нельзя не признать выбора лиц в эту должность большею частью весьма удачным и не отдать полной справедливости общему направлению их деятельности. Их положение во многих случаях до крайности затруднительно. Они поставлены между крестьянами, часто не понимающими нового своего положения, и помещиками, часто не желающими понимать нового порядка вещей или медленно и с трудом к нему привыкающими. Некоторая односторонность посредников даже неизбежна при тех упорных и раздражительных нареканиях, с которыми они встречаются именно со стороны помещиков. Мое заключение по сему предмету основано на продолжительном и внимательном наблюдении за возникающими в разных местах жалобами[1]. Я неоднократно старался удостовериться в степени их основательности в разных губерниях (Псковской, Тверской, С.-Петербургской, Московской, Ярославской, Калужской, Симбирской) и должен был убедиться в том, что означенные жалобы весьма нередко приносятся до крайности опрометчиво, раздражительно и несправедливо[2].

Все вышесказанное преимущественно относится до мировых посредников великорусских губерний. В западных — направление посредников менее ясно обозначилось, и не без основания можно предполагать, что некоторые из них действуют в видах современного польского волнения в крае.

О деятельности мировых съездов еще нет в виду достаточных сведений. Заметно, однако же, что вообще посредники действуют дружно и что недоразумения на съездах встречаются редко. В некоторых местах проявляется чрезмерное и неразборчивое стремление к оглашению всех своих действий и к публичности совещаний.

В губернских присутствиях встречается большое разнообразие взглядов, направления и системы действий. Некоторые из них чрезвычайно деятельны, например Самарское, Владимирское, Оренбургское, Ярославское, и в их постановлениях неоднократно встречались мысли и предположения, которыми Министерство внутренних дел воспользовалось; в других, например Нижегородском, Тамбовском, Пензенском и большей части западных, признаки деятельности менее заметны или же

---

1 Вся фраза отчеркнута Александром II; на полях его помета: «И я нахожу совершенно справедливым».

2 «Таким образом оказались совершенно неосновательными сведения или показания, полученные от одного члена Государственного совета, одного члена Совета Министерства внутренних дел, от двух дворянских предводителей и от двух помещиков, принадлежащих к известным дворянским родам». *Примечание документа*.

преимущественно заключаются, как в Витебском, в возникающих между членами недоразумениях и пререканиях. До сих пор Министерство внутренних дел не имеет почти никаких сведений о действиях присутствий по предмету разбирательства споров между помещиками и крестьянами. Их деятельность была почти исключительно направлена к административным соображениям и распоряжениям или же к обсуждению общих вопросов, возникавших вследствие встреченных в Положениях 19 февраля поводов к сомнениям или недоразумениям.

V. Отношения общественных крестьянских учреждений к мировым и мировых к административным

Влияние мировых посредников и съездов на сельские и волостные управления и их взаимные отношения до сих пор еще ясно не обозначилось. Отношения мировых учреждений к общим административным равным образом не установились определительно. Выше сего уже замечено, что со стороны посредников вообще заявляется требование полной независимости от административной власти. Хотя для точного исполнения лежащих на них обязанностей и для дальнейшего привлечения к этой должности людей благонамеренных и благонадежных необходимо оградить их самостоятельность от всяких неуместных притязаний разных административных инстанций, но, тем не менее, принимая в соображение, что посредникам предоставлены не только судебные, но и распорядительные права, нельзя, безусловно, разорвать общую связь между ними и другими местными административными властями. До сих пор, при большой внимательности и бережливости со стороны губернаторов и Министерства внутренних дел, удалось предупредить такие недоразумения или столкновения, которые могли бы повредить общему ходу дела. Первая и самая затруднительная пора миновалась. Время и опыт должны облегчить окончательное установление правильного по сему предмету порядка. Но, между тем, в разных губерниях еще замечается весьма разнообразное понимание взаимных отношений губернского начальства, земских полиций, дворянских предводителей и мировых посредников. Иногда уездные предводители действуют наравне с земскими исправниками и посредниками; иногда, наоборот, они, по-видимому, не принимают даже и того участия в деле, которое могло бы согласоваться с правилами новых положений. Иногда земские полиции действуют самостоятельно; иногда только по требованию мировых посредников; иногда же сами посредники распоряжаются по своему усмотрению, вместо земских полиций.

Значение губернского присутствия в каждой губернии есть некоторым образом значение второго губернского правления, собственно по крестьянскому делу. Присутствию дана, по Положениям 19 февраля, форма постоянного многочленного учреждения. Здесь, однако же, возникает вопрос, в какой мере необходимо будет сохранить эту форму впоследствии, когда окончательно будет введено в действие новое законодательство и совершится, в административном отношении, слияние разных сельских сословий? Близкий к тому вопрос может быть возбужден и в отношении к мировым посредникам, если принять во внимание, что при общем преобразовании нашего судоустройства имеется в виду учреждение особых мировых судей, круг ведомства коих в некоторых отношениях не может не совпадать с нынешним кругом ведомства посредников. Едва ли подлежит сомнению, что после полного введения в действие новых Положений губернские присутствия будут значительно менее обременены делами, чем в настоящее время, и что при мировых судьях значение и предметы ведомства мировых посредников несколько изменятся.

Ближайшее рассмотрение этих вопросов было бы ныне преждевременным, но беглое указание на них оправдывается их связью с другим, уже ныне предстоящим вопросом об издержках на учреждения по крестьянским делам[1].

---

[1] Вся фраза отчеркнута Александром II; на полях его помета: «Справедливо».

VI. Издержки на содержание учреждений по крестьянским делам

Из прилагаемой таблицы усматривается, что, по сведениям, ныне имеющимся в Министерстве внутренних дел, но во многих отношениях еще не полным, требуется:

1. На содержание членов и секретарей губернских присутствий (по 44 губерниям)	402 000 руб.
2. На членов от правительства и секретарей при мировых съездах (по 43 губерниям) . . .	262 000 руб.
3. На мировых посредников (по 44 губерниям)	2 464 000 руб.
Итого:	3 128 000 руб.
4. Кроме того, на суточные деньги кандидатам мировых посредников и на наем землемеров ассигновано по сметам 27 губерний	480 000 руб.

О числе сельских обществ затребованы, но еще не получены сведения. Волостей в 41 губернии, при населении временно-обязанных крестьян около 8 900 000 душ, оказывается 9582. Следовательно, на каждую приходится средним числом около 900 душ, и на это число душ должны распределиться все издержки по содержанию волостного управления, кроме соответствующей доли по вышеозначенным общим статьям расходов. Очевидно, что эти расходы составят весьма ощутительное бремя как для крестьян, так и для помещиков. Для облегчения этого бремени желательно скорейшее, по возможности, приведение в исполнение высочайшей воли вашего величества относительно слияния в административном отношении всех сельских сословий [1]. Тогда, при общем расширении границ нынешних мировых участков и упразднении некоторой части нынешних управлений ведомства государственных имуществ и уделов, можно будет обратить на содержание общих по крестьянским делам учреждений те самые общественные сборы, которые в настоящее время употребляются на покрытие издержек по подлежащим упразднению частям управления отдельных ведомств. По сему предмету ожидается внесение в Главный комитет предположений Министерства уделов и государственных имуществ [2].

VII. Уставные грамоты. Причины их медленного составления. Обоюдное настроение умов помещиков и крестьян

Составление уставных грамот происходит весьма медленно. Их должно быть составлено более 100 тыс. К 1 сентября имелись официальные сведения только о 108. Встречаемые в этом деле затруднения и препятствия возбуждают повсеместные толки и громкие опасения. Но при внимательном рассмотрении свойства обнаруженных затруднений нельзя, кажется, не убедиться в том, что означенные толки большею частью неосновательны, а опасения преувеличены.

Опыт не всегда оправдывает предусмотрительность законодателя. При издании Положений о крестьянах предполагалось, что медленность в составлении уставных грамот обнаружится со стороны помещиков, и посему постановлено в § 30 правил о приведении в действие Положений, что в случае непредставления грамоты в указанный годовой срок все расходы по составлению оной должны быть обращены на помещика. На деле оказалось, что от составления грамот уклоняются сами крестьяне. Встреченное с их стороны нерасположение к добровольным сделкам и даже к

---

[1] Слова: «относительно слияния в административном отношении всех сельских сословий» отчеркнуты Александром II; на полях его помета: «Совершенно справедливо».

[2] Вся фраза отчеркнута Александром II; на полях его помета: «Предложения эти внести в Глав[ный] ком[итет], только не позже 1 ноября сего года».

простому изъявлению согласия на узаконение существующих безобидных для них поземельных отношений, там где эти отношения оказались вполне согласными с условиями нового закона, смутило помещиков. Чем менее одна сторона изъявляла готовности к заключению договора, тем более другая настаивала на его заключении, действуя в этом деле с самым нерасчетливым нетерпением. Между тем, обоюдное настроение умов большею частью весьма естественно объясняло медленность обоюдных соглашений.

Положения 19 февраля вообще не вполне соответствовали и не могли вполне соответствовать напряженным ожиданиям крестьян. Дарованные им права не могли быть ими с первого раза оценены; повинностные льготы казались им недостаточными; в тех имениях, где повинности были незначительны, вовсе не могло обнаружиться облегчения. Между тем распространившиеся слухи и толки о предстоящих дальнейших льготах, превратное толкование установленного для введения в действие уставных грамот двухгодичного срока, неясные понятия о своих правах и обязанностях вообще и о праве собственности на землю — в особенности, наконец, недоверие к помещикам и привычка крестьян прибегать в сомнительных случаях к более или менее хитрой уклончивости от предъявляемых им требований одинаково должны побуждать их к медленному выжиданию тех событий или распоряжений правительства, или дальнейших уступок со стороны помещиков, которые могут казаться крестьянам более или менее правдоподобными. К выжиданию должны некоторым образом склонять их даже самые жалобы помещиков на предстоящее им разорение. Эти жалобы гласно и повсеместно разносились почти два года сряду. Для оправдания их крестьяне, действительно, могут предполагать в некоторых случаях нечто более для себя выгодное, чем то, что они находят в новых Положениях. Другие обстоятельства равным образом приводят их в недоумение. 20-летний срок переоброчки, установленной для ограждения интересов крестьян, кажется им слишком продолжительным. Они опасаются вступать в какие бы то ни было обязательства на столь долгое время. Еще менее уясняют они себе выгоды выкупа, рассчитанного на 49 лет. Наконец, значительное препятствие к добровольным соглашениям, не только по существу дела, но даже и по обрядному составлению грамот, заключается в общинном устройстве крестьянского быта, в круговой поруке и в той особого рода неволе, которой подчинены члены так называемого мира. Очевидно, что, где нужно разъяснять что-нибудь десяткам и сотням людей или испрашивать согласие десятков и сотен и с ними договариваться, там труднее и разъяснить, и согласить, и договориться, чем при сношениях с отдельными лицами.

Настроение умов и направление взглядов большинства помещиков также немного способствуют к успешному ходу дела. Некоторая односторонность и раздражительность с их стороны, конечно, естественна. Они непосредственно заинтересованы в деле. Они не без основания еще чувствуют себя оскорбленными неоднократно возводившимися на них безразличными обвинениями в прямом несочувствии к освобождению крестьян и в старании затруднить, замедлить или даже приостановить это освобождение. Они провели более трех лет в тревожном ожидании разрешения крестьянского вопроса, в напрасных усилиях доставить перевес своим воззрениям на дело и ныне должны подчиниться разрешению, в некоторых отношениях прямо противоположному этим воззрениям. Кроме того, они также не без основания замечают, что сохраненные им новыми Положениями права на принадлежащие им земли не вполне обеспечены постановленными в Положениях правилами, что часть этих правил на практике трудно приложима к делу и что со стороны правительства им доселе не оказывается тех воспособлений по части преобразования их хозяйств, на которые они некоторым образом имели право надеяться. Поземельный кредит внезапно упразднен правительственным распоряжением, и действия прежних по сему предмету банковых установлений ничем не заменены. По долговым платежам в пользу этих установлений не издано льготных правил. Вопрос о введении ипотечной системы не разрешен. Правил о найме вольных работников на основаниях, практически обеспечивающих нанимателя, также не издано. Но бо́льшая или меньшая объяснимость ошибок

не изменяет их сущности, а ошибочность взгляда на предмет значительной части дворянского сословия и ныне еще обнаруживается в его речах и в его поступках. Вообще упускается из виду, что при установлении обязательных наделов и обязательных повинностей правительство приняло на себя нравственную гарантию в том, что изданный им закон будет исполняться и, следовательно, что определенные этим законом повинности действительно будут отбываемы в пользу помещиков. Если на первое время в том встретилось затруднение или оказалось, что постановленные в Положениях правила по этому предмету требуют пояснений или дополнений, то еще нельзя заключать, что правительство не примет к тому надлежащих мер [1]. Но для сего нужно время, нужны указания опыта, ближайшее обсуждение этих указаний [2]. Первоначальный ущерб в доходах, первоначальные недоразумения, столкновения и необеспеченность повинностных прав помещиков суть именно те убытки, которые при совершении подобной реформы ими самими признавались неизбежными, именно те пожертвования, которые они сами с готовностью желали принести великому делу отмены крепостного права и за которые вашим императорским величеством изъявлена дворянству высочайшая благодарность. Если бы с первого дня оброчные и барщинные повинности везде исполнялись в указном размере, то едва ли предстоял бы повод к жалобам на значительность приносимых помещиками пожертвований. Их расчеты при обсуждении последствий нового порядка вещей часто преисполнены неверностями. Они сравнивают прежние свои доходы с указным оброком за крестьянский надел и, выводя результат, забывают, что часть земель остается в их непосредственном распоряжении и должна быть особою статьею дохода. Или они принимают в расчет, наоборот, только доход с излишней против надела земли и считают невозможным поступление оброков с водворенных на их землях крестьян. В других случаях сравнивают все доходы, возможные при действии новых Положений, с прежде действительно получавшимися доходами, но при сем оставляют без внимания, что сии последние были большею частью извлекаемы путем незаконного требования барщины свыше трех дней в неделю или произвольного назначения оброков, несоразмерных с ценностью отведенных крестьянам земель. Все жалобы на ограничение прав в отношении к дворовым людям и к крестьянам, находившимся в личной службе при помещиках, еще менее имеют основание, ибо этими правами, истекающими не из понятия о праве собственности на землю, к которой прикреплены были крестьяне и дворовые, но из понятий о праве на личность этих людей, едва ли можно было пользоваться не краснея [3]. Конечно, внезапное лишение этих прав может быть весьма тягостным для многих недостаточных помещиков, но эта тягость неизбежная, она есть прямое последствие отмены крепостного права и составляет одно из тех неудобств, которые надлежит переносить, но на которые нельзя жаловаться [4]. Вообще помещики недостаточно вспоминают, что переворот, подобный ныне совершающемуся в России, не может обойтись без затруднений и утрат, и что при этом неизбежно надлежит перейти чрез период хозяйственного и общественного быта, который существенно различен от предшедшего, но, с другой стороны, не менее различен и от последующего. Все неудобства, обнаруживающиеся в настоящей переходной поре, без правильного основания приписываются и будущей. Если добровольные соглашения с крестьянами ныне до крайности затруднительны, то из сего нельзя заключать, что они вообще невозможны. Если крестьяне не обнаруживают правильного понимания своих прав и обязанностей, то из сего равным образом еще нельзя выводить, что они и впредь не будут понимать ни тех, ни других. Многое в настоящем деле зависит от той из двух прикосновенных сторон, которая обладает и высшим образованием, и большим материальным достатком. Для окончательного

---

[1] Слова: «не примет к тому надлежащих мер» подчеркнуты Александром II; на полях его помета: «Разумеется».

[2] Вся фраза отчеркнута Александром II; на полях его помета: «Необходимо».

[3] Слова: «едва ли можно было пользоваться не краснея» подчеркнуты Александром II; на полях его помета: «Справедливо».

[4] Вся фраза отчеркнута Александром II.

успеха необходимы время, опыт, терпение, труд, изобретательность в средствах, знание нравов народа и, в особенности, решимость примириться с основными началами новых Положений и помогать правительству в деле приведениях их в исполнение. Многие помещики еще не вполне в этом убедились и в первоначальных сношениях с вышедшими из крепостной зависимости крестьянами не обращают достаточного внимания на особенности их взгляда на дело и на необходимость некоторых уступок. Таким образом, они иногда увлекаются стремлением к округлению земель, остающихся в их непосредственном распоряжении, и преждевременно требуют обмена угодий или перенесения крестьянских усадеб, хотя не могут не знать, что крестьяне крайне неохотно подчиняются тому и другому. Иногда они обнаруживают нетерпение и раздражительность при первом неудавшемся опыте соглашения, хотя очевидно, что проявлением этих чувств можно только усилить недоверие и сопротивление крестьян. Наконец, в самих условиях предлагаемых сделок помещики нередко настаивают на мелочных подробностях или озабочиваются охранением мелочных выгод, между тем как главная забота в настоящее время должна заключаться в мирном и безотлагательном определении дальнейших обоюдных отношений, если можно — по взаимному согласию, если же этого согласия нельзя достигнуть, то на точном основании закона, без участия крестьян, руководствуясь ст. 36 Правил о приведения в действие новых Положений.

Влияние всех вышеизъясненных обстоятельств достаточно объясняет, почему до сих пор так мало уставных грамот предъявлено к утверждению. Впрочем, по частным достоверным известиям их состоялось на деле более, чем значится в официальных сведениях, и число их было бы еще гораздо значительнее, если бы во многих губерниях не замедлилось составление подлежащих форм и инструкций. Таким образом в С.-Петербургской и Курской губерниях формы утверждены и бланки изготовлены только в конце августа месяца.

VIII. Общий ход дела и его настоящее положение

Все вышеизложенное заимствовано из сравнительного соображения поступающих в Министерство внутренних дел официальных известий, частных сведений и разнородных жалоб, просьб и предположений, а равно и результатов моих частных личных объяснений с приезжающими из губерний должностными и частными лицами. Труд этой непрерывной сравнительной оценки имеющихся в виду Министерства различных данных необходим при крайнем разнообразии взглядов и крайней разноречивости показаний. Даже в официальных донесениях начальников губерний почти всегда заметна некоторая односторонность. Но при сем я долгом считаю засвидетельствовать пред вашим императорским величеством, что Министерству внутренних дел тем не менее оказывается вообще постоянное и ревностное содействие со стороны всех ему подведомых местных властей [1]. Дело идет вперед, хотя не везде с равным и однообразным успехом, но везде, и в особенности в великорусских губерниях, с постепенным приближением к цели, предуказанной высочайшею волею вашего императорского величества. Встречаемые затруднения одно за другим устраняются, и новый порядок поземельных отношений установляется на более и более упрочивающихся основаниях. Остается следить за вновь возникающими недоразумениями и законодательными или административными вопросами, озабочиваться их своевременным разрешением и старательно ограждать дальнейший ход дела от тех опасностей, которыми еще угрожают ему обоюдно натянутые отношения крестьян и помещиков. Ни те, ни другие не подчинились окончательно новым законоположениям. Одни считают предоставленные им права и льготы недостаточными и ожидают новых, другие признают постановленные в Положениях 19 февраля правила для себя слишком стеснительными и затрудняются предполагать, что к ним не воспоследует облегчительных дополнений. Охранение общественного порядка и правиль-

[1] Слова: «Министерству внутренних дел... местных властей» отчеркнуты Александром II: на полях его помета: «Грустно, если бы было иначе».

ное развитие новых условий поземельного быта зависят от твердости, но вместе с тем и от заботливой и снисходительной предусмотрительности правительства. С одной стороны, необходимо убеждать крестьян в ошибочности их превратных надежд и поддерживать решительными мерами несколько поколебленное между ними повиновение административным властям. С другой — желательно убедить помещиков, что, не отступая от основных начал реформы, правительство готово подать им руку помощи для выхода из настоящего затруднительного их положения [1].

Первоначально, вслед за изданием нового закона, на Министерстве внутренних дел лежала обязанность преимущественно заботиться о безотлагательном приведении его в исполнение, устраняя всякое противодействие, с какой бы стороны оное ни обнаруживалось. Руководствуясь высочайшими указаниями вашего императорского величества, Министерство внутренних дел посильно исполняло эту обязанность. Из вышеизложенного вашему величеству благоугодно будет усмотреть, что Положения 19 февраля в настоящее время уже введены в действие настолько, насколько это практически оказалось возможным. Ни одного отступления от постановленных в них правил не допущено. Ни одного домогательства, противоречащего их главным началам, не принято во внимание. Но, несмотря на полноту и всесторонность этих Положений, вскоре обнаружилось, что в деле приложения их к обширному и разнообразному пространству России должны были встретиться сомнения и затруднения, которых в точности предусмотреть было невозможно. При совершении великих реформ первое слово может быть решительным словом законодателя, но не может быть его последним словом [2]. Ваше императорское величество заблаговременно соизволили высочайше указать тот путь, по которому вновь возникавшие вопросы надлежало направлять к разрешению, соответствующему общим видам и главной цели вашего величества. Следуя этому пути, Министерство внутренних дел вносило на рассмотрение Главного комитета для устройства сельского состояния те из вопросов, непрерывно возбуждавшихся в губерниях, которые оно не считало себя вправе разрешать своею властью. Таких представлений с 1 мая по 8 сентября внесено 76. Из них по 56 уже состоялись постановления Комитета. Вместе с тем, чтобы по возможности сохранять единство в общем направлении дела и предупреждать повторение одного и того же вопроса из разных местностей, Министерство начало издавать общие циркуляры, в которых сообщались для руководства губернских начальников и присутствий по крестьянским делам состоявшиеся уже по главным таковым вопросам разрешения. Издание этих циркуляров породило опасение, что таким образом могут быть возбуждаемы недоразумения и в тех местностях, где дотоле не возникали вопросы, разъясняемые в циркулярах. Следующие цифры показывают, что это опасение не имеет точного основания и что Министерство вообще с крайнею умеренностью пользуется означенным средством циркулярных наставлений. Всех общих циркуляров издано 9. В них заключается 35 статей, в том числе 14 по особым случаям, разрешенным высочайшими вашего величества повелениями.

Наконец, с одной стороны, в видах собрания полных и точных сведений о порядке и последствиях введения в действие новых Положений в двух губерниях, одной по преимуществу земледельческой и одной преимущественно оброчной, с другой стороны, для положительного разъяснения авторитетом высшего должностного лица пререканий между помещиками, губернским начальством и мировыми учреждениями в одной из тех местностей, где эти пререкания возникали и продолжались с наибольшим упорством, я долгом счел всеподданнейше представить на высочайшее благоусмотрение вашего величества о назначении сенаторской ревизии в губернии Калужскую и Владимирскую с тем, чтобы на вышеозначенные предметы было предпочтительно обращено внимание ревизующего сенатора. Вашему императорскому величеству благоугодно было сие соизволить. Исполнительные распоряжения ныне сделаны, и к производству ревизии на сих днях будет приступлено [7].

---

[1] Три последние фразы отчеркнуты Александром II; на полях его помета: «Совершенно так».

[2] Вся фраза отчеркнута Александром II; на полях его помета: «Разумеется».

IX. Отдельные вопросы. Обязательный перевод на оброк

Выше сего мною выражена мысль, что правительство, определив указные наделы и указные повинности, некоторым образом приняло на себя нравственную гарантию в том, что эти повинности действительно могут быть и действительно будут отбываемы. Ныне опыт обнаружил, что за исключением западных губерний, где давнишнее существование инвентарей развило уже в народе понятие о законной норме повинностей и где раздел земель на особые подворные участки ближе обеспечивает помещика возможностью перехода этих участков от одного хозяина к другому, обязательный труд вообще не представляет вотчинным землевладельцам средств к правильному поддержанию их хозяйств. Необходимо открыть им законный путь к замене в подлежащих случаях издельной повинности оброчною [1]. Окончательные соображения Министерства внутренних дел по сему предмету имеют быть внесены в главный комитет по получении отзывов от губернских присутствий [2].

Поземельный кредит

Преобразование помещичьих хозяйств необходимо не только для предохранения самих помещиков от разорения, но и для обеспечения продовольственных и торговых нужд государства. Хлеб, обеспечивавший продовольствие городов, потребности армии и требования заграничной отпускной торговли, снимался, если не исключительно, то по крайней мере преимущественно, с помещичьих полей. Для дальнейшего возделывания их вольным трудом или уменьшенными против прежнего способами издельной повинности нужны новые хозяйственные приемы, употребление усовершенствованных орудий и оборотный капитал. Для сего нужен, в свою очередь, кредит. Но поземельного кредита в настоящее время не существует. С 1859 г. прекратились ссуды из прежних банковых установлений, новых не учреждено, частный кредит без ипотечной системы и удобных форм гражданского судопроизводства бессилен. Необходимо создать одно или несколько учреждений, которые могли бы удовлетворять настоятельной, всеми признанной и повсеместно ощущаемой потребности в ссудах под залог земель. Между тем, учрежденная в июле месяце 1859 г. при Министерстве финансов по высочайшему вашего величества повелению комиссия земских банков не только не представила окончательных по сему предмету предположений [3], но даже избрала для направления своих трудов, по-видимому, такой путь, который едва ли может ее привести в скором времени к предуказанной цели [4].

Долговые уплаты по ссудам из прежних кредитных установлений

Принимаю смелость выразить пред вашим императорским величеством убеждение, что некоторые временные льготы по прежним банковым ссудам, по крайней мере в пользу владельцев небольших имений, составляют в настоящее время необходимое для них пособие. Еще в мае месяце я счел долгом просить министра финансов не отказать в ближайшем обсуждении сего вопроса. Министр финансов тогда не при-

---

[1] Вся фраза отчеркнута Александром II; на полях его помета: «Да, необходимо».

[2] Против слов: «по получении отзывов от губернских присутствий» на полях помета Александра II: «Когда могут они окончательно быть получены?».

[3] «Комиссия предпочитает систему устройства губернских банков и собирает о ней отзывы из губерний. При этой системе инициатива переходит из центра управления в губернии. Для удовлетворения повсеместной потребности нужно повсеместное учреждение банков. Круг действия и способы каждого банка стесняются пределами известной местности. Наконец, обращение новых кредитных бумаг затрудняется их разнообразием, ибо билеты или закладные свидетельства каждого банка должны отличаться от билетов и свидетельств других банков».— *Примечание документа.*

[4] Вся фраза отчеркнута Александром II; на полях его помета: «Необходимо принять меры, чтобы дело это, первейшей важности, подвинуть действительным образом, и потому прошу представить мне по этому ваши соображения».

знал подобных льгот возможными. Между тем потребность в них при продолжающемся отсутствии других источников кредита со дня на день становится настоятельнее. При нынешнем положении денежного рынка правительство едва ли может окончательно избегнуть оказания некоторых облегчений по прежним банковым ссудам. Число имений, подлежащих описи и продаже за невзнос срочных платежей, может быть столь значительным, что взыскание приостановится за неявкою покупателей. Льгота, заранее дарованная и объявленная, будет высочайшею милостью и произведет ободрительное впечатление. Та же самая льгота, вынужденная необходимостью, не может иметь ни того же значения, ни тех же последствий [1].

Новые поселения на помещичьих землях. Правила о найме работников. Приписка к волостям без приписки к сельским обществам. Дворовые люди

При малонаселенности государства, неудобстве сообщений и новости установленных ныне отношений между землевладельцами и крестьянами должно встретиться затруднение в приискании вольных работников для помещичьих хозяйств. Необходимо поощрить с этою целью, с одной стороны, призыв иностранных поселенцев, о чем уже внесено представление в Главный комитет, с другой — водворение на помещичьих землях, по взаимному с ними соглашению, вышедших из крепостной зависимости дворовых людей. В отношении к иностранным поселенцам при сем желательно избегать поселения их многочисленными массами на одних местах, как доселе допускалось, а в Западном крае не дозволять водворения выходцев из Царства Польского, Галиции и Познани. В отношении к дворовым людям надлежало бы допустить некоторые льготы по части податей и даже, на непродолжительные сроки, по части отбывания рекрутской повинности. Министерство внутренних дел имеет в виду войти в Главный комитет с особыми представлениями как по сему предмету, так и по общему вопросу о порядке приписки иностранных поселенцев и других лиц к волостному обществу без приписки к которому-либо из сельских, находящихся в составе волости, развивая таким образом и применяя к делу понятие о различии между административною или волостною и хозяйственною или сельскою общинами. Наконец, необходимо скорейшее разрешение вопроса о правилах для найма работников на основаниях, достаточно обеспечивающих нанимающегося и нанимателя. Этот вопрос уже рассматривается в законодательном порядке, и, кроме того, вашему величеству благоугодно было высочайше разрешить мне передать оный, вместе с вопросами о водворении новых поселенцев на помещичьих землях и об устройстве поземельного кредита, на обсуждение предстоящих в разных губерниях очередных дворянских собраний, начиная с Харьковского.

Преобразования по части судебной

Для облегчения совершающего[ся] ныне во всем пространстве Европейской России хозяйственного переворота необходимо усилить деятельность и поощрить предприимчивость по разным отраслям промышленности. Существенные к тому препятствия давно уже усмотрены в недостатках нашего судоустройства и судопроизводства. По сим важным вопросам составляются и отчасти уже составлены по высочайшему вашего величества повелению проекты новых законоположений, но время издания оных еще едва ли может быть с некоторою достоверностью предусмотрено [2].

---

[1] Вся фраза отчеркнута Александром II; на полях его помета: «Совершенно справедливо».

[2] Вся фраза отчеркнута Александром II; на полях его помета: «Буткову донести мне, когда все эти проекты будут окончательно рассмотрены в Госуд[арственном] сов[ете]».

Преобразования губернского управления

Преобразование уездных и губернских учреждений признано состоящим в непосредственной связи с крестьянским делом, и посему составление подлежащих о том проектов было сосредоточено в особых комиссиях при земском отделе Министерства внутренних дел. Проект преобразования уездной полиции, уже внесенный моим предместником на рассмотрение Государственного совета, возвращен из оного на мое заключение и в предстоящем октябре месяце имеет быть вновь мною представлен с теми изменениями и замечаниями, которые я признал необходимыми. Что же касается до проекта преобразования губернских учреждений, то по составлению оного доселе произведены только приуготовительные работы. Приведение их к окончанию возложено на мою ответственность высочайшею вашего величества резолюциею, последовавшею на докладе Комиссии, рассматривавшей отчет моего предместника за прошедший год. Таким образом, в настоящее время нет почти ни одной отрасли государственной администрации, в которой по высочайшим указаниям вашего императорского величества не совершались или не предстояли существенные преобразования. Вашему величеству благоугодно было признать, что, двинув крестьянский вопрос, надлежало вместе с ним, или вслед за ним, двинуть и все другие [1].

Выкуп

Из всех постановлений, заключающихся в Положениях 19 февраля, постановления о выкупе до сих пор наименее прививаются к новым обоюдным отношениям крестьян и помещиков. В Министерстве имеются первоначальные сведения только о восьми или девяти выкупных сделках, совершенных на точном основании подлежащего Положения, но и эти сведения слишком поверхностны, чтобы из них можно было вывести точное заключение о свойстве означенных сделок. Крестьян останавливают 49-летний срок и неясное понятие о выгодах, приобретаемых для их потомства. Помещики затрудняются признавать для себя выгодною ту форму выкупа, которою они могли бы воспользоваться без соглашения с крестьянами на основании §§ 35, 65 и 66 Положения и сущность которой заключается в уступке права собственности на землю за сумму правительственными кредитными бумагами, приблизительно равную указному оброку за 13 лет. Другое препятствие к успеху выкупного дела заключается в общинном поземельном быте крестьян и в том, что при издании Положений 19 февраля преимущественно имелся в виду выкуп общественный, целыми селениями, а не участковый или подворный. Понятие о поземельном «мире» составляет вообще камень преткновения на пути правильного развития хозяйственного быта крестьян. Земледелие, как и всякая другая отрасль промышленности, требует обеспечения в пользу трудящегося результатов его труда. Это обеспечение возможно только при личной, а не при общинной собственности. Впрочем, постепенный переход от общинного или душевого начала к участковому, или подворному, важен не только в хозяйственном отношении, но и в видах охранения общественного порядка. На разряд самостоятельных домохозяев легче действовать, чем на всю массу сельского населения, и в них легче находить опору охранительным мерам правительства [2]

В западных губерниях, где уже введено подворное начало, выкуп мог бы совершиться с меньшими затруднениями. Но в этих губерниях общий ход крестьянского дела вообще гораздо медленнее, чем в великороссийских, и Министерство внутренних дел еще не имеет в виду данных, на которых могло бы быть основано положительное по сему предмету заключение. Из северо-западных губерний не получено относительно выкупа никаких сведений. В юго-западных — главный начальник края

---

[1] Вся фраза отчеркнута Александром II; на полях его помета: «Необходимо».
[2] Вся фраза отчеркнута Александром II; на полях его помета: «Справедливо».

и начальник Подольской губернии признают необходимым обязательный выкуп как единственное средство к разрешению вопроса; но о способе приведения в исполнение этой меры ими не доставлено ближайших соображений[1].

Окончательное введение в действие уставных грамот. Отрезка излишних против надела земель

Двухгодичный срок, установленный для окончательного введения в действие уставных грамот, вообще приобрел в глазах крестьян другое значение. Они предполагают, что по истечении этого срока в условиях их быта произойдут новые, для них выгодные перемены. В настоящее время трудно предусмотреть, в какой мере это заблуждение постепенно может устраниться и дать место более правильному взгляду на дело. Еще затруднительнее предопределить, какое впечатление произведет отрезка излишних против установленного надела земель и возвращение оных, по миновании пяти лет, в свободное распоряжение помещиков. Чем скорее успеют водвориться в понятиях всех классов народа уважение к закону и убеждение в невозможности его безнаказанного нарушения, тем спокойнее совершится это окончательное разграничение поземельных прав обеих прикосновенных сторон[2]. Быть может, что между тем опыт яснее обозначит те дополнительные меры, которые могли бы быть приняты для обеспечения правильного и мирного исхода дела. Не все явления и последствия внутреннего развития государства могут быть подводимы под заранее изданный закон. Иногда обнаруживается необходимость узаконить то, что законом не было и не могло быть предусмотрено.

Статс-секретарь Валуев

15 сентября 1861 г.

Резолюция Александра II: «Весьма благодарен за этот очерк, совершенно согласный с теми сведениями, которые до меня доходят с разных сторон. Полагаю весьма полезным прочесть его в Глав[ном] ком[итете]».

ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 241, д. 185, лл. 1—102.— Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Валуев имеет в виду события, происшедшие в селе Самуйлове, Гжатского уезда (см. «Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права», ч. I—II, сборник документов, М.—Л., 1949, стр. 221—229, 307, 308; ЦГИАЛ, ф. 1180, д. 106, лл. 169—170).— 69.
2) Об обязательном переводе крестьян на оброк в Министерство внутренних дел поступили ходатайства от помещиков Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний (ЦГИАЛ, ф. 1181, д. 106, 1861 г.).— 70.
3) В упомянутом представлении, приводя примеры смешанных повинностей в Рязанской, Тверской и Ярославской губерниях, Валуев вынужден признать, что «обременение крестьян, как видно из многих фактов, очень часто весьма значительно и почти всегда сравнительно превышает трехдневную барщину» (ЦГИАЛ, ф. 1181, д. 59, 1861 г.).— 70.
4) В упомянутом представлении Валуев считает необходимым досрочное составление уставных грамот и перевод сельских работников на оброк (ЦГИАЛ, ф. 1181, д. 127, 1861 г.).— 70.
5) Право назначения ревизии мировых учреждений предоставлялось губернским правлением (ЦГИАЛ, ф. 1181, д. 125, 1861 г.).— 71.
6) Министерство внутренних дел ходатайствовало о предоставлении Сенату права временно отстранять от должности и назначать следствие над мировыми посредниками, действия которых местными властями будут признаны односторонними (ЦГИАЛ, ф. 1181, д. 97, 1861 г.).— 71.
7) Ревизия Калужской и Владимирской губерний была назначена в августе 1861 г. и проводилась с октября 1861 г. до конца 1862 г. (ЦГИАЛ, ф. 1389, Ревизия сенатора Капгера).— 77.

[1] Слова: «но о способе... ближайших соображений» отчеркнуты Александром II; на полях его помета: «Пускай представят».

[2] Слова: «окончательное разграничение... сторон» отчеркнуты Александром II; на полях его помета: «Дай, бог!».

Дневники Воспоминания

ЛЮДИ НАУКИ НА УРАЛЕ В ДНИ ВОЙНЫ

Дневник академика Л. Д. Шевякова (1941—1943 гг.)

ОТ АВТОРА

Предлагаемые вниманию читателей записки возникли при следующих обстоятельствах.

К началу Отечественной войны 1941—1945 гг. я постоянно проживал в Свердловске, работая в Горном институте.

Уже в самые первые месяцы войны на Урале, в особенности в Свердловске, стали сосредоточиваться большие академические силы во главе с президентом Академии В. Л. Комаровым.

Вся грандиозность исторических событий и, в частности, начало необычайного периода в жизни Академии наук стали очевидны уже летом 1941 г. Поэтому у меня тогда же возникло желание вести, по возможности систематически, записи о событиях, связанных с пребыванием учреждений и людей Академии наук на Урале. Пожалуй, вести такие записи был мой прямой долг, как академика, жившего на Урале постоянно.

Сейчас, перечитывая свои записки, я чувствую удовлетворение, что вел их.

В свое время эти записки не предназначались для опубликования в печати, так как я фиксировал только то, что непосредственно оказывалось в поле моего зрения, не заботясь о полноте и равномерности освещения событий. Я смотрел на свои записи как на некоторый подсобный материал для будущего историка, изучающего деятельность Академии наук СССР в период Великой Отечественной войны [1].

Акад. *Л. Д. Шевяков*

Сентябрь 1941 г.
г. Свердловск

День 22 июня 1941 г. был воскресный. Мы с женой Ольгой Ивановной были по обыкновению за городом — в районе Уктуса, на речке Патрушихе. Возвращались обратно ранним вечером через Парк культуры и отдыха, где несколько задержались. Так как погода была прекрасная, в парке было много народа, и у киосков с водой пришлось долго ждать в очереди. Когда в переполненном трамвае мы проезжали мимо Дома печати, то у столба с «последними известиями» стояла небольшая толпа,

---

[1] Ознакомившись с дневником Л. Д. Шевякова, хранящимся в Московском отделении Архива АН СССР, редакция пришла к выводу, что этот дневник является ценным источником по истории отечественной науки, и выражает искреннюю признательность автору за согласие его опубликовать. Дневник был представлен в редакцию с согласия автора Б. В. Левшиным.

к которой несколько молодых людей присоединились, выпрыгнув из нашего трамвая. О всех этих мелочах пишу только потому, чтобы отметить полнейший порядок и внешнее спокойствие в городе, хотя и публика в ПКиО и публика в трамвае уже знала то, о чем мы, проведшие день в лесу, не подозревали еще.

Придя домой, мы узнали от сына о нападении Германии на СССР и о других первых моментах войны. Сын же сказал, что уже звонили из радиокомитета с просьбой о моем экстренном выступлении по радио.

Так начались в нашем восприятии грозные и великие исторические события. Вижу теперь, это стало понятно за истекшие два с половиной месяца, что современники — правда, это давно известно — не могут охватить смысла происходящего во время развития событий. Великие явления и перемены громоздятся друг за другом. Каждый день несет что-то новое, небывалое и неожиданное.

Мне бы хотелось, пожалуй, даже чувствую себя обязанным, из этих великих событий выхватить маленькую частицу, фиксировать изо дня в день то, что по Уралу будет относиться к людям и учреждениям Академии наук СССР.

До войны на Урале работал Уральский филиал Академии наук СССР (УФАН), из академиков проживал на Урале только один я, после же смерти С. С. Штейнберга, осенью 1940 г., на Урале не было ни одного члена-корреспондента.

Война изменила это положение. Связь Академии с Уралом — и в виде судьбы отдельных людей, и в виде роли и работы на Урале учреждений Академии — становится с каждым днем все более и более сложной и крепкой. Считаю своим долгом фиксировать относящиеся сюда события. Буду избегать оценок происходящего — оценка может быть возможна только позднее, в некоторой перспективе времени.

22 июня я был обязан, как было условлено за несколько дней перед тем, выступать перед окончившими 10-летки молодыми людьми по вопросу о выборе профессии. Поэтому, быстро приготовив и передав по телефону в радиокомитет текст своего краткого выступления по радио, отправился во Дворец пионеров на собрание школьников. Там тоже было все совершенно спокойно, начало грозных дней находило отражение только в речах ораторов, в частности и в моей. После «официальной» части состоялся концерт и даже танцы.

23 июня у меня была назначена консультация по диссертации ассистента Иркутского горного (?) института Г. Г. Луковникова. Он был аккуратен, и мы несколько часов беседовали по научным вопросам, хотя он уже имел мобилизационный вызов в Иркутск. В тот же день я выступал на митинге в Горно-геологическом институте (ГГИ) УФАН по поводу нападения на нас Германии.

2—6 июля провел в поездке в Соликамск для консультаций. Там, между прочим, принял участие в разработке вопроса по резкому увеличению добычи карналлитов. Война еще ничем не давала себя знать, кроме отмены прямых поездов и потому необходимости иметь пересадки в Чусовской и Нижнем Тагиле.

7 июля состоялось заседание президиума УФАН, где рассматривался отчет институтов УФАН за I полугодие 1941 г. и, конечно, определялся характер деятельности во время войны. Было решено прекратить всякие теоретические «перспективные» работы, а переключиться на прямое и непосредственное обслуживание нужд промышленности, что и было потом исполнено.

В Свердловском горном институте (СГИ) занятия были начаты — на V курсе — уже в самом начале июля. В течение июля и августа я прочитал курс «Теория проектирования рудников» очень малому числу студентов, так как в первое время не все успели приехать с практики, а потом, в августе, часть из них была призвана в армию.

10 июля у меня был академик А. Н. Заварицкий, который еще до начала войны выехал из Москвы в район Миасса с семьей. Он решил не возвращаться в Москву и был озабочен получением зимних вещей.

За несколько дней перед тем были известия (в частности от проф. А. Г. Бетехтина), что Академия наук переводится в Томск. Потом оказалось, что от этого намерения отказались.

12 июля меня посетил член-корр. Н. Н. Яковлев, который также еще до начала войны выехал из Ленинграда для исследований в район Высокогорского рудника и который также решил остаться на Урале. С его согласия я вел переговоры с дирекцией СГИ о предоставлении Николаю Николаевичу чтения лекций или других занятий. Согласие было получено, но потом Николай Николаевич все-таки от работы отказался, так как, по-видимому, занятия со студентами его очень тяготили бы.

Около того же времени (в июле) я получил 2 письма (одновременно) от академика Н. Н. Семенова из Ленинграда, который писал, что он отправил свою семью на восток, в Пермь, и быть может даже в Свердловск, и просил меня, в случае обращения ко мне, о помощи, так как, писал он, что отправил семью почти без денег: полученная им Сталинская премия была положена в сберегательную кассу, откуда со второго дня войны можно было брать только по 200 руб. в месяц. Я ответил немедленно, прося его во всяком случае подтвердить получение моего письма, но ответа, однако, не получил.

16 июля у меня были химики-органики профессора Ю. К. Юрьев и Р. Я. Левина, направленные ко мне с письмом академика С. С. Наметкина. Они приехали в Свердловск искать работу. Я направил их к директору Химического института УФАН Г. И. Чуфарову.

Около того же времени меня посетила врач-педиатр с письмом из Ленинграда от член-корр. С. З. Рогинского — за советами. Она, кажется, устроилась на работу на Пышминском электролитном заводе.

21—25 июля были затрачены на поездку в Егоршино для участия в комиссии организованной Наркоматом угольной промышленности (НКУП), к тому времени частично переехавшим в Пермь, под председательством Г. А. Ломова для составления плана развития Буланашского месторождения. В заседаниях комиссии присутствовало много участников — 15—20 чел. В комнате заседаний был прекрасный радиоприемник (к тому времени в Свердловске все радиоприемники уже были сняты) и заседания прерывались каждый раз, когда передавались «последние известия». В Егоршино никаких признаков войны не чувствовалось, только возникли очереди, не очень, впрочем, большие, за хлебом.

За время моего отсутствия в Свердловск 22 или 23 июля приехал в порядке эвакуации Институт металлургии (ИМ) Академии наук. 23 июля состоялось постановление суженного облисполкома о предоставлении приехавшим (62 сотрудникам и их семействам Института металлургии и 12 человекам — Института геологических наук (ИГН) Академии наук) жилых помещений в зданиях УФАН № 22 по ул. 8-го марта и № 31 по ул. Малышева. Для реализации этого были в самом экстренном порядке переброшены лаборатории черных металлов и цветных металлов УФАН в здания УФАН во Втузгородке, а ГГИ УФАН, директором которого я состою, уступив пять комнат в верхнем этаже дома № 31, стеснился лишь в семи комнатах нижнего этажа этого здания. Когда прошло несколько дней, то приехавшие, в лице зам. директора ИМ Н. Н. Птичкина и ученого секретаря М. Е. Дриц повели усиленную кампанию, чтобы и эти семь комнат, вернее оба здания, были полностью переданы ИМ. Это дело стоило мне очень много хлопот и нервов, так как в него были последовательно втянуты, помимо свердловского руководства УФАН и ИМ, советские и партийные организации разных рангов, прокуроры, милиция, акад. И. П. Бардин, акад. В. П. Никитин, частично даже президент Академии В. Л. Комаров и вице-президент О. Ю. Шмидт и создало огромную переписку. На день, когда пишу эти строки (14 сентября 1941 г.), моя точка зрения — о необходимости оставить ГГИ на месте — восторжествовала, хотя «противник» еще окончательно не сдался. Было бы скучно и, пожалуй, смешно записывать ход этого «дела» сколь-нибудь подробно, так как оно состоит из мелочей, часто комичных и жалких.

В составе ИМ в Свердловск приехали акад. Э. В. Брицке и член-корр. Д. М. Чижиков.

Войдя 26 июля в свой новый крохотный кабинет — в помещении ГГИ был еще полный хаос от перенесенных, но еще не расставленных на место вещей,— я

нашел там няню и шестилетнего ребенка — как оказалось, беженцев из Ленинграда — сынка научного сотрудника ИГН АН В. В. Щербина. Няня рассказала, что они приехали из Ленинграда, где гостили у бабушки на даче. Отец и мать должны были приехать из Москвы в Свердловск. Ее и ребенка в Свердловске из поезда не выпустили, почему она была вынуждена сойти из вагона на полустанке в 15 км к востоку от Свердловска ночью и дождаться рассвета в лесу. Ребенок только что перенес дифтерит. Няня едва умолила начальника станции дать им билет до Свердловска. Я пригласил их домой, где они и жили потом три недели. Отец и мать приехали в Свердловск в тот же день, но через несколько дней отец был мобилизован, а мать — Кира Георгиевна — очень долго искала «жилплощадь» и работу.

26 июля меня посетил Н. Б. Боровский с товарищами (П. А. Волков, Н. В. Лизунов и др.). Это — сотрудники ИГН АН, приехавшие в Свердловск вместе с ИМ. Они привезли с собою богатую аппаратуру для спектральных исследований (методами световых — Лизунов — и рентгеновских — Боровский — спектров). После длительных поисков помещений они были размещены в трех лабораторных комнатах УФАН и с начала сентября приступили к исследованиям. Эти люди и их установки «восполнили существенный пробел» по обслуживанию наукой исследований природы и промышленности Урала. Урал сильно отставал в применении и культивировании спектральных методов.

26 июля был у меня также приехавший из Киева экономист — сотрудник Украинской Академии наук — Л. Я. Мильштейн. К сожалению, я не имел возможности устроить его на работу в УФАН.

29 июля я выступал по радио на тему «Наука — фронту» (точнее, моя речь была записана на пленку и тотчас же передана в эфир).

29 июля я получил письмо акад. А. А. Скочинского, написанное им в Москве 18 июля. Он сообщал, что возглавляемый им Институт горного дела (ИГД) Академии наук эвакуируется в Казань, но так как ему это направление представляется мало удачным, то он будет стремиться в Свердловск, почему в Казани институт не предполагает разворачивать. Я тотчас ответил Александру Александровичу, что его мнение совершенно правильно и что надо организовывать переброску ИГД из Казани на Урал.

В самые первые числа августа я снесся с руководством комбината Уралуголь, где нашел полную поддержку, затем позвонил в Пермь заместителю наркома угольной промышленности Е. Т. Абакумову, который тоже это предложение встретил горячо. Я поставил в известность о переговорах акад. А. А. Скочинского и акад. А. М. Терпигорева. Вскоре — это было в половине августа — от А. А. Скочинского приехали в Свердловск «на разведку» сотрудники ИГД А. П. Судоплатов, К. Л. Пожарицкий и т. Застенкер, чтобы ознакомиться с положением дел в Свердловске, с точки зрения целесообразности переброски ИГД сюда из Казани.

А. П. Судоплатов осмотрел 5 сентября 1941 г. УФАН. Были намечены помещения, которые могли бы быть там предоставлены ИГД. Из Свердловска А. П. Судоплатов отправился в Пермь, чтобы получить ходатайство НКУП о переводе ИГД из Казани в Свердловск.

Около половины июля в УФАН было получено сообщение, что через Свердловск должен проследовать эшелон с группой академиков и большим числом детей академических работников, направляющихся в Боровое. Была просьба снабдить эшелон продовольствием. Ученый секретарь УФАН И. Г. Гусев принял энергичные меры, но из-за путаницы с номером эшелона и потому еще, что эшелон был остановлен не на ст. Свердловск, а на ст. Шарташ, продовольствие передать не удалось. С этим эшелоном следовали, по-видимому, академики Вернадский, Фаворский, Орлов, Бернштейн, Штерн, Струмилин и, быть может, другие (кажется, Ляпунов, Щербатский — это надо проверить).

В самом конце июля стало известно, что через Свердловск должен проследовать, также в Боровое, вагон с президентом АН В. Л. Комаровым и сопровождавшими его лицами. Затем сообщили, что В. Л. Комаров пожелал остановиться в Сверд-

ловске на несколько дней для отдыха. Мы, руководство УФАН, то есть я, Н. В. Деменев и И. Г. Гусев, встречали приехавших на вокзале, но сообщения о приходе поезда были настолько неточны и неопределенны, что встретить не пришлось.

На другой день я был у Владимира Леонтьевича в гостинице «Большой Урал», где он остановился в № 160. Вместе с ним приехали академики А. Н. Бах, В. А. Обручев и В. П. Волгин.

Владимир Леонтьевич выглядел гораздо более бодрым и здоровым, чем в марте 1941 г., когда я был у него в Москве.

Его суждения были очень образны и энергичны и относились исключительно к войне или Академии. Свердловцы — особенно, по-видимому, Н. В. Деменев и я — стали высказывать мысль, не лучше ли Владимиру Леонтьевичу и другим академикам в Боровое не ездить, а остаться в Свердловске. У меня создалось определенное впечатление, что лично для Владимира Леонтьевича «свердловский вариант» был бы гораздо лучше, так как здесь, на Урале, его активность нашла бы себе приложение. В Боровом же он, несомненно, томился бы бездействием и оторванностью от центров страны. Уже через два-три дня после приезда Владимир Леонтьевич в моем присутствии по поводу вопроса референта Б. А. Шпаро, ответ на который был связан с местом пребывания президента,— с легким раздражением и твердостью сказал, что он уже «принял решение остаться на Урале» и что он это обдуманное решение менять не будет.

В первые же дни пребывания академиков в Свердловске их посетил председатель облисполкома Свердловской области Иван Лукич Митраков. После Владимир Леонтьевич отзывался об Иване Лукиче с большой похвалой и, между прочим, сказал: «я люблю разговаривать с умными людьми».

В. А. Обручев также твердо решил оставаться на Урале. В. П. Волгин колебался, так как считал, что в Свердловске нет обстановки, соответствующей его научным интересам. А. Н. Бах — я с ним не встречался, чтобы не беспокоить его, 84-летнего старца,— стремился в Алма-Ату или Боровое — по климатическим соображениям, главным образом. Действительно, в конце августа он уехал в Боровое.

Кроме Б. А. Шпаро около Владимира Леонтьевича находились в качестве референтов В. М. Гальперин и Б. Г. Кузнецов.

Когда было принято окончательное решение о пребывании президента и других академиков в Свердловске, начались хлопоты по устройству с жильем, что в переуплотненном Свердловске было не так просто. В конце концов им были предоставлены очень хорошие квартиры во вновь отстроенном благоустроенном доме по ул. Луначарского, 85, куда В. Л. Комаров, В. А. Обручев и В. П. Волгин и переехали во второй половине августа. За А. Н. Бахом одна квартира также была закреплена.

Чтобы познакомить Владимира Леонтьевича с краем, я организовал (12 августа) его посещение геологического музея СГИ. Был также и Э. В. Брицке. Гостей встречали дирекция и профессура института.

18 августа Владимир Леонтьевич также в сопровождении Э. В. Брицке и меня осмотрел Свердловскую сейсмическую станцию, руководимую З. Г. Вейс-Ксенофонтовой. В течение августа здоровье Владимира Леонтьевича было удовлетворительно, хотя иногда он был вынужден проводить все дни в постели.

Первое время он часто говорил о Москве, о возвращении туда, называл себя «дезертиром». Потом его поглотили заботы и мысли о комиссии по оборонному сырью [1],— о чем ниже.

Приток на Урал работников Академии наук все продолжался.

В начале августа в Свердловск прибыл эшелон с наиболее ценным имуществом Ленинградского горного института в сопровождении профессоров В. И. Геронтьева, И. И. Горского и член-корр. Д. В. Наливкина. Имущество было сложено в ящиках

[1] Имеется в виду Комиссия Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны (см. сообщение Б. В. Левшина, стр. 120—127).

на хранение в СГИ, а профессора начали там преподавать (кроме В. И. Геронтьева). В половине августа в Свердловск приехал вместе с Военно-воздушной инженерной академией им. Н. Е. Жуковского акад. В. С. Кулебакин.

Около 20 августа ко мне явился проф. А. А. Петровский с направлением от Президиума АН на работу в УФАН. Этому официальному шагу предшествовала неофициальная переписка. Инициатором приглашения на Урал А. А. Петровского был его ученик проф. В. Н. Головцын, зав. геофизическим сектором ГГИ УФАН. Василий Николаевич великодушно уступил место своей работы своему учителю, и мы зачислили А. А. Петровского заведующим геофизическим сектором ГГИ УФАН. Много было хлопот, чтобы хоть как-нибудь устроить Алексея Алексеевича с жильем.

И. П. Бардин направил в УФАН из Москвы также проф. Н. Н. Колосовского на заведование экономической группой (это было также в августе).

27 августа меня посетила Елизавета Васильевна Абрамова — официально как представительница Комиссии (или секции?) по электротермии и электросварке при Отделении технических наук (ОТН) АН, возглавляемой В. П. Никитиным, чтобы выяснить возможность размещения этого учреждения в Свердловске.

28 августа приехал из Казани акад. А. А. Скочинский, как директор ИГД АН, в сопровождении А. П. Судоплатова. Они побывали в УФАН, где мы им наметили помещение, в случае переезда института. Александр Александрович также вел переговоры с И. Л. Митраковым главным образом о жилье. Пробыв в Свердловске несколько дней, А. А. Скочинский и А. П. Судоплатов уехали в Пермь, где вели переговоры с Е. Т. Абакумовым на предмет возбуждения ходатайства перед Правительством о переводе ИГД в Свердловск. Аналогичное ходатайство было направлено Наркомцветметом.

Как потом оказалось, Правительство приняло соответствующее — положительное — решение по этому вопросу 16 сентября 1941 г.

4 сентября меня посетил член-корр. Д. С. Белянкин, незадолго перед тем также переехавший на Урал.

В начале сентября в Свердловск приезжал акад. И. В. Гребенщиков по делу перенесения на Урал оптических заводов.

В начале сентября в Свердловске был два раза акад. А. Е. Ферсман, ездивший оттуда в Миасс.

24 сентября в Свердловск приехал акад. И. П. Бардин с тем, чтобы остаться на Урале около месяца.

Во второй половине сентября приехал из Борового жить на Урал акад. С. Г. Струмилин.

4 сентября в Свердловск прибыл эшелон с сотрудниками Днепропетровского горного института. Эшелон выехал из Днепропетровска 16 августа. В числе приехавших: профессора А. М. Цейтлин, И. С. Козловский, Г. М. Тупицын, И. С. Маршак, В. Б. Уманский, А. Е. Локшин, К. А. Скрынников и многие другие. Несколькими днями позднее (10 сентября) приехал проф. Н. С. Поляков.

Вскоре после приезда в Свердловск у В. Л. Комарова возникла мысль об объединении академических и других сил на Урале для помощи оборонной промышленности. Было устроено много предварительных совещаний и собеседований по этим вопросам, в которых деятельно участвовали, кроме Владимира Леонтьевича и его референтов, Э. В. Брицке, Г. А. Соколов, А. С. Кашин, М. К. Расцветаев и другие.

Первое объединенное собрание с представителями руководящих организаций (например, секретарем обкома ВКП(б) И. С. Пустоваловым), промышленности (например, заместителем наркома цветной металлургии т. Антроповым) состоялось 29 августа в прекрасном помещении нового Дома Красной Армии. Из академиков присутствовали: В. Л. Комаров, В. А. Обручев, Э. В. Брицке, А. А. Скочинский, В. П. Волгин, Л. Д. Шевяков. Всего участников собрания было человек 50.

Владимир Леонтьевич произнес прекрасную, талантливую речь о задачах науки

на Урале в переживаемый момент. Прения были более бледны. Организационные вопросы были скомканы.

5 сентября состоялась «встреча» академиков с командным составом РККА (присутствовали: Комаров, Обручев, Волгин, Кулебакин, Шевяков). Речь Владимира Леонтьевича опять была превосходна. С интересным докладом о сырьевых ресурсах антигитлеровских государств выступил проф. Б. Г. Кузнецов.

11 сентября состоялось совещание Комиссии по сырью в квартире В. Л. Комарова. Были заслушаны сообщения руководителей (или их заместителей) отдельных групп — по черным металлам (Э. В. Брицке), цветным металлам (Д. М. Чижиков), нерудным ископаемым (В. Л. Певзнер), энергетике (Б. Г. Кузнецов), а также по сельскому хозяйству и др. Организационные вопросы, вследствие, несомненно, болезненного состояния В. Л. Комарова, опять сильно хромали.

17 сентября — 1 октября — эти числа у меня заняла поездка в Кизеловский бассейн в качестве руководителя бригады, организованной СГИ по предложению НКУП, по вопросам вскрытия и систем разработки нижних этажей шахт им. Ленина, Володарского, Урицкого, Сталина и Капитальная № 2. Участники бригады, кроме меня, профессора В. И. Геронтьев, А. М. Цейтлин, Н. С. Поляков, доцент С. Д. Постнов, ассистент И. Н. Сидоров.

3 октября состоялось собрание комиссии по сырью под председательством акад. И. П. Бардина, где организационные вопросы — распределение работы по отдельным лицам и группам — были уже решены быстро и четко.

По приезде в Свердловск 1 октября я нашел телеграфный запрос от кремлевского Лечсануправления о состоянии здоровья В. Л. Комарова. 4 октября я посетил Владимира Леонтьевича и переговорил о формуле ответа с его женой Надеждой Викторовной. Владимир Леонтьевич лежал в постели, страдая от своей обычной кожной болезни.

Во время моего отсутствия в Кизел, в Свердловск приехала моя мать Мария Ивановна с племянницей Марой.

Сегодня, 5 октября, я отправил следующую телеграмму: «Москва. Коминтерна, 6. Лечсанупр. Кремля. Бусалову. Владимир Леонтьевич медленно поправляется условиях постельного режима от обычного заболевания кожи. Запаздываю ответом, так как выезжал Свердловска. Академик Шевяков».

Вчера я посетил В. А. Обручева. Он все время упорно работает над последним томом «Истории геологических исследований Сибири». Последний том включает советский период.

6 октября. Сегодня приехала в Свердловск Екатерина Матвеевна Ферсман, в связи с предполагаемым переездом на Урал акад. А. Е. Ферсмана.

7 октября. Меня посетил проф. Владимир Ильич Крыжановский, который во второй половине сентября выехал из Москвы, чтобы поселиться временно на Урале. Он вез с собою часть наиболее ценных экспонатов Геологического музея, директором которого он состоял, также часть библиотеки А. Е. Ферсмана.

В половине дня мне сообщили, что внезапно сильно заболел В. Л. Комаров — $t = 39{,}1°$, пульс 140. По этому поводу мне звонил крайне обеспокоенный И. Л. Митраков. По счастью, во второй половине дня температура сильно упала, состояние больного стало лучше.

Сегодня получена от В. Л. Комарова основная документация по Комиссии по мобилизации ресурсов Урала — персональный состав комиссии и план ее работ до 1 января 1942 г.

Сегодня же я получил письмо от вице-президента Академии наук УССР Палладина о направлении к нам в УФАН на работу геолога М. Н. Ивантишина.

8 октября. Сегодня меня посетила И. П. Никитина, возвратившаяся 3 октября из Москвы на самолете. Она рассказала о болезни Василия Петровича Никитина — какая-то сердечная болезнь на почве переутомления — лечится в Барвихе.

Она же и сопровождавшая ее Е. В. Абрамова рассказали, что из Ленинграда перебрасывали академиков и членов-корреспондентов на аэропланах.

В. Л. Комарову значительно лучше.

Приехал академик А. А. Скочинский в сопровождении А. П. Судоплатова — прилетели из Казани, чтобы подготовить окончательный переезд ИГД в Свердловск.

9 октября. Сегодня я долго беседовал с академиком И. П. Бардиным по делам УФАН. Между прочим, он сказал, что поставил перед Президиумом АН вопрос о временном присоединении к УФАН ИМ АН.

10 октября. Беседовал с ученым секретарем ИГД АН Е. М. Фаерманом, приехавшим из Казани. Его рассказ о разнобое во мнениях работников института о целесообразности переезда в Свердловск. За Казань, однако, насколько я мог понять, нет ни одного принципиального мотива.

11 октября. Сегодня мною почти закончена записка, начатая 5 октября, о развитии угледобычи на Урале для Комиссии по мобилизации ресурсов Урала.

12 октября. Беседовал с проф. А. Е. Пробст по вопросу угольной промышленности Урала.

13 октября. Беседовал с начальником технического отдела Уралугля Ю. Д. Грустан о развитии угледобычи на Урале.

Совещание руководства УФАН с заведующими лабораториями по направлениям и темам работ УФАН на конец 1941 г. и первую половину 1942 г.

14 октября. Сегодня по случаю дня рождения В. Л. Комарова — ему исполнилось 72 года — ему от президиума УФАН были посланы цветы, а вечером И. П. Бардин, Н. В. Деменев и я были у него на квартире, чтобы зачитать ему приветствие, написанное мною и дополненное Н. В. Деменевым. Владимир Леонтьевич лежал в постели, его лицо и в особенности руки покрыты красноватыми пятнами от всегдашней накожной болезни. Текст приветствия хранится в моих бумагах.

Он тепло благодарил делегатов, просил УФАН заняться Норильским краем, Карагандой, Миассом и другими районами — Башкирией, например,— но речь его была очень бессвязна, не всегда внятна, беседовать было с ним трудно. Мы были у него, чтобы не утомлять, минут 15.

Сегодня у меня в служебном кабинете встретились — случайно — референт В. Л. Комарова Б. А. Шпаро и И. П. Никитина. Последняя горько жаловалась — и даже плакала — на тяжелое положение с питанием, особенно сына-подростка. Она просила о «прикреплении» к какому-либо распределителю. Я просил ученого секретаря УФАН И. Г. Гусева оказывать поддержку И. П. Никитиной наравне с сотрудниками УФАН.

Сегодня же состоялось в УФАН собрание под председательством акад. И. П. Бардина по вопросу об использовании ресурсов Урала для черной металлургии. Были заслушаны подготовленные записки по рудам, заводам, по огнеупорам, флюсам, спецсплавам и пр. Собрание — я уверен, благодаря руководству и, я сказал бы гипнотизму делового отношения И. П. Бардина — этого умного и сильного человека — произвело прекрасное впечатление. Из академиков присутствовали И. П. Бардин, Э. В. Брицке, В. С. Кулебакин, А. А. Скочинский, Г. С. Струмилин, Л. Д. Шевяков.

Вчера в Свердловск приехал на несколько дней заместитель председателя по филиалам и базам Академии наук П. Н. Колесников — из Казани.

Стало известно, что из Свердловска предположен перевод в другие места многих учреждений. Назывался в том числе и УФАН — как не хотелось бы этому верить!

Я подписал написанный, кажется, А. П. Комаром «отклик» в «Уральский рабочий» об отношении ученых к обороне.

15 октября. Сегодня утром чрезвычайно тяжелые известия по радио о занятии неприятелем Мариуполя и о «Калининском направлении».

Долго беседовал о работе УФАН и о задачах Академии с П. Н. Колесниковым.

С акад. Э. В. Брицке обсуждали вопрос о способах снабжения академических сотрудников продовольствием.

Е. М. Фаерман, уезжающий в Казань, сообщил, что вот уже несколько дней, как акад. Скочинский не может добиться приема у председателя облисполкома И. Л. Митракова — настолько тот занят.

17 октября. Вчера в Техническом совете Народного комиссариата цветной металлургии (НКЦМ) состоялось под председательством акад. И. П. Бардина заседание одной из комиссий по мобилизации ресурсов Урала — по некоторым цветным металлам. Были рассмотрены мероприятия по развитию промышленности алюминия, кобальта, никеля, меди, цинка. Из академиков присутствовали И. П. Бардин, Э. В. Брицке, я, член-корр. Д. М. Чижиков.

Сегодня утром акад. А. А. Скочинский улетел на аэроплане в Казань.

Сегодня я долго беседовал с проф. А. Е. Пробст о плане развития угольной промышленности на Урале.

Во вторую половину дня был занят статьей для выступления по радио по борьбе с Гитлером. Передача предположена завтра.

Сегодня я получил приглашение от Уральского отделения горного научно-инженерного технического общества (НИТО) о лекциях в госпиталях раненым красноармейцам. Я дал тему: «Угольные богатства Урала».

18 октября. Сегодня утром опять тяжелое известие: наши войска оставили Одессу.

Днем состоялось заседание Комиссии по ресурсам — вернее ее группы по углю — для рассмотрения докладов проф. А. Е. Пробст и моего о развитии угольной промышленности на Урале. Кроме докладчиков присутствовали акад. И. П. Бардин (председатель), акад. С. Г. Струмилин, член-корр. В. И. Вейц, профессора Н. Н. Колосовский, Б. Г. Кузнецов и др. Доклад хранится в моих бумагах.

Акад. Э. В. Брицке сейчас рассказал мне, что последние академические учреждения эвакуированы из Москвы. Выехали академики Никитин, Образцов, Авербах и, вероятно, другие.

Вечером по радио «из Москвы» — по-видимому, через Свердловск — передавали превосходную статью акад. И. П. Бардина о борьбе с Гитлером.

20 октября. Мне передавали сегодня, что в Свердловск приехали академики Авербах, Образцов.

Несколько дней тому назад в Свердловск также приехал проф. А. Г. Бетехтин.

21 октября. Меня посетил акад. А. Н. Заварицкий, с которым беседовали об объединении работ геологов Урала. Он отрицательно отнесся к идее предполагаемого заседания бюро Отделения геолого-географических наук (ОГГН) АН совместно с УФАН в Свердловске, мотивируя это тем, что сейчас чисто теоретическая трактовка вопросов геологии была бы несвоевременна, а рассмотрение практических задач в широком кругу нецелесообразно и даже невозможно. В. Л. Комаров якобы послал письмо в Президиум с указанием на несвоевременность такого собрания.

Я решил отношение УФАН к этому вопросу определить после обмена мнениями с имеющим скоро приехать А. Е. Ферсманом.

22 октября. Сегодня в «Уральском рабочем» появилась моя, вчера написанная по просьбе редакции, заметка: «Урал — кузница оружия». Ее подписали также профессора А. А. Петровский, Л. Н. Быков, кандидат наук А. А. Иванов.

Вечером я был приглашен в обком ВКП(б), где в отделе агитации и пропаганды меня просили открыть антифашистский общегородской митинг научных работников 26 октября в Свердловске и произнести речь.

23 октября. Сегодня в Свердловск приехал акад. В. П. Никитин.

24 октября. Меня посетил по книжным делам член-корр. В. Н. Сукачев, приехавший из Борового и начавший работать в Уральском лесотехническом институте. Он рассказал, что в Боровом сейчас находятся академики Вернадский, Бах, Бернштейн, Маслов, Щербатской, Шмальгаузен, Фаворский, Гамалея, Борисяк и, кажется, другие, что жить в Боровом хорошо, есть удовлетворительные помещения, питание и пр. Там же член-корр. Берг.

Осведомлялся о здоровье В. Л. Комарова — он все еще в постели.

Сегодня же меня посетил акад. В. П. Никитин и ученый секретарь ОТН АН Н. В. Еременко. Василий Петрович выехал из Москвы 16 октября эшелоном. С ним приехал также в Свердловск акад. Гудцов.

Василий Петрович предполагает обосноваться в Свердловске. Он надеется сосредоточить здесь членов ОТН. Я горячо поддержал эту мысль. Я указывал, что много академиков, членов-корреспондентов и сотрудников Академии уже здесь, что в этом факте проявляется все значение Урала для обороны, что в распределение академических учреждений, чтобы Академия выполнила свой долг перед страной, должен быть внесен разумный план, и что по этому плану ОТН должно бы быть непременно на Урале — здесь весь коллектив академиков и сотрудников его институтов могут принести наибольшую пользу.

Сегодня я весь день работал над речью при открытии антифашистского митинга, предположенного на 26 октября.

У меня был палеонтолог Р. Ф. Геккер, который рассказал, что он в составе группы, организованной А. Е. Ферсманом, предполагает экспедицию зимой — «под снегом», как он не без гордости выразился, обследовать огромный район для исследования искусственных или естественных полостей, могущих быть использованными для специальных целей. Когда я высказал мнение, что, пожалуй, почти все интересующие его вопросы могут быть разрешены без всяких экспедиций, просто путем бесед с компетентными людьми и что это будет лучше для государственных средств, то он остался явно недоволен.

25 октября. Э. В. Брицке рассказал сегодня мне, что он уже ранее слышал о миссии группы, представитель которой вчера был у меня — Р. Ф. Геккер — и что он вполне разделяет мой скептицизм к форме организации этого дела.

Сегодня получена телеграмма от акад. И. П. Бардина, то же — отдельно — от академиков П. И. Степанова и И. И. Мещанинова, что все они едут в Свердловск.

Сегодня же я получил письмо от директора Института горной механики УССР Г. Н. Савина из Уфы с рядом очень нечетких вопросов о направлении работы института и о формах контакта с УФАН. Он же прислал мне привет от вице-президента АН УССР акад. Б. И. Чернышева и запрос о судьбе член-корр. АН УССР К. И. Татомира, о котором я ничего не знаю.

27 октября. Вчера в Свердловске состоялся антифашистский митинг ученых г. Свердловска, организованный горкомом ВКП(б) и исполкомом горсовета. Я имел поручение отдела агитации и пропаганды Свердловского обкома ВКП(б) открыть митинг общеустановочной речью. Это поручение было мною исполнено. Затем выступали: проф Головцын, акад. Э. В. Брицке, профессора Малкин (медик), Яковкин (астроном), акад. БССР Годнев, композитор Трамбицкий, писатель Бажов, профессора Ткаченко (биолог), Кузьминых (химик). Было принято обращение к интеллигенции Свердловской области. Присутствовало, вероятно, 600—700 человек. Митинг вел в качестве председателя я. Как будто митинг прошел хорошо, на должном уровне. Потом был превосходный концерт.

Сегодня в Свердловск приехал из Казани И. И. Куренков, заместитель директора ИГД АН, хлопотать по переводу этого института из Казани в Свердловск.

28 октября. В сегодняшнем номере «Уральского рабочего» напечатан подробный отчет об антифашистском митинге 26 октября в Свердловске, также опубликовано обращение митинга к интеллигенции Свердловской области, и передовая «Ученые Урала, все силы и знания — на помощь фронту!».

Меня посетил И. И. Куренков. Он рассказал о несогласиях по поводу переезда ИГД из Казани в Свердловск между акад. А. А. Скочинским (за переезд) и акад. А. М. Терпигоревым (против). Гораздо более принципиальна и правильна, мне кажется, точка зрения А. А. Скочинского.

29 октября. Сегодня в Свердловск пришел акад. А. Е. Ферсман — с сортировочной станции, на которой остановился на неопределенное, по-видимому, время поезд, в котором он ехал.

Меня посетил журналист Ю. А. Попрядухин (Юр. Чап), чтобы расспросить для составления статьи о делах ГГИ УФАН.

30 октября. Радио сообщило, что наши войска оставили Харьков.

У меня были представители комиссии по сварке при ОТН АН — Е. В. Абрамо-

на и еще один товарищ. Велись переговоры о предоставлении в УФАН помещений и о взаимоотношениях комиссии с УФАН.

Сегодня же меня посетил акад. А. Е. Ферсман, с которым беседовали полтора-два часа. С ним приехали сотрудники возглавляемой им оборонной комиссии[1] (я не спросил точное название этой группы), где ведутся четыре работы. В двух из них — по использованию для специальных целей искусственных и естественных пустот в земной коре и по редким элементам — я обещал полное содействие и контакт работников УФАН, в частности ГГИ.

Из общеакадемических вопросов: Александр Евгеньевич полностью стоит на том, что все геологи и техники Академии должны быть на Урале. Он желал бы сосредоточить здесь и ОГГН и ОТН. Мы условились, что на днях устроим совещание по этим вопросам с В. П. Никитиным.

Александр Евгеньевич рассказал, что биологические институты Академии, также экономические, направлены в различные города Средней Азии.

Я настаивал на том, что положение страны и возможная роль Урала, также военная обстановка сейчас настоятельно требуют, чтобы в порядок использования академических работников и учреждений для обороны была внесена общая идея. Эта идея требует, чтобы геологи и техники были, безусловно, сосредоточены на Урале, где они сейчас могут принести наибольшую пользу.

31 октября. Позавчера возвратился из Москвы в Свердловск акад. И. П. Бардин.

Сегодня мы беседовали с акад. Э. В. Брицке по общеакадемическим делам. Я говорил, что факт распыленности институтов и членов Президиума по разным городам требует пересмотра организационной структуры Академии или, по крайней мере, принятия временных форм ее управления. Так как сейчас в Свердловске большая группа академиков (Авербах, Бардин, Брицке, Волгин, Гудцов, Заварицкий, Комаров, Кулебакин, Никитин, Обручев, Струмилин, Ферсман, Шевяков, ожидается приезд Скочинского, Терпигорева, Степанова, быть может Гребенщикова и Образцова) и членов-корреспондентов (Белянкин, Вейц, Наливкин, Сукачев, Чижиков, Яковлев, ожидаются Вольфкович и Бочвар), то желательно было бы собрание этой группы для обсуждения этих вопросов, для представления своих соображений Президиуму АН. Был бы очень желателен приезд для переговоров в Свердловск вице-президентов Е. А. Чудакова и О. Ю. Шмидта.

2 ноября. Вчера состоялось заседание по платине в комиссии В. Л. Комарова. Председательствовал акад. Э. В. Брицке. Докладчиками выступали А. А. Иванов (сырьевые ресурсы) и проф. И. Н. Плаксин (технология). Кроме того были академики Бардин и Шевяков, профессора Ортин, Р. Л. Веллер и др. Был детально рассмотрен вопрос о платине и платиноидах. Особое внимание было обращено на родий и осмистый иридий.

Я получил сведения, что ИГД АН выезжает в Свердловск из Казани 5 ноября.

3 ноября. Вчера мне позвонил акад. В. С. Кулебакин и сообщил, что им получено письмо от акад. К. И. Шенфера из Казани, где он сообщает, что в Казани «нечего делать» (ручаюсь лишь за смысл, а не буквальность выражения) и что поэтому он желал бы также переехать в Свердловск, в частности для работы в УФАН. В. С. Кулебакин также убежден, что настало время созвать в Свердловске совещание о формах работы Академии.

Сегодня в кабинете директора СГИ Н. С. Завьялова я встретил член-корр. А. С. Ильичева. Он с группой научных работников Московского горного института (МГИ) эшелоном направляется в Караганду, куда перебрасывается МГИ, и оказался в Свердловске проездом. О судьбе своего патрона по Академии — акад. А. П. Германа — А. С. Ильичев не знал ничего определенного, предполагая, что Александр Петрович сейчас в Ленинграде.

---

[1] Имеется в виду «Комиссия по геолого-географическому обслуживанию Красной Армии», возглавляемая акад. А. Е. Ферсманом.

Вечером я посетил акад. Михаила Иосифовича Авербаха, незадолго перед тем приехавшего из Москвы в Свердловск. Михаил Иосифович сказал, что всего более ему жаль библиотеку по специальности и по искусству, которую он собирал 50 лет и которую ему пришлось оставить в Москве. Пока он, в ожидании постоянного помещения, живет в «Большом Урале».

Акад. А. Е. Ферсман обратился в УФАН с просьбой предоставить ему в служебных помещениях УФАН четыре комнаты для развертывания работ по специальным заданиям.

4 ноября. Приехал т. Эненштейн, который доставил в Миасс вместе с частью оборудования ИГН АН геофизическое оборудование Института мерзлотоведения. Он вывез его из Москвы 18 октября с величайшими затруднениями.

Сегодня УФАН освободил от работы заведующего издательством Б. Ф. Ярошенко ввиду прекращения печатания изданий.

Мои последние работы — в смысле их опубликования — постигла печальная участь:

Большая книга «Обобщение мирового опыта разработки каменноугольных пластов»,— где мною написана одна из частей — к началу войны была в Ленинграде уже «в чистых листах» — где-то теперь это издание?

В другой книге — «Труды Уральского совещания Академии наук в 1940 г.», тоже не законченной печатанием — погибла моя статья «Карстовые явления и система горных работ в Кизеловском каменноугольном бассейне».

Третья книга — «Рудничный водоотлив», изд. 3-е, подготовленное вместе с А. Н. Бредихиным, около 17 печ. листов + 193 чертежа — была отослана 18 июня 1941 г. в издательство в Харьков; кто скажет, где сейчас эта рукопись?

Статья «О расчете прочных размеров и упругих деформаций опорных столбов», над которой я работал почти год, напечатана только наполовину в № 8—9 «Известий АН по ОТН» за 1941 г., я не знаю, вышла ли в Москве и где издана следующая книжка журнала с окончанием статьи. Там же должна была быть напечатана — корректура уже была — заметка о наименьшей работе по свозу грузов в два пункта.

Наконец, II том великолепного и громадного издания «Минералогия Урала», над которым и я работал много, тоже неизвестно, был ли закончен.

Сегодня мы в ГГИ УФАН возобновили научные собрания моим докладом «О прямом и обратном ходе выработки шахтных полей». Так как помещение крайне тесно, то приглашенных было очень немного.

Сегодня же состоялось заседание Технического совета НКЦМ по вопросу о развитии промышленности алюминия. Из академического мира присутствовали акад. И. П. Бардин, я и член-корр. Д. М. Чижиков (докладчик).

5 ноября. Участвовал в заседании Ученого совета ИМ АН. Был один доклад акад. А. Е. Ферсмана о стратегическом сырье. При блеске и красочности отдельных штрихов общее впечатление и, главное, выводы, могущие быть сделанными, были очень неопределенные, так по крайней мере мне показалось. Впрочем, вероятно, главная причина этого — невозможность для докладчика в развитии столь специфической темы ставить точки над «i». Из академических учреждений присутствовали академики Бардин (председатель), Брицке, Гудцов, я, члены-корреспонденты Чижиков, Белянкин. Прений почти не было.

Днем мне позвонил с вокзала, будучи проездом в Свердловске, академик Сельскохозяйственной академии Б. М. Завадовский. Он ехал в порядке эвакуации из Москвы в Омск или Томск — в зависимости от того, что узнает на месте. С ним ехала и его жена Екатерина Георгиевна.

Сегодня же состоялось заседание бюро президиума УФАН. Повестка была вручена — несомненно сознательно по указанию И. П. Бардина — лишь за несколько минут до начала заседания. В повестке был один вопрос — доклад Ивана Павловича о размещении институтов и других учреждений АН в УФАН (ГГИ, комиссия Ферсмана, секция сварки, ИМ, бюро ОТН, Институт теоретической геофизики). Мотив Ивана Павловича — объединение всех учреждений АН в одном месте, также яко-

бы опасение, что помещения УФАН могут быть заняты посторонними учреждениями. Так как этот вопрос был поставлен по отношению ко мне неожиданно, вернее без предупреждения, а из хода заседания я увидел, что за моей спиной «подрабатывался», то в заседании создалась напряженная, неприятная атмосфера: мы с Иваном Павловичем наговорили друг другу больших резкостей. Наиболее спокойные и разумные доводы за необходимость перевода ГГИ в главные помещения УФАН привел Н. В. Деменев. Я обещал дать ответ завтра.

6 ноября. Получена телеграмма (молния) от А. А. Скочинского от 5 ноября из Казани: «Погрузились. Выезжаем сегодня». Это — ИГД АН.

Вечером в главном здании УФАН состоялось торжественное заседание коллектива по случаю 24-летия Советской власти. Я, однако, там не был, так как участвовал в торжественном заседании городского Совета депутатов в Оперном театре. Я был также в президиуме. Из академических работников видел в публике акад. Никитина и несколько профессоров. Было организовано слушание речи т. Сталина, произведшей на всех исключительное впечатление многозначительностью, спокойствием, абсолютной уверенностью в победе.

7 ноября. Я был приглашен на трибуну во время демонстрации трудящихся. Там же был акад. В. П. Никитин.

Бечером я участвовал в собрании коллектива в СГИ, где выступил с историческими справками на тему «Наука и отечество».

8 ноября. Утром в ГГИ в своем кабинете нашел отдыхавшего там после дороги член-корр. А. А. Фреймана. Он, оказалось, приехал с академиком П. И. Степановым и И. И. Мещаниновым, также с членами-корреспондентами Б. Б. Полыновым и С. С. Смирновым. Они направлены из Ленинграда в распоряжение Президиума АН. Вылетели до Тихвина 20 октября — от Ленинграда один час лета, а вот потом пришлось ехать до 8 ноября в Свердловск в теплушке. Могли взять с собой только по 20 *кг* багажа.

Сейчас сотрудник ИГД АН М. И. Агошков сообщил мне, что получена телеграмма от акад. А. А. Скочинского из Казани, что институту выехать 5 ноября, как предполагалось, не удалось.

9 ноября. Меня посетили сегодня сотрудники Академии наук — ученый секретарь Института физиологии Г. Н. Кассиль и проф. Репин из Института генетики. Они выехали из Москвы около 20 октября в Ташкент, куда направлялись к своим институтам, но попали в Свердловск — я не расспрашивал подробно, как это случилось. Ехали из Москвы в международном вагоне 17 дней.

Как раз в то время, как они у меня были, явился представитель газеты «Труд», которая издательством перенесена в Свердловск и на днях якобы будет выходить уже, Э. А. Финн. Просил дать статью об угле на Урале.

Сегодня я был у заместителя начальника штаба Уральского военного округа по поводу изобретения одного из сотрудников УФАН и встретил там очень любезный и вместе с тем четко деловой прием.

10 ноября. Мне позвонил — и потом был лично — сотрудник ИГД М. И. Агошков, с тревогой сообщивший, что на квартиры по ул. Азина, отведенные ИГД по просьбе акад. А. А. Скочинского, наложены представителями горсовета печати с предупреждением о том, что так как академики и другие сотрудники ИГД долго не едут из Казани, то квартиры будут заняты. После переговоров они пошли на то, узнав, что есть уже телеграмма о выезде института 5 ноября, что с занятием квартир, отведенных для академиков Скочинского и Терпигорева, «подождут еще два-три дня», а трехкомнатная квартира для других лиц будет занята сегодня же. Я посоветовал подать сейчас же письменный протест в горсовет и позвонил по этому делу заместителю председателя облисполкома т. Кискину. Он любезно обещал снестись по этому вопросу с горсоветом.

Вечером из комнаты, смежной с моим служебным кабинетом в ГГИ УФАН, донесся лай собаки, затем в коридоре я увидел пожилого солидного человека, явно жившего там. Познакомились — это оказался известный ленинградский архитектор

А. И. Гегелло, занимавший с своей супругой угол за шкафами и спавшими, очевидно, на полу. Беженцы из Ленинграда. Недели три тому назад им предложили выехать, собравшись в течение двух часов, и взять с собой не более 20 *кг* багажа. Затем аэроплан до Тихвина, потом теплушка — вместе с академиками Степановым и Мещаниновым и член-корр. Фрейманом. Они взяли с собой и собачку — действительно прелестную. Архитектор в Свердловске ищет работу. Я сообщил ему, что здесь старожил С. В. Домбровский, оказавшийся, конечно, А. И. Гегелло знакомым.

11 ноября. С утра я посетил вместе с проф. М. О. Клер и тт. Пьянковым и Анфиногеновым Областной музей главным образом из-за превосходнейшей старинной библиотеки бывшего Уральского общества любителей естествознания. Прошел слух, крайне обеспокоивший администрацию музея, о том, что якобы музей должен быть в кратчайший срок выселен для освобождения помещения для одного из заводов. Я обещал переговорить по этому вопросу с представителями властей города и области, но сегодня, к сожалению, нужных лиц на месте не оказалось.

Днем меня посетил член-корр. А. В. Шубников, который также переехал из Москвы на Урал, куда-то в район Камышлова. Он рассказал о своем открытии искусственных пьезо-текстур — открытии, по-видимому, большого значения. Я рассказал ему о возможностях УФАН в продвижении этого дела и посоветовал ему еще переговорить с И. П. Бардиным.

Затем у меня был акад. А. А. Скочинский, приехавший со своим институтом из Казани в Свердловск ночью. (Кстати сказать, тем самым разрешился и квартирный инцидент, разразившийся вчера). Оказалось, что акад. А. М. Терпигорев решил пока пробыть еще некоторое время в Казани, возглавляя Хозяйственно-техническую комиссию АН и исполняя обязанности академика-секретаря ОТН, но часть своего багажа Александр Митрофанович в Свердловск уже прислал.

В порядке обсуждения сделали с Александром Александровичем следующий учет академиков ОТН — в Казани: Галеркин, Кржижановский, Поздюнин, Терпигорев, Чаплыгин, Чижевский, Чудаков, Шенфер; в Свердловске: Бардин, Брицке, Гудцов, Кулебакин, Никитин, Образцов (кажется, временно в Боровом), Скочинский, Шевяков.

Мы обсудили с Александром Александровичем еще раз вопрос о размещении ИГД в помещениях УФАН.

Сегодня получен номер «Известий» от 31 октября 1941 г., где имеется фельетон Юр. Чап «Сокровищница» о работе ГГИ УФАН.

В номере «Уральского рабочего» от 11 ноября 1941 г. напечатана статья акад. А. Е. Ферсмана «Проблема стратегического сырья на Урале».

19 ноября. За истекшие дни следует отметить следующее: Числа 13—14 ноября я посетил акад. П. И. Степанова, временно живущего в «Большом Урале». Он решил обосноваться в Свердловске, чтобы возобновить здесь деятельность как бюро, так и всего Отделения ГГН АН. Павел Иванович рассказал много интересного — спокойно, но образно и метко — о военной обстановке, жизни в Ленинграде и о пути Ленинград — Свердловск через Тихвин. Он просил моего согласия на включение меня в состав бюро ОГГН, на что я, конечно, с признательностью согласился.

17 ноября состоялось заседание этого бюро, впервые с моим участием. Предыдущее собрание бюро было в составе П. И. Степанова и А. Е. Ферсмана Там было постановлено просить Президиум АН ввести в состав бюро еще В. А. Обручева и меня. Секретарем бюро сейчас — после В. Н. Васильева — назначен Иван Иосифович Катушенок. 17 ноября был рассмотрен ряд вопросов — о программе работ Отделения на ближайшее время и др.

С 17 ноября начался переезд ГГИ в главные здания УФАН во Втузгородке. Когда утром 18-го я явился в свой новый кабинет, то там еще жили член-корр. А. А. Фрейман с супругой, несмотря на предупреждение о необходимости куда-либо переселиться из служебного помещения. Александр Арнольдович был очень взволнован, так как, по его словам, деваться ему было некуда. Конечно, немедленно ему было выделено — увы! — опять на несколько дней и тоже служебное помещение в будущем кабинете — в том же здании — акад. А. А. Скочинского, но через несколько ча-

сов акад. И. П. Бардин разрешил Александру Арнольдовичу поселиться в бывшем помещении ГГИ до приезда акад. М. А. Павлова. Сегодня (19 ноября), как сообщил Александр Арнольдович, ему в горсовете обещали дней через десять устроить с жилплощадью.

В тот же день я познакомился с член-корр. Б. Б. Полыновым. Он также временно проживал в одном из кабинетов УФАН и также не сегодня-завтра переезжает в дом по ул. Малышева, № 31.

17 ноября в НКЦМ состоялось заседание совместно с ОГГН АН по вопросу о ртутной промышленности. Было очень интересно. Присутствовали академики Бардин, Брицке, Обручев, Степанов, Ферсман, Шевяков, член-корр. Чижиков. Докладчиком был Р. Л. Веллер.

После этого заседания я пригласил академиков П. И. Степанова и А. Е. Ферсмана посетить Областной музей. Придя туда, мы нашли там переполох: был уже в большой мере освобожден верхний этаж этого ветхого здания для нужд одного из эвакуированных в Свердловск заводов. Масса экспонатов была сгружена в нижнем этаже в величайшем беспорядке. Там был и представитель завода, требовавший освобождения и нижнего этажа, но директор музея т. Курбатова не имела никаких указаний, куда ей все это девать. Благодаря энергии А. Е. Ферсмана в тот же день была составлена записка о положении музея — с просьбой сохранить его — на имя секретаря обкома ВКП(б) т. Андрианова за подписями президента АН В. Л. Комарова и академиков Степанова, Ферсмана, Шевякова.

25 ноября. Вчера состоялось заседание бюро ОГГН АН (Степанов, Ферсман, Обручев, Шевяков). Было решено созвать собрание Отделения в конце декабря по угольным вопросам. Заслушали сообщение заведующей Свердловской сейсмической станцией Академии наук З. Г. Вейс-Ксенофонтовой о положении станции и о записи землетрясения 18 ноября 1941 г., которое было, возможно, катастрофическим в Японии. Обсуждался также вопрос о написании академическими работниками популярных брошюр по геологии и горному делу, а также газетных статей.

20 ноября возобновились еженедельные научные собрания в ГГИ. Делал доклад проф. Л. Н. Быков о борьбе с колчеданными пожарами при помощи воды с добавками. Присутствовал акад. А. А. Скочинский.

23 ноября был организован в УФАН «воскресник», в котором приняло участие много научных и технических сотрудников филиала, частью на тяжелых работах по погрузке угля, дров и пр., частью по оклейке окон. Оплата работы будет перечислена в фонд обороны.

19 ноября, когда ГГИ переезжал во Втузгородок в главные здания УФАН, то также все работы по перегрузке и перетаскиванию тяжелых шкафов, вообще мебели, коллекций и т. д. были сделаны самими научными работниками.

Аналогичная сцена была и сегодня. ИГД, также размещающийся в зданиях УФАН, достал мебель в СГИ и Уралугле, и сегодня охотно переносили эту мебель сами научные работники.

Мое участие в воскреснике состояло в том, что я написал статью «Урал — угольная база».

Сегодня статья была закончена набело, и я ее передал редакции газеты «Труд». Эта центральная газета недавно была перенесена изданием в Свердловск. В ней уже были помещены статьи академиков Бардина и Ферсмана, написал статью (о золоте) и акад. Обручев.

На днях я узнал, что в Свердловск приехал, чтобы жить здесь, акад. В. Н. Образцов. Был в Свердловске на днях и акад. А. В. Винтер, но я еще не знаю, будет ли он жить здесь.

Вчера Военно-воздушная академия чествовала 50-летие акад. В. С. Кулебакина. Я был вынужден опоздать, попал только к самому концу официального собрания. Потом был (только я один) у Кулебакиных на чашке чая. Они живут в общежитии, занимая две маленькие комнаты, примитивно обставленные.

2 декабря. 27 ноября мне позвонил главный инженер комбината Уралуголь

А. С. Чернегов и сообщил, что ему телефонировал из Перми заместитель наркома угольной промышленности Е. Т. Абакумов о том, что состоялось постановление Правительства об образовании комиссии по восстановлению Донецкого и Подмосковного бассейнов и о том, что т. Абакумов просит академиков Скочинского, Терпигорева (предполагая, очевидно, что А. М. Терпигорев уже в Свердловске, а не в Казани) и Шевякова подготовить предварительные соображения и завтра (т. е. 28 ноября) переговорить с ним по телефону через Уралуголь. Это исключительное поручение А. А. Скочинский и я, конечно, выполнили, но, к сожалению из-за плохой телефонной связи разговор с Пермью ни 28, ни 29 ноября не состоялся. Мы лишь отправили письмо Е. Т. Абакумову с «оказией».

Все это, по-видимому, первые шаги в деле громадной государственной важности. В ближайшее время развертывание работ комиссии будет находиться еще в прямой зависимости от хода военных событий.

28 ноября на очередном научном собрании ГГИ УФАН я прочел доклад «К теории транспорта скрепером».

30 ноября в одном из госпиталей я прочитал лекцию бойцам — «Угольные богатства Урала».

Назначенное на 1 декабря заседание бюро ОГГН АН не состоялось из-за болезни П. И. Степанова и А. Е. Ферсмана.

3 декабря. Вчера состоялось совещание по планам работ Комиссии по ресурсам Урала по разделу горного дела (председатель Э. В. Брицке, А. А. Скочинский, я, А. Е. Пробст и др.).

А. А. Скочинский доложил о предстоящих работах ИГД АН, а я — ГГИ УФАН по вопросам, связанным с областью деятельности Комиссии по ресурсам.

5 декабря. 3 декабря состоялось совещание при Комиссии по ресурсам Урала по вопросу о ртути на Урале. Председательствовал акад. А. Е. Ферсман, также присутствовали академики Э. В. Брицке, А. А. Скочинский, Л. Д. Шевяков и ряд геологов. Доклад делал А. А. Иванов. Была намечена программа разведочных и других работ.

Тяга членов академии в Свердловск все продолжается: окончательно приехал В. Н. Образцов; А. А. Скочинский сообщил мне о получении им письма от А. М. Терпигорева о том, что он окончательно решил переехать в Свердловск. Я получил письмо от академика УССР А. Н. Динника о том, что Главное управление учебными заведениями (ГУУЗ) Народного комиссариата черной металлургии (НКЧМ) приглашает его в Уральский индустриальный институт. Александр Николаевич просил дать ему ряд справок. Зная направления акад. Динника в работе, я очень горячо советовал ему прочно обосноваться в Свердловске. По небольшому делу, на днях звонил мне также акад. УССР Н. Н. Доброхотов, который также сообщил, что он окончательно остается жить в Свердловске, имея кафедру в Уральском индустриальном институте.

На днях акад. И. П. Бардин уехал в Куйбышев с докладом Правительству о возможностях уральской промышленности. Этот доклад составлен Комиссией по ресурсам Урала, привлекшей и организовавшей к этому делу очень большой коллектив участников. Основная организующая роль принадлежала И. П. Бардину, очень много внимания и сил этому делу уделил также Э. В. Брицке.

Вчера бригада ГГИ и УФАН, образованная под моим председательством в составе профессоров А. М. Цейтлина, В. И. Геронтьева, Н. С. Полякова и инженеров (УФАН) по вопросам вскрытия нижних горизонтов и систем разработок на пяти основных шахтах Кизеловского бассейна (бригада провела вторую половину сентября в Кизеловском бассейне), делала доклад руководству комбината Уралуголь. Доклад и его обсуждение длились пять часов. Почти все наши предложения были приняты.

10 декабря. В ночь с 5 на 6 декабря состоялся телефонный разговор А. А. Скочинского в моем присутствии в комбинате Уралуголь с заместителем наркома угольной промышленности Е. Г. Абакумовым, находившимся в Перми, по вопросу о ко-

миссии по восстановлению Донецкого и Подмосковного бассейнов. В добавление 8 декабря проф. В. И. Геронтьев, возвратившийся из Перми, привез А. А. Скочинскому и мне письмо т. Абакумова с указаниями приступить к организации комиссии, включив туда первоначально проф. В. И. Геронтьева, проф. А. М. Цейтлина и инженеров Б. А. Розентретера и А. П. Судоплатова. В первых числах декабря А. А. Скочинский и я уже изготовили наметки основных положений, организации и плана работ комиссии. 8 декабря состоялось предварительное совещание, на котором упомянутым только что товарищам мы роздали копии нашей наметки. На сегодня назначено совещание для обсуждения этой наметки. Поражения немцев на востоке Донбасса, а также — как только что передали по радио — и у Тихвина, могут потребовать практическую восстановительную работу гораздо раньше, чем это могло казаться еще недавно.

Планомерно продолжается деятельность бюро ОГГН. В собрании 8 декабря было оглашено постановление Президиума АН об утверждении бюро в следующем составе: акад. П. И. Степанов — председатель; акад. А. Е. Ферсман — заместитель председателя; члены — акад. В. А. Обручев, акад. Л. Д. Шевяков. На очередном заседании 6 декабря А. Е. Ферсман сделал интереснейший доклад о естественных производительных силах Юго-Восточного побережья Азии — Маньчжурия, Китай, Япония, Индо-Китай, Таи,— проливающий свет на стремление Японии к югу и на причины ее конфликта с США (через два дня, т. е. 8 декабря, этот конфликт разразился в форме начала вооруженной борьбы). В том же заседании я сделал доклад о работах по геологии ГГИ УФАН. 8 декабря в бюро было рассмотрено много небольших, преимущественно организационных вопросов.

Сегодня Э. В. Брицке сообщил мне, что акад. В. П. Никитин не получил разрешения на развертывание работы бюро ОТН АН в Свердловске от Президиума, и поехавший в Казань для переговоров по этому вопросу ученый секретарь Отделения Н. В. Еременко был оставлен для работ по бюро в Казани. Вероятно, обо всем этом надо пожалеть, так как обстановка для деятельности ОТН, как такового, в Свердловске была бы несравненно более подходящая, особенно в переживаемое нами время, чем в Казани.

В последнее время в кругах горняков Свердловска, особенно в Уральском отделении горного общества, велись совещания о формах работы здесь горного общества, так как в Свердловске обосновались для постоянной работы члены Оргбюро общества из Москвы — акад. А. А. Скочинский, инженеры Ипатов, Грибин, Прокопьев, Плаксин, Диманштейн, а также председатель Днепропетровского отделения общества проф. А. М. Цейтлин, председатель Ленинградского отделения проф. В. И. Геронтьев и, наконец, продолжало деятельно работать Уральское отделение под умелым руководством доцента В. К. Бучнева. Разного рода комбинации объединенной работы были разрешены телеграммой от Всесоюзного Совета научно-инженерного технического общества (ВСНИТО) из Москвы от 4 декабря, где предлагалось в Свердловске образовать Оргбюро общества из состава правления Уральского отделения общества и ряда членов Оргбюро, в том числе акад. А. А. Скочинского, также профессоров В. И. Геронтьева и А. М. Цейтлина. Председателем Оргбюро был назначен Москвою я. 9 декабря состоялось первое заседание Оргбюро, где рассматривались организационные вопросы и план работ общества в 1942 г.

Вчера акад. Э. В. Брицке сообщил мне, что акад. И. П. Бардин, прилетевший с докладом комиссии по ресурсам в Куйбышев, был вызван в Кремль и 8 декабря вылетел из Куйбышева в Москву.

Личный секретарь В. Л. Комарова Б. А. Шпаро рассказал мне, что в последнее время здоровье Владимира Леонтьевича удовлетворительно, хотя он еще почти и не выходит из дома.

На днях я посетил на дому А. А. Скочинского. Он занимает отдельную квартиру, но из одной комнаты с кухней. Правда, это в свердловской обстановке сейчас — идеал. Обстановка в квартире более чем скромная, вроде той, какая бывала на рудниках у инженеров, работавших после окончания института первый год.

В начале декабря через Свердловск проехал из Ленинграда в Среднюю Азию член-корр. АН В. М. Жирмунский.

31 декабря 1941 г. Большой перерыв в записях объясняется отчасти моей неаккуратностью, отчасти поездкой с 19 по 30 декабря в г. Пермь.

В половине декабря меня посетил акад. В. П. Никитин, который между прочим рассказал о значительных работах, организованных им на заводах Урала по электросварке.

10, 13 и 15 декабря опять состоялись совещания по вопросам организации комиссии по восстановлению шахт Донецкого и Подмосковного бассейнов. Совещаниями руководил акад. А. А. Скочинский. В них, кроме академиков Скочинского, Степанова и Шевякова, принимали деятельное участие профессора В. И. Геронтьев, А. М. Цейтлин, инженеры А. П. Судоплатов, Е. М. Фаерман, Б. А. Розентретер и др. Были выработаны проекты положения о комиссии, основные принципы ее работы, примерные штаты и пр.

18 декабря в ГГИ УФАН состоялось очередное научное собрание с докладом А. А. Петровского «О запаздывающих ослабевающих потенциалах электромагнитного поля в полупроводящей среде». Прения были очень интересны благодаря участию высококвалифицированных физиков теоретиков — профессоров Д. Д. Иваненко, Соколова, Грановского, а также Ю. П. Булашевича и др.

15 декабря было очередное собрание бюро ОГГН с интереснейшими докладами акад. А. Е. Ферсмана по оборонной тематике и по изготовлению пластинок из пьезокварца член-корр. А. В. Шубникова. Там же была окончательно намечена программа декабрьской сессии — первой на Урале — ОГГН АН, посвященной углю.

18 декабря акад. А. А. Скочинский и я получили приглашение по телефону от Е. Т. Абакумова приехать в г. Пермь по месту нахождения НКУП по делам комиссии по восстановлению Донецкого и Подмосковного бассейнов.

19 декабря было снова заседание бюро ОГГН, где, кроме обычных участников — членов бюро академиков Степанова, Ферсмана, Обручева и Шевякова, был и пятый член бюро — проф. А. Г. Бетехтин. Кроме того, присутствовали акад. А. Н. Заварицкий, член-корр. Д. Б. Наливкин и ряд профессоров. Был рассмотрен вопрос о состоянии Ильменского заповедника и большой вопрос о планах работ институтов Отделения на 1942 г. К сожалению, мне пришлось покинуть заседание, так как я был вызван по телефону на вокзал для поездки в Пермь.

Поездка состоялась совместно с А. А. Скочинским, проф. В. И. Геронтьевым и А. П. Судоплатовым.

Мы пробыли в Перми восемь дней и совместно с многими инженерами НКУП и при энергичном участии заместителя наркома Е. Т. Абакумова составили предварительную редакцию записки в Правительство по вопросам воссоздания бассейнов после изгнания неприятеля: 1) состояние Донецкого бассейна и Подмосковного бассейна до и после оккупации — Л. Д. Шевяков и А. П. Судоплатов, 2) мероприятия первой очереди — Я. И. Балбачан, 3) основные положения работы «Государственной комиссии по воссозданию Донецкого бассейна и Подмосковного бассейна», положение о ней, примерные штаты — А. А. Скочинский, В. И. Геронтьев, И. М. Пугач. По-видимому, это было начало дела громадной важности.

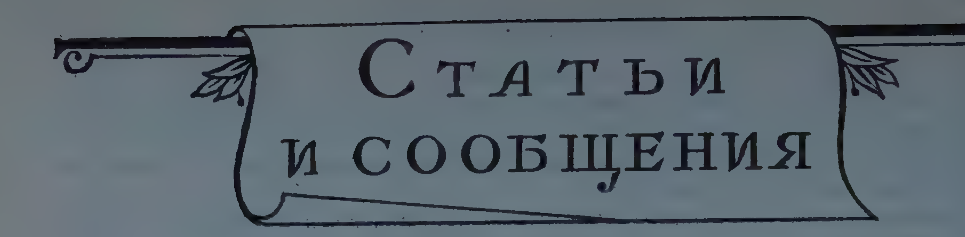
Вчера, по приезде, я был у акад. Н. И. Степанова, который сообщил мне, что собрание ОГГН было перенесено на 5 января 1942 г., главным образом, чтобы акад. А. А. Скочинский и я могли выступить на нем с докладами.

В Перми я видел на улице акад. А. В. Винтера, который, как оказалось, там временно проживает, тяготясь бездеятельностью.

В. И. Степанов сообщил мне о приезде в Свердловск на жительство акад. А. А. Байкова.

(Продолжение следует)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС АРХИВИСТОВ В СТОКГОЛЬМЕ

Г. А. БЕЛОВ

На III Международном конгрессе архивистов во Флоренции было условлено провести очередной Конгресс в Стокгольме, приурочив его к XI Международному конгрессу исторических наук[1]. Это решение было соблюдено. Конгресс собрался в назначенный срок — 17 августа 1960 г. и продолжался до 20 августа. По количеству архивистов, участвовавших в его работе, и числу стран, пославших своих представителей, этот конгресс был наиболее многочисленным по сравнению со всеми проходившими ранее. Здесь были представлены архивисты Австрии, Бельгии, Бразилии, Великобритании, ВНР, Ватикана, Венесуэлы, ГДР, Греции, Дании, Израиля, Индии, Ирландии, Испании, Италии, Канады, КНР, Люксембурга, Мальгашской республики, Мексики, Нигерии, Нидерландов, Норвегии, НРБ, ОАР, ПНР, Перу, Португалии, Родезии, РНР, СССР, США, Турции, Финляндии, ФНРЮ, ФРГ, ЧССР, Швеции, Швейцарии.

Из социалистических стран впервые приняли участие в работе конгресса архивисты Болгарии, Китая и Чехословакии.

Открытию конгресса предшествовало начало работы трех комиссий, существующих при исполкоме Международного совета архивов (МСА): комиссии по терминологии, комиссии по странам Латинской Америки и комиссии по сфрагистике.

Для советских архивистов особый интерес представляет комиссия по сфрагистике, так как государственные архивы мало занимаются исследованием, описанием, реставрацией печатей, хотя необходимость в этом давно назрела; немаловажное значение имеет также и комиссия по архивной терминологии.

Параллельно с работой вышеназванных комиссий начал свою работу редакционный комитет журнала «Архивум» (орган МСА) с участием редакторов журналов, издаваемых архивными учреждениями ряда стран.

16 августа состоялось заседание Генеральной ассамблеи; на повестке дня стояли следующие вопросы: 1. Перекличка делегатов; 2. Принятие повестки дня работы конгресса; 3. Отчеты за период 1956—1960 гг.: председателя МСА, генерального секретаря, казначея и комиссий; 4) Изменение ст. 15 Устава МСА (увеличение числа членов Исполнительного комитета); 5. Выборы председателя, его заместителей и членов Исполнительного комитета; 6. Установление размеров членских взносов на 1961—1964 гг.; 7. Установление места и даты очередного международного конгресса архивистов и целый ряд других менее существенных вопросов.

[1] О III Международном конгрессе архивистов см. «Исторический архив», 1957, № 1, стр. 219—227.

Заседание ассамблеи открыл вице-президент МСА *Д. Эванс*, который обратился к собравшимся с краткой речью. С ответным словом выступил Генеральный директор архивов Швеции *И. Андерсон*. От имени архивистов и Академии наук Швеции он приветствовал делегатов и выразил уверенность в успешной и плодотворной работе конгресса. На ассамблее выступили также *Л. Сандри* (Италия) и *Г. Винтер* (ФРГ), которые посвятили свои выступления памяти недавно скончавшихся Р. Филанджиери (председателя МСА) и В. Винклера (бывшего члена исполкома Совета).

Участники заседания ассамблеи единогласно приняли следующую повестку дня работы конгресса:

1. **Государственные архивы и их организация.**— Доклад генерального директора королевского архива Бельгии *Э. Сабба*.

2. **Новая техника, новое оборудование и опыт, приобретенный в области реставрации, обеспечения сохранности и фотографирования документов**— Доклады *Р. Бамера* (США), *Г. А. Белова* (СССР) и *И. Паприца* (ФРГ).

3. **Архивы и современные экономические и социальные исследования.**— Доклад архивиста Национального архива Франции *Р. Маркана*.

Секретарь исполкома МСА *Г. Воше* (Швейцария) выступил с отчетом о деятельности исполкома со времени III конгресса. За эти годы были созданы две комиссии: комиссия по подготовке справочника о документальных материалах по истории стран Латинской Америки и комиссия по сфрагистике, успешно приступившие к работе.

Казначей МСА *Г. Дюбоск* (Франция) сделал финансовый отчет и внес некоторые дополнения к письменному отчету, розданному участникам ассамблеи. В связи с расширением деятельности МСА Дюбоск внес предложение об увеличении членских взносов, что было принято единогласно. Вновь установленные взносы составляют: для ассоциаций архивистов — 75, а для дирекций архивов — 150 швейцарских франков в год.

Затем были заслушаны краткие сообщения главного хранителя Национального архива Франции *А. Миро* о деятельности комиссии по терминологии (все выступавшие по этому вопросу высказались за создание единого словаря архивных терминов) и *Р. Ботье* о работе журнала «Архивум». От имени редакции Р. Ботье сообщил, что редакция журнала обратилась к архивистам многих стран с просьбой выделить специальных корреспондентов для постоянной связи с журналом, что было принято большинством стран. В настоящее время журнал готовит к опубликованию статьи по организации архивного дела в ряде стран; большое внимание уделяется составлению библиографии. Затем Р. Ботье обратился к собравшимся с просьбой информировать редакцию «Архивум» о всех новых публикациях по теории и практике архивного дела, появляющихся в их странах.

Поскольку комиссия по составлению справочника о документах по истории стран Латинской Америки собиралась незадолго до ассамблеи, то специального отчета о ее деятельности не ставилось [2].

Хотя отчет комиссии по сфрагистике не был поставлен, однако перед официальным закрытием конгресса было внесено предложение рекомендовать всем членам МСА: создать при центральных дирекциях или центральных архивах «кабинеты печатей» и установить обмен копиями печатей, поручив работу в этих кабинетах наиболее квалифицированным сотрудникам, добиться введения в университетах и других учебных заведениях специального курса сфрагистики и обязать все учреждения своей страны сдавать печати в государственные архивы наряду с докумен-

---

[2] Комиссия заслушала сообщения представителей различных стран о сборе материалов для международного путеводителя, включающего сведения о документах по истории колонизации этих стран, их экономического и политического развития, конфликтов и войн и т. д. Особое внимание было уделено сообщениям представителей Португалии, Испании, Италии и Нидерландов, поскольку в архивах этих стран хранится наибольшее количество материалов по указанным вопросам.

тальными материалами, приложить все усилия к расширению обмена муляжами печатей между странами. Кроме того, признано целесообразным создать единый международный каталог публикаций по вопросам, касающимся печатей, способствовать организации публичных выставок старинных печатей и просить исполком МСА финансировать деятельность комиссии по сфрагистике или по меньшей мере обеспечить проведение хотя бы одного рабочего заседания в год.

Было принято также решение увеличить количество членов исполкома МСА на два человека.

Ассамблея решила также ряд организационных вопросов. Были проведены выборы руководящих органов МСА: президентом МСА избран И. Андерсон — генеральный директор архивов Швеции, вице-президентами — У. Гровер — директор Национального архива США и Э. Сабб — главный архивист Бельгии, а членами исполкома — Г. Альтман — генеральный директор Государственных архивов Польши; Г. А. Белов — начальник Главного архивного управления СССР; Г. Винтер — директор Федерального архива в Кобленце (ФРГ), Д. Эванс — главный хранитель Публичного архива Англии, К. Лэмб — главный архивист Канады, Л. Сандри — председатель Национальной ассоциации итальянских архивистов, Э. М. Феррандо — директор Архива Арагонской короны, А. Шамсон — генеральный директор архивов Франции.

На состоявшемся после конгресса первом заседании исполкома МСА генеральным секретарем и казначеем были избраны Воше и Дюбоск. Были рассмотрены некоторые другие вопросы, в частности принятие новых членов в МСА и определение места работы исполкома.

В заключение генеральная ассамблея вынесла решение о созыве очередного международного конгресса архивистов в 1964 г. в Брюсселе.

В конце работы ассамблеи французский архивист *Ботье* внес предложение о принятии в МСА Генеральной дирекции государственных архивов Китайской Народной Республики. Это предложение было принято единогласно, тем более, что на конгресс прибыли четыре архивиста из КНР.

Официальное открытие конгресса состоялось 17 августа в «Дворянском собрании» — историческом здании Стокгольма.

С приветственным словом к собравшимся обратился министр без портфеля Швеции *Гейерстам,* затем с приветствиями выступили представитель ЮНЕСКО — *Фино,* а также *Андерсон* и вице-президент МСА *Эванс,* обратившийся к архивистам с призывом к научному сотрудничеству.

На этом официальная часть была закончена.

Первое рабочее заседание конгресса состоялось в тот же день в Биржевом зале Академии наук, расположенной в самой древней части Стокгольма.

Доклады по всем вопросам, рассматриваемым на конгрессе, были розданы участникам в напечатанном виде, поэтому докладчик по первому вопросу только кратко остановился на основных моментах.

Доклад *Э. Сабба,* составленный на основе ответов на анкеты, присланные архивистами из 25 стран (в основном Западной Европы), затронул ряд вопросов организационно-правового характера, а также специальных видов документации.

Он указал, что организационные принципы архивного дела сводятся к двум основным видам: централизованному и децентрализованному. При первой системе в столице государства учреждается центр, руководящий архивным делом в стране, называемый национальным архивом, главным управлением или генеральной дирекцией. В главных городах департаментов и районов создаются государственные или департаментские архивы, зависящие от центрального учреждения. Главная дирекция или главный архивист осуществляют административное, финансовое и общее руководство всей группой архивов. Количество местных архивов находится в прямой зависимости от количества департаментов или других административных делений, имеющихся в данной стране.

При децентрализованной системе архивного дела архивные учреждения совершенно независимы одно от другого. Подобная система существует в федеральных государствах — США, Швейцарии, Югославии, а также в Австрии, Испании, Великобритании, Италии и других странах. В этом случае центральное хранилище принимает документы преимущественно федеральных властей.

Во многих странах наряду с архивами, обычно называемыми *государственными*, существуют архивы, имеющие автономное управление и не подчиняющиеся генеральным дирекциям. Их существование обусловлено как устоявшимися традициями, так и особым характером хранимых в них документов (архивы министерств иностранных дел, военных министерств и некоторые другие).

Архивы с автономным управлением обычно существуют при различных учреждениях — Центральный сионистский архив в Израиле, Архив Патентов и Архив Налоговой комиссии в Южной Родезии, Архив Законодательного совета в Северной Родезии и др. В Греции и Турции различные министерства хранят свои материалы сами.

Во многих странах государственные архивы подчинены центральному правительству или различным министерствам, чаще всего — просвещения или культуры. В Италии архивы управляются Министерством внутренних дел. Публичный архив Англии находится в ведении лорда-канцлера.

В странах с централизованным управлением архивным делом вся система архивов находится под руководством генеральной дирекции или главного архивариуса, которые несут ответственность за их административную, финансовую и научную деятельность.

В странах с децентрализованной системой архивного дела функции директора центрального архива ограничены административными обязанностями по руководству своим архивом. В некоторых из них (Греция, Италия и др.) деятельность государственных архивов в какой-то степени координирует специальный совет или комиссия из представителей разных ведомств.

Если при централизованной системе существует общий бюджет, распределение которого возложено на руководящие органы, то в других случаях (например, в Финляндии, Норвегии и Швеции) каждое хранилище располагает собственным бюджетом.

Во Франции весь бюджет Национального архива отнесен на счет государства. Что же касается департаментских архивов, то центральное управление обеспечивает им оплату научного персонала лишь на 40% и на 30% финансирует строительство и оборудование хранилищ; остальное поступает из департаментских средств.

В общем бюджет архивов различных стран с 1945 г. значительно возрос. В этом участники конгресса усматривали усиление внимания со стороны соответствующих инстанций к архивам, а следовательно, к развитию исторических, экономических и социальных наук.

Подготовка, которую получают архивисты различных стран, различна. Так, трехгодичная учеба во французской Школе хартий после защиты диплома дает звание архивиста-палеографа и возможность занять должность хранителя архива. Исторический факультет Университета имени Коперника в Польше имеет специальное отделение для подготовки архивистов с пятилетним сроком обучения, в течение которого наряду с другими предметами изучаются различные архивоведческие науки, источниковедение, вспомогательные исторические дисциплины, история и организация учреждений.

При Главном архиве в Гааге учреждена школа архивистов, где обучение младших архивистов рассчитано на один год, а научных сотрудников — на 14 месяцев. В школе преподаются: архивоведение, палеография, хронология, организация светских и религиозных учреждений, средневековая латынь, геральдика.

Австрийские архивисты получают образование в Институте истории Австрии, находящемся в ведении Венского университета. Курс архивной школы в Марбурге

(ФРГ) охватывает, кроме обычных предметов, гражданское и административное право. В программе университета в Вашингтоне предусматривается специальный курс архивоведения.

В большинстве стран количество рабочих часов в неделю колеблется от 45 до 48 для всех архивистов, но в Нидерландах рабочая неделя уменьшена до 39, в Швеции — до 42, в Испании — до 36 и в Бельгии — до 31 часа в неделю для научных работников. В Англии количество рабочих часов в неделю сокращено до 42 для научных сотрудников и до 46 — для остальных служащих.

Далеко не во всех странах сотрудникам архивов позволяется использовать служебное время для личных научных занятий, тем не менее в ряде стран архивисты располагают тем или иным временем для своих изысканий.

Большое место в докладе было отведено архивному законодательству, а также порядку и режиму хранения архивных материалов. Несмотря на то, что соответствующие установки во многих странах самые различные, все они в той или иной мере направлены на обеспечение сохранности документов.

Архивы всех стран стараются хранить материалы, представляющие бесспорный исторический интерес в самом широком смысле этого слова. Этим же принципом руководствуются при уничтожении документальных материалов. В ряде стран, в том числе и в США, откровенно говорят о контроле за документами с момента их возникновения; везде уничтожение архивных материалов стараются производить под контролем данного учреждения и архива.

В Италии уничтожение материалов регулируется специальным постановлением 1911 г., являющимся наиболее старым из законодательных актов по данному вопросу; согласно этому постановлению архив может принимать на хранение лишь предварительно отобранные материалы. В Швеции уничтожается до 90% материалов действующих учреждений, но лишь после предварительного согласия архивов.

Во всех странах доминирующим является принцип сохранения фонда в первоначальном виде. Однако в Греции материалы хранятся по категориям (приказы, протоколы и пр.). В архивах Венгрии материалы, относящиеся к периоду турецкого нашествия, хранятся отдельно ввиду их особого исторического интереса.

Во многих странах старинные грамоты хранятся в специальных отделах; обычно они заключаются в конверты или коробки (картонные, реже — в металлические). Дела и связки дел заключаются в папки или коробки, иногда просто заворачиваются в бумагу (как, например, в Германии) и укладываются горизонтально на стеллажи. Лишь наиболее древние документы являются объектом более заботливого отношения.

В США поступающие в архив документы подвергаются дезинфекции и дезинсекции, для чего применяются специальные аппараты. В других странах документы опыляются порошком ДДТ, который считается наиболее эффективным средством борьбы с насекомыми. В Родезии подсобный персонал архивов каждые два месяца пересматривает хранящиеся в архиве материалы. В архивах Польши и других стран также проводится периодическая проверка состояния документов. В тропических странах лучшим способом борьбы с термитами является замена деревянных стеллажей металлическими.

По общему мнению, конструктивные особенности современных зданий и оснащение архивов огнетушителями являются достаточной гарантией против пожара. В Польше крыши архивов изнутри покрываются асбестом. Публичный архив Англии и Национальный архив Франции оснащены противопожарной аппаратурой, приводимой в действие газом, который получается при тлении и горении. В главных архивах Швеции, Дании и Голландии имеются специальные приспособления, перекрывающие подачу электрического тока в архивы с момента их закрытия.

Австралийские архивисты провели удачный опыт по восстановлению материалов, пострадавших от воды, обработкой их в течение 10—14 дней специальным соединением тимола под нагревом.

Лишь в немногих странах разработаны меры по обеспечению сохранности материалов архивов во время войны. Некоторые архивисты считают необходимым приступить к постройке хранилищ, способных предохранить документы от разрушения атомными бомбами. Венгерские архивисты полагаются на международные конвенции об охране культурных памятников. Один из директоров немецких архивов безнадежно отметил: «Против войны нет никакого средства!».

Среди мер, принимаемых для обеспечения сохранности документальных материалов архивов, необходимо упомянуть о создании страхового фонда микрофильмов в ряде стран (Дания, США, Финляндия, Великобритания, Люксембург, Венгрия, Израиль, ПНР, Родезия, Турция, Швеция, ФНРЮ, Государственный архив Цюриха). Во Франции, так же как в Австралии, Бельгии и Нидерландах, создание в ближайшем будущем страхового фонда микрофильмов не предусмотрено.

В Польше, Югославии и Швеции микрофильмы используют с целью изъятия из употребления наиболее ценных подлинников.

В Венгрии замикрофильмировано около 120 тыс. документов, датированных до 1526 г., протоколы, датированные ранее 1724 г., а также материалы Национального и местных архивов, относящихся к периоду ранее 1711 г.

В Бельгии вопрос о систематическом проведении подобных работ еще не ставится, но все же микрофильмированию подверглись наиболее ценные документы, предоставляемые для экспозиции на выставках, а также некоторые частные коллекции и наиболее труднодоступные материалы.

В архивах Родезии предпочитают использовать микрофильмы без перфорации. По мнению архивистов этой страны, более широкое поле кадра способствует лучшему чтению микрофильма; к тому же они могут быть использованы при различной аппаратуре для чтения и наиболее прочны в употреблении.

Микрокарта была отклонена почти всеми архивистами из-за слишком большого уменьшения. Тем не менее, архивисты Амстердама находят ей широкое применение.

Архивы ФРГ и Польши полагают, что негативы микрофильмов смогут храниться постоянно; в Дании и Швеции считают, что срок службы микрофильма — 100 лет. Великобритания и Национальный архив в Вашингтоне полагают, что микрофильмы могут храниться долгое время [3].

Все архивисты высказались за создание в архивах библиотек, которые должны комплектоваться литературой по местной истории, вспомогательным историческим дисциплинам и архивоведению.

Докладчик и выступавшие в прениях отметили, что хотя многие архивы размещены в зданиях, первоначально предназначавшихся для других целей, имеется также немало зданий, специально построенных для архивов.

В новых зданиях применение металлических стеллажей все более узаконивается, но многие архивы до сих пор оборудованы деревянными стеллажами. В новом архивохранилище в Стокгольме будет оборудовано 60 *км* металлических стеллажей; из них 40 *км* — стеллажей «Компактус». Правда, эти стеллажи не получили единодушного одобрения. Представитель Родезии отметил их дороговизну, венские архиви-

---

[3] В Родезии считают, что для обеспечения наиболее длительного хранения микрофильмов необходимо соблюдать три условия: предусмотреть высокое качество эмульсии и пленки; обеспечить необходимые условия хранения. Впрочем, по их мнению, проблема сохранности микрофильмов не имеет существенного значения, так как периодический контроль за их состоянием позволяет отобрать негодные экземпляры и сделать с негатива новый микрофильм. При хранении микрофильмов рекомендуется соблюдать температуру от 14 до 15° С. Степень влажности воздуха должна быть 60%.

Что касается способа хранения, то предпочтение обычно отдается хранению микрофильмов на металлических бобинах и скорее в картонных, чем в металлических коробках. Только в Венгрии предпочитают хранить микрофильмы на бобинах из бакелита. Архивисты Государственного архива ФРГ не рекомендуют применять герметически закрывающиеся коробки.

сты — неэкономичность и что «Компактус» можно использовать лишь для редко-используемых документов, датские архивисты также не считают, что эта система получит широкое распространение.

В Национальном архиве в Париже имеется 5000 *м* стеллажей «Компакт», отличающихся от системы «Компактус» тем, что каждый неподвижный стеллаж окружен двумя подвижными (также двухсторонними) стеллажами, открывающимися наподобие дверок. Эта система позволяет лучше вентилировать документы и дешевле.

Установки для кондиционирования воздуха встречаются в архивах очень редко; они имеются только в США и Родезии. Докладчики считают идеальной температуру в архивах 10—18° С

В центральных архивах Польши, Испании, Турции, Великобритании, Норвегии и Швеции реставрация документов производится вручную. В Бельгии, Нидерландах, Франции, ФРГ, США, ФНРЮ многие архивы имеют ламинаторы разных систем. В греческих и швейцарских архивах реставрационных мастерских нет. В Греции архивисты сами реставрируют документы.

Оборудование фотолабораторий почти везде одинаковое, вплоть до марок аппаратов. Во Франции, Нидерландах, Дании, Венгрии, Швеции только центральные архивы располагают фотолабораториями. В Бельгии, кроме центрального архива, каждый из восьми провинциальных архивов также имеет небольшую, но способную удовлетворить требования читателей, фотолабораторию. Производительность фотолабораторий высока.

Специальных мастерских по реставрации печатей и изготовлению муляжей мало. В Национальном архиве в Париже в 1959 г. реставрирована тысяча подлинных печатей как из Национального, так и из департаментских архивов. Кроме того, в его мастерской изготовлено 400 слепков и 6000 рельефных отпечатков. Во Франции и Бельгии муляжи печатей изготовляются для использования их при преподавании в школах. Мастерская по реставрации печатей недавно организована в Государственном архиве древних актов в Варшаве.

Останавливаясь на систематизации архивных материалов, докладчик отметил, что «органический принцип» систематизации текущих документальных материалов нашел общее применение во всех странах. Другие правила систематизации, как десятичная система Мельвиля Дьюи, осуждаются.

Архивисты ряда стран уточняют смысл, в котором употребляется в их странах понятие «происхождение», в частности к современным документальным материалам. В парижском Национальном архиве считают возможным нарушить «принцип происхождения» в случае, если фонд, сдаваемый в архив, находится в таком беспорядке, что это препятствует хранению его в соответствии с требованиями архивной теории. Такой фонд сотрудники архива обрабатывают по аналогии с другими однотипными фондами или ограничиваются систематизацией документов в алфавитном порядке фамилий, названий местностей или административных районов.

В Государственном архиве ФРГ принцип происхождения рассматривается как «принцип регистратуры», существующий в учреждениях-фондообразователях. В архивах ГДР применяется «регулируемый принцип регистратуры», позволяющий исправлять ошибки в систематизации, допущенные фондообразователем, но сохраняя при этом первоначальное состояние фонда.

В США систематизацию по «десятичной системе Дьюи» применяют лишь в архивах действующих учреждений. «На стадии научной обработки» преимущественно применяется «органическая систематизация». В Национальном архиве США материалы разбиваются по группам, подгруппам и сериям. «Группа документов» (в архиве около 300 «групп») представляет собой совокупность документальных материалов определенного учреждения, а «подгруппа» соответствует структурной части этого учреждения. Еще более низшая категория — «серия».

Выдача билетов для допуска в читальный зал, как правило, бесплатна. Однако

в некоторых странах билеты выдаются за плату — для сугубо личных, в частности генеалогических изысканий.

По докладу Э. Сабба развернулись оживленные прения: желающих выступить было более двадцати человек, которые, однако, в основном останавливались на положении дел в архивах своих стран, не касаясь существа доклада.

Так, испанский архивист Бордонау посвятил свое выступление организации архивного дела в своей стране; он охарактеризовал финансовое положение, ход строительства новых зданий, затруднения при решении некоторых вопросов.

Генеральный директор Национального архива ВНР А. Седё обратил внимание делегатов на проблему централизации архивного дела. Он сообщил, что в Венгрии Национальный архив руководит деятельностью архивов всей страны. В связи с этим в штат Национального архива введены новые должности инспекторов, которые следят за работой всех архивов страны. Далее он рассказал о тех изменениях, которые произошли за последние годы в организации архивного дела, в частности о создании в некоторых городах страны отделений Национального архива, призванных хранить наиболее ценные материалы по истории этих городов. Актуальной для венгерских архивистов остается проблема создания и усовершенствования научно-справочного аппарата. Решение этой проблемы облегчается благодаря централизации архивного дела, проведенной в стране в недалеком прошлом [4].

Генеральный директор государственных архивов ПНР Г. Альтман отметил, что организация архивного дела в стране зависит от организации государственного строя и традиций данной страны. В Польше архивное дело полностью централизовано и это вполне себя оправдывает. Решено создать единую картотеку всех архивных фондов, хранящихся в различных архивах страны.

Архивист штата Орегон (США) Данвей отметил независимость архива штата от центральной администрации. В каждом штате имеется самостоятельная организация архивов, не подчиняющаяся Национальному архиву [5].

Как уже указывалось, по второму вопросу повестки дня работы конгресса было сделано три доклада — заместителя архивиста США *Р. Бамера*, основанного на ответах, присланных из большинства стран Южной и Северной Америки; начальника Главного архивного управления СССР *Г. А. Белова*, основанного на ответах, присланных из архивных учреждений социалистических стран, и директора архивной школы в Марбурге (ФРГ) *И. Паприца*, составленного с учетом ответов, присланных из стран Западной Европы.

И. Паприц посвятил свое выступление проблемам реставрации документов путем заключения листов между двумя слоями пленки (ламинирования) с применением различных видов синтетических веществ, а также современным способам копирования документов, включая и микрофильмирование.

Ламинирование он считает основным современным способом реставрации и консервации архивных документов, а «классические» методы реставрации документов с применением японской бумаги, шелковой марли или пергаминовой бумаги — устаревшими, поскольку эти материалы сами подвержены старению.

Указывая на все более широкое применение микрофотокопированных документов, докладчик обращает внимание на необходимость тщательного подбора соответствующих типов аппаратуры для архивов, поскольку многие аппараты, с успехом применяемые в других учреждениях, оказываются для архивов непригодными. Так, аппараты «поточной съемки» не применимы в архивах, поскольку в этом случае документы должны быть неподшитыми и иметь одинаковый формат. Однако эти же аппараты очень удобны для размножения картотек.

Весьма перспективными, по мнению докладчика, являются аппараты для копи-

---

[4] Некоторые вопросы истории состояния архивного дела в Венгрии отражены в статьях А. Седё и Д. Эмбера, опубликованных в журн. «Исторический архив», 1958, № 6: 1959, № 1.

[5] Об организации архивного дела в США см. статью Э. Г. Баскакова. «Исторический архив», 1960, № 3.

рования документов методом ксерографии: в этом случае можно быстро получать совершенно точные и долговечные копии документов без проявления, закрепления и промывки. В то же время отпадает необходимость затемненного помещения.

Р. Бамер отвел в своем докладе значительное место вопросам оборудования архивохранилищ, отметив в то же время, что каких-либо принципиальных достижений в этой области за последние 10 лет не произошло.

Большинство архивохранилищ США построено из армированного бетона и стали, оснащено металлическими стеллажами и имеет противопожарные автоматические сигнализационные установки. Документальные материалы в архивах США не переплетаются и не подшиваются, а хранятся в коробках. Микрофильмы и кинофильмы на ацетатной пленке содержатся в тех же условиях, что и документы на бумаге. В Национальном архиве США имевшиеся ранее фильмы на нитратной пленке перекопированы на триацетатную. Грампластинки хранятся в вертикальном положении при температуре 70° по Фаренгейту (21° С) и относительной влажности 50%. Магнитофонные ленты хранятся в герметических металлических коробках при той же температуре и влажности, что и грампластинки. Особенно ценные ленты хранятся в специальных подвалах при температуре 50° по Фаренгейту (10° С). В хранилищах и помещениях для просушивания должна поддерживаться одинаковая температура, а напряженность магнитного поля — не превышать 10 гауссов. Через каждые два года ленты необходимо проверять и перематывать.

Далее докладчик остановился на ряде деталей техники ламинирования в США, окуривания вновь поступивших материалов, их обеспыливания при помощи особой «воздушной пушки». По его словам, за последние десять лет несколько улучшились аппараты для микрофотокопирования и чтения микрофильмов. Достижением является создание системы микрофильмирования «Миникард», позволяющей также производить автоматический поиск информации, а также появление новых аппаратов для чтения микрофильмов, некоторые из которых одновременно могут служить и для изготовления увеличенных отпечатков. Большое распространение получили «быстрокопирующие» машины для получения единичных или нескольких копий с документа.

В докладе, представленном Главным архивным управлением СССР, сообщалось об успехах, достигнутых архивистами социалистических стран в области методов реставрации, консервации и фотографирования архивных документов за последние годы.

В большинстве социалистических стран при архивных учреждениях созданы новые реставрационные мастерские и микрофотолаборатории, оснащенные современной техникой. Так, Центральные реставрационные мастерские ГАУ СССР оборудованы стационарными вакуум-формалиновыми дезинфекционными камерами, вытяжными и сушильными шкафами специальной конструкции, реставрационными столами, столами для пропитывания разрушенных бумаг укрепляющими растворами, ваннами с дождевальными установками, дистилляторами, стерилизаторами, листоотливочными аппаратами, переплетными обжимными прессами и другой аппаратурой.

Новые методы реставрации разрабатываются Центральной научно-исследовательской лабораторией ГАУ СССР, Лабораторией консервации и реставрации документов Академии наук СССР, Институтом по исследованию синтетических материалов ВНР и рядом других научных учреждений социалистических стран.

В СССР разработан высокоэффективный метод укрепления документов при помощи раствора фтористой пластмассы в ацетоне, который дает невидимую пленку высокого качества.

В Венгрии, Чехословакии и ГДР проводятся опыты по ламинированию документов

Советские архивисты считают *основным средством обеспечения долговременной сохранности документальных материалов не реставрацию и консервацию, а создание наиболее благоприятных условий их хранения.* С этой целью в Советском Союзе,

так же как и в других социалистических странах, строится большое количество новых архивохранилищ, снабженных современным оборудованием, включая в ряде случаев установки для кондиционирования воздуха.

За последние годы в практику работы архивов социалистических стран все шире входит фотографирование, применяемое в целях размножения и обеспечения сохранности ценных материалов, а также расширения возможностей использования документов и восстановления «слабых» текстов. Темпы внедрения фотографических методов в архивную работу исключительно высоки. В СССР за последние четыре года микрофильмирование документов возросло в несколько десятков раз.

Большое внимание вопросам внедрения техники в архивное дело и делопроизводство уделило, в частности, Всесоюзное совещание по вопросам механизации труда инженерно-технических работников и работников административно-управленческого аппарата, состоявшееся в Москве в июне 1960 г. На этом совещании работала специальная «секция по механизации административно-управленческих работ, делопроизводства и архивного дела».

Одним из наиболее перспективных направлений внедрения техники в архивное дело является разработка систем автоматического поиска информации в архивах.

По докладу развернулись прения.

Представитель архивистов ФРГ высказался за применение новых материалов, в частности долгосохраняющейся пленки для микрофильмирования, новых видах фотобумаги и др. Он поддержал предложение о дальнейшем развитии контактов в области обмена информацией по техническим вопросам.

Генеральный директор государственных архивов Польши Г. Альтман считает, что проблемы сохранения и воспроизведения документальных материалов могут быть успешно решены в условиях налаженного обмена информацией между различными странами. Он предложил, чтобы журнал «Архивум» возглавил и играл основную роль в деле обмена информацией.

Представитель бельгийских архивов сообщил о работах, которые ведутся в его стране по изысканию и внедрению новых методов реставрации и консервации документов на бумажной основе, и призывал к расширению обмена информациями между архивистами различных стран.

Представитель архивов ВНР высказался за внедрение в архивное дело цветного микрофильмирования.

По мнению А. Шамсона (Франция), архивисты всех стран в основном уделяют внимание реставрации и консервации старых документов. Это безусловно правильно. Но нельзя забывать и о современной документации. «Мы должны быть не только хирургами,— сказал он,— но и врачами, предупреждающими болезни». Надо приложить все усилия к сохранению современной документации.

Он внес предложение Международному совету архивов обратиться к правительствам всех стран с призывом уделить самое пристальное внимание проблемам, связанным с сохранением современной документации.

Представитель архивистов СССР отметил, что за четыре года, прошедшие с предыдущего конгресса, советские архивисты значительно укрепили и расширили связи с архивами многих стран. Он отметил, что в социалистических странах все документальные материалы, отложившиеся в деятельности министерств, учреждений, предприятий и организаций, являются общенародной собственностью и в установленном законом порядке поступают на хранение в государственные архивы; поэтому база комплектования государственных архивов в этих странах несравненно богаче и шире, нежели в архивах тех стран, где существует частная собственность на документальные материалы предприятий, акционерных обществ, фирм и отдельных лиц.

Развитие техники размножения документов ставит перед архивистами вопрос о том, как поступать с огромными массами документов, рождающихся в делопроизводстве. В то же время сама техника помогает решить эту острую проблему. Без внедрения техники в работу архивов не могут быть решены важнейшие вопросы обеспечения сохранности и использования архивных материалов.

Внедрение техники в делопроизводство и архивное дело, ее дальнейшее целенаправленное развитие помогут архивистам по-новому решить актуальные проблемы справочного аппарата и поиска документов, их консервации, реставрации, размножения, транспортировки и т. д. Решением их заняты в настоящее время многочисленные новые лаборатории и мастерские государственных архивов Советского Союза.

Архивы Советского Союза являются не только «житницей истории» и «арсеналом администрации», но и арсеналом народного хозяйства и передового технического опыта. Этим объясняется растущая роль архивных учреждений в жизни социалистического общества. За последнее время Советским правительством неоднократно рассматривались вопросы, связанные с внедрением техники в делопроизводство, в работу канцелярий, секретариатов, архивов, управленческого аппарата. Архивисты СССР придают большое значение обмену опытом работы по внедрению современной техники в архивное дело. Это — одна из наиболее перспективных областей взаимовыгодного сотрудничества между архивистами всех без исключения стран. Желательно, чтобы в журнале «Архивум» или в каком-либо другом специальном органе МСА систематически публиковалась информация о развитии архивной техники и подробная библиография по этому вопросу.

Доклад французского архивиста *Маркана* по третьему вопросу повестки дня затронул очень интересные проблемы, волнующие не только архивистов, но и лиц, использующих архивные материалы главным образом в практических целях. Однако этот доклад носил следы поспешности и не раскрыл должным образом существа поднятого вопроса.

Как отметил докладчик, в капиталистических странах документы большинства частных предприятий не поступают на хранение в государственные архивы, и на сей счет не существует никаких законодательных актов. Имеются лишь отдельные соглашения между архивистами и предпринимателями; в ряде стран архивисты считают необходимым совершенно оградить предприятия от подобного вмешательства государства, которое, по их мнению, может лишь возбудить недоверие торговых и промышленных кругов и помешать контакту между государственными архивами и частными предприятиями. «Принуждение в этой области не дало бы эффекта и было бы даже вредным»,— замечает докладчик.

Некоторые министерства имеют специальные отделы для текущей документации («активных архивов»), координацию которых в какой-то мере пытаются осуществить национальные архивы. Так, во Франции Национальный архив откомандировал нескольких хранителей в Министерство финансов и труда, Генеральную дирекцию социального страхования, для того чтобы они осуществили на месте экспертизу ценности и уничтожение документальных материалов, подготовив затем отобранные для хранения материалы к сдаче в Национальный архив. В Испании архивные материалы XIX и XX вв. остаются в министерствах и на них руководство Дирекции архивов не распространяется.

Докладчик вынужден признать преимущества социалистических стран, где существуют центральные экономические архивы, принимающие на хранение и обеспечивающие сохранность документальных материалов министерств и организаций.

В некоторых странах (ФРГ, Швейцария, Дания, США) созданы так называемые центры по сбору экономических материалов. Так, центр документации Швейцарии собрал 350 тыс. брошюр, 20 тыс. годовых комплектов журналов, 175 тыс. докладов различных предприятий, 750 тыс. газетных вырезок, 250 архивных фондов предприятий, 500 тыс. деловых писем и др.

Университетские библиотеки ряда стран также проявили интерес к экономической жизни своего района и усилили сбор материалов этого профиля (так, в США были созданы архив металлообрабатывающей промышленности при Университете в Виргинии, архив деревообрабатывающей промышленности при Университете в Мичигане, архив плантаций при Университете в Луизиане, архив железных дорог Среднего Востока при библиотеке в Ньюбурге и др.).

Эти центры и библиотеки сыграли большую роль в сохранении документации архивов предприятий XIX в., которым угрожало уничтожение. Но сейчас эти организации не в состоянии обеспечить сохранность огромной массы документов, рождаемых современными предприятиями.

Архивисты ГДР и США полагают, что централизация громадной массы современной документации предприятий в государственных или частных архивах невозможна. По мнению докладчика, разница между архивами стран двух систем заключается в том, что в странах Восточной Европы существует регламентация, обязывающая предприятия охранять свои документальные материалы, в то время как на Западе охрана документов даже национализированных предприятий полностью отдана самим предприятиям.

В некоторых странах (США, Франция) существуют коммерческие архивные организации, осуществляющие платные консультации торговых фирм и предприятий; они составляют для них схемы систематизации и перечни материалов с указанием сроков хранения, а также организуют порядок хранения и использования документов. Однако эта работа весьма далека от научно-исследовательской.

Ссылаясь на большинство полученных ответов, докладчик утверждает, что специалист, имеющий обычное архивное образование, осваивается с несколько специфичными условиями работы в архивах предприятий. В то же время некоторые архивные учреждения, а также большинство профессорского состава, занимающегося вопросами экономики, предпочитают видеть на постах руководителей экономическими архивами инженеров или экономистов, приобретших опыт работы в архивах. Практически во главе большинства центров архивной экономической (технической) документации в основном стоят экономисты или администраторы.

Учитывая, что архивистам все чаще и чаще приходится заниматься экономическими и социальными архивами, докладчик считает, что вопросы современной экономики и техники должны занять надлежащее место в архивном образовании. Подготовка архивиста, занимающегося современными документами, должна отличаться от подготовки архивиста-медиевиста.

О микрофильмировании экономических материалов докладчик отозвался отрицательно. Согласно подсчетам строительство стеллажного оборудования обходится примерно в две трети суммы, необходимой на микрофильмирование равного количества документов.

К счастью, указывается в докладе, такого рода материалы часто бывают однородными и их отбор может быть произведен по статистическому, или иначе «архивному», методу, сущность которого сводится к следующему: на постоянное хранение оставляется определенный процент однородных материалов. Этот отбор очень прост и экономичен: он не требует большой затраты времени и квалификации персонала. В то же время этот метод не исключает элементов случайности. Если из массы документов, *теоретически* однородных, выбирается одно дело из десяти, сотни или тысячи, нельзя быть уверенным, что это дело будет типичным.

Равным образом, выбор документа на постоянное хранение по хронологическим признакам (дням, неделям, месяцам или годам) не даст возможности учесть всех изменений, происходящих далеко не последовательно.

Наибольший эффект дает «селективный» (избирательный) отбор, который должен производиться квалифицированным персоналом, имеющим определенные технические навыки, при условии, что учреждение, в делопроизводстве которого возникла данная документация, оказывает значительную помощь в процессе отбора.

Подобное сотрудничество особенно необходимо, когда речь идет об архивных материалах, сдаваемых ликвидируемым учреждением. В таких случаях приходится действовать незамедлительно, чтобы успеть использовать компетенцию чиновников данной организации. Кроме того, огромная масса документов и недостаток помещения вынуждают производить быстрый отбор прямо на месте, с тем чтобы в архив были помещены лишь материалы постоянного хранения.

Многие архивисты и историки буржуазных стран часто сетуют на препятствия, которые ставят на их пути владельцы предприятий, не позволяя использовать материалы своих архивов. Безразличие к научным изысканиям, боязнь, что «деловые тайны» станут доступными властям, заставляют архивовладельцев отказывать в доступе к материалам их архивов. Иногда предприятия, распахнувшие свои двери перед исследователями, вновь закрывали их, недовольные редакцией опубликованных работ, хотя последние имели большое научное значение.

В докладе вскользь было сказано и о большом значении печатных фондов архивов предприятий для исследований экономического и социального характера.

Маркан остановился и на вопросе о внедрении новейшей техники в архивное дело. Указав на необходимость использования электронных машин, он вместе с тем отметил, что архивисты еще совсем не подготовлены к использованию этой техники, а изобретатели этих машин совершенно не знакомы с нуждами архивов.

Существует механографическая и электронная техника, между которыми имеется существенная разница. Механографические машины находят применение на многих предприятиях; стоимость их невысокая. Средние предприятия, не имеющие возможности приобрести подобную технику, берут эти машины напрокат. Сведения, имеющиеся в документе, записываются определенным кодом на перфорированные карточки. Большое преимущество использования перфорированных карточек заключается и в том, что исследователь в кратчайший срок получает нужные ему сведения, но точность информации зависит от тщательности кодирования сведений. Каждое предприятие обладает своим кодом, который обычно держат в секрете.

Применение электронных машин ставит более трудные задачи, которые с каждым днем усложняются. Эти машины записывают с громадной скоростью заданные сведения на магнитную ленту, подобно той, какая используется при работе с магнитофоном. Сведения сообщаются машине через механографические карточки, но недалеко время, когда эти сведения будут сообщать машине сами документы, отпечатанные на пишущей машинке с применением магнитных лент или наноситься карандашом. Эти машины не только очень быстро регистрируют сведения (15 тыс. карточек в секунду), но так же быстро дают информации и отвечают на заданные вопросы. Но использование этих машин требует применения высококвалифицированных кадров и весьма дорогостоящего оборудования. Поэтому в настоящее время ни одно архивное учреждение или исторический институт не могут приобрести подобного оборудования или взять его напрокат, но страховые общества уже сейчас регистрируют все сведения, содержащиеся в контрактах, способом магнитной записи.

Следует отметить, что Маркан чрезмерно рекламировал архивы США и особенно архивы частных фирм. Но целый ряд его утверждений нельзя считать достоверными, так как полными сведениями по этим вопросам МСА не располагает.

Генеральный директор королевского архива Бельгии Э. Сабб сообщил о том, что дирекция архивов Бельгии заключила соглашение со многими предприятиями страны о приеме архивных материалов этих предприятий; некоторые банки и предприятия уже стали сдавать свои документальные материалы на хранение в государственные архивы.

По третьему вопросу повестки дня особой дискуссии развернуто не было. Отчасти это объяснялось отсутствием времени, отчасти тем, что председательствующий *Шамсон*, выступивший с большой речью, по существу подвел итоги работы конгресса.

В тот же день состоялось официальное закрытие конгресса. Во время работы конгресса и после его официального закрытия делегатам была предоставлена возможность ознакомиться с постановкой архивного дела в Швеции и некоторыми ее архивохранилищами.

Несомненный интерес представляла выставка исторических документов по истории Швеции, развернутая в прекрасном помещении библиотеки Королевского дворца. Здесь экспонировались подлинные документы, освещающие те или иные страницы истории Швеции и ее отношений с другими государствами. Организаторы выставки стремились документально показать лишь успешно разрешенные проблемы, возни-

кавшие перед страной на протяжении ее истории, умалчивая о периодах неудач и потрясений. Само собой разумеется, что на выставке не нашла отражения история народных масс.

Большое впечатление оставляет государственный архив Стокгольма, размещенный в современном здании. Служебные помещения (читальный зал, реставрационные мастерские и другие службы) находятся в светлых комнатах, выходящих на городскую магистраль, а хранилища уходят глубоко в скалу. Его одиннадцать ярусов, сооруженные с учетом соблюдения существующих размеров и норм, оснащены удобными металлическими стеллажами, в основном передвижными. Хорошо оборудован и Военный архив, находящийся в центральной части города. Здесь смонтированы в основном механизированные стеллажи плотной упаковки. Нажатием рычага или кнопки приводится в движение секция стеллажей либо весь блок (свыше 20 секций).

Представляет интерес строительство Национального архива, которое ведется в центре города, глубоко под землей. Использование высококвалифицированных рабочих, дорогостоящих машин и приспособлений, проведение взрывных работ примерно в три — пять раз удорожают и замедляют ход строительства. Тем не менее шведские архивисты идут на эти затраты, полагая, что такие хранилища гарантированы от разрушений в случае войны.

В Швеции имеется семь провинциальных архивов, перед которыми стоят две основные задачи: хранение старых документов (более чем столетней давности), отложившихся в местных государственных учреждениях, и наблюдение за обращением с документами (включая экспертизу ценности), отложившимися в современный период в учреждениях данного округа. Провинциальные архивы осуществляют в отношении документальных материалов муниципальных учреждений лишь консультативные функции.

Советские архивисты осмотрели также часть помещений, в которых находится в настоящее время Национальный архив Швеции и имели продолжительные беседы с его руководителями.

IV Международный конгресс архивистов показал, что за последние годы связи между архивными учреждениями самых различных стран в значительной степени расширились и окрепли. Это способствовало лучшему ознакомлению с положением дел в зарубежных архивах как в области организационно-методической работы, так и в оснащении современных хранилищ и внедрении техники в архивное дело.

Личные контакты позволили также договориться по целому ряду вопросов, интересующих советских историков и архивистов, особенно в области обмена микрофотокопиями документов, организации совместных выставок документальных материалов, свидетельствующих о традиционных дружественных связях, а также подготовке совместных публикаций документов по этим вопросам.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Н. А. ИВНИЦКИЙ

В последние годы, особенно после XX съезда КПСС, публикаторская деятельность научных учреждений приобрела широкий размах. Пожалуй, за все время существования Советской власти не издавалось такого количества документальных материалов по истории советского общества, как в 1956—1960 гг. Однако не только количественные показатели свидетельствуют о коренном переломе в археографической деятельности научных учреждений. Об этом говорят и качественные изменения в издании документальных сборников по истории советского общества. Если раньше подавляющее большинство сборников было посвящено истории Октябрьской революции и гражданской войны, а публикаций по истории социалистического строительства в период мирного развития насчитывались единицы, то теперь издание документов этого и послевоенного периодов стоит в центре внимания советских археографов. Достаточно сказать, что только в последнее время вышли десятки документальных публикаций по истории социалистической индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, освоения целинных и залежных земель в Казахстане и т. д.[1]. Археографы уже накопили некоторый опыт в публикации документов по истории советского общества. Обобщение и критическое освоение опыта археографической деятельности научных учреждений является делом назревшим и неотложным. Не случайно, что дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала «Исторический архив», нашла живейший отклик у историков и историков-архивистов. Более того, вопросы, поднятые в опубликованных статьях, волнуют не только историков, но и ученых других отраслей науки (экономистов, юристов и др.), занимающихся публикацией документов советской эпохи.

В настоящей статье мы остановимся не только на вопросах, поставленных в статьях Б. Г. Литвака, М. С. Селезнева, И. А. Булыгина и Г. Е. Рейхберга, В. З. Дробижева[2], но и на некоторых других проблемах советской археографии.

Прежде всего следует остановиться на вопросе о типах, видах и формах публикации документов, в тесной связи с которым находится и вопрос о составе документальных изданий[3]. Как нам кажется, наиболее правильно определяют основные типы изданий И. А. Булыгин и Г. Е. Рейхберг в статье «О типах, видах и формах публикации документов». В основу деления на типы изданий И. А. Булыгин и Г. Е. Рейхберг положили их целевое назначение. Этот аргумент является единственно правильным и потому бесспорным. Отсюда — три основных типа издания документальных материалов:

а) *академический*, включающий и выборочные издания для научно-исследовательских целей;

б) *научно-популярный* тип издания, включающий также издания агитационно-массового назначения;

в) издания для учебных целей (хрестоматии, учебные пособия).

Что касается состава документов, включаемых в различные типы изданий, то и здесь у исследователей нет единой точки зрения, особенно это видно на примере издания академического типа. Некоторые авторы (И. А. Булыгин, Г. Е. Рейхберг) считают, что в академическое издание должны быть включены «*все* документы, освещающие эту тему или вопрос»[4]. Об этом же, хотя и в более осторожной форме, гово-

---

[1] Более подробно об этом см. передовую статью журн. «Исторический архив», 1959, № 1.

[2] См. «Исторический архив», 1960, №№ 2, 4, 5, 6.

[3] Поэтому нельзя согласиться с мнением В. З. Дробижева, который считает, что вопросы о характере и типе изданий, о принципах отбора документов для печати являются второстепенными (см. «Исторический архив», 1960, № 6, стр. 129).

[4] «Исторический архив», 1960, № 5, стр. 151.

рит и Б. Г. Литвак в своей статье «Назревшие вопросы археографии документов советской эпохи». «Очевидно,— говорит Б. Г. Литвак,— проблему научного отбора документов для печати следует решать не на субъективной основе („что приятно личности историка“), а в совершенно иной плоскости: как вводить в оборот „*всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов *без единого* исключения“ при публикации документов» [5].

Другие же авторы (М. С. Селезнев) считают, что не обязательно публиковать все документы, относящиеся к теме публикации, а достаточно отобрать материалы, отражающие важнейшие, существенные стороны того или иного события, явления. «Сказанное, конечно, не означает, что в практике публикации следует вообще пренебрегать документами, освещающими частности. Все дело зависит от того, о какого рода частностях идет речь. Если о частностях, имеющих существенное значение для понимания темы публикации,— в таком случае ими невозможно пренебрегать» [6].

Решающей гарантией объективности в области археографии, пишет М. С. Селезнев, является безраздельное господство марксистско-ленинского мировоззрения.

Вполне понятно, что практически невозможно публиковать *все* документы по данной теме (речь идет о тематических публикациях), так как по истории советского общества отложился и продолжает откладываться в еще бо́льших масштабах безбрежный океан документальных материалов. Более того, вряд ли возможно абсолютно полное выявление архивных источников по теме, поэтому не может быть и речи о публикации *всех* относящихся к рассматриваемому вопросу документов *без единого* исключения. Но, с другой стороны, исследователь, для которого предназначено академическое издание, заинтересован в исчерпывающей публикации документов по тому или иному вопросу. Выход может быть один — найти такие формы публикации источников, которые бы позволили при минимальном объеме дать максимальное количество документов.

Б. Г. Литвак предлагает табличный метод передачи содержания документов с разработанным формуляром (опросные листы, анкеты и др.) [7]. Это предложение заслуживает всяческого одобрения. Сложнее дело обстоит с массовой документацией, не имеющей такого формуляра, а ведь она составляет громадную массу всех материалов советского периода. Свести их содержание в статистические таблицы невозможно. По-видимому, выход состоит в том, чтобы массовую документацию аналогичного содержания (резолюции, заявления и т. п.) давать выборочно, сопровождая перечнем всех выявленных документов подобного рода. И напрасно И. А. Булыгин и Г. Е. Рейхберг упрекают Б. Г. Литвака в стремлении свести все документы в таблицы. В своей статье он вовсе этого не предлагает. Публикация же, к примеру, всех выявленных резолюций протеста против ноты Милюкова ничего не дает исследователю, так как они все равно будут носить иллюстративный характер. Во-первых, *не все* резолюции протеста посылались в центр; во-вторых, *не все* присланные резолюции сохранились в архивах, и, в-третьих, *не все* сохранившиеся в архивах резолюции могут быть выявлены. Следовательно, даже при исчерпывающей публикации сохранившихся резолюций исследователь не получит обобщенных данных об отношении Советов к ноте Милюкова. Не исключена возможность, что в архивах может сохраниться больше документов противоположного содержания. Но разве на этом основании можно было бы делать вывод о поддержке ноты Милюкова большинством Советов? Конечно, нет.

Поэтому решающее значение для исследователя при изучении исторических процессов имеют обобщенные, сводные документы (отчеты, обзоры, доклады и т. д.),

---

5 «Исторический архив», 1960, № 2, стр. 188.

6 М. С. Селезнев. Предмет и вопросы методологии советской археографии. М., 1949, стр. 38—39.

7 Подробнее об этом см. также его статью «О некоторых приемах публикации источников статистического характера» («Исторический архив», 1957, № 2, стр. 155—166).

а не частные, иллюстративные. В академических изданиях документы первого рода следует публиковать *все без единого исключения*, а документы второго рода — *выборочно* с приложением перечня всех выявленных по данной теме документов.

В этой связи кажутся неубедительными доводы авторов, выступающих за сплошную публикацию всех документов. И, пожалуй, дело не столько в том, что практически это неосуществимо, но главным образом в том, что это нецелесообразно. Исследователю важны в первую очередь те документы и материалы, которые отражают существенные, коренные стороны того или иного исторического процесса, явления. Конечно, он должен также знать и о всех других, в том числе и второстепенных документах, но для этого совсем не обязательно их публиковать. Важно, чтобы он знал об их существовании. Ведь в практике научной работы исследователь не перечитывает все аналогичные документы, а только делает отметки об их наличии.

Некоторые авторы высказывают опасения, что при отборе документов для печати скажется субъективизм составителей. Конечно, известного субъективизма нельзя избежать, как и во всякой другой работе, но этого нечего бояться, так как исследователь может легко проверить составителя на основе публикуемых и выявленных материалов. Будет значительно хуже, если археограф без всякого разбору опубликует все отложившиеся в архиве материалы. А так как второстепенные, частные материалы по своему объему составляют громадное большинство, то такая публикация приведет не к объективности, а скорее к объективизму.

Таким образом, историческая правда не пострадает, если даже в академических изданиях тематического вида будут опубликованы не все аналогичные по форме и содержанию документы, но также и документы массового характера, не имеющие существенного значения для понимания изучаемого вопроса. Для этого требуется, чтобы составители и редакторы документальных публикаций имели достаточную теоретическую и археографическую подготовку и являлись специалистами в той области, по которой готовится сборник.

В каких же случаях следует публиковать все документы без исключения? При издании сборников (или серии) по разновидностям документов, например при подготовке протоколов Совнаркома, СТО, ВСНХ и т. д. нельзя опускать ни одного протокола в пределах намеченных хронологических рамок. При этом помимо всех протоколов следует дать и все приложения к ним. То же относится к докладам и отчетам ведомств в партийные и правительственные органы, материалам к пленумам, съездам, конференциям и т. п. Примером таких изданий могут служить: «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стенографические отчеты съездов и конференций партии и другие.

Что касается пофондовых изданий, то теоретически они возможны, но практически вряд ли можно найти такой фонд, который возможно было бы издать полностью. Даже сравнительно компактный и очень ценный по своему значению фонд Петроградского Военно-революционного комитета не может быть издан целиком; еще в большей степени это относится к фонду Московского ВРК. Зато вполне осуществимо издание описей архивных фондов, наиболее важных по своему содержанию.

Кстати заметим, что по фондам ЦГАОР СССР, отражающим историю советского общества, до сих пор не издано ни одной описи документальных материалов (если не считать описи на личный фонд И. В. Мичурина). Между тем описи для исследователей нередко бывают ценнее, чем обзоры фондов и даже тематические сборники документов. Почему бы журналу «Исторический архив» не взять на себя инициативу систематической публикации описей на материалы актуальных в научном и политическом отношении фондов? Это натолкнуло бы исследователей на разработку важных и малоизученных вопросов истории советской эпохи и значительно ускорило (при минимальной затрате сил и листажа) введение в научный оборот архивных материалов.

В связи с общим вопросом о составе документальных публикаций для научно-исследовательской работы хотелось бы остановиться и на одном частном, но имею-

щем большое значение для публикаторской деятельности, вопросе. Речь идет о возможностях использования документов вражеского лагеря. Несомненно, что эти документы тенденциозны, проникнуты ненавистью к советскому народу и государству, поэтому и отношение к ним должно быть сугубо критическим. Нужно распознавать в них клевету и ложь, используя лишь факты, помогающие восстановить правдивую картину исторических событий. В. И. Ленин учил, что можно и должно использовать факты и сведения, которые содержатся в буржуазных исследованиях и материалах, но при этом нужно «...*уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов»[8].

Документы, исходящие из вражеского лагеря, нередко помогают разоблачить контрреволюционную сущность врагов Советской власти, агрессивные происки империалистических держав против СССР и т. п. Вместе с тем эти документы нужны для освещения некоторых фактов, а иногда и всей истории подпольного революционного и освободительного движения на бывших оккупированных врагом территориях (в период гражданской войны и иностранной военной интервенции, Великой Отечественной войны).

Зачастую приходится сталкиваться с такими фактами, когда совсем не сохранились документы подпольных партийных и комсомольских организаций; многие (а иногда и все) активные участники подпольной борьбы погибли и единственным источником для изучения истории этой героической борьбы служат вражеские документы (материалы гестапо, контрразведки). В практике издания документов возможны два рода публикаций:

а) целиком состоящие из документов вражеского лагеря (например, «Документы и материалы кануна второй мировой войны»);

б) частично включающие вражеские документы. Вполне понятно, что вражеские документы играют подчиненную, дополнительную роль по сравнению с советскими материалами, и здесь вопрос отбора документов для печати приобретает особо важное значение. Независимо от типа издания подобного рода документы должны соответствующим образом комментироваться, а в археографическом предисловии необходимо дать четкую характеристику принципов отбора и критическую оценку документов по существу.

По вопросу о соотношении в изданиях документов, опубликованных и неопубликованных материалов не может быть двух мнений: академическое издание должно содержать только неопубликованные источники, редкое исключение могут составить лишь документы, включенные в ранее вышедшие издания, ставшие библиографической редкостью, и только в том случае, если они имеют первостепенное значение для понимания темы или вопроса, освещаемого в данной публикации[9].

В научно-популярные издания следует включать преимущественно неопубликованные источники, в учебных же изданиях могут преобладать опубликованные материалы.

Несколько замечаний по статье В. З. Дробижева «Некоторые вопросы передачи текста массовых источников». Автор рассматривает вопрос о статистической обработке массовых источников в процессе научно-исследовательской работы. Сам по себе этот вопрос интересный и заслуживает внимания, однако он выходит за рамки дискуссии по археографии, поэтому в настоящей статье нет необходимости глубоко вдаваться в его обсуждение. Заметим только, что автор неправильно отождествляет вопрос о научной обработке источников с вопросом сокращенной передачи содержания исторических источников. В процессе статистической обработки архивных материалов исследователь делает группировку основных сведений источника (в данном случае личных дел) в соответствии с его научными интересами и, если исследователя интересуют сведения иного порядка, он должен обязательно обратиться к перво-

---

[8] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 328.

[9] Мы здесь не имеем в виду издания сочинений общественно-политических и государственных деятелей, деятелей литературы и искусства — это особого вида издания.

источнику. Автор и сам это признает: «Безусловно в цифрах нельзя с исчерпывающей полнотой отразить источник во всей его конкретности». «Мы не узнаем из таблицы,— говорит В. З. Дробижев,— фамилий служащих, точных данных об их возрасте, прямых сведений о занимаемых ими должностях» [10] и т. д.

Для археографии же важна *точная* передача содержания источника (форма может изменяться). Исследователя могут интересовать не только обобщенные материалы (и не обязательно в той группировке, какая дается в данной обработке), но и конкретные сведения. Разве не интересно, например, знать исследователю, что первым председателем Московского губернского совнархоза была Инесса Арманд? Или другие конкретные данные о работниках совнархозов (сведения о старых специалистах, об образовании, учебных заведениях, которые они окончили, о прохождении службы в царской и Красной армиях и т. п.)?

Следовательно, при издании анкет, опросных листов и других материалов по личному составу нельзя применять статистический метод передачи их содержания. Здесь нужно идти по другому пути. Одним из возможных вариантов является публикация анкет и опросных листов в журнале «Исторический архив» [11]. Это позволит без малейшего ущерба для содержания документа значительно сократить его объем.

Нельзя признать правильным и утверждение В. З. Дробижева о том, что «методика археографической... работы только еще складывается». Методика археографической работы складывается столько, сколько существует советская археография, т. е. с первых дней установления Советской власти, когда по личному указанию В. И. Ленина началась публикация документов по истории внешней политики. Речь может идти о дальнейшем развитии методики археографии. Другое дело — теоретическое обобщение методики и практики археографии советского периода, здесь сделано еще очень мало, многие насущные вопросы советской археографии не разработаны [12].

Не решен и ряд организационных вопросов советской археографии. Не случайно поэтому, что, несмотря на большую работу, проделанную научными учреждениями по изданию документальных материалов, она страдает существенными недостатками. Существует большой разнобой в приемах издания исторических источников, так как правила публикации документов не являются обязательными для всех учреждений; тематика изданий документальных материалов дублируется многими научными учреждениями, ибо отсутствует единый перспективный план издания исторических источников; нерациональная перепечатка одних и тех же документов в различных сборниках допускается в результате отсутствия координации и кооперации между архивами и другими научно-исследовательскими учреждениями.

Все это настоятельно требует создания специального археографического центра для направления и координации всей научно-издательской деятельности в нашей стране. В настоящее время имеются все условия для создания такого центра. Главное архивное управление при Совете Министров СССР осуществляет руководство издательской деятельностью всех государственных архивов, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — партийных архивов, Академия наук СССР — научно-исследовательских институтов.

Создание всесоюзного археографического центра в лице Археографической комиссии (совета или комитета), куда бы вошли представители названных выше учреждений и Московского государственного историко-архивного института, значительно подняло бы уровень публикаторской работы научных учреждений нашей страны. Археографическая комиссия должна обладать известными правами, ее реше-

---

[10] См. «Исторический архив», 1960, № 6, стр. 146.

[11] См. «Исторический архив», 1957, № 5, стр. 21—45; 1958, № 3, стр. 17—31; 1959, № 5, стр. 71—101; 1960, № 5, стр. 52—77.

[12] Только недавно вышли «Правила издания документов советского периода» (М., 1960), «Методическое пособие по археографии» (М., 1958) и некоторые статьи. Однако они не исчерпывают всех вопросов публикации документов, не говоря уже о том, что там много спорного.

ния как в области методических, так и в области научно-организационных вопросов должны быть обязательными для всех учреждений, занимающихся археографической деятельностью. Комиссия могла бы иметь свой печатный орган в лице журнала «Исторический архив», который по существу является совместным органом Института истории АН СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Главного архивного управления при Совете Министров СССР.

Задачи дальнейшего расширения публикации источников по истории советского общества ставят по-новому вопрос о подготовке кадров. Публикаторская работа в настоящее время приобрела такой широкий размах, что в нее включились сотни и тысячи историков в центре и на местах, многие из которых не имеют соответствующей подготовки. Преподавание археографии ведется только в Московском государственном историко-архивном институте и Киевском государственном университете, что, конечно, далеко недостаточно. Учебные программы исторических факультетов государственных университетов должны предусматривать, чтобы студенты получали необходимый минимум знаний не только по источниковедению, но и по археографии.

И, наконец, последний вопрос — об издательской базе. Известно, что наши издательства как в центре, так и на местах очень неохотно берутся за издание документальных сборников. Это объясняется, с одной стороны, некоторой перестраховкой, боязнью публиковать документы советской эпохи, особенно переходного периода от капитализма к социализму; и, с другой стороны, коммерческим подходом к изданию исторических источников. Неудивительно, что тиражи сборников даже научно-популярного типа, как правило, невелики, а цены высокие. Издательства, и в первую очередь научные учреждения, занимающиеся публикацией архивных материалов (архивы, институты и др.), слабо популяризируют свои издания, мало используют для этого периодическую печать, радио, телевидение. Возможно, что назрела необходимость в создании при Главном архивном управлении при Совете Министров СССР специального издательства для выпуска литературы по архивоведению и археографии и публикации документальных материалов Государственного архивного фонда Союза ССР.

О насущной необходимости скорейшего решения этих вопросов свидетельствует хотя бы тот факт, что многие из них уже неоднократно ставились на страницах нашей печати [13].

* * *

В настоящей статье мы остановились лишь на некоторых методических и организационных вопросах советской археографии. Само собой разумеется, что этим далеко не исчерпывается перечень нерешенных и малоразработанных вопросов публикации исторических источников вообще и по истории советского общества в особенности. Мало разработаны, например, вопросы методики издания специальной документации не только экономико-статистического характера, но и картографической, технической и т. п. документации. Положительное решение назревших вопросов археографии значительно повысило бы научный уровень и расширило объем публикаторской работы в нашей стране. Публикации документов по истории советского общества должны стать образцом научных изданий исторических источников и служить великому делу, за которое успешно борется советский народ под руководством Коммунистической партии,— построению коммунизма в нашей стране.

---

[13] В. В. Максаков и М. С. Селезнев. О публикации документальных материалов СССР (см. «Вопросы истории», 1953, № 2); Шире развернуть публикацию документов по истории советского общества (см. «Исторический архив», 1956, № 1); В. И. Шунков. Издание исторических источников в СССР в 1957 г. («Исторический архив», 1958, № 3); Г. А. Арутюнов, Н. А. Ивницкий, С. Н. Иконников, Г. А. Конюхов, Б. Г. Литвак. Документы по истории Октябрьской революции в национальных районах («Вопросы истории», 1958, № 7); А. И. Логинова. Итоги публикаторской деятельности архивных учреждений за 1958 г. и некоторые вопросы археографии («Исторический архив», 1959, № 3); Некоторые итоги и задачи публикации документов по истории советского общества (от XX до XXI съезда КПСС) («Исторический архив», 1959, № 1) и др.

СООБЩЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНЫХ В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ СТРАНЫ (1941—1943 гг.)

Деятельность Академии наук в период Отечественной войны представляет еще далеко не изученную страницу ее истории. В настоящем сообщении мы делаем попытку осветить некоторые стороны этой деятельности на примере Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны.

На следующий день после объявления войны, 23 июня 1941 г., расширенное заседание Президиума АН СССР приняло следующее постановление:

«1. Обязать все отделения и научно-исследовательские учреждения Академии наук немедленно перестроить тематику и методы исследовательских работ, направив всю творческую инициативу и энергию научных работников на выполнение задач по укреплению военной мощи нашей социалистической Родины;

2. Обеспечить научными силами и средствами научно-исследовательские работы по оборонной тематике;

3. Закончить научно-исследовательские работы, могущие получить применение в обороне и в народном хозяйстве»[1].

Однако развернуть в Москве оборонную работу Академии наук СССР не пришлось. 22 июля 1941 г. началась плановая эвакуация учреждений Академии наук на Восток. Академия оказалась рассредоточенной по городам: Казани, Свердловску, Алма-Ате, Ташкенту, Фрунзе; часть ленинградских учреждений осталась в осажденном Ленинграде. Основная масса академических учреждений во главе с Президиумом АН СССР разместилась в Казани. Президент Академии наук СССР академик В. Л. Комаров, который по решению Правительства должен был эвакуироваться совместно с группой академиков на курорт Боровое (Казахстан), принял решение остаться в Свердловске.

Здесь находился Уральский филиал АН СССР (УФАН), начавший свою деятельность в 1933 г. и объединявший три института — Горно-геологический, Металлургии, металловедения и металлофизики, Химический, а также — Уральская комплексная экспедиция. В июле 1941 г. в Свердловск прибыл Институт металлургии АН СССР, возглавляемый акад. И. П. Бардиным, который одновременно являлся и председателем Президиума УФАН. В Свердловск было эвакуировано также большое количество высших учебных и научных учреждений, а также научных работников. К сентябрю 1941 г. в Свердловске, кроме проживавшего там еще до войны акад. Л. Д. Шевякова и приехавших с В. Л. Комаровым академиков В. А. Обручева и В. П. Волгина, были академики И. П. Бардин, Э. В. Брицке, В. С. Кулебакин, А. А. Скочинский, В. Н. Образцов и члены-корреспонденты АН СССР Д. С. Белянкин, Д. В. Наливкин и Д. М. Чижиков.

Задача заключалась в том, чтобы найти наилучшие организационные формы работы этих научных сил по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны.

29 августа 1941 г. под председательством акад. В. Л. Комарова в Доме Красной Армии состоялось совещание, на котором помимо академиков В. Л. Комарова, А. А. Скочинского, Л. Д. Шевякова, В. А. Обручева, В. П. Волгина, сотрудников учреждений Академии наук СССР и других ведомств (Наркомчермета, Главспецстали и др.), присутствовали секретари Свердловского обкома КПСС А. И. Быков и И. С. Пустовалов, заместитель наркома цветных металлов П. Я. Антропов. Всего на совещании было 41 человек.

Как пишет акад. Л. Д. Шевяков, этому совещанию предшествовал ряд предварительных совещаний и собеседований научных работников.

---

[1] Московское отделение архива Академии наук СССР (МОА АН СССР), ф. 2, оп. 6-а, д. 31, л. 208.

В своем вступительном слове акад. В. Л. Комаров отметил, что в центре внимания совещания должны быть вопросы превращения Урала в основную базу промышленности Союза и участия в этом деле Академии наук СССР. Инициатива В. Л. Комарова по созданию нового учреждения Академии наук СССР — Комиссии по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны — нашла горячую поддержку Свердловского обкома КПСС. Были намечены основные направления деятельности Комиссии и организованы группы научных работников — специалистов по важнейшим направлениям народнохозяйственной деятельности. Во главе групп стали: черной металлургии — акад. Э. В. Брицке, цветной металлургии — член-корр. АН СССР Д. М. Чижиков, нерудных ископаемых — проф. Р. Л. Певзнер, транспорта и энергетики — профессора Б. Г. Кузнецов и Н. Н. Колосовский, сельского хозяйства — проф. И. П. Герасимов. Комиссию возглавил акад. В. Л. Комаров, его заместителем стал акад. И. П. Бардин. Организация Комиссии Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны была одобрена Правительством.

Комиссия начала свою деятельность с анализа важнейших отраслей народного хозяйства Урала и вплотную занялась разработкой конкретных мероприятий для расширения производства и изыскания сырьевых ресурсов. Результаты работы оформлялись в виде «записок» по отраслям народного хозяйства, разрабатывавшихся в группах Комиссии. Затем «записки» докладывались и обсуждались на совещаниях с привлечением квалифицированных специалистов-ученых и работников промышленности.

Акад. Л. Д. Шевяков подробно описывает деятельность Комиссии по подготовке и обсуждению этих «записок», давая в руки исследователя важнейший фактический материал.

Наряду с разработкой плана мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны, Комиссия совместно с наркоматами и проектирующими организациями принимала участие в практической работе по рациональному размещению эвакуируемой на Восток промышленности и налаживанию производства для скорейшего выпуска продукции.

Комиссия работала под непосредственным руководством и в тесном контакте с партийными организациями.

В ходе работы налаживалась и укреплялась связь Комиссии с промышленностью Урала и рядом учреждений, в первую очередь такими, как наркоматы черной металлургии, электропромышленности, цветных металлов. В группе цветных металлов работал заместитель наркома цветных металлов П. Я. Антропов.

Грандиозную задачу по созданию плана мобилизации ресурсов Урала нужно было решить в максимально сжатые сроки. Потребовалась исключительная энергия и привлечение к этой работе большого количества учреждений и научных работников. Над его составлением работало более ста человек. Значительно облегчило работу то, что был использован богатый материал, накопленный научными учреждениями Уральского филиала АН СССР и Уральской комплексной экспедицией.

За октябрь-ноябрь 1941 г. этот план был составлен в форме доклада Правительству «О неотложных мероприятиях по черной и цветной металлургии, строительным материалам, лесохимии, топливоснабжению, электроэнергетике, водному хозяйству, железнодорожному транспорту и сельскому хозяйству Урала».

12 декабря 1941 г. в дни разгрома немцев под Москвой план мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны был доставлен в Москву акад. И. П. Бардиным и лично доложен Правительству.

На основе конкретного изучения состояния уральской промышленности ставилась задача осуществить такие мероприятия, которые бы позволили ей в самый короткий срок удвоить выпуск продукции по сравнению с 1941 г.

План был высоко оценен Советским Правительством. 10 апреля 1942 г. было опубликовано постановление о присуждении Сталинских премий I степени за работу «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны» академикам В. Л. Комарову, И. П. Бардину, Э. В. Брицке, В. Н. Образцову, С. Г. Струмилину, Л. Д. Шевя-

кову, членам-корреспондентам АН СССР В. И. Вейцу, Д. М. Чижикову, профессорам Н. Н. Колосовскому, В. И. Козлову, Б. Г. Кузнецову, Р. Л. Певзнеру, А. Е. Пробсту, научным сотрудникам В. М. Гальперину, М. К. Расцветаеву, В. В. Рикману, Б. А. Гуревичу, И. А. Дорошеву, М. А. Стекольникову.

План представлял собой конкретную программу мобилизации уральской промышленности на нужды фронта. Прежде всего предусматривалось развитие черной металлургии, увеличение производства стали и тех видов проката, каких ранее не выпускала уральская промышленность. Увеличение выпуска продукции намечалось главным образом за счет расширения Магнитогорского и Ново-Тагильского заводов и использования оборудования эвакуированных предприятий. В то же время планировалось расширение производства на старых металлургических заводах — Свердловском, Златоустовском и др. Нужно было не только увеличить объем производства металла, но давать стране определенный ассортимент продукции, организовать производство тех видов изделий, которые производились на заводах, находившихся на временно оккупированной врагом территории. Перед уральской металлургической промышленностью была поставлена задача перехода на собственное марганцевое сырье, что необходимо было сделать в связи с временной потерей Никополя и затруднениями доставки сырья из Чиатурского района. Расширяющееся производство уральской промышленности нужно было обеспечить в необходимом количестве рудой.

Ответственные задачи были поставлены перед уральской цветной металлургией. Страна ощущала нехватку никеля, хрома, кобальта, особенно алюминия, необходимых в самолетостроении. Были найдены пути увеличения производства этих металлов за счет интенсификации использования существующего оборудования на Уральском алюминиевом заводе. Для расширения алюминиевой промышленности были намечены пути изыскания сырья. Эта работа проводилась членом-корр. Д. М. Чижиковым. По дневнику Л. Д. Шевякова можно проследить конкретные результаты проведения этих работ, выяснить степень участия разных лиц в деятельности комиссии. Так, например, Л. Д. Шевяков сообщает о работах комиссии по поискам алюминия. Выяснилось исключительное значение месторождения «Красная Шапочка» [2].

На никелевый Орский и медеплавильный Блявинский заводы по согласованию с Наркомцветметом выезжали сотрудники Комиссии. При помощи применения предложенной ими технологии удалось поднять производство на этих предприятиях на 50%.

По топливу необходимо было максимально развить добычу местных углей, чтобы заменить ими привозные кузнецкие и карагандинские. Поэтому внимание было обращено на развитие Коркинского и Богословского месторождений, где добычу можно было вести открытым способом. Кроме того, была разработана схема рационального использования привозных углей, которые должны были потребляться не на энергетические нужды, а на коксование.

Был разработан топливный режим отдельных предприятий черной и цветной металлургии, а также железных дорог. Наркомат черной металлургии обязал свои предприятия провести в жизнь предложения Комиссии.

Работам в области энергетики Урала было уделено очень серьезное внимание. Энергетическую базу Урала необходимо было увеличить вдвое, главным образом путем расширения мощностей старых электростанций, не затрачивая средства на новое строительство.

В октябре 1941 г. по предложению акад. В. Л. Комарова Энергетический институт АН СССР организовал бригаду отдела общей энергетики в составе четырех человек для участия в работах Комиссии. Эта бригада объединила работу уральских энергетических организаций — Уралэнерго, энергетических отделов наркоматов и др. Была разработана конкретная программа расширения существующих мощностей и создания замкнутого электробаланса отдельных узлов и районов Урала и доказана

---

[2] МОА АН СССР, ф. 541, оп. 1, 1945—53, № 1, л. 40.

возможность ограничиться на Урале строительством только трех новых установок. Удалось разработать эффективное и рациональное использование местного угля на Урале, что максимально сократило завоз угля из Караганды и Кузбасса для электростанций.

Но без подъема транспорта, который на Урале был узким местом, расширить производство было невозможно. Война перенесла на уральские железные дороги значительную нагрузку. Учитывая это, Комиссия разработала и внесла следующие предложения: реконструкцию крупных железнодорожных узлов для увеличения их пропускной способности; рациональное размещение производства для сокращения перевозок; создание составов такой грузоподъемности, при которой не требовалось бы их переформирования; создание новой трассы для снабжения Урала коксующимися углями с Воркуты; увеличения железнодорожного полотна для облегчения связи Запада с Востоком через Уральский хребет.

Для реконструкции железнодорожного полотна требовалось колоссальное количество баласта; Комиссией было предложено использовать для этого древесноугольные шлаки. С помощью акад. А. А. Байкова предложение было внедрено.

Комиссия сделала значительный вклад в дело развития огнеупорной промышленности на Урале. В районе Серовского завода было найдено новое месторождение глины, которое сразу же начало разрабатываться. Благодаря реконструкции 18 огнеупорных заводов и переводу ряда кирпичных заводов на производство огнеупорных материалов была решена задача обеспечения промышленности огнеупорами.

Много было сделано Комиссией и в области сельского хозяйства, что способствовало решению задачи обеспечить население Урала собственным хлебом и овощами за счет освоения новых земель и улучшения агротехники, а также введения новых технических культур.

После разработки плана задача Комиссии стала заключаться главным образом в проверке, как осуществляется он на конкретных объектах. В записках акад. Л. Д. Шевякова содержится много интересных сведений, как это конкретно выполнялось Комиссией.

Опыт работы Комиссии показал, что целесообразно распространить сферу ее деятельности и на районы Западной Сибири и Казахстана, поскольку уральская промышленность тесно связана с Западной Сибирью (Кузбасс) и Казахстаном (Караганда).

В январе 1942 г. этот вопрос обсуждался на расширенном заседании Президиума АН СССР, а 3 апреля 1942 г. Президиум АН СССР вынес решение о расширении деятельности Комиссии на районы Западной Сибири и Казахстана и переименование ее в «Комиссию АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны», что было немедленно поддержано Советским Правительством [3].

С этого времени начинается второй этап деятельности Комиссии. Он характеризуется не только значительным территориальным расширением сферы ее деятельности, но и значительной работой по оказанию помощи предприятиям путем выезда научных бригад на места. Насколько большое значение придавалось работе Комиссии, можно судить по тому, что проходившее в Свердловске общее собрание Академии наук СССР 7 мая 1942 г. заслушало доклады акад. В. Л. Комарова и акад. И. П. Бардина о неотложных задачах науки по мобилизации ресурсов восточных районов страны на нужды обороны. Собрание обсудило главные направления предстоящей работы по расширению ресурсов нефти, угля, марганца, железа, цветных и редких металлов за счет Восточной Сибири и Казахстана. В состав комиссии было избрано 69 человек, в том числе 23 академика и 9 членов-корреспондентов. Постоянно действующим органом Комиссии стало избранное общим собранием бюро Комиссии в составе председателя — акад. В. Л. Комарова, заместителей председателя — академиков И. П. Бардина, Э. В. Брицке, А. А. Байкова, С. Г. Струмилина,

---

[3] См. «Юбилейная Сессия Академии наук СССР 1942 г», 1943, стр. 50—51.

В. Н. Образцова, Н. В. Цицина, Н. И. Эйхвельда, членов-корреспондентов Д. М. Чижикова, В. И. Вейца, профессоров А. Е. Пробста и Р. Л. Певзнера и ученого секретаря В. М. Гальперина.

В Казахстан 29 мая 1942 г. выехала большая группа ученых во главе с акад. Комаровым для организации работ. Сюда же была направлена бригада под руководством акад. А. А. Скочинского в составе академиков В. Н. Образцова, Л. Д. Шевякова и других, которая ставила своей задачей провести работы по черной металлургии, цветной металлургии, каменноугольной промышленности, транспорту, сельскому хозяйству, энергетике, химии и промышленности стройматериалов. Было решено, что под руководством секретарей ЦК ВКП(б) Казахстана, работающих по отдельным отраслям промышленности, будет составлен совместно с Госпланом конкретный план по каждой отрасли народного хозяйства, который затем будет согласован с планом Комиссии.

В результате трехнедельной работы на основе собранных материалов была составлена «записка». 10 августа состоялось совместное заседание СНК Казахстана, протокол которого был подписан председателем СНК Казахстана и акад. В. Л. Комаровым. На основе этого документа был составлен обширный план с указанием методов и форм работ, их объема, сроков исполнения и состава бригад-исполнителей.

Республиканские партийные и научные учреждения Казахстана деятельно помогали работе бригады. Правительство Казахстана придавало этой работе очень большое значение. Ее исполнение контролировалось лично председателем СНК Казахстана т. Ундасыновым. По просьбе Правительства Казахстана акад. И. П. Бардин принимал участие в выборе места для постройки металлургического завода.

8 сентября 1942 г. члены бригады, выезжавшей в Казахстан, возвратились в Свердловск, а 10 сентября состоялось заседание бюро Комиссии, на котором были заслушаны сообщения академиков И. П. Бардина и Э. В. Брицке о работах по Казахстану и Западной Сибири, а также руководителей групп о планах работ.

Работы Комиссии по мобилизации ресурсов Казахстана позволили сформулировать ряд важных предложений по развитию угледобычи в Караганде, добыче цветных металлов, развитию черной металлургии, энергетики, химии, добычи нефти, развитию водного хозяйства и железнодорожного транспорта [4]. Эти предложения были своевременно доведены до сведения наркоматов черной и цветной металлургии, а в начале ноября 1942 г. доложены акад. И. П. Бардиным Правительству. Представленные материалы послужили развитию народного хозяйства Казахстана.

Посылка на места комплексных бригад в составе специалистов различных профилей давала возможность тесно увязывать научную разработку вопросов с производственной практикой и вместе с работниками предприятий и хозяйственных органов намечать наиболее эффективные и неотложные мероприятия по мобилизации дополнительных резервов производства.

В 1942 г. в работе Комиссии приняло участие около 60 научных учреждений и организаций (из них 16 учреждений Академии наук СССР) и свыше 800 работников научных, плановых и хозяйственных организаций. Активное участие в работе Комиссии приняли 18 академиков и 9 членов-корреспондентов АН СССР [5].

17 апреля 1942 г. акад. И. П. Бардин выезжал в Ивдель для выяснения производственных возможностей Богословских месторождений, с 22 по 30 января там находилась группа ученых, возглавляемая акад. А. А. Скочинским, в составе акад. Л. Д. Шевякова, проф. Б. А. Стойлова, Б. П. Боголюбова [6]. О результатах этой поездки 17 апреля у зам. наркома угольной промышленности Е. Г. Абакумова состоялось совещание с участием членов бригады. Для проведения в жизнь предложений бригады в Богословск выехал Е. Г. Абакумов [7]. По возвращении он обратился с просьбой к А. А. Скочинскому, Л. Д. Шевякову и профессорам Б. П. Боголю-

---

[4] ЦГАОР, ф. 5446, оп. 6, д. 3163, л. 137.
[5] МОА АН СССР, ф. 541, оп. 2, д. 20, л. 7.
[6] Там же, оп. 1, 1945—53, № 1, л. 37.
[7] Там же, л. 54.

бову и Б. А. Стойлову провести аналогичную работу по увеличению производства бурого угля открытым способом в Челябинском бассейне в Коркино.

В Коркинском районе Челябинской области бригада Комиссии АН СССР в составе акад. А. А. Скочинского, акад. Л. Д. Шевякова, проф. В. И. Геронтьева, П. А. Шильникова и Б. А Стойлова пробыла с 13 по 26 сентября 1942 г. Она посетила открытые буроугольные разработки трестов Коркинуголь и Емажелинскуголь (так называемый Батурлинский разрез) и тщательно обсудила с местными работниками все меры, осуществление которых могло бы способствовать увеличению угледобычи, и в ночь на 25 сентября сделала подробный доклад о проведенной работе секретарю по топливу Челябинского обкома ВКП(б) Н. П. Гордееву [8].

3 октября 1942 г. о результатах этой работы были также заслушаны доклады академиков А. А. Скочинского и Л. Д. Шевякова на бюро Комиссии. Здесь же были заслушаны доклады о деятельности бригады Комиссии в Караганде (профессора А. Е. Пробст и В. И. Геронтьев) и в Казахстане по меди и молибдену (член-корр. Д. М. Чижиков). На следующий день бюро Комиссии провело заседание, посвященное увеличению добычи вольфрама в Казахстане [9].

22 апреля в Комиссии состоялось совещание (академики Э. В. Брицке, А. А. Байков, А. А. Скочинский, Л. Д. Шевяков, член-корр. Д. В. Наливкин и др.) по расширению добычи бокситов в окрестностях Уральского алюминиевого завода [10]. По решению Комиссии бригада в составе академиков А. А. Скочинского и Л. Д. Шевякова, члена-корр. Д. В. Наливкина, горных инженеров К. М. Чарквиани, М. И. Агошкова и К. Л. Пожарицкого с 13 по 17 мая 1942 г. выезжала на Уральский алюминиевый завод для выяснения возможностей повышения добычи бокситов. Бригада подробно ознакомилась с работой Соколовского и Пирогоновского рудников и после совещания с руководством завода дала подробное заключение [11].

Посылка комплексных бригад научных работников, разрабатывавших в сотрудничестве с местными производственниками мероприятия по мобилизации дополнительных резервов, вполне себя оправдала и широко применялась и в 1943 г. За один этот год Комиссией было направлено 28 комплексных бригад, что позволило привлечь к участию в ее работе свыше 600 человек [12].

В центре внимания Комиссии стояли задачи по увеличению добычи угля в Кузнецком и Карагандинском угольных бассейнах. Эта работа проводилась в контакте с Наркомуглем СССР и возглавлялась акад. А. А. Скочинским.

16 февраля 1943 г. в Западную Сибирь выехала бригада Комиссии с целью выяснить состояние местной рудной базы для сибирской черной металлургии (точнее для первого и второго кузнецких металлургических заводов), подвести итоги уже производившихся работ по выявлению производственной мощности шахт Кузнецкого каменноугольного бассейна, выявить состояние и меры к улучшению энергетики в промышленных центрах Западной Сибири, провести дополнительные работы по цветной металлургии [13]. В состав бригады входили акад. А. А. Скочинский (горное дело), М. А. Стекольников (водное хоз-во), акад. Л. Д. Шевяков (горное дело), акад. АН УССР М. В. Луговцов (металлургия), А. А. Сигов (металлургия), К. М. Чарквиани (горное дело), М. И. Агошков (горное дело), К. Л. Пожарицкий (геология), член-корр. Д. М. Чижиков (цветная металлургия), член-корр. В. И. Вейц (энергетика), А. В. Колегаев (энергетика), Б. А. Гуревич (энергетика).

Как свидетельствует Л. Д. Шевяков, уже в день приезда в Новосибирск и на другой день были проведены совещания по работам в Комбинате Кузбассуголь и Западно-Сибирском геологическом управлении [14].

---

8 МОА АН СССР, ф. 541, оп. 1, 1945—53, № 1, л. 68.
9 Там же, л. 69.
10 Там же, лл. 56—57.
11 Там же, л. 63.
12 «Отчет о работе АН СССР за 1943 г.». М.— Л., 1943, стр. 433.
13 МОА АН СССР, ф. 541, оп. 1, 1945—53, д. 1, лл. 101—102.
14 Там же, л. 102.

Бригада ознакомилась с марганцевой рудной базой Кузнецкого металлургического комбината и выехала на предприятия Горной Шории. Энергетическая группа проводила работу в Сталинске, а затем переехала в Кемерово. Группа горняков работала в Прокопьевске, а 8 марта возвратилась в Сталинск. После обобщения материалов с геологами, горняками и металлургами были сделаны детальные доклады о местной рудной базе заводов черной металлургии сначала техническому совещанию при Горном управлении, а затем дирекции Кузбасского металлургического комбината [15].

Результаты работы были доложены руководству Кемеровской области.

21 марта бригада сделала детальный доклад в Новосибирске техническому совещанию при начальнике Комбината Кузбассуголь. Здесь же 22 марта во время встречи с председателем облисполкома т. Гришиным был поставлен вопрос об организации Западно-Сибирского филиала АН СССР [16].

Для установления систем разработки угольных пластов в Прокопьевско-Киселевском районе 7 июля выехали в Кузбасс академики А. А. Скочинский и Л. Д. Шевяков. Работы Комиссии по Кузнецкому бассейну были встречены Госпланом и Наркоматом угольной промышленности с большим удовлетворением. По указанию наркома угольной промышленности В. В. Вахрушева Комиссия провела подобную же работу по Караганде [17].

Бригада в составе акад. А. А. Скочинского (руководитель), акад. Л. Д. Шевякова, А. Е. Пробста, Л. М. Сапожникова, А. П. Судоплатова и др. выехала в Караганду 15 июня 1943 г. [18]. Она провела там детальное комплексное изучение бассейна и разработала конкретные мероприятия по увеличению добычи угля, особенно коксующегося.

10 июня 1943 г. бюро Комиссии рассмотрело план работ по перспективам развития Южно-Уральского горно-промышленного комплекса Орск-Актюбинск и направило туда большую группу ученых под руководством акад. И. П. Бардина и доктора геолого-минералогических наук Г. А. Соколова [19]. В результате были разработаны мероприятия по увеличению добычи угля и металлов в этом районе.

6 и 7 августа Комиссия под председательством акад. А. А. Скочинского заслушала доклады бригады, возвратившейся из Орско-Актюбинского района. Были доложены сообщения об общем порядке работ бригады (Г. А. Соколов), о работах по углю (И. И. Горский), по рудам черных металлов (Б. П. Кротов), по хромитам (Г. А. Соколов), по нерудным ископаемым (Л. С. Мамыкин), по технологии получения никеля (В. И. Смирнов), кобальта (Н. П. Диев), по горнотехническим вопросам (А. Х. Бенуни), по энергетике (В. И. Иванов) и по водному балансу (М. А. Стекольников) [20].

В работе Комиссии принимали участие такие учреждения Академии наук, как Институт металлургии, Институт горного дела, Институт геологических наук, Энергетический институт, Уральская комплексная экспедиция, Институт географии, Институт экономики, Уральский и Казахский филиалы и их институты, Институт горючих ископаемых, Почвенный институт, Секция транспортных проблем ОТН.

Из научных учреждений, не входящих в систему Академии наук, наиболее активное участие приняли: Уральский научно-исследовательский химический институт, Уральский индустриальный институт, Уральский горный институт, Углехимический институт, Институт топливоиспользования, Уральский лесотехнический институт, Институт огнеупоров, Институт фанеры, Электрокерамический институт и др. [21].

---

[15] МОА АН СССР, ф. 541, оп. 1, 1945—53, д. 1, л. 105.
[16] Там же, л. 106.
[17] Там же, лл. 117—118, 125.
[18] Там же, лл. 122—123.
[19] Там же, л. 121.
[20] Там же, л. 128.
[21] Там же, оп. 2, д. 20, лл. 11—12.

Комиссия была тесно связана с ЦК КПСС и СНК Казахстана, с наркоматами черной и цветной металлургии, угля, путей сообщения, электростанций, стройматериалов, вооружения и боеприпасов, ВВС Красной Армии, а также с руководящими органами Свердловской, Челябинской, Пермской, Новосибирской, Карагандинской, Восточно-Казахстанской, Актюбинской и Гурьевской областей[22].

В результате успехов Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны Правительством было принято решение о возвращении учреждений Академии наук СССР в Москву.

«В Свердловске 15 сентября происходило последнее на Урале заседание бюро „Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны“,— пишет акад. Л. Д. Шевяков,— точнее сказать, небольшой части этого бюро, так как основная масса его состава была уже в Москве. На этом последнем заседании присутствовали академики: А. А. Скочинский, Л. Д. Шевяков, ученый секретарь Комиссии И. А. Дорошев, профессора К. Л. Пожарицкий, К. С. Семенов, М. А. Стекольников, научные сотрудники: В. В. Рикман, К. М. Чарквиани, М. И. Агошков. Были рассмотрены вопросы о преемственности работ на Урале по лесной, рыбоводным и сапропелевым группам Комиссии с решением концентрировать их деятельность вокруг Уральского филиала АН СССР. Затем профессор Пожарицкий доложил о результатах работ на свинцовых рудниках Средней Азии, академик А. А. Скочинский сделал сообщение о наших работах в Карагандинском каменноугольном бассейне. После официального закрытия заседания участники еще довольно долго обменивались мнениями и воспоминаниями о работе Комиссии и разошлись не без некоторой грусти, чувствуя, что закончился некий период совместной исторически важной работы»[23].

Так закончился важный этап не только в деятельности Комиссии, но и всей АН СССР. Комиссия не только выполнила свою основную задачу, но и оставила глубокий след в научной жизни Урала, Сибири и Казахстана.

Работа Комиссии способствовала расширению научной деятельности Уральского филиала АН СССР и созданию нового научного центра на Востоке страны в виде Западно-Сибирского филиала АН СССР, превратившегося теперь в колоссальное научное учреждение страны — Сибирское Отделение Академии наук СССР.

Б. В. Левшин

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ АРМЯНСКИХ АРХИВИСТОВ

Основной формой совместной публикаторской работы государственных архивов и других научно-исследовательских учреждений Армении является издание сборников документальных материалов. История издания документальных сборников в Армении сравнительно невелика.

В 1939 г. научными сотрудниками Центрального госархива Армянской ССР была обнаружена рукопись поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон», которая в 1941 г. по инициативе известного литературоведа А. Н. Новикова была издана в Ереване под названием «Ереванский вариант Демона». Подготовка этого издания внесла некоторое оживление в работу архивистов, но начавшаяся война остановила публикаторскую работу. После войны под руководством видного историка нашей республики, профессора В. Рштуни, вышли в свет два сборника документальных материалов: «Крестьянское движение в Армении в XIX в.» (1948) и «Аграрная политика царизма и крестьянское движение в Армении в начале XX в.» (1951).

---

[22] МОА АН СССР, ф. 541, оп. 2, д. 20, л. 8.
[23] Там же, оп. 1, 1945—53, № 1, л. 131.

Издание поэмы «Демон» и упомянутых сборников не является результатом делового творческого содружества архивных работников с учеными научно-исследовательских учреждений. Связь эта осуществлялась отдельными, заинтересованными в издании архивных документов лицами, для облегчения своей работы прибегавших к услугам архивистов; архивисты же выступали здесь лишь в роли технических исполнителей.

Достаточно сказать, что ни в одном из указанных сборников не даны фамилии архивистов в качестве составителей или участников, хотя к подготовке сборников привлекались научные работники Центрального госархива Армянской ССР. Все это свидетельствует об отсутствии координации научно-исследовательской и публикаторской работы.

С целью усиления и координации научно-исследовательской и публикаторской работы среди архивистов решено было создать научный совет из представителей архивных и других научно-исследовательских учреждений республики. Первая попытка создания такого совета в 1945 г. не увенчалась успехом. Фактически научный совет был организован только в конце 1952 г., а с 1953 г. он уже регулярно начал созывать свои заседания, на которых обсуждались важнейшие вопросы архивного строительства и научно-публикаторской работы.

В состав научного совета при Архивном управлении вошли представители институтов истории, экономики, литературы Академии наук, Армянского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Государственного университета, Матенадарана, ряда музеев и т. д., а также опытные архивисты. Созданием научного совета было положено твердое начало планового ведения научно-публикаторской работы. Среди членов Совета — акад. А. Каринян, член-корр. Академии наук АрмССР В. Рштуни, профессора А. Аренц, А. Марухян, Г. Гарибджанян, кандидаты наук А. Барсегян, Л. Хачикян, Г. Овнан, А. Инджикян, В. Калашян, М. Сарксян, Р. Мовсесян и другие.

Широкие возможности для публикаторской работы открылись благодаря историческим решениям XX и XXI съездов КПСС: увеличился штат научных работников, ликвидировались искусственно созданные барьеры для изучающих архивные документы, значительно выросла финансовая база для развертывания публикаторской работы, построено специальное здание для центральных госархивов республики; в новом здании созданы все необходимые условия для обеспечения сохранности, изучения и публикации документальных материалов.

Решением правительства центральные госархивы нашей республики приравнены к научно-исследовательским учреждениям, в связи с чем были пересмотрены их планы в сторону усиления исследовательской и публикаторской работы. Новые условия плодотворно сказались на работе архивистов; укрепилась связь центральных госархивов республики с научным советом, что сыграло исключительную роль в повышении квалификации архивистов и активизации усилий в подготовке сборников и других трудов, основанных на документах, хранящихся в центральных и других архивах республики. Научно-публикаторская деятельность развивается по строгому плану; несравненно увеличился объем и улучшилось качество работы.

В 1955 г. Архивное управление совместно с Институтом истории АН и армянским филиалом ИМЛ подготовило и выпустило документальный сборник: «Революция 1905—1907 гг. в Армении». По существу, это был первый опыт совместной работы, хорошо принятый нашей научной общественностью.

В 1956 г. ЦГИА АрмССР совместно с Институтом литературы Академии наук издан сборник «Великий армянский революционер-демократ Микаел Налбандян».

В 1957 г. в связи с 40-летием Великого Октября совместными усилиями Архивного управления, Армянского филиала Института марксизма-ленинизма и Института истории АН АрмССР был подготовлен и издан на русском языке сборник документов и материалов «Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении». Армянский вариант этого сборника (переработанный с учетом рецензий) подготовлен и уже сдан в производство.

В 1958 г. Архивным управлением, ЦГАОР АрмССР и Институтом экономики АН АрмССР был издан сборник «Восстановление народного хозяйства АрмССР в 1920—1928 гг.». В том же году Архивным управлением и Центральным государственным историческим архивом издан путеводитель ЦГИА АрмССР на русском языке. Армянский вариант этого путеводителя (переработанный с учетом рецензии) находится в печати.

В 1959 г. Архивным управлением издан очерк «Архивное строительство в Армении» (12 п. л.). ГАУ СССР предлагает перевести эту книгу на русских язык.

С 1956 г. издается «Научно-информационный бюллетень» с периодичностью четыре номера в год (по 5 п. л.), в котором освещаются вопросы архивоведения и передовой опыт архивистов республики.

В 1960 г. издан первый номер «Вестника архивов Армении» (20 п. л.), который ввел в научный оборот большое количество уникальных документов, опубликовал ряд научных статей, тематические и фондовые обзоры и т. д. В «Вестнике...» принимают участие члены Научного совета Архивного управления, архивисты, исследователи.

До настоящего времени многие проблемы истории социалистического строительства еще не нашли достаточного освещения в документальных публикациях. Задача археографов — приблизить научно-публикаторскую деятельность архивов к задачам сегодняшнего дня, борьбе за выполнение семилетнего плана. Предстоит большая работа по изданию документальных публикаций, рассчитанных на массового читателя. В то же время мы должны обогащать печатную источниковедческую базу исторической науки. Основным видом публикации и впредь должна быть тематическая публикация.

В 1960 г. отмечалось 40-летие установления Советской власти в Армении. Архивисты Армении достойно встретили этот праздник. В тесном содружестве с научно-исследовательскими учреждениями республики Архивное управление и центральные госархивы Армении осуществили ряд юбилейных мероприятий. При помощи радио, телевидения, выставок, выступлений на фабриках и заводах, в газетах и журналах проводилась пропаганда достижений в области архивного строительства; организована юбилейная научная сессия, проведена вторая республиканская конференция архивистов, посвященная 40-летию Советской Армении и т. д.

В ближайшее время особое внимание будет уделено вопросам комплектования наших центральных госархивов. В 1960 г. они приняли в свои новые хранилища более 100 тыс. ед. хр., в первую очередь — ведущих учреждений и предприятий республики. Важной задачей является усовершенствование научно-справочного аппарата: инвентарных описей, создание тематического каталога и классификатора, подготовка к изданию армянского варианта сборника «Октябрьская революция и победа Советской власти в Армении» и трех других: «Классик армянской литературы Александр Ширванзаде», «Культурное строительство в Армении в 1920—1940 гг.», «Развитие народного хозяйства в Армении в 1928—1940 гг.». По этим сборникам завершена работа по выявлению, отбору и сверке документов.

Успехи, достигнутые в области публикаторской работы, в значительной мере объясняются тесным контактом между Архивным управлением, центральными госархивами, Академией наук АрмССР, Государственным университетом, филиалом Института марксизма-ленинизма, Матенадараном, научно-исследовательскими учреждениями. Впредь необходимо усилить этот контакт и на этой основе еще больше расширить публикаторскую работу архивов, еще шире использовать документальные материалы в интересах развития народного хозяйства, науки и культуры.

Если вопрос контакта между архивными и другими научно-исследовательскими учреждениями в пределах республики разрешен положительно, то в масштабе Закавказья контакт с архивистами остальных республик еще не установлен. Но все же нами предприняты: в первые шаги в области сближения архивистов Закавказья «Научно-информационном бюллетене» АУ АрмССР были перепечатаны статьи украинских и грузинских архивистов. Ближайшей задачей является установление сов-

местного творческого контакта. Оно диктуется вековой дружбой между армянским, грузинским и азербайджанским народами и ленинской национальной политикой нашей партии.

Мы предлагаем грузинским и азербайджанским коллегам совместными усилиями издавать документальные сборники о дружбе наших народов, о совместной борьбе закавказских народов против чужеземных поработителей, о революционном движении в Закавказье в начале XX в. и борьбе с заклятыми врагами народов — дашнаками, меньшевиками, мусаватистами, интервентами; о роли Закавказской федерации в социалистическом строительстве и укреплении дружбы народов, а также по ряду других актуальных вопросов.

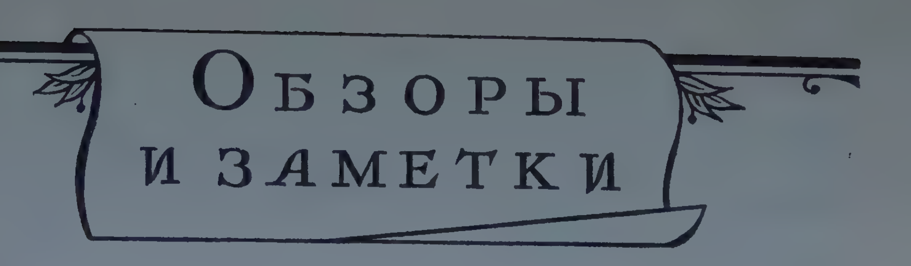
Часто Главное архивное управление дает нам различные задания по выявлению документов по определенной тематике; мы могли бы участвовать в подготовке сборников документов, издаваемых ГАУ, но необходимо, чтоб такая работа была запланирована заранее. Необходимо такие задания спускать заблаговременно, чтобы архивисты Армении могли своевременно запланировать эту работу. Большую положительную роль может сыграть и контакт журнала «Исторический архив» с архивными учреждениями союзных республик. То же следует сказать о бюллетене Главного архивного управления «Вопросы архивоведения». В настоящее время этот бюллетень фактически является органом преимущественно москвичей и ленинградцев; хотелось бы, чтобы страницы этих журналов широко предоставлялись также в распоряжение архивистов всех союзных республик. Несколько слов о «Научно-информационном бюллетене», издаваемом Архивным управлением Армении; уже вышло 18 выпусков, но до сих пор ГАУ СССР еще не рецензировало его, не занялось изучением работы этого журнала. Между тем такие журналы выпускаются почти во всех республиках. Нам кажется, что было бы целесообразно созвать совещание редакторов всех этих бюллетеней в Москве, в Главном архивном управлении, для обмена опытом, что безусловно поможет повысить качество работы этих изданий.

В семилетнем плане архивного строительства Армении намечена большая публикаторская работа; значительное место в ней занимает публикация документов советского периода. Залогом успешного выполнения намеченных задач явится дальнейшее содружество архивистов Армении с научно-исследовательскими, планирующими, хозяйственными, строительными и другими учреждениями республики. В интересах развития экономики, науки и культуры, в интересах победы коммунизма в нашей стране необходимо еще шире использовать богатейшие архивные фонды.

Нет сомнения, что архивисты республики в тесном контакте с научно-исследовательскими учреждениями добьются новых успехов.

В. Г. Кзартмян

ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ЦЕНТРАЛЬНЫХ АРХИВОВ О БОРЬБЕ ЗА УТВЕРЖДЕНИЕ СОВЕТСКОГО СТРОЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Борьба за упрочение советского строя в Средней Азии ввиду бешеного сопротивления внутренней реакции и происков империалистов затянулась на ряд лет. Сопротивление свергнутых эксплуататорских классов в Средней Азии приняло чрезвычайно опасную форму открытого политического бандитизма (басмачества). Вдохновителями этого реакционного движения являлись злейшие враги трудящихся, прямые пособники империалистов — буржуазные националисты.

В ожесточенных боях с разбойничьими шайками басмачей была ликвидирована угроза империалистического порабощения народов Средней Азии, окончательно утвердилась диктатура пролетариата и созданы необходимые предпосылки для успешного развертывания здесь социалистического строительства.

Советские историки немало сделали для изучения борьбы за утверждение диктатуры пролетариата в республиках Средней Азии [1]. Но, к сожалению, почти во всех исследованиях, написанных на эту тему, очень мало использованы исключительно важные материалы таких хранилищ, как Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центральный государственный архив Советской Армии, Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР. Вследствие этого ряд весьма актуальных проблем остается в тени или освещается недостаточно. Так, не изучены вопросы: о роли ЦК РКП(б) в руководстве борьбой за упрочение диктатуры пролетариата в Средней Азии, об участии главнокомандования и Штаба РККА в осуществлении мероприятий по разгрому басмачества, о происках английских империалистов-колонизаторов в Средней Азии и т. п.

В кратком обзоре архивных материалов по истории борьбы за утверждение Советской власти в Средней Азии авторы хотят обратить внимание исследователей на существующие архивные источники по указанной теме.

Многочисленные материалы центральных архивов по истории борьбы за утверждение Советской власти в Средней Азии можно разделить на две группы: 1) документы ЦК РКП(б), Туркестанского и Среднеазиатского Бюро ЦК РКП(б), ЦК КП

---

[1] А. Х. Бабаходжаев. Провал английской антисоветской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке в период признания советского государства де-факто и де-юре (1921—1924 гг.). Ташкент, 1957; М. Иркаев, Ю. Николаев. В боях за Советский Таджикистан. Сталинабад, 1957; М. И. Иркаев и др. Борьба с басмачеством на юге Киргизии. Фрунзе, 1957; Т. Х. Кельдиев. Разгром контрреволюции в Ферганской и Самаркандской областях Туркестана. Ташкент, 1959. См. также диссертации: Ш. А. Шамагдиев. Разгром контрреволюционных басмаческих банд в Ферганской долине (1918—1923 гг.). Ташкент, 1956; М. Иркаев. Разгром банды ставленника англо-американского империализма авантюриста Ибрагим-бека. (Автореферат). Сталинабад, 1953 и др.

Туркестана и других партийных органов, в основном сосредоточенные в ЦПА ИМЛ, и 2) документы военного командования, дипломатическая переписка, донесения и доклады представителей ГПУ, сводки НКВД. Основная часть этих документов сосредоточена в ЦГАСА в фондах Реввоенсовета республики, Политуправления РВС, Штаба РККА и других фондах.

Документы 1922 г. свидетельствуют о повседневном руководстве героической борьбой за укрепление советского строя в Средней Азии Центральным Комитетом РКП(б). Советская Средняя Азия в 1921—1922 гг. переживала огромные трудности; хозяйственная жизнь здесь почти замерла, посевы сократились по сравнению с 1916 г. в десять раз. Трудящиеся края голодали.

В этой напряженной обстановке нарастало и усиливалось басмачество. В оперативной сводке Штаба РККА от 26 марта 1922 г. указывается, что на 23 марта 1922 г. против войск Туркестанского фронта (всего 1700 чел.) действовало около 28 тыс. басмачей (ЦГАСА, ф. 7, оп. 2, дд. 38, 230). Новая крупная вспышка бандитизма в Бухаре и Туркестане была связана с именем турецкого авантюриста, агента международного империализма Энвер-паши.

Империалисты США, Англии, Франции и других стран, используя голод в Поволжье, составили обширный антисоветский заговор с целью раздела и колониального порабощения нашей Родины. В этом заговоре далеко не последнюю роль играли банды Энвер-паши. Разжигая религиозно-националистические чувства, Энвер выдвинул идею создания могущественного мусульманского государства, включающего в свой состав Среднюю Азию, Афганистан, Персию, Турцию, Индию. Из разрозненных разбойничьих шаек он организовал регулярную армию. В феврале 1922 г. Энвер-паша захватил Восточную Бухару и готовился к походу в Туркестан. Английские империалисты усилили приготовления к вооруженной интервенции в Советскую Среднюю Азию.

В этот критический момент на помощь трудящимся Средней Азии пришли Коммунистическая партия и Советское правительство, русский народ. Документы свидетельствуют, что ЦК РКП(б) пристально следил за положением дел в Средней Азии и принимал энергичные меры для ликвидации нависшей угрозы. Менее чем за три недели — с 27 февраля по 18 марта 1922 г.— вопрос о Туркестане и Бухаре пять раз обсуждался на заседании Политбюро ЦК РКП(б). 27 февраля 1922 г. Политбюро, заслушав сообщение наркома по иностранным делам Г. В. Чичерина и заместителя председателя РВСР Э. М. Склянского, поручило Реввоенсовету Республики не позднее 1 марта представить план усиления войск и средств в Восточной Бухаре для ее скорейшего освобождения (ЦГАСА, ф. 33988, оп. 1, д. 518).

На заседании Политбюро ЦК РКП(б) 13 марта 1922 г. вновь обсуждалась обстановка в Бухаре. Через два дня Политбюро ЦК РКП(б) категорически предписало РВС Республики принять самые срочные меры для ликвидации басмачества в Бухаре и Фергане. На проведение военных операций отпускался аванс в размере 1,5 млн. довоенных рублей; главнокомандующему всеми вооруженными силами республики С. С. Каменеву было предложено немедленно выехать в Туркестан для руководства борьбой с басмачеством (там же, л. 495).

В апреле 1922 г. обстановка в Бухаре и Туркестане обострилась еще более. Постановлением от 10 апреля 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) обязало председателя Туркестанского Бюро С. И. Гусева еженедельно информировать ЦК РКП(б) о положении дел в Туркестане и Бухаре, «и, в частности, на басмаческом фронте».

Вопрос о ликвидации контрреволюционной авантюры Энвер-паши неоднократно рассматривался на Секретариате и Оргбюро ЦК РКП(б). Много внимания этому вопросу уделяли секретари ЦК РКП(б) — И. В. Сталин и В. В. Куйбышев. В течение апреля — июня 1922 г. И. В. Сталин несколько раз запрашивал Реввоенсовет Республики о положении в Бухаре и Туркестане, об участии турецких и афганских офицеров в бандах басмачей и т. п. (там же, лл. 245, 316, 455, 462—463).

На заседании 21 апреля 1922 г. Секретариат ЦК РКП(б) рассмотрел вопросы Туркестанского Бюро ЦК, рекомендовал ему все предложения военного характера проводить исключительно через Реввоенсовет Туркестанского фронта и утвердил пред-

ложения РВСР о назначении Р. И. Эйхе командующим Ферганским фронтом, а тов. Кучмина — начальником Политуправления Туркфронта (там же, л. 355).

20 апреля 1922 г. ЦК РКП(б) принял постановление о командировании в Туркестан и Бухару Г. К. Орджоникидзе для изучения обстановки непосредственно на месте и подготовки доклада Политбюро о национальной политике в Средней Азии, составе Среднеазиатского бюро ЦК, мероприятиях по ликвидации басмачества (ЦПА ИМЛ, ф. 3, оп. 1, д. 2293). Переписка между Г. К. Орджоникидзе и генеральным секретарем ЦК РКП(б) И. В. Сталиным с 20 апреля по 21 мая 1922 г. позволяет судить о положении в Туркестане и Бухаре весной этого года, о мероприятиях ЦК РКП(б), Среднеазиатского бюро ЦК и местных партийных органов по ликвидации басмачества (там же, ф. 85, оп. 23, дд. 40, 41, 46, 49, 51, 53, 58, 66, 73 и др.; ф. 3, оп. 1, дд. 2337, 2387 и др.). Письмо Г. К. Орджоникидзе характеризует положение в Бухаре и Фергане (там же, ф. 2, оп. 1, д. 23181, лл. 2—3), куда он прибыл из Тифлиса.

12 мая 1922 г. состоялся пленум ЦК Коммунистической партии Туркестана с участием Г. К. Орджоникидзе, на котором вновь рассматривался вопрос о борьбе с басмачеством и очередных задачах компартии Туркестана (там же, ф. 61, оп. 1, д. 129, л. 110; ф. 85, оп. 23, д. 66).

Докладная записка и письма Г. К. Орджоникидзе были использованы И. В. Сталиным для доклада Политбюро ЦК РКП(б) о туркестано-бухарских делах. В постановлении Политбюро ЦК РКП(б) от 18 мая 1922 г. намечался ряд мер, обеспечивающих широкое привлечение дехканских масс на сторону Советской власти: амнистия, возврат вакуфных земель, введение судов казиев, более широкое вовлечение в состав правительства представителей дехкан и трудовой интеллигенции, обеспечение условий для экспорта товаров и др.

Политбюро ЦК РКП(б) высказало предложение об организации политической кампании против Энвера как врага народов Востока и агента империализма. Для проведения военных операций против басмачей в распоряжение Туркфронта направлялись стрелковая бригада и несколько образцовых рот; существенно улучшалось денежное и продовольственное обеспечение действующих частей (там же, ф. 85, оп. 23, д. 58).

20 мая 1922 г. на пленуме Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б) с участием Г. К. Орджоникидзе были разработаны практические меры по осуществлению постановления ЦК РКП(б) от 18 мая 1922 г. (там же, ф. 62, оп. 1, д. 2, л. 3). Осуществление на практике новой экономической политики и политики уступок явилось одним из решающих моментов в разгроме басмачества.

Ряд документов свидетельствует о том, что ЦК КП Туркестана, Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б) в течение лета 1922 г. особенное внимание уделяли работе партийных организаций и советских органов Ферганской и Сыр-Дарьинской областей. Так, 8 июня на заседании Исполбюро по докладу Сыр-Дарьинского обкома КП Туркестана было принято решение об усилении антиэнверовской и антипанисламистской агитации. Неоднократно заслушивались работники Ферганского обкома (там же, ф. 62, оп. 1, дд. 2, 8, 25).

В июне 1922 г. по заданию ЦК РКП(б) в Бухару выехал Я. Э. Рудзутак, который провел ряд совещаний с местными работниками и после длительного изучения обстановки в крае внес на рассмотрение Оргбюро ЦК РКП(б) соответствующие предложения (ЦГАСА, ф. 33988, оп. 1, д. 518).

В середине июля 1922 г. Оргбюро ЦК РКП(б) по докладу В. В. Куйбышева дало указание ЦК КПТ «усилить работу по привлечению населения Туркестана и, в частности, Ферганы к активной поддержке органов по борьбе с басмачеством». Реввоенсовет Ферганского фронта расформировывался и заменялся единоличным командованием (там же, л. 245).

В подготовке условий для ликвидации авантюры Энвер-паши существенное значение имела телеграмма ЦК РКП(б) от 24 июня 1922 г. в Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б) и ЦК КПТ. В телеграмме не только указывается на связь басмачества с агрессивными устремлениями Англии и Афганистана, но и поставлены четкие зада-

чи перед военным командованием и карательными органами по уничтожению бандитизма в Средней Азии. Призывая к решительным военным действиям против басмачей и к суровой расправе с ними по линии ревтрибуналов, ЦК РКП(б) обязывал местные партийные органы коренным образом улучшить работу ГПУ, «чтобы, находясь в курсе намерений противника, своевременно ликвидировать всякие его контрреволюционные попытки» (ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 24, л. 6; ЦГАСА, ф. 33988, оп. 1, д. 518, л. 204). Эта телеграмма вошла в директиву ЦК РКП(б) от 21 августа 1922 г.

Постановления, отчеты ЦК РКП(б), докладные записки инструкторов ЦК свидетельствуют о том, что, придавая большое значение идейно-организационному укреплению рядов компартии Туркестана как одному из решающих условий упрочения советского строя и мобилизации масс на разгром басмачества, ЦК РКП(б) большое внимание «уделил политическому положению и положению партийных организаций Туркестана»[2]. В связи с рассмотрением на заседании Оргбюро ЦК доклада секретаря ЦК Компартии Туркестана ЦК РКП(б) поставил перед ЦК КПТ ряд вопросов, которые необходимо было осветить в докладе, и в июне 1922 г. направил в Туркестан ответственного инструктора ЦК РКП(б) М. С. Эпштейна для обследования и помощи партийной организации (ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, дд. 25, 41).

В протоколе заседания Исполнительного бюро ЦК КП Туркестана от 24 июля 1922 г. и в выводах по докладу М. С. Эпштейна об итогах обследования, утвержденных Исполбюро, подчеркивалось первостепенное значение политической работы в дехканских массах «через ряд беспартийных дехканских конференций, выездов агитаторов в кишлаки и аулы» (там же, д. 25, л. 231) и через местную печать.

9 августа 1922 г. на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) был заслушан доклад секретаря ЦК КПТ Н. Тюрякулова и содоклад ответственного инструктора ЦК РКП(б). Постановлением Оргбюро по докладу были разработаны конкретные меры для улучшения партийно-организационной работы, организована комиссия в составе В. В. Куйбышева, Я. Э. Рудзутака, Ш. З. Элиавы, С. И. Гусева и др. по рассмотрению военно-политических и организационных вопросов (там же, л. 37).

11 августа 1922 г. эта комиссия рассмотрела предложения секретаря ЦК КПТ и председателя комиссии по борьбе с басмачеством В. Атабаева и приняла решение о необходимости составления от имени ЦК РКП(б) директивы с указанием общей линии работы для Туркестанской партийной организации. Основной задачей считался военный разгром басмачества с использованием милиции и самоохраны населения.

14 августа предложения комиссии были утверждены Оргбюро ЦК, а 21 августа 1922 г. Оргбюро ЦК РКП(б) была принята «Директива ЦК Среднеазиатскому бюро ЦК, ЦК КПТ и ЦК Бухары» по докладу В. В. Куйбышева. В директиве содержится комплекс предписаний, направленных на ликвидацию басмачества и упрочение диктатуры пролетариата в Средней Азии. ЦК РКП(б) рекомендовал не вступать в переговоры с басмачами и усилить военный нажим, строго наказывать главарей банд, энергично вовлекать местное трудовое население в борьбу с басмачеством. Партийным организациям Средней Азии вменялось в обязанность пресекать все попытки дискредитации Красной Армии — «освободительницы народов Востока от империалистических врагов» (там же, ф. 62, оп. 1, д. 10; ф. 85, оп. 23; ЦГАСА, ф. 33988, оп. 1, д. 518).

В директиве ЦК четко изложены политические задачи партийных организаций Средней Азии, направленные на всемерное облегчение продвижения частей Красной Армии. Чтобы закрепить военные успехи Советской власти в политическом отношении, ЦК РКП(б) предлагал продолжать политику уступок местному населению, укреплять тыл, бесповоротно отказаться от пагубных попыток насильственной диф-

---

[2] Из отчета ЦК РКП(б) за август-сентябрь 1922 г. «Известия ЦК РКП(б)», № 9 (45), IX, 1922, стр. 4.

ференциации кишлака; перебросить лучшие партийные кадры в освобожденные районы; расширять связи с трудящимися и проводить широкую агитационно-пропагандистскую работу по разоблачению басмачества как «агентуры английского империализма, разрушающей народное хозяйство и губящей страну».

В директиве ЦК РКП(б) во весь рост поставлена задача восстановления народного хозяйства в крае, так как «полное успокоение страны достижимо лишь при восстановлении нормальных хозяйственных отношений» (ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, дд. 25, 26; ЦГАСА, ф. 33988, оп. 1, д. 518). Поскольку успешное решение сложных и ответственных задач по упрочению диктатуры пролетариата в Средней Азии зависело в первую очередь от состояния парторганизации края, ЦК РКП(б) выдвинул ряд мер по ее укреплению.

В начале сентября 1922 г. ЦК компартии Туркестана разослал эту директиву местным партийным организациям, озаглавив ее «Очередные политические задачи партии в Туркестане».

Решениями Оргбюро ЦК от 23 и 30 августа 1922 г. для укрепления партийных органов Туркестана был послан ряд ответственных работников губернского масштаба (ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 10, лл. 26, 42). Примерно через месяц после утверждения «Директивы», 25 сентября 1922 г. Оргбюро ЦК РКП(б) вновь заслушало доклад Я. Э. Рудзутака о военном положении в Туркестане и задачах партийно-организационной работы, признав необходимым назначить командующим Туркфронтом тов. Левандовского вместо В. И. Шорина.

Исторические источники наглядно показывают выдающуюся роль ЦК РКП(б) в организации борьбы с басмачеством и упрочении диктатуры пролетариата в Средней Азии.

К документам ЦК РКП(б) примыкают имеющиеся в ЦГАСА материалы Политуправления РККА (ПУР), который работал на правах Военного отдела ЦК РКП(б). Из этих документов наибольший интерес представляют методические разработки для проведения бесед с пополнениями, отправляемыми на Туркестанский фронт, периодические сводки ПУР, составлявшиеся дважды в неделю. В связи с отправкой на Туркестанский фронт большого пополнения в июле 1922 г. ПУР дал распоряжение провести политзанятия по темам: 1) Ферганское басмачество, причины его возникновения, ход развития; 2) Бухарская Советская республика (прошлое Бухары, сущность Советской власти); 3) Кто такой Энвер-паша, его цели; 4) Наши задачи на Востоке и борьба с басмачеством, отношения с местным населением. В подробных методических разработках для политзанятий освещено хозяйственно-политическое положение Ферганы и Бухары на протяжении ряда лет, показаны социальные корни басмачества и основные этапы его развития, использование империалистами банд для борьбы с революцией на Востоке.

«Наша задача,— говорится в методической разработке,— разгромить басмачей военной силой, закрепить тыл путем завоевания Красной Армией симпатии туземного населения, соответствующим поведением частей доказать, что Красная Армия есть истинная освободительница угнетенных национальностей от ига реакции, эксплуатации империализма...» (ЦГАСА, ф. 33988, оп. 1, д. 518, лл. 177—178).

Периодические сводки Политуправления РККА позволяют проследить за ходом боевых операций на Туркестанском фронте, за процессами разложения в стане противника, за все возрастающим участием местного населения в борьбе с бандами. В сводках ПУР содержится много сведений о морально-политическом состоянии воинских частей, о зверствах басмачей, о воспитательной работе Красной Армии и местных партийных органов среди населения.

«Взаимоотношение частей XIII корпуса, участвующих в Каратегинской экспедиции, с населением самое хорошее,— сказано в сводке ПУР № 146 от 15 сентября 1923 г.— Терроризованное басмачами население встречает радостно наши части. Жители, разогнанные басмачами, охотно возвращаются в кишлаки и помогают частям в перевозке орудий, постройке мостов и доставке продовольствия...» (ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 533, л. 600).

Сводки ПУР отмечают большие достижения в проведении ленинской национальной политики в Средней Азии. Среднеазиатская национальная школа, занимаясь советизацией Гидж-Дуванского района в Узбекской ССР, в течение апреля-мая 1925 г. организовала более 42 митингов и собраний с участием до 20 тыс. жителей; 7 заседаний с ответработниками; 87 бесед в ленуголках и красных чайханах; более 35 спортвыступлений, несколько субботников в помощь бедноте. Только за три недели лета 1925 г. один узбекский стрелковый батальон провел в Заревшанской области 77 митингов, 15 спектаклей и 74 беседы, обслужив около 1800 чел. (там же, ф. 9, оп. 26, д. 135).

Непосредственным дополнением к документам ЦК РКП(б) и ПУР являются материалы Среднеазиатского Бюро ЦК РКП(б), Центральных комитетов и обкомов компартий республик Средней Азии — различные бюллетени, протоколы заседаний, информационные письма. В упомянутых материалах нашли отражение социально-экономические сдвиги в Средней Азии, борьба с проявлениями великодержавного шовинизма и национализма, мероприятия местных партийно-советских органов по ликвидации басмачества и восстановлению нормальных условий жизни в крае. Среднеазиатское Бюро ЦК РКП(б) осуществляло на месте руководство борьбой по ликвидации бандитизма.

Вплоть до 1926 г. вооруженные банды басмачей являлись основным препятствием в деле упрочения диктатуры пролетариата в Средней Азии, и долгие годы весь край находился, по сути дела, на военном положении. Вот почему документы Военного командования, характеризующие обстановку в Средней Азии в 1921—1926 гг., представляют большую ценность для исследователя. Материалы Красной Армии весьма обширны, разнообразны и распадаются на две основные группы: 1) документы Реввоенсовета Республики, главкома и Штаба РККА, 2) документы командующего войсками, РВС и штаба Туркестанского фронта.

Вопросами ликвидации басмачества в Средней Азии постоянно занимался главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики С. С. Каменев и весь Штаб РККА. Главком неоднократно выезжал на театр военных действий, а Штаб РККА поддерживал непрерывный контакт с Туркестанским фронтом. Важнейшие военно-оперативные вопросы борьбы с басмачеством решались в Москве главкомом и в Штабе РККА. Насколько глубоко главное командование вникало в ход военных действий против басмачей, показывает телеграмма С. С. Каменева командующему Туркфронтом 20 марта 1922 г.: «События в Бухаре требуют планомерных действий. Считаю, что план военных действий должен быть построен на следующем: 1-е — прочное занятие Бухары частями; 2-е — организация опорных пунктов; 3-е — в самом процессе борьбы должна быть проведена идея наибольшего применения техники; 4-е — в том же процессе борьбы должна быть теснейшая связь военных действий с политическими мерами, почему желательно, чтобы план политической работы также был разработан; 5-е — необходимо всемерно избежать тяготы для населения пребывания наших войск на территории Бухары» (ф. 33988, оп. 1, д. 518, л. 558).

Основными опорными пунктами для развития операций главком наметил Самарканд, Кермене, Бухару, Чиракчи, Карши, Гузар, Китаб, Шахризяб, Байсун, Ширабад, Термез, Чарджуй. В докладе главкома Реввоенсовету Республики 3 мая 1922 г. сообщается об отправке на Туркфронт обмундирования и воинских частей — стрелковой бригады, кавполка, двух бронепоездов, трех бронеотрядов. В записке в Реввоенсовет Республики 13 мая 1922 г. главком подчеркивает, что он «непрерывно следит за басмаческим движением». Отметив недостаточность политработы в частях, главком настаивал на ее улучшении (там же, лл. 349, 452—453).

Во время своего пребывания в Бухаре и Туркестане в мае-июне 1922 г. С. С. Каменев осуществлял на месте военно-оперативное руководство разгромом шаек Энвер-паши. Учитывая упадок духа басмачей в связи с тяжелым поражением Энвер-паши под Керками и Байсуном, а Муллы Абдул Кагара под Нуратом в мае 1922 г., главком приказал ускорить строительство базы на неделю и начать полный разгром банд Энвера.

Комбинированный план кампании против Энвер-паши предусматривал сочетание административно-организационных, политических и военных мер. Этот план был представлен в Штаб РККА комвойск Бухарской группы Какуриным еще в марте 1922 г. и утвержден главкомом. В шифротелеграмме командующему Туркестанским фронтом 3 июня 1922 г. главком установил срок перехода в решительное наступление против Энвер-паши между 10 и 15 июня.

Отмечая сильные и слабые стороны в действиях банд, главком делает из этого надлежащие выводы. «Необходимо учесть,— сообщает он начальнику Штаба РККА П. Лебедеву 22 июня 1922 г.,— что басмачи исключительно трусливы и их операции удивительно наивны, но они все конные, и вся драма в том, что у нас нет под рукой конной части именно тогда, когда это совершенно необходимо».

В приказе командующему войсками Бухарской группы Какурину главком в июне 1922 г. запретил использовать конницу в спешенном строю против басмачей, рекомендуя шире применять охват или обход их опорных пунктов (там же, лл. 74, 226, 264, 387, 431).

По возвращении в Москву главком 8 июля 1922 г. представил в Реввоенсовет Республики обстоятельный доклад о положении в Средней Азии, в котором резко выступил против точки зрения туркестанских работников, преувеличивающих своеобразие местных политических условий и убежденных в неизбежности длительной борьбы с басмачами. По мнению главкома, «приемы борьбы с бандитами, выработанные у нас, без особых осложнений могут быть перенесены и в Туркестан» (там же, л. 179). В частности, главком настаивал на проведении оккупации охваченных басмачеством районов в сочетании с активными действиями летучих истребительных отрядов.

Среди материалов военного командования видное место занимают сводки разных отделов Штаба РККА — информационного, разведывательного, оперативного. В этих сводках день за днем освещается ход боевых операций против банд по всей стране, включая Среднюю Азию; приводятся сведения о численности войск противника и его намерениях, об участии населения в борьбе с бандитизмом. Весьма ценны ежемесячные информационные сводки о борьбе с бандитизмом и доклады начальников отделов Штаба РККА.

История авантюры Энвер-паши подробно рассматривается в докладе начальника одного из отделов Разведуправления Штаба РККА от 22 марта 1922 г.: «При существующей ситуации в Средней Азии авантюра Энвер-паши представляет несомненную опасность для Советской России... Поддержанная английским империализмом через Афганистан, эта авантюра Энвер-паши в случае своего успеха может повести к потере нами богатейшей территории в Средней Азии, и главное — к падению нашего авторитета на Среднем и Ближнем Востоке» (ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 23, д. 83, л. 4).

На основании Информационных сводок Штаба РККА можно составить полное представление о развертывании борьбы с бандитизмом. Так, в сводке за май-июнь 1922 г. отмечены значительные успехи в борьбе с басмачеством в Бухаре и Фергане: «Благодаря энергичным мерам в борьбе с басмачами наступил резкий перелом в нашу пользу. Среди басмачей наблюдаются признаки разложения — начался переход на нашу сторону отдельных главарей со своими сторонниками» (ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 504, л. 187).

В июльской сводке 1922 г. сообщается об освобождении Дюшамбе, Куляба, Бальджуана от банд. Январская сводка за 1923 г. сигнализирует об ухудшении военно-политической обстановки в Бухаре, где Селим-паша с трехтысячной шайкой басмачей совершил нападение на Куляб, а Ибрагим-бек с полуторатысячным отрядом осадил гарнизон в Сарае (там же, ф. 7, оп. 2, д. 348).

В сводках Штаба РККА имеются данные об отправке подкреплений на Туркестанский фронт, о потерях сторон, о численности и вооружении банд. Обширные сведения о борьбе с басмачеством и мероприятиях по укреплению советского строя в Средней Азии заключены в документах командования, Реввоенсовета и Штаба Туркестанского фронта. Командование фронта регулярно докладывало в Штаб РККА

о положении в Бухаре и Туркестане, о развитии боевых действий, об испытываемых затруднениях. Среди документов Туркфронта привлекают внимание годовые обзоры басмачества, составленные начальником Политуправления, и подробные доклады командующего войсками.

В годовом обзоре басмачества с марта 1923 по март 1924 г. говорится о социально-экономических причинах возникновения банд и их антинародных преступлениях, об успехах Красной Армии в боях с басмачами. В результате энергичных усилий по ликвидации банд в Бухаре и Туркестане число басмачей сократилось за год с восьми до трех тысяч человек. В целях полного уничтожения бандитизма в Средней Азии в обзоре намечались следующие меры: 1) дальнейшее осуществление политики отслоения шаек от населения, 2) расширение хозяйственной помощи дехканам, 3) улучшение работы низового советского аппарата, 4) укрепление смычки Красной Армии с жителями кишлаков, 5) усиление военного нажима и, в частности, закрытие границы с Афганистаном (ЦГАСА, ф. 9, оп. 3, д. 223, лл. 45—51).

В связи с проведением ударной кампании по ликвидации басмачества весной — летом 1924 г. командующий Туркестанским фронтом Левандовский 18 мая 1924 г. издал специальный приказ, в котором отмечалось, что басмачество все еще является крупным фактором военного, экономического и политического значения в Средней Азии. Для успешной борьбы с басмачами предлагается наладить оккупацию соответствующих районов и баз, умело использовать летучие и истребительные отряды, обеспечить решительность и внезапность боевых действий, улучшить работу разведки, развернуть широкую политико-воспитательную работу среди населения. «Военный нажим,— сказано в приказе,— во всем координировать с политико-экономической работой и мероприятиями карательных органов» (ЦГАСА, ф. 9, оп. 3, д. 223, л. 95).

В период с 5 июня по 16 июля 1924 г. командующий Туркестанским фронтом совершил поездку в Восточную Бухару. В пространном докладе он изложил свои наблюдения и выводы. «Басмачество,— говорится в этом документе,— объединенное прежде единой политической идеей и единым командованием, разбилось теперь на отдельные местные банды, группирующиеся вокруг своих племенных и родовых центров и утерявшее в некоторой степени свои политические лозунги» (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 7, д. 100, л. 5).

Констатируя отход от басмачества широких слоев дехкан, командующий считает, что опасность бандитизма еще не устранена. Особенно напряженная обстановка была в Локае, Бабатаге и Байсуне. Во время совещаний комполитсостава XIII стрелкового корпуса с участием зам. председателя Совета назиров Бухарской республики, председателя «Диктаторской комиссии» и представителя комиссии Реввоенсовета Республики была разработана целая система мероприятий для окончательного искоренения басмачества в Средней Азии. Эти меры таковы: 1) строгая координация военного нажима с экономическими и политическими мероприятиями, 2) отказ от переговоров с басмачами и нанесение им сокрушительного военного поражения, лишение баз, 3) объединение разведывательной работы под руководством особых отделов, 4) расширение работы по разложению банд (оказание семенной, продовольственной и другой помощи сдавшимся басмачам, использование отдельных главарей банд по линии ГПУ и т. д.).

Заключительная стадия борьбы с басмачеством в Средней Азии приходится на 1924—1926 гг.; она нашла отражение в таких материалах, как протоколы «Центрального басмаческого совещания» при Ревкоме Таджикской АССР, доклад командующего войсками «Итоги борьбы с басмачеством на Туркестанском фронте с 1 мая 1924 года по 1 августа 1925 года», записка члена РВС Туркфронта Павловского от 8 августа 1925 г. и др.

В протоколе «Центрального басмаческого совещания» от 12 июля 1925 г. (ЦГАСА, ф. 9, оп. 3, д. 223) вскрыты причины успехов в ликвидации бандитизма в Средней Азии. В резолюции по докладу о политическом положении Таджикистана и итогам весенней кампании по борьбе с басмачеством отмечается, что к лету 1925 г.

политическое положение в Таджикской АССР заметно улучшилось. Басмачи утратили активность и массами сдавались советским органам. Дехканство проявляет резкий отход от басмачества; даже часть байства, чиновничества и духовенства выражает недовольство действиями басмачей. Большие успехи в борьбе с бандитизмом стали возможны благодаря тому, что впервые удалось осуществить комбинированное воздействие на шайки басмачей, увязав воедино военные, политические и хозяйственные мероприятия. Была образована Таджикская автономная республика, усилена политико-воспитательная работа и мобилизовано общественное мнение; проведена кампания по заселению кишлаков и разложению эмиграции; увеличена хозяйственная помощь населению, проведены оккупация районов, зараженных бандитизмом, и энергичный военно-политический нажим.

В докладе «Итоги борьбы с басмачеством на Туркестанском фронте с 1 мая 1924 г. по 1 августа 1925 г.» дана исчерпывающая картина мероприятий военного командования и партийно-советских органов по ликвидации бандитизма в отдельных областях и местностях Средней Азии. По мере нарастания успехов в экономическом возрождении края и укреплении советского строя усиливался процесс дифференциации кишлака. Басмачество утратило свои базы, лишилось поддержки населения и стремительно пошло на убыль. В течение года только в Таджикской АССР были изъяты 2623 басмача, в том числе 849 сдались добровольно. С 1 ноября 1924 г. по август 1925 г. число басмачей в Таджикистане уменьшилось с 1200 до 450 чел.

Картину борьбы с басмачеством, нарисованную в итоговом докладе командующего Туркестанским фронтом, дополняет обстоятельная записка члена Реввоенсовета фронта Павловского. К записке приложены справки различных управлений штаба Туркестанского фронта об изменениях в численном составе банд, о потерях сторон в боях, о стоимости содержания войск фронта, об участии добровольческих мусульманских отрядов в борьбе за утверждение Советской власти в Средней Азии и т. д. (там же).

Документы военного командования широко представлены в ЦГАСА и частично в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. Гораздо хуже обстоит дело с материалами НКИД и ГПУ. В фонде РВС Республики в ЦГАКА хранятся лишь две телеграммы полпреда РСФСР в Кабуле Ф. Ф. Раскольникова, относящиеся к апрелю-маю 1922 г., о связях Энвер-паши с влиятельными кругами Афганистана, а также несколько обширных докладов полпреда РСФСР в Бухаре Кожевникова. В своих донесениях в НКИД Кожевников сообщает о положении в Бухаре и действиях правительства Республики, о состоянии воинских частей Красной Армии, о ходе борьбы с басмачеством и происках агентуры английского империализма. Заслуживают внимания сведения полпреда об организации управления на территории, захваченной Энвер-пашой, о распрях в лагере противника, об участии местного населения в борьбе с бандами (там же, ф. 33988, оп. 1, д. 518).

Из документов ГПУ, относящихся к рассматриваемой теме, следует назвать донесения полномочного представителя ГПУ в Туркестанской Республике Г. Иванова за апрель—июнь 1922 г. и подробный доклад Восточного отдела ОГПУ СССР за май-июнь 1923 г. в ЦК РКП(б). В материалах ГПУ содержатся также сведения о социальном составе и внутреннем состоянии басмаческих шаек, о подрывной контрреволюционной работе буржуазных националистов, об отрицательном отношении населения к бандам (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 8, д. 90).

В заключение следует упомянуть о хранящихся в ЦГАОР СССР докладах НКВД Узбекской и Туркменской ССР за 1925 г. В докладах НКВД показано участие добровольческой милиции в борьбе с басмачами, степень советизации Средней Азии в конце восстановительного периода.

Таковы основные материалы центральных архивов, характеризующие борьбу за утверждение Советской власти в республиках Средней Азии. Не подлежит сомнению, что вовлечение этих материалов в научный оборот принесет пользу изучению истории советского общества.

В. П. Николаева, И. Я. Трифонов

СПИСОК ФОНДОВ

ЦГАСА

ф. 4 — Управление делами Революционного Военного Совета Республики (РВСР); *ф. 7* — Штаб Рабоче-Крестьянской Красной Армии; *ф. 9* — Политическое управление Революционного Военного Совета Республики (ПУР); *ф. 33988* — первый заместитель Председателя Реввоенсовета Республики.

ЦПА ИМЛ

ф. 2 — Ульянов (Ленин) Владимир Ильич; *ф. 3* — Сталин Иосиф Виссарионович; *ф. 17* — Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза; *ф. 62* — Среднеазиатское Бюро ЦК ВКП(б); *ф. 85* — Орджоникидзе Григорий Константинович.

ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРОПАГАНДЫ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ КОММУНИСТОВ СРЕДИ СОЛДАТ МЯТЕЖНОГО КОРПУСА В СИБИРИ (1918 г.)

Вопрос о революционной деятельности чехословацких коммунистов в Сибири среди мятежного корпуса летом 1918 г. до сих пор остается не исследованным. Между тем, он имеет большое значение для изучения не только истории Коммунистической партии Чехословакии, но и гражданской войны в Сибири. Известный исследователь истории Коммунистической партии Чехословакии Индржих Веселы пишет: «Рядовые легионеры постепенно начали понимать, что они были использованы в чуждых им капиталистических интересах. Воевали они плохо или же вообще отказывались воевать против Советов. Благодаря разъяснительной работе левых элементов, направленной против реакционного командования легионов, часть легионеров (к ним принадлежали и известные коммунистические деятели — Ян Водичка, Густав Климент и др.) перестала быть надежной опорой империалистов» [1].

В Государственном архиве Иркутской области хранятся три письма неизвестного чешского коммуниста к чешским солдатам мятежного корпуса. Эти письма были обнаружены белогвардейской контрразведкой на конспиративной квартире известных деятелей Сибирского комитета РКП(б) М. Рабиновича и И. Раугялло в ночь со 2 на 3 апреля 1919 г. и дошли до нас в русском переводе, сделанном колчаковским Генеральным штабом для председателя совета министров колчаковского правительства. Заверенные копии писем хранятся также в ЦГАОР СССР (ф. 176, оп. 3, д. 14, лл. 134—135). Перед публикацией оба экземпляра сверены; автором всех трех писем, по-видимому, было одно лицо. Об этом говорят следующие соображения: документы № 1 и № 2 близки по содержанию, а документы № 2 и № 3 имеют одинаковые адреса («2-й чехословацкий полк, 9-я рота, 3-й батальон. Ваилов [2] Кунц») [3]. Установить автора пока не удалось. Он подписался в одном случае «Ян». Возможно, что это послужит ключом к установлению автора. Письма свидетельствуют о том, что подпольная революционная работа велась во всех чехословацких полках, и о тесной связи чехословацких и сибирских коммунистов.

По-видимому, публикуемые документы написаны в короткий отрезок времени — с момента провозглашения Венгерской советской республики (21 марта 1919 г.) до захвата писем колчаковской охранкой (3 апреля 1919 г.).

---

[1] И. Веселы. Основание Коммунистической партии Чехословакии. М., 1956, стр. 84.

[2] По-видимому, искажение; вероятно, должно быть «Вацлав».

[3] Первое письмо было адресовано: «8 чехословацкий полк, 5 рота, 3-й батальон».

Совместная революционная борьба сибирских и чешских коммунистов по распропагандированию солдат мятежного корпуса не была бесплодной. Об этом свидетельствует ряд фактов, в частности признание начальника Иркутского губернского управления политической охраны, который 19 июля 1919 г. доносил директору Департамента милиции: «Главнейшею причиной волнений в чехо-войсках является стремление их к скорейшему возвращению на родину; по-видимому, это желание использовано как нашими тайными большевистскими агитаторами, так и находящимися в чехо-войсках собственными последователями большевизма с определенною целью внести также смуту и разложение в войска, какие когда-то были внесены и в нашу армию... Усиленная, умело поставленная агитация дала в конце концов вполне реальные результаты, возбуждение в чехо-войсках достигло весьма высокого напряжения» [4].

З. Т. Тагаров

№ 1

Товарищи!

Наступило время, когда нужно соединиться, когда нужно отбросить от себя все то, что пахнет несправедливостью. Ныне мировое движение рабочих достигает небывалых размеров, оно старается разрушить власть во всех европейских государствах и поставить народную власть трудящихся масс. В Германии, Австрии, Венгрии так, тоже и у нас; рабочие берут власть в свои руки [1]). Лишь еще часть чешского пролетариата в России находится в руках мировых капиталистов, которые постоянно подложными известиями ставят чешское войско в безвыходное положение и принуждают его быть палачами и душителями свободы. Ныне мы видим, куда они нас ведут. Они постоянно говорили, что мы должны пробить себе дорогу на восток, потом, однако, оказалось, что это была только ложь, с помощью которой они втянули чешских пролетариев против русских (что им и удалось). Ныне они открыто и бесстыдно хотят убедить чешское войско, что его враг — это русские рабочие, а также и те чешские, которые не хотят служить капиталистам, а только самим себе.

Теперь, однако, чешское войско уже отрезвилось. Оно уже знает, кто его враг и кто друг. Этого, однако, недостаточно. Мы не можем и не смеем ограничиться тем, что скажем: мы не будем воевать на фронте. Мы не смеем делать полицейскую службу в тылу, так как мы тем же способствуем той реакции, которая с нашей помощью водворилась в Сибири. Мы должны свергнуть с себя рабские кандалы, смыть позор, который ложился на чешских пролетариев. Мы не можем так дальше идти, ибо нам угрожает смерть со всех сторон. Мы должны доказать, что мы не изменники рабочих масс, что мы так же, как и другие пролетарии чувствуем давление капиталистического строя, и мы должны постараться сбросить то, что мы навязали русским товарищам на их шею, помочь им в их освобождении. Мое мнение: их победа является и нашей.

Достигнуть этого вам, товарищи, необходимо, и вы должны исполнить свой долг. Насколько я вас знаю из Барышевки, вы стояли всегда на страже, и я видел в вас сознательных рабочих, и поэтому я обращаюсь к вам за помощью, которую, я полагаю, вы не откажете рабочему движению. Всякий честный рабочий должен сделать все то, что может. В каждом полку мы имеем совет из людей, с которыми мы работаем рука об руку, и все идет очень хорошо. Я думаю, что у вас это пойдет, и в течение месяца мы будем готовы. Как только Сибирь будет красна (от вас до фронта), тотчас же вы поедете домой как честные борцы за свободу, с оружием в руках. В городе, в каком вы находитесь, мы вас сведем с русскими рабочими, которые вам будут давать совет и помощь.

[4] ЦГАОР СССР, ф. 296, оп. 1, д. 3, л. 24.

Ваша обязанность — иметь в каждой роте несколько надежных людей, которые будут работать в этом направлении, всегда и везде информировать своих товарищей о настоящем положении дел, не допуская их к тому, что случилось в прошлом году. Мы здесь забрали свободу, мы должны ее возвратить. Ваш уход из России невозможен — через море вас не повезут, а через фронт вы не пробьетесь. Я полагаю, что не будет ни одного рабочего, который хотел бы ехать домой с краской стыда на лице, как душитель свободы; что все предпочтут жить жизнью человеческой, радостною и хорошею, что все предпочтут вознаграждение за свою работу такое, какое нам следует, а не подаяние нищего. Мы хотим жить людьми, а не как звери; мы хотим иметь спокойную жизнь в своей семье. Поэтому горе сердца[5] наступает весна, пусть с ней расцветает и для чешского пролетариата новая жизнь. Уже довольно нам мучений, довольно этой жалкой жизни, мы хотим себе строить новую.

Ответ дайте тому, который вам это передаст. Все прочее он расскажет вам устно. Наздар.

Чешский коммунист

Несколько строчек стихов[6].

Да здравствует власть рабочих!

№ 2

Товарищ!

Я обращаюсь к тебе как к хорошему и честному товарищу относительно нашего общего дела. Я уверен в том, что и ты исполнишь то, что возможно, так как это долг всякого честного рабочего. Сегодня мировая ситуация настолько сложна, что трудно в ней разобраться. Но нам должно быть ясно, что такое положение долго продолжаться не может. Пожар, который зажгли русские товарищи, уже охватил весь мир. Только наше чешское войско продолжает идти по тому пути, который не отвечает его социальному положению. Ныне, после стольких обманов и страданий, когда эти высшие «господа» открыто пишут и говорят, высылая вас в бой против русских рабочих, которые защищают не только свои права, но и права мирового пролетариата, в том числе и наши чешские права.

А что делаем мы? Что мы говорим? Нас имеется 70% социал-демократов. Наше войско исключительно рабочее, оно демократическое. Это — правда. Но цель, к которой вас ведут,— это нерабочая цель. Вы — игрушка в руках капитала, а эти чешские господа за ваши услуги берут хорошее вознаграждение и, когда только будет плохо, они всегда найдут помощь, но вашей участью будет нищая сумка или земля холодной Сибири. Наши инвалиды находятся на Канарейских островах[7] между сифилитиками, огражденные, как звери в зверинце.

Из этого письма, которое я читал у Ендры, и из его беседы я узнал, что ты человек служивший, и поэтому не буду писать всякие всячины, но прямо приступлю к делу. Весь вопрос заключается в следующем: партия чешских рабочих коммунистов заботится о вас, чешских рабочих в армии. Мы знаем, каким обманом вы были вовлечены в борьбу против русских рабочих. Знают это и русские коммунисты.

Мы знаем также, что ныне вы уже не согласны с вашим командованием, мы радуемся, что вы начинаете понимать. Вы не можете этим ограничиться, этим дело еще не кончено. Вы должны идти еще дальше. Недостаточно сказать, мы не будем воевать с рабочими. Нужно подняться и сказать:

---

[5] Так в тексте.

[6] Стихотворный текст в переводе опущен. Здесь и далее курсивом выделены слова, вписанные переводчиком.

[7] Так в тексте.

Довольно! Мы не хотим быть рабами, ни исполнителями чужой воли. Мы хотим быть свободными и вольными, мы желаем для себя новой жизни, жизни радостной, на которую как люди мы имеем полное право.

Мы не будем больше солдатами, не будем сами против себя. Мы — рабочие, и наше место в рядах революционного пролетариата. Для этой цели нужны люди, которые возьмут на себя задачу соорганизовать своих товарищей в ротах, основать тайную организацию рабочих, войти в сношение с русскими рабочими, помочь им опять достигнуть той свободы, которая у них была нами отнята.

Ты как хороший товарищ можешь в этом много сделать, и я уверен, что ты это сделаешь. Первое, что ты должен делать, это следующее: найти себе в роте 4 или 5 хороших товарищей, которым ты доверяешь,— довериться им во всем, о чем идет речь, с помощью их повести роту на правильный путь.

Ты имеешь знакомых в другой роте (неразборчиво) [8] и т. д. и привлечь целый полк. Если вы в каждой роте приобретете 3—4 товарища, то выберете себе полкового командира и работайте в контакте с местными русскими товарищами, которые будут вам во всем помогать. Работать нужно чем скорее. Нужно использовать это беспокойство в войске для нашего дела, дела справедливого. Ведь было бы позором для чешских рабочих, если бы они постоянно были палачами революции.

Мы оттуда будем вам помогать, чем только будет возможно. Мы работаем во всех полках. Как я говорю, это должно быть поскорее, так как революционная волна в Сибири приобретает большие размеры, и, если мы будем ждать, то она нас сметет с поверхности земли, как жалких изменников, что не должно случиться. Мы должны предупредить это. Другие информации даст тебе русский товарищ. Я желаю тебе много успехов в твоей работе.

С товарищеским приветом. Наздар.

Чешский коммунист

Я хочу, чтобы везде там где, взымается грудь и маленькое пламя в ней разрастается в пожар, раздалась песня *(неразборчиво)* [9].

№ 3

Дорогой брат!

Прими от меня сердечный привет. Сообщаю тебе, что я здоров и кое-как живу. Последний раз я написал тебе длинное письмо, однако до сих пор не имею ответа. Поэтому я прошу тебя скорее сообщить мне, что такое случилось с тобой. Здесь есть у меня хороший друг, который занимается настоящей политикой, и поэтому он приложит к этой записочке письмо [2)], в котором он тебя призывает к какой-то работе. Я полагаю, что ты как б[ывший] интернационалист ничего против этого не будешь иметь и исполнишь его и мою просьбу. Я уверен, что через несколько недель мы снова вместе сможем пойти домой, а там мы увидим, как нас эти господа-чехословаки обманывали.

Это письмо передаст тебе русский товарищ, который имеет какое-то поручение в Челябинск. По прочтении этого письма порви его.

Наздар.

Да здравствует Чешская советская республика!

Твой Ян

Государственный архив Иркутской обл., ф. 340, оп. 1, д. 16, лл. 5 об.— 6.— Машинописная копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) В ноябре 1918 г. в Германии произошла буржуазно-демократическая революция. Весной 1919 г. были провозглашены советские республики в Баварии и Венгрии.— 141.
2) По-видимому, имеется в виду предыдущее письмо.— 143.

[8] Так в тексте.
[9] Так в тексте.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О МОСКОВСКИХ ВОССТАНИЯХ XVII в.

В материалах коллекции Оружейной палаты (ЦГАДА), относящихся к Бронной слободе, фонда И. Е. Забелина (отдел письменных источников Государственного исторического музея) и Соловецкого собрания (отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) обнаружены новые источники по истории московских восстаний 1662 и 1682 гг. Несмотря на свою фрагментарность, эти материалы проливают свет на ряд не исследованных еще вопросов о составе и количестве восставших, их социальной и национальной принадлежности.

I. ИМЕНА УЧАСТНИКОВ ВОССТАНИЯ 1662 г. В ПЕРЕПИСНОЙ КНИГЕ БРОННОЙ СЛОБОДЫ

В переписной книге Бронной слободы, составленной в конце 1663 г., встречаются имена участников этого восстания. «Место пустое Никитцкие слободы вдовы Анницы. А ныне на том месте живет Бронные слободы тяглеца Обрашкина жена красильника с матерью. Обрашка за бунт сослан в Казань [1]. А после ево, жена ево в Бронную слободу тягла не платит. А до ссылки, де он, Обрашка, тягло платил в Бронную слободу» [2].

«Двор Ефремка Иванова сына, прозвище Жданка лучника. У него была два сына: Аниска да Ивашко, а после ево жил на том дворе тяглец Панька селедник — померли до морового поветрия. А после Паньки жил Алешка Иванов сын Шестаков, умре в моровое поветрия. А после ево учела владеть сестра ево Марьица, вышла замуж тое же слободы за тяглеца за Алешку Екимова. И Алешка Екимов в прошлом во 170-м году за бунтовство сослан в Сибирь. А ныне на том дворе живет жена ево Марьица, тягла после ево не платит. Да у ней же в Женском шапочном ряду лавка» [3].

«Двор Ганьки, прозвище Богдашка, Филатова сына сапожника. Умре в моровое поветрие. А после ево тот двор был пуст. И продал после ево Бронные слободы тяглец Мишка Панкратьев тяглецу ж Бориску свечнику. И Бориско за бунтовство в прошлом во 171 году сослан в Казань...» [4].

Двор Никиты Корнилова. «Продал он, Микитка, тот двор тяглецу ж иноземцу Федьке алмазнику. И Федька за бунт сослан в Казань...» [5]. Нерусское происхождение Федора колеблет категоричное утверждение Г. Котошихина о том, что «поляков и иных иноземцев, хотя на Москве множество живет, не сыскано в том деле ни единого человека, кроме русских» [6].

«Двор Лучки Сидорова сына, что бывал двор немки Котеринки Ратовы. Лучка умре в моровое поветрие, а после ево владел сын ево Якушко. Якушко за бунт сослан в Казань, а место ныне лежит впусте и хором ничего нет» [7]. Яков был единственным сыном Лукьяна Сидорова, старинного сидельца Железного ряда и тяглеца Бронной слободы, представителя зажиточной слободской верхушки [8].

Нестер Демидов тоже принимал какое-то участие в восстании 1662 г. Об этом свидетельствует одно место из челобитной 1676 г. его жены Ульяны Калининой дочери:

---

[1] В другом месте: «Абрашко Микитин сослан за бунтовство в прошлом во 170 году в Казань» (ЦГАДА, ф. 396, Оружейная палата, кн. 981, л. 68).

[2] Там же, лл. 43 об.— 44.

[3] Там же, лл. 63 об.— 64.

[4] Там же, л. 85 об. Бориса-свечника можно отождествить с Борисом Ивановым, тяглецом Бронной слободы, упомянутым в сыскном деле 1662 г. См.: А. Зерцалов. О мятежах в городе Москве и селе Коломенском 1648, 1662 и 1771 гг. «Чтения ОИДР», кн. III, 1890, стр. 359.

[5] ЦГАДА, ф. 396, Оружейная палата, кн. 981, л. 57.

[6] Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906, стр. 104.

[7] ЦГАДА, ф. 396, Оружейная палата, кн. 981, л. 45.

[8] Там же, ст. 3644, л. 19; Акты юридические, № 224, стр. 241.

«И как учинился гнев божий на людей, бунт в селе Коломенском, и в то время муж мой пошел в город продать кавтан ради своей скудости; кавтанишко — лазоревое сукно. И с тем кавтанишком взят и сослан в ссылку в Казань и в Казани умре» [9].

Следует отметить, что все вышеперечисленные лица являлись тяглецами дворцовой Бронной слободы, сохранившей в то время по сравнению с черными слободами и сотнями ряд податных привилегий [10]. Любопытно также, что Абрам Микитин, Алексей Екимов и Нестер Демидов были сосланы без семей. Уже эти единичные данные заставляют сомневаться в расчетах К. В. Базилевича, который, исходя из цифры 1200 чел., сосланных за участие в восстании, определил число участников в 400—500 человек, полагая, что ссылали исключительно семьями [11]. Прямо опровергает предположение К. В. Базилевича цифра, названная в документе, обнаруженном в фонде И. Е. Забелина: «Лета 7170-го июля в 25 день божиим попущением и за наше согрешение в великом и в преименитом во царствующем граде Москве учинися таковое великое страшное дело: в поле под Коломенском государеве селе посекли москвичь [12] черных сотен и иных всяких чинов людей сот з девять и более свои же московсти люди, стрельцы Стремянново приказу и государева всякие чины за то, что стали было бить челом великому государю на бояр. Да того ж месяца июля в 26 день повесили пятьдесят человек в том же челобитье всяких чинов людей» [13].

Цифра в 900 человек, побитых 25 июля только в Коломенском, в два раза превышает число восставших, указанное К. В. Базилевичем [14]. Несомненно, что численность всей толпы в Коломенском была намного больше. Обращает внимание характеристика социального состава участников: на первом месте стоят тяглецы черных сотен. Стрельцы Стремянного полка и «государева всякие чины» названы как усмирители восстания. Очень важно указание на число повешенных 26 июля, на следующий день после восстания. Г. Котошихин сообщает, что 25 июля около Коломенского повесили 108 человек [15]. К. В. Базилевич считает эту цифру совершенно неправдоподобной, поскольку ему было известно, что 26 июля казнили 18 человек, а всего — 31 участника восстания [16].

В свете новых данных вывод К. В. Базилевича представляется неверным, а сообщение Котошихина — заслуживающим внимания. По-видимому, массовыми казнями 25 и 26 июля правительство стремилось подавить восстание в самом его начале. Многочисленные жертвы свидетельствуют о значительной широте и глубине классовых противоречий, так ярко проявившихся в восстании 1662 г.

В. А. Кучкин

---

[9] ЦГАДА, ф. 396, Оружейная палата, ст. 44 783, л. 8.

[10] Там же, ст. 46 604, л. 5.

[11] К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.— Л., 1936 стр. 101.

В. И. Буганов указывает, что все 1200 чел.— непосредственные участники восстания (см. его статью «К вопросу о московском восстании 1662 г.». «Вопросы истории», 1959, № 5, стр. 173).

[12] В тексте «москвичь».

[13] ГИМ, ф. 440, И. Е. Забелин, д. 373. Документ написан на отдельном столбце крупным четким почерком XVII в. На обороте видны следы склеек и скреп. Бумага без водяного знака. Датировка может быть произведена по почерку и в результате текстологического анализа. Сходный почерк встречается в делах Оружейной палаты за 1660—1670 гг. Точные даты, которые встречаются в документе, указание на стрельцов Стремянного полка, подавивших восстание, дают основания видеть в авторе отрывка современника, если не очевидца событий 1662 г., а написание документа отнести ко времени, очень близкому к дню восстания.

[14] В. И. Буганов считает, что число жертв 25 июля превышало 500 чел. (см. ук. соч., стр. 173).

[15] Г. Котошихин называет в качестве усмирителей стольников, стряпчих, дворян, жильцов, стрельцов и детей боярских (см. Г. Котошихин. Ук. соч., стр. 103). В третьем издании его сочинения (СПб., 1844, стр. 116) указано, что казнено было 150 чел.

[16] К. В. Базилевич. Ук. соч., стр. 93, 101.

II. ДОКУМЕНТЫ ИЗ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА О ВОССТАНИИ 1662 г.

В ЦГАДА хранится малоиспользованное учеными следственное дело о восстании 1662 г. [17], из которого извлечены публикуемые ниже документы. Первым из них является список восемнадцати участников разгрома купеческих дворов 25 июля 1662 г., повешенных на следующий день после восстания.

К. В. Базилевич, использовавший из этого документа лишь сведения о числе казненных, утверждал, что все они являлись случайными лицами, задержанными властями при подавлении народного движения [18]. Возможно, в какой-то степени это имело место, но более вероятно, что в основном были арестованы и преданы казни наиболее активные участники восстания в столице.

По социальному положению казненные принадлежали к посадским низам, холопам и служилым людям. Список был составлен, вероятно, в день казни, т. е. 26 июля 1662 г., во всяком случае не позднее 27 июля, когда документ был послан из Москвы к царю в село Коломенское.

Во втором документе перечислены участники восстания из служилых людей — 239 солдат полка А. Шепелева и 18 стрельцов приказов Г. Аладьина, Г. Астафьева и И. Монастырева, ходивших 25 июля вместе с восставшими из Москвы в царскую резиденцию в Коломенское. В списке перечислены не все задержанные солдаты и стрельцы, участвовавшие в восстании, а преимущественно те, у кого перед отправлением в ссылку были взяты казенные кафтаны, выданные им при поступлении на службу. В некоторых случаях приведены фамилии солдат, которым «кафтаны не даваны» (например, «новикам», т. е. новобранцам), в других — фамилии отсутствуют; например, не называются солдаты 21-й роты майора Д. Дурова («им государева жалованья кафтаны не даваны»). Между тем, в коломенском следственном деле говорится о 23 солдатах этой роты, участвовавших в восстании и привлеченных к розыску [19]. Кроме того, текст документа сохранился неполностью (часть столбцов истлела, у некоторых оборваны края; другие столбцы, вероятно, утеряны [20]).

Царский указ об изъятии «зипунов» у служилых людей был передан московским властям дьяком Приказа тайных дел Д. М. Башковым 7 августа 1662 г., а на следующий день из Москвы была послана об этом грамота стрелецкому голове Б. Бухвостову в Никольско-Угрешский монастырь под Москвой, где под охраной стрельцов содержалось большое количество участников восстания. Б. Бухвостов, получивший грамоту 8 августа, в тот же день или в первой половине дня 9 августа отобрал кафтаны у солдат и стрельцов и послал список последних вместе с отпиской в Москву, где они были получены 9 августа [21]. Следовательно, список был составлен 8 или 9 августа 1662 г.

Оба документа представляют большой интерес: они говорят о 275 непосредственных участниках московского восстания 1662 г. из посадских и служилых людей.

Бурные события другого московского восстания, вспыхнувшего в 1682 г., главную роль в котором сыграли стрельцы, освещены в целом ряде официальных источников, отражающих ход и подавление стрелецкого «бунта» (разрядные записи, официальная переписка, стрелецкие челобитные и т. д.) [22], а также в воспоминаниях сов-

---

[17] ЦГАДА, ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола, ст. 959.
[18] К. В. Базилевич. Ук. соч., стр. 93.
[19] А. Зерцалов. Ук. соч., стр. 315—316.
[20] В публикации поврежденные места документа отмечены отточием; в квадратные скобки заключен текст, восстановленный по смыслу.
[21] ЦГАДА, ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола, ст. 959, лл. 85—86; 98—100.
[22] ААЭ, т. 4, №№ 254—255, 258, 260—274; АИ, т. 5, №№ 86, 91, 94—95, 97—98; ДАИ, т. 10, СПб., 1867, №№ 4—5, 9, 15, 20, 22, 29, 42; «Чтения ОИДР», 1907, кн. 44, смесь, стр. 49—54; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. III, изд. «Общественная польза», стр. 940—976.

ременников[23]. Несмотря на это, всякое новое свидетельство об этом важном историческом событии представляет несомненный интерес. В отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина обнаружен новый повествовательный источник, написанный современником и очевидцем бурных московских событий 1682 г.

Краткий обзор содержания этой повести публикуется вслед за документами о восстании 1662 г.

В. И. Буганов

№ 1

Список восставших, повешенных за участие в погромах купеческих дворов

26—27 июля 1662 г.

Имена розных чинов людей, которые за воровство вершены июля в 26 день нынешнего 170-го году:

Рейтар кадомской татарин Мамат мурза Уракчеев сын князь Келдышев, отставленой конюх Ивашка Елизарьев, драгун Венедиктова полку Змеева ряшенин Полиехтка Ряполов, подьячей Ондрюшка Пестриков, трубник Кирюшка Оборин, верховой сторож Кирюшка Титов, Казенного приказу пристав Исачка Жаровской, пушкарь Федька Стоянов.

Боярские люди: касимовского царевича Василья Араслановича Любимка Чекала, окольничего Василья Александровича Чоглокова Гаврилка Сафронов.

Посадцкой человек Казенной слободы Мишка Деев, гулящей человек Гарасимко Григорьев, смоленской розсыльщик Микейко Иванов.

Приезжие: из Ярославля Спаской слободы Васька Седово, с Костромы Ипацкого монастыря каменщик Филька Олфимов, земской метельщик Трифонко Тарасьев, поляк ис Переясловля Сенька Терентьев, татарин ярославской Кудашка Сафролеев.

ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, Столбцы Приказного стола, ст. 959, лл. 114—115.— Подлинник.

№ 2

Список восставших солдат и стрельцов, участвовавших в походе из Москвы в село Коломенское[24]

8—9 августа 1662 г.

Роспись гилевщиком салдатам Агеева полку Шепелева, с коих зипуны государева жалованье взяты и у коих н[а] Москве оставлены и в коих слободах, и кому не даны, и у которых сняты на поимке в Коломенском — и то написано в сей росписи порознь и по статьям именно.

1 полковниковой роты, у коих кафтаны принят[ы]: Кандрашка Васильев сын Кулаков, Фетька Федоров сын Новиков, Сенька Дерябин; кафтаны с них взяты.

Той же роты, коим зипуны не даван[ы]: Ивашко Фарафонов, Давыдко Абакумов, Ерошка Андреев; кафтаны им не даваны.

Той же роты, у ково зипуны на Москве: Ивашко Кузьмин сын Ломовец сказал: кафтан де у него на Москве, таварыщи отнесли капитану Алексею Битяковском[у]; Панька Егупов, кафтан де у него снят в Коломенском, а хто снял — и тех не знает.

[23] Сильвестра Медведева созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве. С предисловием и примечаниями А. Прозоровского. «Чтения ОИДР», 1894, кн. 4; Сахаров. Записки русских людей. СПб., 1841; Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. СПб., 1840; История о вере и челобитная о стрельцах Саввы Романова. «Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым», т. V. М., 1863, отд. III, стр. 111—118; М. Н. Тихомиров. Записки приказных людей конца XVII в. «Труды ОДРЛ», т. XII. М.— Л., 1956, стр. 443—444, 448—456; его же. Заметки земского дьячка второй половины XVII в. «Исторический архив», кн. II, М.— Л., 1939, стр. 93—100.

[24] Нами восстановлена правильная очередность листов этого списка, перепутанная при переплете дела.— *В. Б.*

2 рота капитана Михаила Юшкова, у коих зипуну приняты: Селуянко Аристов сын Фатьянов, Левка Теплов, Прошка Степанов сын Барыков, Матюшка Половников, Ефимко Петров сын Маратов, Любимко Васильев сын Вайгусов, Фетька Филипов сын Темниковец, Мишка Егупов сын Зверинин, Сенька Иванов сын Полстов; кафтан[ы] с них взяты.

Той же роты, коим кафтаны не дав[аны]: Мишка Протасов сын Аганин, Любишка Корзин, Любишка Нелитов, Афонька Болобанов.

Той же роты, у коих зипуны на [Москве]: Васька Фролов, кафтан де у него на Москве у сержанта у Вондрея Амосова; Фетька Климентеев, кафтан де у него на Москве той же роты у таварыщев его — у Василья Муромца с таварыщи; Ивашко Пиминов, кафтан де у него на Москве у таварыщев у темниковцов, у Левонтея Климентеева.

3 роты капитана Василья Юшкова, у коих зипуны приняты: Гришка Иванов, Дениско Афанасьев, Гаврилка Тимофеев, Максимко Евтифеев, Лучка Федоров, Савка Мордовкин, Мишка Егупов сын Зверинин; кафтаны с них взяты.

Той же роты, у коих зипуны на Москве: Мишка Чашпиков, кафтан ево на Москве у сержанта Гарасима Абазина; Фетька Исаков, кафтан ево на Москве у порутчика у Ивана Бетяговского.

4 рота капитана Семена Воейкова, у коих зипуны приняты: Гришка Воинов сын Малеев, Евтишка Кисляков, Тимошка Кандратьев сын Плотников, Федотко Соломанов, Анашка Федоров. Васька Воронов, Кирилка Семенов, Стенька Мордвинов; кафтаны с них взяты.

Той же роты, коим зипуны не [даваны]: Васька Афанасьев сын Шипицын, Андрюшка Кандратьев Сериков, Ивашко Кобыляков. Ивашко Мохов, Янка Залатарев, Ивашко Карачюгин, Ондрюшка Семенов Бараков, Ефремко Григорьев; кафтаны де им не даваны.

Той же роты, у коих зипуны в Москве: Митька Шайдуров, кафтан де у него на Москве у таварыща ево у Марка Арылеева; Артюшка Прокофьев, кафтан де у него на Москве у таварыщев ево у Самуила Груздева; Пронька Авдокимов, кафтан де ево на Москве у таварыщев ево у Мишки Селиванова Болахонца.

Той же роты, у ково снят в Коломенско[м]: Пронька Иванов, Матюшка Сидоров; кафтаны де у них сняты в Коломенском, а хто снял — и тех не знают.

5-й роты капитана Федора Игнатьева: Васька Максимов сын Дедев, кафтан с нево взят.

6-й роты маеора Григорья Юшкова, у коих кафтаны приняты: Нестерко Алексеев, кафтан у него взят.

Той же роты: Исай Минин сын Широков, кафтан де ему не дан.

Той же роты, у коих сняты в Коломенском на поимке: Мартинко Глебов, Максимко Пластинин; кафтаны де с них сняты в Коломенском, а сняли де боярские[25] люди.

7 роты Федора Маматова, коим кафтаны не даны: Ротька Глушков, Терешка Червяков, Фетька Солоницин; кафтаны де им не дан[ы].

8 рота капитана Федора Тимашева, у коих зипуны приняты: Назарка Матвеев сын Выродов, Ивашко Алексеев сын Гурьев, Ивашко Федоров, Тимошка Федоров, Оська Лаврентеев, Якимко Микифоров, Ивашко Малафеев,... а Малафеев, ...ифейко Данилов, Васька Зубов, Гришка Степанов сын Курганов, Илюшка Семенов, Оська Артем[ьев], Любишка Васильев, Якимко Шуляков; кафтаны с них взяты.

Той же роты, у коих зипуны не даны: Максимко Суслов, Мишка Иванов, Ивашко Кудников, Ивашко Летошнев; кафтаны де им не даваны.

Той же роты, у коих зипуны на Москве: Кандрашко Зотов, кафтан де у него на Москве той же роты у таварыща у Спиридона Козельца; Фетька Иванов сын Хохлов, кафтан де у него на Москве у того же Спиридона; Мики-

---

[25] «Боярские» переделано из «холопы».

форко Иванов, кафтан де у него на Москве той же роты у капрала у Григорья Павлова Тулянина.

9 роты капитана Самсона Кишкина, у коих зипуны приняты: Левка Селюбецкой, Абрамко Павлов сын Багданов, Гаврилка Момотов, Гаврилка Губарев, Марчко Кулаев, Тимошка Федоров сын Стрыгин, Ивашко Григорьев, Фомка Семенов, Ивашко Буторин, Фадейко Григорьев, Сенька Евсевьев, Карпик Лахтионов, Илюшка Соколов; кафтаны с них взяты.

Той же роты, коим зипуны не даны: Гарасимко Юрчикин, Данилка Пиняженин, Демка Сапожников, Куземка Буторин, Якушка Григорьев, Петрунька Симанов, Филипко Кричков; кафта[ны им не даны].

Той же роты, у коих зипуны на [Москве]: Терешка Кандратьев, кафтан де у [него на Мо]скве у капитана ево Самсона Киш[кина], Антипко Исаков, кафтан де у него на Москве у того [же] капитана Самсона Кишкина; Васька Пушкарев, кафтан де у него на Москве у того же капитана Самсона; Фетька Хвостанцов, кафтан у него на Москве у товарыщев ево у Луки Шихирева; Трошка Степанов, кафтан де у него на Москве у капитана Самсона Кишкина.

Той же роты, на поимке сняли в Коломенском: Петрушка Волков, кафтан де у него сняли в Коломенском, а хто — и тех не знает[26].

Той же роты, у коих на Москве зипуны: Тимошка Кузьмин Обреевского[27], кафтан де у него на Москве у салдат той же роты, у Ивашка Шабаева; Фетька Крылов, кафтан де у него на Москве той же роты у салдат, у Гришки Тимофеева.

10-й роты капитана князь Данила Кропоткина, у коих зипуны приняты[28]: Кандрашко Осипов сын Афанасьев. Алуферко Марков, Якушко Пурков, Самулка Федоров сын Кочюров, Афонька Ясковской, Лучка Иванов сын Артемов, Микитка Никанов сын Ягармин, Мишка Скарютин, Фетька Федотов, Архипко Усолец, Васька Борундуков, Ивашко Кадников, Шумилко Кадников, Минька Килякин, Макарка Килякин, Петрушка Воронцов, Филимошко Яковлев сын Архипов, Амелька Придворев; кафтаны с них принят[ы].

Той же роты: Мишка Саблин, кафтан ему не дан.

2-й тысячи 11 роты [полу]полковника Василья Блюслова: Агапка Павлов Куров, каф[тан]...

13 роты капитана Федора Борисова: Деменша Иванов, кафтан у него приня[т].

14 роты капитана Василья Борисова: Микитка Иванов, Андрюшка Горбунов, Алешка Андреев, Селиверстко Матвеев сын Панамарев, Федоско Васильев сын Милеевин, Якушко Коробов, Митька Харитонов, Фетька Борисов, Ивашко Федоров сын Карпов, Андрюшка Микитин Колашников, Захарка Давыдов Петухов, Андрюшка Ананьин Белоус, Прошка Игнатьев сын Рыбников, Стенька Андреев сын Ямнова, Оська Якимов, Оська Овсяников, Васька Сорокин, Анишка Иванов, Гришка Волков, Ивашко Павлов; кафтаны у них приняты.

Той же роты: Нефедка Софронов, кафтан де у него на Москве в Голутвиной слободе у посадцкого человека у Никитки Кандратьева; Фирско Кирилов, кафтан де у него у того же Никитки; Алешка Нечаев, кафтан де на Москве тое же роты у капрала у Ларьки Матвеева.

Тое же роты, коим зипуны не даны[29]: Ивашко Степанов, Кирюшка Афанасьев, Андрюшка Филипов, Михейко Дмитреев, Сидорко Савинов, Оська Фролов, Данилка Омельянов, Сенька Гаврилов, Ларька Абакумов, Тимошка Анисимов, Стенька Сидоров, Матюшка Харламов, Федотко Петров, Ивашко Климентьев; каф[тан]ы де им не [даны].

15 роты капитана Я... зипуны... Акинфеев..., Андрюшка Михайлов, Сенька Манюков, Потапко Иванов; кафтаны у них приняты.

---

[26] Слова «а хто... знает» вписаны другими чернилами.
[27] Возможно чтение «Ареевского».
[28] Слова «у коих ... приняты» написаны на полях.
[29] Слова «Тое ... даны» написаны по выскобленному месту.

Той же роты, коим зипуны не даны: Микитка Костянтинов, Ларька Андреев, Федотко Дорофеев, Рамашко Котлов, Данилка Чихин, Якушко Хвостов, Петрушка Сысоев, Петрушка Иванов, Максимко Богаш Созонов, Богдашко Багашев, Сенька Иванов, Демка Ермолаев, Тимошка Микитин, Матюшка Федоров; кафтаны де им не даван[ы].

Той же роты, у коих зипуны на Москве: Елисейко Якимов, кафтан де ево на Москве в Голутвиной слободе у посадцкого человека у Ивашка Шапочникова; Ивашко Михайлов, кафтан ево на Москве той же роты у салдата у Вондрея Денисова сына Москвитина.

16 роты капитана князь Ивана Булышева: Ивашко Петров, Тишка Баженов сын Евсевьев, Суворко Асеев, Илюшка Шумаков, Мартынко Васильев, Федотко Ананьин, Якушко Микитин, Ивашко Карпушин, Васька Порецкой; кафтаны у них приняты.

Той же роты: Осипко Сугинев, кафтан ево на Москве тое же роты у салдата у Гришки Тарарыги.

Той же роты, коим кафтаны не даваны: ...шко Левонидов, ...а Фотеев.

17 р[оты] капитана Михаила..., у коих кафтаны приняты: Бориско Тимофеев Лебедев, Микитка Алексеев, Ивашко Ложаницин, Васька Алексеев, Стенька Афремов Касимарев, Панкрашко Кирилов, Мирошка Якимов Седой, Кондрашка Власов, Сидорко Гордеев, Филька Федоров.

Той же роты, коим кафтаны не даваны: Мишка Мартехин, Бориско Гвоздев, Ивашко Шелепень, Ларька Фомин, Абакумко Килюбяхин, Евтишка Пустивцов, Алешка Грязной.

Той же роты, у коих кафтаны на Москве оставл[ены]: Ивашко Безбородово, кафтан на Москве тое же роты у салдата у Ларьки Сосина; Гришка Репин, кафтан на Москве той же роты у салдата у Васьки Харбазеева; Ефимко Васильев, кафтан сняли в Коломенском на поимке, а хто снял — и того не знает [30].

18 роты капитана Григорья Болобанова, у коих кафтаны приняты: Микитка Мартинов, Васька Прокофьев Горбунов, Ивашко Селезнев, Артюшка Васильев Горбунов, Илюшка Черников, Фетька Микитин, Фочка Седой, Никанко Петров Зыков, Елфимко Лоскутов, Ерофейко Медведев, Савка Кузмин, Гришка Ворыпаев, Еремка Безштанов.

Той же роты, коим кафтаны не даваны: Л... Костянтинов, ...ейко Алексеев...

Той же роты, у коих кафтаны на М[оскве]: Ивашко Беседин, кафтан ево на Моск[ве у капита]на Григорья Болобанова; Микитка Ворыпаев, кафтан снят в Коломенском на поимке, а хто снял — и того не знает.

19 роты Петра Игнатьева, тем кафтаны не даваны.

20 роты, у тех кафтаны приняты: Васька Ростопчин, Ивашко Лядов.

21 роты маеора Дмитрия Дурова сказали, что им государева жалованья кафтаны не даваны.

Стрельцы Григорьева приказу Аладьина [31]: Демка Фролов, кафтана де ему не дано, приверстан вновь.

Стрелец Григорьева приказу Астафьева Созонко Кирилов, кафтан де у него дома в пятой сотни у Ивана Семенова.

Стрельцы Иванова приказу Манастырева сказали шестнацать человек: кафтанов де нам государевых не дано, приверстаны вновь: Ману[и]лка Самойлов, Терешка Нестеров, Гришка Микитин, Пашка Иванов, Фетька Васильев, Гришка Тимофеев, Пронька Васильев, Анисимко Наумов, Петрушка Федоров, Игнашко Мыкифоров, Данилка Андронов, Ивашко Леонтеев, Матюшка Васильев, Терешка Яковлев, Ларька Григорьев, Пронька Трофимов.

ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, Столбцы Приказного стола, 959, лл. 19, 87—96-а.— Подлинник.

---

[30] «А хто... знает» написано другими чернилами.
[31] «Аладьина» переделано из «Астафьева».

III. ОЧЕВИДЕЦ О СТРЕЛЕЦКОМ ВОССТАНИИ 1682 г.

(Краткий обзор нового повествовательного памятника)

В рукописном сборнике конца XVII в., хранящемся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина [32], содержится интересный источник, посвященный событиям стрелецкого восстания 1682 г. Это — повесть, озаглавленная в оригинале так: «Описание о сем, еже содеяся грех ради наших по преставлении царя Феодора Алексеевича всея Росии во царствующем граде Москве, колико бысть смятение и убийство между собою православных християн в народе» (л. 702).

Сборник был составлен в Москве, но хранился в библиотеке Соловецкого монастыря; написан скорописью конца XVII в. в четверку на 806 лл. (сначала — лл. 1—70, затем пагинация начинается снова — лл. 1—736). Он содержит списки святых, хронограф древней редакции (записи заканчиваются 1453 г.), записи церковно-исторического и исторического характера за 1458—1601 гг., «сказание» А. Палицына (доведено до 1619 г.) и, наконец, оригинальный летописец за XVII в. (1624—1691 гг.), посвященный в основном жизни царского и патриаршего дворов и некоторым другим событиям чисто московского происхождения (пожары, эпидемии, народные движения и т. д.) (лл. 692—736 об.). Таким образом, перед нами компиляция тесно связанных между собою частей, примыкающих хронологически одна к другой.

Можно полагать, что во многих случаях автор летописца 1624—1691 гг. сам наблюдал события, описанные им. Это чувствуется по записям, сделанным в конце 1650-х, 1660-х и особенно в 1670-1680-х гг. (сведения за более раннее время могли быть записаны по слухам или со слов старших современников автора). Имеются краткие записи о московском восстании 1662 г., о крестьянской войне 1670—1671 гг.

О других событиях автор пишет с большими подробностями, например, митрополит Крутицкий Павел, по словам автора, умер «септеврия против 9 числа по 8 час нощи» (1675 г.); его погребал в монастыре у Спаса на Новом патриарх Иоаким. О первой жене Федора Алексеевича царице Агафье Семеновне говорится, что она преставилась 14 июля 1681 г. «за 2 часа и за 3 чети часа до нощи». Детально, словами очевидца описаны многие другие события из жизни царского и патриаршего дворов в Кремле, где, по-видимому, жил и служил в одном из соборов или в какой-либо кремлевской церкви (возможно, при патриархе, в одном из патриарших приказов) автор повести. С этим предположением согласуется и содержание сборника с его ярко выраженным интересом к церковному календарю и событиям из истории всемирной и русской церкви.

Летописец доведен до 3 октября 1691 г.; под этим числом сообщается о рождении «в 4 час нощи» царевича Александра Петровича (первого сына Петра I). Обычно автор вносит в свой летописец сведения не только о рождении, но и о браках, смерти членов царского семейства; о смерти же Александра Петровича 14 мая 1692 г. ничего не сообщает; можно предположить, что составление летописца было закончено между 3 октября 1691 г. и 14 мая 1692 г.

К этому же времени нужно отнести и окончание повести, являющейся основной частью всего летописца и представляющей исключительный интерес в качестве исторического источника. Она занимает две трети всего объема летописца. Автором повести, несомненно, является автор всего летописца.

Большинство приведенных здесь данных перекликается с показаниями других известных нам источников, но в повести содержится много деталей, отсутствующих в документах или записках современников и представляющих большой научный интерес.

Первая часть повести начинается с описания смерти и погребения царя Федора Алексеевича в 1682 г., затем сообщается о брожении в солдатских и стрелецких полках; «человецы ненавистницы», «смутницы», по словам автора, «яко волцы ходяще

[32] Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей. Собрание Соловецкого монастыря, д. 988 (878).

посреде овец, всею ратию возмутиша». Они распускали в народе «лживыя глаголы..., яко боляре всем обиды творят и стеснение великое, суд и росправу чинят неправедно всему християнству ради мзды своея, сирых и бедных не щадяще, разорения и беды им сотворяют и домов отженяют, нападают всякими неправдами, себя обогащают и домом своим прибытки чинят, а народ губят». Жители Москвы с сочувствием относились к этой агитации («простии же человецы у них слушающе, чают, яко правду глаголют, присташа к ним...»). Стрельцы и солдаты «совет сотвориша, всеми полками во единомыслии сташа», избрали в полках выборных представителей, которые должны были продолжать агитацию в столице.

Очень интересны сообщения повести о содержании «мятежных слов», которые распространялись в Москве накануне восстания: царевич Иван Алексеевич «в возрасте», поэтому ему можно царствовать, другой царевич — Петр — «вельми юн, токмо 9 лет и 11 месяцев, како ему царством владети, аще не бояром богатеть? И народ весь погубят». Сторонники Нарышкиных, друзья А. С. Матвеева обвинялись в стремлении захватить власть («государством владети бы и людьми мять им, бояром», л. 707).

Ряд дополнительных сведений приводит повесть о стрелецких и солдатских челобитных на своих начальников до и после смерти Федора Алексеевича. Тексты этих челобитных до нас не дошли, но сохранились краткие пересказы челобитной от 30 апреля 1682 г. в майском именном царском указе полковнику С. Грибоедову, в жалованной грамоте солдатам выборного полка Р. Жданова (до конца апреля полком командовал генерал М. Кравков) от ноября того же года, в сочинении С. Медведева [33].

Повесть более подробно пересказывает содержание стрелецкой челобитной, поданной «во 190-м году, тогда еще царствующу... Федору Алексеевичю»: стрельцы жаловались на то, что полковники заставляли их пахать и «копани» копать; «к полатному строению в селе Мячкове камень белой и бутовой ломали и известь жгли паче работных их крестьян и хуждьше наемных работников, а платие носили и драли на тех работах государское». Здесь же приводятся новые известия о «словесном челобитье» стрельцов на С. Грибоедова, сказанном царю, «как был выход по перепраде».

Челобитчики рассказывали, что начальник заставлял их работать на себя в Мячкове в течение всего великого поста, послав для этого с Москвы 100 стрельцов «ломати камень; и гнали к Москве вверх по Москве-реке в стругах в самой торжественной праздник, в светлое христово воскресение, и пригнали на себе с великою нуждею и непомерною тяготою, яко за какую измену или за воровство неволею мучими быша или яко невольники на катаргах. И тоя ради неволи потонуло стрельцов в воде 16 человек» (лл. 707—709).

Повесть приводит любопытные сведения о подготовительных мерах, которые стрельцы и солдаты предпринимали накануне восстания: в Земляном городе «круг царства» были поставлены «стражи крепкие», сами стрельцы и солдаты «яко на рать изготовившеся», у съезжих изб соорудили деревянные походные городки, «яко во осаде седящи» (лл. 709 об. — 710). Одновременно стрельцы избрали из своей среды по пять и более челобитчиков от каждого приказа. Последние били челом царю Петру и просили отдать стрелецких полковников на правеж «в начотных их деньгах», «и по розыску они, полковники, во всем повинилися», после чего были подвергнуты наказанию.

Во время правежа «стрелецкие денщики» били «без милосердия» генерала Кравкова и полковников палицами, «стоящих с ног збили и лежащих на земли, валяющихся мучили, еле живы быша» (лл. 710—710 об.).

Наибольшее внимание уделяется в повести трагическим событиям 15—17 мая, о которых она приводит ряд новых подробностей: 15 мая в 10-й час дня все стрелецкие полки подали друг другу вести выстрелами из «вестовых» пищалей, ударили в «сполошныя борабаны» и у своих приходских церковей начала бить в колокола «по-набатному», затем «всеми враты» вошли в Кремль «и сташа круг царева двора

[33] Сильвестра Медведева созерцание краткое..., стр. 41—42.

со всех стран, отыкався копии и бердыши, яко к неприятелскому граду приступати хотящим»

После переговоров восставших с боярами кн. И. А. Хованским и П. М. Салтыковым, патриархом Иоакимом (которого они «и в дело... не поставиша, вси возопиша: „Ты не речеши нам ничто же и не слушаем тя, поне же ты лжеши"») вышли Петр и Иван Алекеевичи с матерью, многие думные и «комнатные ближние» люди (по фамилиям называются 17 бояр). Успокоившиеся было стрельцы и солдаты спустя полчаса «стали просити воров и изменников — бояр и думных людей... и стали у копей отрубати концы, чтобы им в государевых хоромах недолги были древка копейные, чем бояр колоть».

Далее подробно описаны расправы с боярами и другие события восстания, которые сходно передаются и в других источниках, за исключением некоторых новых деталей. Подробно излагаются обращенные к восставшим «речи» царицы Наталии Кирилловны и царевен и т. д. Вторую часть завершают записи об избрании «первым» царем Ивана Алексеевича и венчании на царство обоих братьев (лл. 712—727 об.).

В третьей, заключительной, части повести сообщается о событиях лета — осени 1682 г. Наибольший интерес здесь представляет сообщение об участии в восстании московских холопов: восставшие «присовокупляще к себе от господ беглых рабов в стрельцы», вместе с ними ходили по домам для взыскания «долгов». В случае поимки господином своего беглого холопа, который «с караулом» приводился «в приказ к записке», «они же, самовольницы, невежди, за их беглых мнози прихождаху, не токмо господина того, но и суди[я]м грозяще копиями заклати, рекуще, яко они хощут сами царем служити».

Судьи не смели возражать восставшим стрельцам и холопам, которые, таким образом, освобождались путем вступления в стрельцы. Далее в повести бегло рассказывается о роли Хованского, отъезде царей из Москвы, слухах про сбор ополчения против стрельцов под Москвой и тревогах в столице, казни Хованских в Воздвиженском и прекращении восстания (лл. 728—730 об.).

Таким образом, повесть является важным источником о стрелецком восстании 1682 г., очевидцем которого был ее автор. Она обладает известными литературными достоинствами; написана простым, очень живым, образным языком и в ряде случаев почти в «зримой» форме воссоздает события того времени.

Критика Библиография

ДВА СБОРНИКА ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ АБХАЗИИ[1]

В последние годы отмечается огромный размах публикаторской работы не только центральных, но и местных архивных учреждений. За период с января 1957 по август 1960 г. на местах издано около 180 документальных сборников; из них 149 посвящены советскому периоду истории нашей Родины. Особенно плодотворным в публикаторской работе был юбилейный, 1957 год.

Анализ научно-издательской деятельности местных архивных учреждений показывает, что многие из них ведут систематическую работу по изданию документов советской эпохи. Такую задачу поставил перед собой и архивный отдел Абхазской АССР. Изданные им сборники по истории Советской власти в республике представляют значительный интерес. Они вполне оправдывают ту цель, которая сформулирована в предисловии к сборнику «Укрепление Советской власти в Абхазии»: «внести свою лепту в дело использования документальных материалов для исторической науки, в частности для написания истории Абхазской АССР советского периода» (стр. 7).

В обоих сборниках опубликованы документы, хранящиеся преимущественно в Центральном архиве Абхазской АССР. Они извлечены из фондов Ревкомов, ЦИК, СНК, НКВД, ЭКОСО, Наркомтруда, Совета профессиональных союзов и других учреждений и организаций Абхазии. Умело использованы также отдельные материалы из газет «Голос трудовой Абхазии» и «Трудовая Абхазия», ставших ныне библиографической редкостью.

В сборники включены декреты, постановления абхазского правительства, отчеты и доклады Советских органов об их деятельности, телеграммы, речи руководителей республики на I съезде трудящихся Абхазии и съездах Советов. Впервые публикуется приветственная речь Г. К. Орджоникидзе на II съезде Советов Абхазии в декабре 1923 г. Абсолютное большинство документов обоих сборников публикуется впервые, многие — по подлинникам.

Материалы сборника «Укрепление Советской власти в Абхазии» охватывают 1921—1925 гг. Это было время, когда молодая советская республика делала свои первые шаги по пути к новой жизни. Предстояло преодолеть немало трудностей. Империалистическая, а потом гражданская война, более чем трехлетнее господство меньшевиков разорили народное хозяйство, привели к разрушению и порче дорог, мостов, упадку сельского хозяйства; почти приостановились работы на промышленных предприятиях. Война и меньшевистское правление породили многочисленные случаи бандитизма, спекуляцию, запустение полей и неурожаи; население испытывало недостаток продовольствия.

Разбитые в открытом бою эксплуататорские классы ушли в подполье; они стремились втереться в доверие трудящихся и изнутри подрывать Советскую власть. В эти годы на плечи коммунистов Абхазии легла большая и ответственная работа по организации трудящихся масс на борьбу за восстановление хозяйства и укрепление Советской власти.

Документы сборника рассказывают о борьбе большевиков за установление и укрепление революционной власти трудящихся в крае. Создаются уездные, волостные и сельские ревкомы. Большая организаторская работа Коммунистической пар-

---

[1] «Укрепление Советской власти в Абхазии». Сборник документов и материалов (1921—1925 гг.). Сост. А. О. Тулумджян. Сухуми, 1957, 262 стр.; «Съезды Советов Абхазии». Сборник документов и материалов (1922—1923 гг.). Сост. А. О. Тулумджян. Сухуми, 1959, 206 стр.

ии приносила положительные результаты; в докладах уездных ревкомов сообщалось, что «население с доверием относится к Советской власти», что «Коммунистическая партия завоевывает симпатии населения» («Укрепление...»[2], док. № 47).

Органам Советской власти — Ревкому Абхазии, уездным, волостным и сельским Ревкомам пришлось преодолеть немало трудностей на пути восстановления и налаживания народного хозяйства Абхазии. Опираясь на поддержку и помощь трудящихся, ревкомы Абхазии успешно проводили эту работу. Так, в докладе Гумистинского волревкома 4 октября 1921 г. сообщалось: «После долгих и неустанных наших работ нам удалось установить более или менее нормальную жизнь и этим приобрести хорошее отношение крестьян к мероприятиям Соввласти» («Укрепление...», док. № 52).

Опубликованные источники показывают, что Советская власть уже в первые годы установления ее в Абхазии была подлинно народной, опиравшейся во всех своих мероприятиях на широкие слои трудящихся. Одной из форм вовлечения широких трудящихся масс во все звенья политической жизни и хозяйственного строительства края были съезды трудящихся.

Уже в первые месяцы установления Советской власти в Абхазии Ревком Абхазии решил провести Первый съезд трудящихся. Созывая 28 мая 1921 г. съезд, Ревком Абхазии рассчитывал, что широкие трудящиеся массы в лице своих представителей «примут самое деятельное, самое живое участие» в решении очередных задач хозяйственного строительства, «выскажут свое мнение и взгляды... укажут верный путь» («Укрепление...», док. № 27). И действительно, I съезд трудящихся имел большое значение; делегаты приняли активное участие в его работе (см. «Укрепление...», док. №№ 32—37).

Особенно большие трудности переживала республика в борьбе за восстановление городского хозяйства, коммунальных и промышленных предприятий. И здесь Ревком Абхазии надеялся на поддержку трудящихся. В своем обращении к трудящимся г. Гагра о восстановлении народного хозяйства города Ревком призывал рабочих «сознательным отношением к интересам своего класса доказать, что даже при самых неблагоприятных условиях рабочие, взявшие политическую и экономическую власть, сумеют побороть не только вооруженного врага, но и хозяйственную разруху». «Выдержка,— указывалось далее в обращении,— вера в свои силы и в конечную победу рабочего дела — вот что нужно теперь каждому рабочему советских республик» («Укрепление...», док. № 48).

В документах сборника отражено торжество ленинской национальной политики, показано, что угнетенные в прошлом народы с величайшим энтузиазмом встретили мероприятия Коммунистической партии и центрального Советского правительства о провозглашении автономии и независимости всех малых народностей бывшей Российской империи — Башкирии, Киргизии, Туркестана, Азербайджана, Дагестана и всех горских народов Терека («Укрепление...», док. № 3).

Маленькая Абхазия, угнетаемая до революции царизмом, а затем меньшевистским правительством Грузии, активно встала на борьбу за свое освобождение, уверенно рассчитывая на братскую помощь Советской России. Сборник насыщен многочисленными документами, показывающими, как ленинские принципы национальной политики воплощались в жизнь Абхазии. Если ранее царизм и его чиновники, а потом и меньшевистское правительство разжигали национальную вражду и недоверие между Грузией, Абхазией и другими народами Кавказа, то Коммунистическая партия и Советская власть за короткое время сумели воспитать в этих народах дружбу и взаимопонимание и уже в 1922 г. подвести их к добровольному объединению в Закавказской федерации Советских республик.

Советская власть в Абхазии победила в результате восстания трудящихся Грузии и Абхазии против меньшевистского правительства. На помощь трудящимся Грузии и Абхазии пришла Красная Армия. В лице Советской России и Красной Армии трудящиеся Абхазии видели надежную опору в своей борьбе за независимость. После победы Советской власти в Абхазии Революционный комитет обратился со словами привета к В. И. Ленину. В сборнике опубликовано несколько телеграмм, направленных Ревкомом Абхазии В. И. Ленину: «Молодая Советская Абхазия,— говорилось в одной из них,— шлет свой первый революционный привет Великой Советской России — заступнице всех малых угнетенных народностей и покровительнице трудящихся масс всего мира» («Укрепление...», док. № 5).

Ярко характеризуется отношение трудящихся масс к Советской России в резолюции схода в Эшерах: «Приветствуем русский пролетариат, освободивший нас от ига меньшевиков, мы видим и надеемся, что в Советской России всегда найдем необходимую опору во всех отношениях; не представляем и не желаем мы для себя никакой другой власти, кроме Советской большевистской» («Укрепление...», док. № 42). Большую работу по воспитанию в трудящихся массах Абхазии чувства дружбы к русскому народу и всем народам Советской России проводили коммунисты.

---

[2] Здесь и ниже при указании №№ документов, название сборника «Укрепление Советской власти в Абхазии» передается сокращенно «Укрепление...», а сборника «Съезды Советов Абхазии» словом «Съезды...».

Примером конкретного проявления дружбы народов советских республик, в том числе и Абхазии, уже в первые годы Советской власти являются их совместные усилия в преодолении в 1921—1922 гг. тяжелейших продовольственных трудностей, вызванных неурожаем во многих районах страны. В сборнике дается 20 документов, показывающих, как маленькая Советская Абхазия, сама испытывая серьезные продовольственные трудности, самоотверженно оказывала помощь семенной кукурузой, продовольствием, деньгами, табаком, обувью и некоторыми другими промышленными товарами голодающему Поволжью, Новороссийску, Керченскому округу, Грузии, Армении, Крыму и другим районам страны.

Внимание исследователя привлечет приказ Народного комиссара по военным делам Абхазии об обязательном обучении населения военному делу, в котором имеются следующие замечательные строки: «Социализм имеет одной из своих основных задач освобождение человечества от бремени милитаризма и от варварства кровавых столкновений между народами. Целью социализма является всеобщее разоружение, вечный мир и братское сотрудничество всех народов, населяющих землю» («Укрепление...», док. № 60).

С первых дней своего существования Советская власть устами великого Ленина провозгласила мирную внешнюю политику. Документы сборника «Укрепление Советской власти в Абхазии» показывают, что ленинская политика была глубоко понятна всем народам нашей страны и воплощалась в жизнь соответствующими мероприятиями национальных правительств.

Документы, почти сорок лет назад созданные правительственными органами Советской республики Абхазии на девятом месяце своего существования, свидетельствуют о том, что братство и сотрудничество всех народов присущи самой природе социалистического строя. На путь построения этого строя и становилась в те годы Абхазия.

Трудящиеся массы всемерно одобряли политику Советской власти и проводимые ею мероприятия.

В сборник включена группа документов, исходящих непосредственно от народных масс. Это — протоколы собраний и митингов крестьян, протоколы и резолюции уездных, сельских и деревенских сходов. Они посвящались празднованию VI годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, одобряли декрет Ревкома Абхазии о продналоге, создание федерации Закавказских республик. Некоторые из них являются ярким свидетельством солидарности народов Абхазии с Красной Армией.

Для Абхазии очень важное значение имел земельный вопрос. За годы войны и хозяйничания меньшевиков сельское хозяйство было сильно запущено. Положение усугублялось засухой и неурожаем 1921 г. Поэтому органы Советской власти уделяют очень много внимания вопросам сельского хозяйства. В докладах о деятельности уездных ревкомов содержатся сведения о распределении земли между крестьянами, о мероприятиях по обеспечению засева полей, устройству огородов, учету сельскохозяйственных машин и инвентаря и др. В инструкции Ревкома Абхазии уездным ревкомам об организации землепользования в республике указывается: «Никаких налогов за землю, за скот, за другое недвижимое имущество Советская власть с крестьян не берет». Далее даются конкретные указания об организации землепользования: «Немедленно организовать в каждой общине земельные комитеты из 3-х лиц, сочувствующих Советской власти, и беднейших крестьян..., наделить между наиболее нуждающимися во временное пользование земли „государственного фонда"». Требовалось также организовать раскладку и сбор кукурузы и распределение ее голодающим («Укрепление...», док. № 17).

Инструкция Ревкома Абхазии об организации землепользования и ряд других документов (данные о количестве земли, о сельскохозяйственных культурах, о рабочем скоте, о количестве трудоспособного населения) представляют значительный интерес для изучения вопроса о путях восстановления сельского хозяйства в республике в первые годы Советской власти.

Ведущей сельскохозяйственной культурой в Абхазии было табаководство. Исследователь найдет в сборнике ценные сведения о фактическом возрождении развития этой культуры в годы Советской власти. Здесь имеются данные о посевных площадях, об урожае табака в разные годы, о вывозе табака за границу и др. В сборнике печатается декрет Ревкома Абхазии о национализации промышленности («Укрепление...», док. № 95).

В отчете о деятельности уполномоченного Наркомтруда Грузинской ССР в Абхазии за 1921—1925 гг. содержатся интересные материалы о движении рабочей силы на предприятиях Абхазской республики, об охране труда, об учете безработных и оказании им помощи; о страховании, об оказании медицинской помощи и др.

Ряд документов сборника (№№ 88—90, 92) отражает развитие торговли в республике. Поощряя развитие мелкой торговли и ремесленного производства, органы Советской власти вместе с тем решительно боролись со спекуляцией продовольственными товарами.

Сборник содержит документы, характеризующие мероприятия органов Советской власти в области здравоохранения (борьба с эпидемическими заболеваниями, охрана материнства и младенчества), по восстановлению курортов; отчеты Народного комиссариата социального обеспечения, в которых содержатся данные о пенсиях, пособиях и др.

Значительная группа документов характеризует первые шаги молодой Советской республики в строительстве новой социалистической культуры: постановку школьного образования, серьезные трудности в обеспечении школ учительскими кадрами и меры по их преодолению, открытие школ, проведение в жизнь декрета Ревкома Абхазии о ликвидации неграмотности среди населения, открытие библиотек, изб-читален, клубов, развертывание физкультурно-спортивной работы среди рабоче-крестьянской молодежи.

Во втором из рецензируемых сборников — «Съезды Советов Абхазии», опубликованы документы трех съездов — Первого, Чрезвычайного и Второго съездов Советов Абхазии. Эти документы систематизированы по тематически-хронологическому принципу и распределены по трем соответствующим разделам. Кроме того, два первых раздела посвящены подготовке к I съезду Советов Абхазии и отношению трудящихся к этому съезду.

Подготовка и проведение выборов в Советы Абхазии проходили в сложных условиях. Меньшевики и другие притаившиеся враги использовали трудности восстановительного периода и пытались пробраться в органы Советской власти, дискредитировать и вредить изнутри.

В первом разделе сборника печатаются «Воззвание Абхазского обкома КП Грузии к рабочим, красноармейцам и гражданам Абхазии об активном участии в выборах в Советы» и обращение женотдела и агитпропа по этому же вопросу. В этих и других документах разъяснялось, что такое Советы и кого необходимо в них избрать.

Большой интерес представляет «Наказ депутатам в Советы», выпущенный от имени областного комитета партии. В наказе главное внимание уделялось политическим вопросам. Первый пункт требовал от депутатов в Советы «стойко и неуклонно стоять на страже пролетарской революции». Далее депутаты обязаны были «всеми силами проводить в жизнь немедленно самое тесное, не формальное, а фактическое, хозяйственное и политическое объединение всех Советских республик Закавказья». Одна из важнейших задач состояла в том, чтобы всячески укреплять союз рабочего класса и беднейшего крестьянства, всеми способами проводить и расширять работу по улучшению связей города с деревней, приобщать ее к культурной жизни. Наказ определял все главные звенья хозяйственной жизни, заботиться о развитии которых обязаны были депутаты в Советы. Примечателен последний, 25-й пункт наказа: «Выбирая своих делегатов в Совет, — говорилось в нем, — мы требуем от них держать самую тесную связь с нами, их избирателями, на фабриках, заводах и различных предприятиях. Наши делегаты должны делать нам регулярные отчеты о работе в Совете и ставить его в известность о всех нуждах нашего трудового быта» («Съезды...», док. № 12).

Первые свободные выборы в Советы показали, что «трудящийся народ Абхазии доверил свою судьбу Коммунистической партии как единственной, могущей вырвать рабочих и крестьян всего мира из цепких лап голода, хозяйственной разрухи и порабощающего капитала» («Съезды...», док. № 18).

В сборнике публикуются все основные документы I съезда Советов Абхазии. Интересны данные мандатной комиссии о составе делегатов; из 255 делегатов крестьян было 134 чел., т. е. 52%, коммунистов — 158 чел., или 62%.

Основным вопросом, который решал собравшийся 28 ноября 1922 г. Чрезвычайный съезд Советов Абхазии, был вопрос об одобрении создания Закавказской федерации советских республик. В сборнике даются документы съезда по этому вопросу, а также протоколы собраний трудящихся, на которых поддерживалась политика Коммунистической партии о федерации.

В последнем, пятом разделе сборника опубликованы документы II съезда Советов Абхазии.

Сборники документов по истории Абхазии советского периода, безусловно, окажут большую помощь исследователям и историкам, которые должны будут написать историю Абхазии за этот период.

Интересные и полезные в своей основе сборники документов, выпущенные архивным отделом Абхазской АССР, не лишены и недостатков. По некоторым разделам как одного, так и другого сборника чувствуется, что выявление и отбор документов проведены недостаточно всесторонне и глубоко. Например, раздел «Отношение трудящихся к I съезду Советов Абхазии в ходе его работы» в сборнике «Съезды Советов Абхазии» содержит очень мало документов, исходящих непосредственно от трудящихся масс. По-видимому, восполнить этот пробел составитель сборников мог бы, обратившись к материалам других архивов, между тем он ограничился исключительно фондами ЦГА Абхазской АССР.

Археографическая обработка документов проведена в основном тщательно, но и здесь имеются некоторые недостатки. В ряде случаев слабо отредактированы или же не отражают содержания заголовки документов; отсутствуют указания на подлинность документов и способ воспроизведения текста; некоторые документы дублируются в двух сборниках, в то время как необходимости в этом не было. Полиграфическая сторона изданий также оставляет желать много лучшего.

Однако перечисленные недостатки не могут умалить общей положительной оценки рецензируемых сборников.

С. А. Шелудько

О НОВОЙ КНИГЕ ПО РУССКОМУ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ [1]

(Итоги обсуждения на кафедре вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ)

Книга И. Л. Шермана является учебным пособием по источниковедению, рассчитанным на студентов исторических факультетов университетов и педагогических институтов, а также на учителей средней школы. По замыслу автора настоящая работа ставит целью ознакомить читателей «с содержанием и методами критического использования русских исторических источников X—XVIII вв.» (стр. 2).

Знание источниковедения, правильное представление о наличии, содержании и значении основных источников по истории СССР, умение работать с различными видами исторических источников, знакомство с литературой по источниковедению является важным условием в подготовке историка-исследователя.

Необходимость создания пособия по источниковедению, которое подытожило бы успехи советской исторической науки в этой области, давно назрела. Курс источниковедения истории СССР, созданный М. Н. Тихомировым [2] и опубликованный в 1940 г., сыграл большую роль в источниковедческой подготовке ряда поколений студентов-историков. Тогда эта работа стояла на уровне последних достижений нашей исторической науки и содержала обстоятельный анализ большинства опубликованных и значительной части неопубликованных к тому времени источников по истории народов нашей страны.

С тех пор минуло 20 лет, в течение которых наша историческая наука добилась новых выдающихся успехов. Было опубликовано много новых исторических памятников. В специальных изданиях «Проблемы источниковедения», «Археографический ежегодник», «Исторический архив» и т. д. появился целый ряд ценных исследований, разрабатывающих различные малоизученные вопросы советского источниковедения. Большую работу в этой области развернули Кафедра вспомогательных исторических дисциплин Московского государственного историко-архивного института, создавшая программу по курсу «Источниковедения истории СССР» и ряд учебных пособий по источниковедению, и Сектор вспомогательных исторических дисциплин и публикации источников досоветского периода Института истории Академии наук СССР.

Учитывая все эти обстоятельства, И. Л. Шерман и предпринял свою попытку создания нового пособия по источниковедению периода феодализма. Нет необходимости говорить, что всякое начинание в этой области следует приветствовать.

Пособие рассматривает русские источники X—XVIII вв. и состоит из введения и пяти глав. Во введении содержится определение предмета и метода источниковедения (и ряда других вспомогательных исторических дисциплин), приводятся определения некоторых источниковедческих понятий и терминов (например, понятия исторического источника, внешней и внутренней критики источников и т. д.), критикуются основы дворянско-буржуазного источниковедения.

Автор дает последовательный обзор источников по истории Древнерусского государства, периода феодальной раздробленности, Русского централизованного государства, дворянской империи первой половины XVIII в. и периода дальнейшего усиления крепостнического гнета и складывания капиталистических отношений. Внутри глав источники распределены по видам: летописи, законодательные источники, публицистика, мемуары и др. К каждой главе прилагается краткий список опубликованных источников и литературы.

Пособие написано хорошим языком и не перегружено длинными цитатами.

Ограничение рамок исследования только русскими историческими источниками также следует признать вполне правомерным. В то же время необходимо отметить, что для изучения истории русского народа значительный интерес представляют и памятники письменности других народов СССР (Закавказья, Прибалтики и т. д.), а также материалы иностранцев. К сожалению, автор ничего не говорит о существовании этих источников.

Пособие не лишено целого ряда недостатков и спорных положений. Укажем основные из них.

Вызывает удивление, почему автор ограничил рамки своей работы X—XVIII вв. и не продолжил ее до середины XIX в. (до отмены крепостного права в 1861 г.). В этом отношении И. Л. Шерман без достаточных оснований продолжает старую, уже отвергнутую советскими историками традицию.

Серьезные возражения вызывает классификация источников, принятая в книге. И. Л. Шерман подразделяет все письменные источники на две большие группы: а) актовые, или документальные материалы, и б) источники повествовательные, литературные, или частного характера. В каждую из этих групп отнесены совершенно различные по характеру источники. Особенно спорно определение поня-

---

[1] И. Л. Шерман. Русские исторические источники X—XVIII вв. Харьков, 1959.

[2] М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века, т. I. М., 1940.

ния актовых материалов: «...Актовыми материалами называются те источники,— говорит автор,— которые отложились в процессе деятельности различных учреждений, организаций и официальных лиц, т. е. грамоты, уставы, договоры, послания, официальная переписка, протоколы, циркуляры, финансово-хозяйственные книги и акты, статистические данные, приказы, распоряжения, сводки, обзоры, отчеты, доклады и т. д...» (стр. 8).

Не понятно, почему автор так расширил и усложнил вполне определенное понятие актового материала как юридического документа, имеющего строго установленный формуляр. Отнесение к группе актовых материалов самых разнородных документов от грамот до статистических данных вносит полную путаницу в вопрос о том, что такое *акты* и какое значение имеет этот вид источников для изучения истории СССР феодального периода.

Недостаточно ясно и полно изложен вопрос о критике источника: «Научная критика имеет две стороны: внешнюю и внутреннюю критику. Внешняя критика заключается в установлении подлинности исторического памятника... Внутренняя критика ставит своей задачей установить достоверность содержания документа...» (стр. 8—9).

Во-первых, совершенно неправомерно отождествлять внешнюю критику с установлением подлинности документа.

Во-вторых, в определении задач критики источника автор почему-то игнорирует установившиеся понятия и обедняет содержание критики[3]. Критика источника имеет задачей изучение происхождения источника — выяснение истории его создания: установление подлинности, времени и места его написания, автора, конкретных обстоятельств возникновения источника, выяснение первоначального текста. Внешняя критика (изучение внешних данных документа) дает сведения для разрешения вопросов, связанных с происхождением источника, в том числе и для установления его подлинности[4], но в н е ш н я я к р и т и к а и п о д л и н н о с т ь и с т о ч н и к а — э т о *не идентичные понятия.*

В критику источника входит и внутренняя критика, т. е. изучение содержания источника: установление его классовой направленности, достоверности, полноты и фактической ценности. Автор рецензируемой книги обеднил и эту важную часть критики источника, сведя ее только к критике достоверности. Кстати сказать, этим своим положениям он и сам не следует (см. стр. 10 и др.). Игнорирование же вопроса об изучении происхождения источников и обстоятельств их возникновения — этого важнейшего вопроса в источниковедении — приводит автора и к другим нечетким выводам.

В книге опущен и такой вопрос, как интерпретация (толкование) источника. Сравнивая степень достоверности повествовательных и актовых источников, автор пишет: «Повествовательные источники по своей достоверности уступают актовым, так как они более субъективны. Это объясняется тем, что их пишут отдельные лица с определенной целью, а у каждого свои представления, определяющиеся классовой принадлежностью» (стр. 10).

Достоверность источника определяется во всех случаях и прежде всего происхождением источника, его классовой направленностью, а не формой. В данном же определении эта мысль не выражена, потому что, как было сказано, автор не придает значения вопросам изучения происхождения источника.

Недостаточно четко и полно определяются в книге преимущества письменных источников по сравнению с другими памятниками. «Письменные источники,— говорится здесь,— имеют большие преимущества по сравнению с другими видами памятников, так как их содержание не искажается от действия времени» (стр. 5). Автору следовало бы хотя бы в общих чертах остановиться на фактах многочисленных подделок и позднейших искажений текстов многих письменных источников в самых различных целях. Ведь именно поэтому источниковедение и занимается установлением подлинности изучаемых документов, о чем несколько ниже говорит и сам И. Л. Шерман.

Туманно изложен вопрос о сравнительном методе изучения источников. Автор противопоставляет его методу изучения источников в связи с внутренними социально-экономическими, классовыми, политическими и идеологическими предпосылками (стр. 7). Здесь, видимо, речь должна идти о буржуазном сравнительно-историческом методе, а не вообще о сравнительном изучении источников. Такое изложение, какое мы найдем в рецензируемой книге, только запутывает вопрос.

Во введении автор коротко останавливается на характеристике ряда вспомогательных исторических дисциплин, способствующих более глубокому и всестороннему изучению источников (стр. 11—22). Сама по себе постановка этого вопроса во введении вполне обоснована. Однако и здесь И. Л. Шерман, уделяя некоторое внимание палеографии, хронологии и метрологии, крайне бегло дает определение предметов эпиграфики, сфрагистики, нумизматики и дипломатики. Что же касается исторической географии, то об этой вспомогательной исторической дисциплине автор вообще не упоминает. Неясно,

[3] Л. В. Черепнин. Источниковедение. «БСЭ». Изд. II, т. 19, стр. 45.

[4] Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 24.

почему он остановился на разработке одних дисциплин и обошел молчанием другие. Непонятно — то ли И. Л. Шерман вообще не ставил своей целью давать обзор *всех* вспомогательных исторических дисциплин, а ограничился только дисциплинами, наиболее тесно связанными, по его мнению, с источниковедением; то ли он вообще считает, что дисциплины, о которых он умолчал, не являются вспомогательными историческими (например, историческая география). Некоторые советские историки в настоящее время выступают за образование новых вспомогательных дисциплин (например, «исторической демографии»[5]). К сожалению, И. Л. Шерман не высказывает своего отношения к данному вопросу.

Закончив обзор вспомогательных исторических дисциплин, автор в дальнейшем изложении материалов о конкретных источниках совершенно не касается их. А ведь источниковедение использует эти дисциплины, их приемы. Об этом говорят исследования М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, Н. В. Устюгова, А. А. Зимина и др., а также научные публикации источников типа «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV — конца XVI вв.» (тт. I и II. М., 1952—1958) и др.

Не совсем верно утверждение автора, будто *только* к концу XIX в. стали печататься материалы по истории России XVIII в. (стр. 24). Видимо, здесь речь может идти о значительном усилении публикаторской деятельности в это время. Иное дело, что в XVIII в. неразработанность методов передачи текста приводила к совершенно ненаучному изданию многих документов, часто даже в форме вольных пересказов. Так, например, много документов в форме пересказа напечатали в свое время И. И. Голиков[6], М. Д. Чулков[7] и т. д.

В главе III «Источники периода феодальной раздробленности (XIII—XIV вв.)» И. Л. Шерману следовало бы, по нашему мнению, хотя бы коротко остановиться на характеристике группы письменных источников, написанных на бересте (так называемые «берестяные грамоты»). Как известно, весьма значительное число таких документов было обнаружено во время раскопок А. В. Арциховского в Новгороде. Эти документы свидетельствуют о значительном распространении письменности среди простых русских людей того времени. Автор мог не учесть последних работ А. В. Арциховского в этой области, но, как известно, первые сведения о найденных берестяных грамотах появились в печатной литературе еще в 1951 г.[8].

В главе IV «Источники по истории русского централизованного многонационального государства (XVI—XVII вв.)» автор дает неполную характеристику многих весьма важных групп источников. Так, например, он приводит весьма беглое описание писцовых и переписных книг, но оставляет вне поля зрения межевые и таможенные книги, хотя в советской исторической литературе этим источникам посвящено несколько исследований[9]. Еще в большей мере это относится к XVIII в. Анализ источников этого периода очень краток.

И. Л. Шерман совершенно не рассматривает таких важных источников по экономической истории России, как материалы ревизий, хотя в XVIII в. было проведено пять ревизий (в 1719, 1744, 1762, 1782 и 1795 гг.), материалы церковного учета населения (этот учет осуществляется в России с 1722 г.). Почти ничего не сказано об «экономических примечаниях», хотя они составлялись в России, начиная со второй половины XVIII в. Отсутствует характеристика топографических описаний губерний и картографических материалов, хотя инструментальные съемки в России проводились в широких размерах с 1715 г. и т. д.

По всем указанным выше вопросам в советской исторической науке имеется весьма значительная литература[10]. Все это говорит о том, что отбор источников, рас-

---

[5] В. В. Покшишевский. Рецензия на книгу А. Г. Рашина «Население России за 100 лет (1811—1913 гг.)». «История СССР», 1958, № 4, стр. 190.

[6] И. И. Голиков. «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России...».

[7] М. Д. Чулков. Историческое описание Российской коммерции. I—VII. СПб., 1781—1788.

[8] О находках первых таких грамот см.: А. В. Арциховский. Новые открытия в Новгороде. «Вопросы истории», 1951, № 12, стр. 77—87; его же. Раскопки 1952 года в Новгороде. «Вопросы истории», 1953, № 1, стр. 113—124; А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954 и др.

[9] См. Г. Кочин. Писцовые книги в буржуазной историографии. «Проблемы источниковедения», т. II. М., 1936, стр. 145—186; А. Ц. Мерзон. Писцовые и переписные книги XV—XVII вв., М., 1956; его же. Таможенные книги XVII века. М., 1957.

[10] См. Н. Л. Рубинштейн. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII века — памятники географического и экономического изучения России. «Вопросы географии», № 31, 1953, стр. 39—89; М. А. Цветков. Картографические материалы генерального межевания. Там же, стр. 90—110; Л. В. Милов. О вариантах «экономических примечаний» второй половины XVIII в., «История СССР», 1957, № 2, стр. 96—121 и ряд других работ.

матриваемых в настоящем пособии, нельзя признать вполне удачным, так как многие важные источники автором не рассматриваются.

В этой же связи нельзя не отметить, что автор слабо использует не только дореволюционную, но и советскую источниковедческую литературу. Об этом свидетельствуют как текст самой работы, так и крайне «бедные» списки литературы и источников, приложенные в конце каждой главы. И. Л. Шерман почти не использует работ советских историков послевоенного времени. В пособии нет даже упоминания о существовании таких специальных изданий, как «Проблемы источниковедения», «Археографический ежегодник», «Исторический архив», «Труды Московского государственного историко-архивного института» и т. д., хотя на их страницах был опубликован целый ряд ценных исследований, вносящих серьезный вклад в развитие советского источниковедения. У читателя рецензируемого пособия, не знакомого с нашей исторической литературой последних лет, неизбежно создается совершенно ошибочное представление о застое в нашем источниковедении и публикаторской работе.

В пособии И. Л. Шермана не рассматриваются приемы источниковедческого анализа и методики работы над различными видами источников. Успехи советского источниковедения позволяют поставить на повестку дня и эти вопросы. Наконец, автор всю свою работу свел к обзору источников, а о методике работы с ними сказал очень мало; положения на этот счет, высказанные в введении к книге, не совсем точны и не полны.

Отметим и другие недостатки. Так, вызывает недоумение отнесение автором международных договоров к законодательным источникам (стр. 168). Противоречива характеристика летописания XVII в.: на стр. 114 говорится, что «оно уже не имело государственного значения, стало частным делом отдельных лиц» (?!), а на стр. 117 — что «летописи XVI—XVII вв. по своей идеологической и политической направленности служили укреплению дворянского централизованного государства во главе с царем. Они прославляют самодержавную власть царя, описывают деятельность господствующей феодальной верхушки и по-прежнему игнорируют роль народных масс». Для автора рецензируемой книги «редакция» и «извод» одно и то же (стр. 32). На той же странице автор пишет, что первая редакция Повести временных лет дошла до нас по древнейшему Лаврентьевскому списку. Между тем, первая Несторовская редакция до нас вообще не дошла. А в Лаврентьевском и других списках дошла вторая редакция «Повести...». В Ипатьевском же списке дошла не вторая, а третья ее редакция.

В заключение необходимо еще раз отметить, что И. Л. Шерман проделал известную работу по составлению пособия по источниковедению X—XVIII вв., однако ее ни в коей мере нельзя считать завершенной. Путаница в вопросах теории источниковедения, пропуски больших важных групп исторических источников, характеризующих социально-экономические отношения, недостаточное знакомство с дореволюционной и особенно советской литературой по источниковедению и т. д., не позволили автору до конца выполнить поставленную перед ним задачу. В этой связи следует еще раз подчеркнуть, что необходимость в создании полноценного, учитывающего последние достижения нашей исторической науки пособия по источниковедению все еще не снимается с повестки дня. Сейчас для этого имеются все необходимые условия и надо надеяться, что такое пособие появится в ближайшем будущем.

В. М. Кабузан,
О. М. Медушевская,
А. Т. Николаева

ОПИСИ ДРЕВНЕРУССКИХ АРХИВОВ[1]

Издание описей Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г., осуществленное Институтом востоковедения Академии наук СССР и Главным архивным управлением и выпущенное в свет Издательством восточной литературы, представляет исключительный интерес для исторической науки в целом и для истории архивного дела, в частности.

Опись Царского архива, которой открывается публикация, является документом, в подлинном смысле этого слова уникальным. Архивы центральных правительственных учреждений XVI в. в основной своей массе погибли во время московских пожаров 1547, 1571 и 1626 гг. Многие правительственные документы XVI — начала XVII в. были уничтожены или похищены польскими интервентами в 1612 г. Ведь и сама рукопись описи Царского архива в 1610—1612 гг. была увезена в Польшу и лишь в конце XVIII в. (вместе с некоторыми другими рукописями) возвращена в Россию. Понятна ценность этой древнейшей из известных описей центральных русских правительственных учреждений для исследователей, занимающихся изучением самых разнообразных сторон внутренней

[1] Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. Под ред. С. О. Шмидта. Отв. ред. академик М. Н. Тихомиров. Изд-во восточной литературы. М., 1960, 195 стр.

и внешней политики Русского государства, в том числе и его связей со странами Востока. Опись содержит ценные данные также и об организации архивного дела в России XVI в. Если самые документы, хранившиеся в Царском архиве XVI в. (правительственные указы, судебные и следственные дела, грамоты, книги, письма и др.), особенно документы бурного царствования Ивана Грозного, и не сохранились, то, располагая описью, историки все-таки могут судить о них по краткому изложению их содержания, а порой и просто по упоминанию в ней.

Впервые опись была издана в «Актах Археографической экспедиции» Я. И. Бередниковым[2], который и дал ей наименование «Опись Царского архива». Хотя в рукописи это заглавие отсутствует, оно утвердилось в исторической литературе.

Издание Я. И. Бередникова, возможно и неплохое для своего времени, с точки зрения современных научных требований имеет ряд погрешностей. В нем не всегда отмечены пробелы, оставленные для более подробного описания содержания тех или иных ящиков, неточно переданы пометы об использовании документов, а некоторые из этих помет опущены совсем, отсутствуют указания на листы рукописи, не оговорены описки подлинника, некоторые слова и имена переданы неправильно.

Эти недостатки издания 1836 г. мешали научному использованию описи и ее изучению. Так, отсутствие в целом ряде случаев указаний на пробелы, оставленные для более подробного описания документов по внутренней политике, создавало у исследователей впечатление о резком преобладании в архиве документов внешнеполитического характера над документами внутриполитическими. А это, в свою очередь, служило одним из основных доказательств в пользу мнения о том, что опись Царского архива являлась не чем иным, как описью архива Посольского приказа[3]. Поэтому весьма полезным оказался проделанный С. О. Шмидтом источниковедческий анализ содержания описи, результаты которого изложены в его специальных статьях[4] и кратко резюмированы во введении к рецензируемой публи[кации].

Указывая на то, что этой описи предше[ство]вали другие, более ранние (обширна[я] опись дьяка И. М. Висковатого, составлен[]ная в 50-х гг. XVI в., краткая опись дьяк[а] Андрея Васильева, составленная в 60-х г[г.] XVI в.), С. О. Шмидт присоединился [к] мнению А. Н. Ясинского, относившег[о] составление публикуемой описи к началу 70-х гг. XVI в.[5]. В противовес Н. П. Лихачеву и С. А. Белокурову, С. О. Шмидт выдвинул и обосновал предположение [о] том, что Опись Царского архива является описью архива комиссий Боярской думы, а не архива Посольского приказа.

Как бы там ни было, независимо от того, как решать вопрос об основном фондообразователе Царского архива и месте его нахождения, несомненно, что в данном случае мы имеем дело с государственным архивом, располагавшимся в Кремле, документы которого хранились в определенном порядке и, судя по пометам, активно использовались Иваном Грозным и различными правительственными учреждениями. Поэтому нельзя не признать справедливости критических замечаний издателей в адрес тех зарубежных авторов, которые склонны отодвигать образование первого государственного архива в России ко времени Петра I[6].

В настоящем издании «Описи Царского архива» устранены основные недостатки издания 1836 г. Указаны листы рукописи и отмечены пробелы в ней, предназначенные для более подробного описания (о том, насколько значительны были эти пропуски, можно судить по помещенным в публикации фотокопиям), воспроизведены многочисленные разнообразные пометы в тексте и на полях рукописи, свидетельствующие об использовании материалов, хранившихся в архиве.

Особый интерес представляют пометы на оригинале рукописи, свидетельствующие об использовании архивных документов Иваном Грозным в борьбе со своими политическими противниками накануне и во время опричнины. С наибольшей интенсивностью работал Иван IV над архивными материалами в августе 1566 г., когда им из архива были затребованы многочисленные дела, касающиеся истории царского рода, его взаимоотношений с княжатами и боярами в процессе создания

---

[2] ААЭ, т. I, № 289, стр. 335—355.

[3] Н. Лихачев. Библиотека и архив Московских государей в XVI столетии. СПб., 1894, стр. 65—67; С. А. Белокуров. О Посольском приказе. М., 1906, стр. 26 и др.; И. Л. Маяковский. Очерки по истории архивного дела в СССР, ч. I, М., 1941, стр. 85—86.

[4] С. О. Шмидт. Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений (Опыт изучения описи Царского архива). «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 8. М., 1957, стр. 260—278; его же. К истории Царского архива середины XVI в. Там же, т. 11, М., 1958, стр. 364—407; его же. К истории составления описей Царского архива XVI века. «Археографический ежегодник за 1958 г.» под ред. академика М. Н. Тихомирова. М., 1960, стр. 54—65.

[5] А. Н. Ясинский. Московский государственный архив в XVI веке. М., 1889, стр. 2—3.

[6] Fritz T. Epstein. Archives Administration in the Soviet Union.— «The American archivist», vol. XX, № 2, april, 1957, p. 132.

централизованного государства, а также документы о взаимоотношениях с Польшей и Литвой.

Если учесть, что в июне 1566 г. происходил Земский собор по вопросу о Ливонии, на котором часть земских дворян выступила против опричнины, а в следующем году опричнина получила значительное развитие в условиях продолжавшейся войны, то становится понятным интерес царя к этим материалам. Возможно, что отобранные в августе 1566 г. из Царского архива документы не были тогда же возвращены назад, а вошли в состав особого опричного архива, попав снова в общегосударственный архив лишь после отмены опричнины.

В исторической литературе уже давно обращено внимание на то значение, которое имеют пометы на рукописи данной описи для изучения русской истории XVI в. Достаточно указать на работы Д. Н. Альшица, в которых он успешно привлек эти пометы к изучению летописания времени Ивана Грозного [7]. Однако исследование помет в полном объеме остается еще делом будущего. Настоящая публикация, в которой пометы («Летописец взят к государю» — стр. 29, «Лета 7074 августа в 13 день сесь ящик взял государь к себе» — стр. 33 и т. д.) воспроизведены наиболее полно и отнесены в специальные подстрочные примечания, существенно облегчит историкам решение этой трудной, но важной задачи. Только в отдельных случаях в издании обнаруживается отход от принципа передачи помет в подстрочных примечаниях. Так, помета, внесенная в текст еще переписчиком XVI в., сохранена издателем и к тому же дословно повторена применительно к содержанию ящика 180-го (стр. 35). Помета об использовании Иваном IV документов, хранившихся в 181-м ящике, также внесенная в текст рукописи, по-видимому, еще переписчиком XVI в., оставлена в тексте без каких-либо оговорок (стр. 35), хотя, на наш взгляд, целесообразнее было бы придерживаться одного принципа и все пометы, сделанные в тексте, между строк и на полях рукописи, давать в подстрочных примечаниях, специально оговаривая в каждом случае место их нахождения в подлиннике.

Исследователь, обращающийся к описи Царского архива, испытывает двойственное чувство. С одной стороны, он не может не оценить ее огромного значения для освещения целого ряда вопросов истории XVI в.: из описи он узнает о том, что в это время там хранился указ об опричнине, данный Иваном Грозным по его возвращении в Москву в начале 1565 г. из Александровой слободы (ящик 191), подлинные и черновые дела церковных соборов 1550-х гг. против «еретиков» Матвея Башкина, Феодосия Косого и их последователей (ящики 189—190, 222), приговор Земского собора 1566 г. (ящик 225), черный список Ивашки Пересветова да Петра Губастого и иные списки (ящик 143) — единственное упоминание имени Пересветова в официальных источниках,— и иные важные материалы.

С другой стороны, у него возникает чувство досады и неудовлетворенности, потому что подавляющее большинство документов, значащихся в описи, особенно по XVI в., ему уже не доступны. Они не разысканы в архивах, а возможно, и безвозвратно погибли.

Из перечисленных нами документов в архивах обнаружен пока что лишь приговор Земского собора 1566 г., опубликованный в «Собрании государственных грамот и договоров» (т. I). Отсюда перед исследователями встает задача огромной научной важности — поисков остатков Царского архива XVI в. Очевидно, с этой целью необходимо обследовать не только русские, но и польские архивы. В связи с этим нельзя не пожалеть, что в рецензируемом издании не указано, какие из перечисленных в описи документов к настоящему времени обнаружены в подлинниках или списках и в каких архивных фондах они хранятся. Такие указания, безусловно, облегчили бы работу по разысканию новых документов из числа тех, которые в XVI в. составляли Царский архив.

Если опись Царского архива была полностью напечатана, хотя и с погрешностями, уже в первой половине XIX в., то опись Посольского приказа 1614 г. до сего времени издавалась лишь в отдельных отрывках (С. А. Белокуровым, В. А. Ульяницким, Л. В. Черепниным и др.) [8] и в настоящем издании печатается полностью впервые. Опись Посольского приказа 1614 г. более подробно раскрывает содер-

---

[7] Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к Лицевым сводам его времени. «Исторические записки», кн. 23, стр. 251—289; его же. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года. Там же, кн. 25, стр. 266—292; его же. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования. «Труды Гос. публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», т. I (IV). Л., 1957, стр. 119—146

[8] См. «Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными». СПб., 1851, стр. 1484—1492; «Чтения ОИДР», 1888, кн. 3, стр. 577—579; В. А. Ульяницкий. Сношения России с Средней Азией и Индиею в XVI—XVII вв. Приложения, стр. 59—60; «Сборник РИО», т. 137. СПб., 1912, стр. 2—8; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.— Л., 1950, стр. 445—458.

жание документов международного характера и в этом отношении в какой-то мере дополняет опись Царского архива, отличающуюся лаконичностью изложения содержания документов. Следует отметить большую работу, проделанную С. А. Левиной, которая подготовила эту опись к изданию и составила предметный, именной и географический указатели к обеим описям. Эта работа потребовала огромного труда при установлении правильного написания ряда западноевропейских и восточных имен и географических наименований, сильно искаженных в транскрипции XVI в. Несмотря на консультацию специалистов, некоторые имена и фамилии остались все-таки нерасшифрованными, о чем свидетельствуют сопровождающие их в указателе вопросительные знаки. Нужно сказать, что в целом С. А. Левиной удалось справиться с поставленной задачей. Наличие подробных указателей, безусловно, повышает научную ценность издания. Однако большая работа, проделанная составителем указателей, остается вне поля зрения читателя. Вместе с тем последний лишается возможности проверить правильность раскрытия тех или иных фамилий и имен; он должен доверять издателям на слово. Этого можно было бы избежать, дав комментированный указатель со ссылками на наиболее важные источники, послужившие основой для расшифровки.

В настоящем издании исправлен целый ряд описок подлинника. Так, в именном указателе правильно дается «Желнинский» вместо «Жегнинской», «Збаражский» вместо «Збарижской» и др. В то же время в ряде случаев описки подлинника повторяются и в указателе. Так, например, в указателе приведена фамилия *Шинкин*, тогда как в действительности речь должна идти о Якове Васильевиче *Шишкине*, государевом дьяке в Великом Новгороде в 30-х гг. XVI в., к которому обращался с посланием Зиновий Отенский, обличавший с позиций церковной идеологии правовые взгляды дьяка, носившие светский характер [9]. В указателе говорится об «Андакаке Тушине» (следует читать — Андакат Тушин) и др. Иногда приходится сталкиваться с неточным воспроизведением текста подлинника: «на князя Белского», в то время как в рукописи «на князя Ивана Белского», «Шертень» вместо «Шершень» и т. п.

Высказанные нами пожелания не снижают большой научной значимости настоящего издания. Эта ценная публикация, осуществленная под редакцией крупнейшего исследователя памятников древней письменности академика М. Н. Тихомирова, должна послужить стимулом для издания других описей Посольского приказа. На это указывал еще Н. П. Лихачев. «К сожалению,— писал он,— архив (Московский архив Министерства иностранных дел.— *В. К.*) не печатает ни новых своих описей, ни драгоценных старинных переписей...» [10]. Это пожелание Н. П. Лихачева сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Следует предпринять полное издание описей XVII в. и прежде всего описи 1626 г.

Описи Царского архива и Посольского приказа 1614 г. раскрывают главным образом содержание документов по внешнеполитической истории. Кроме того, надо иметь в виду, что опись Царского архива дошла до нас не совсем исправной; в ней утрачено несколько листов. Опись же 1626 г. сохранилась полностью и чрезвычайно подробна; она скрупулезно описывает каждый документ как дипломатического, так и внутриполитического характера, отмечая и его некоторые палеографические признаки, о которых опись Царского архива обычно умалчивает. Поэтому об утраченных документах лучше всего судить по описи 1626 г. Важность исследования ее содержания при изучении великокняжеского архива XIV—XV вв. показал в своем исследовании Л. В. Черепнин [11]. Им же опубликованы выдержки из этой описи относительно духовных и договорных грамот великих и удельных князей, а также некоторых событий времени опричнины, в том числе знаменитого дела о «новгородской измене» [12].

Следует указать на имеющиеся в описи 1626 г. ценные сведения о Крестьянской войне начала XVII в. Так, здесь упомянут «Роспрос 115-го году торгового человека Степанки Шитникова да садовника Богдашка Поневина, что посылали их с Похры крутицкой митрополит Пафнотей да боярин князь Федор Тимофеевич Долгорукой с товарыщи к вором (в войско И. И. Болотникова.— *В. К.*) на Лопасну. Тот роспрос подран. Да тут же роспрос их крутицкого митрополита Пафнотия и боярина князя Федора» (лл. 555 об.— 556).

Это известие проливает свет на очень слабо отраженный в сохранившихся источниках вопрос о положении, создавшемся после битвы на Лопасне в конце сентября 1606 г., когда Болотников, одержав победу, двигался на Москву. Факт посылки митрополитом Пафнутием и кн. Долгоруким к восставшим посадских людей свидетельст-

---

[9] А. И. Клибанов, В. И. Корецкий. Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину. «Труды ОДРЛ», т. XVII.

[10] Н. П. Лихачев. Библиотека и архив московских государей в XVI ст. СПб., 1894, стр. 66, прим. 2. Древние материалы бывшего Московского архива МИД ныне входят в состав ЦГАДА.

[11] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, т. I, М.—Л., 1948, стр. 11—12.

[12] «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». Приложение II, стр. 459—483.

зует о том, что среди господствующего класса не было единства и царила растерянность. Некоторые представители господствующего класса пытались установить связи с восставшими, выступавшими от имени «царевича Дмитрия». Правительство В. Шуйского назначило следствие по поводу этих действий крутицкого митрополита и боярина Долгорукого.

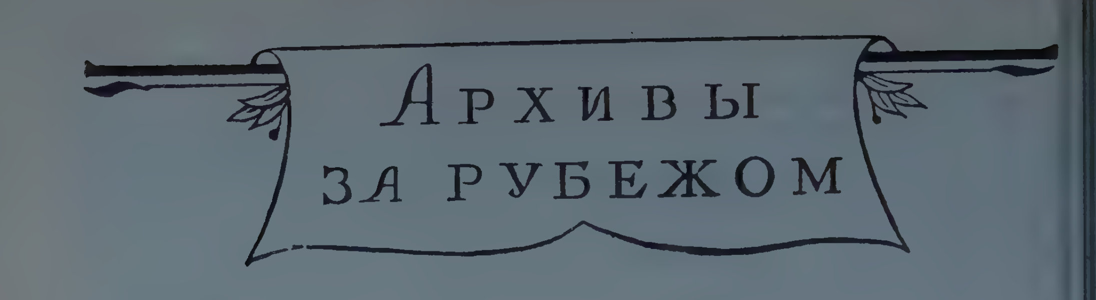
Публикация описи 1626 г. не только пополнит наши сведения по целому ряду разделов русской истории, но и поможет установить, какие документы Царского архива сохранились после майского пожара 1626 г., что, безусловно, облегчит их поиски. В этом отношении большой методический интерес имеет опыт Л. В. Черепнина, который реконструировал копийную книгу духовных и договорных княжеских грамот начала 80-х гг. XV в., основываясь на упоминании о ней в описи 1626 г. Исследователь учел сообщаемые описью сведения о внешних признаках копийной книги (формат бумаги и тетрадей) и сумел обнаружить ее фрагменты в составе великокняжеского архива Государственного древлехранилища (часть ЦГАДА) [13].

Высказанные соображения позволяют надеяться, что публикация старинных описей, столь успешно начатая Издательством восточной литературы, в ближайшем будущем будет продолжена выпуском в свет описи Посольского приказа 1626 г.

В. И. Корецкий

[13] Л. В. Черепнин. Ук. соч., т. I, стр. 183—184.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ АРХИВ КУБЫ

Свержение в 1959 г. реакционного режима Батисты на Кубе и установление народной власти в лице революционного правительства Ф. Кастро позволило осуществить первые крупные преобразования в экономике, просвещении и других областях народной жизни страны.

Новым содержанием наполнилась и деятельность архивных работников Кубы, стремящихся сохранить и использовать народное достояние кубинского народа — материалы национального архива.

Каковы же история и состав этого ценнейшего собрания документальных источников?

В годы испанского владычества королевское правительство было заинтересовано в сохранении документов, подтверждающих его «законное» владение Кубой. Еще в 1569 г. специальный приказ Филиппа II предписывал местным властям хранить и собирать в одном месте важные бумаги. Другой его указ 1602 г. предписывал с особой бережностью относиться к государственным бумагам и даже реставрировать пришедшие в ветхость документы. Королевские указы 1693 и 1764 гг. запрещали изъятие и уничтожение бумаг государственной важности.

Однако архив как таковой был создан значительно позднее. Датой его основания можно считать 28 января 1840 г., когда в соответствии с королевским указом был организован Главный архив финансов.

На первых порах в этом архиве собирались финансовые документы Хунты народного просвещения, материалы по земледелию, торговле и промышленности, военного интендантства. Затем сюда поступили бумаги Луизианы и Флориды, перевезенные в Гавану, после того как Испания отдала эти провинции Франции и США.

С 1857 г. и до вторжения на Кубу «освободителей» — американцев архив назывался Главным архивом острова Кубы; в декабре 1904 г. он был переименован в Национальный архив Кубы. Но вплоть до конца XIX в. архив влачил жалкое существование; материалы поступали редко и случайно, медленно, с перерывами велась работа по разборке и приведению документов в надлежащее состояние[1].

Примечательна история фондов архива с точки зрения политики завоевателей в отношении культурных ценностей и богатств подвластной страны. В 80-е годы XIX в., когда Испания почувствовала шаткость своего положения на Кубе, испанское правительство решило перевезти архив в Севилью и передать в «Арчиво Хенерал де Индиас». Для отбора важнейших материалов на Кубу был послан специальный комиссар, который в 1888—1889 гг. отобрал и перевез в Испанию 2350 папок с документами, относящимися к истории Восточной и Западной Флориды, Луизианы, Коста Фирме, и материалами королевской Капитании на Кубе[2].

В ноябре и декабре 1898 г. испанцы еще раз ограбили архив, отправив в Истанию 330 ящиков документов, характеризующих деятельность Главного командования военно-морского флота (с 1840 г.), Генерального штата (1868—1883 гг.) и других военных и колониальных органов власти. Все эти материалы были переданы в Национальный исторический архив в Мадриде, а позднее перевезены в Военный исторический архив в Сеговьи.

---

[1] Roscoe R. Hill. The national archives of Latin America. Cambridge. Massachusetts, 1945, pp. 64—65.

[2] Joaquin Llaverias. Historia de les Archivos de Cuba. La Habana, 1912; Rosca R. Hill. Descriptive Catalogue of the Documents relating to the History of the United States in the Papeles Procedentes de Cuba deposited in the Archivo General de Indias at Seville. Washington. The Cornegie Institution of Washington, 1916.

Национальный архив в Гаване

В 1899 г. Национальный архив был перемещен из монастыря Сан-Франциско в замок Кастильо де ла Фуэрса. В результате много ценнейших бумаг было порвано, истрепано, часть документов «утеряна», а весь архив приведен в беспорядочное состояние.

В 1906 г. операция с перемещением материалов была повторена: было приказано срочно перевезти весь архив в артиллерийские казармы и поместить его вместе с арсеналом. Работники архива предприняли все возможные меры, чтобы на этот раз перебазировка архива не нанесла урона хранимым ценностям. Но через несколько дней последовал приказ в 48 часов освободить помещение, занимаемое архивом. К окнам здания подъехали тележки мусорщиков и через форточки полетели связки документов — свидетели истории страны. Опять погибла масса документов.

Потребовалось несколько лет, чтобы навести элементарный порядок в фонде архива на новом месте, но потери архива, убытки и количество пропавших документов до сих пор не установлены.

После этого «очередного» разгрома архива было решено организовать карточный каталог материалов ряда фондов и коллекций. Работа над каталогом началась с 1907 г. На карточки заносились следующие данные: название архива, откуда поступил документ; дата включения документа в Национальный архив; его новый и старый номера; номер дела (папки), в которое отныне включался документ; краткая аннотация содержания. Делались также особые пометки, по которым работники архива решали, можно ли данный документ выдать исследователю, сделать с него копию, фотографию и т. д. Работа по составлению каталожной карточки завершалась проставлением классификационного индекса.

В настоящее время большинство коллекций и собраний архива каталогизировано, некоторые катологи опубликованы. Принятая недавно программа изданий архива предусматривает публикацию всех имеющихся каталогов.

До 1944 г. архив функционировал, не имея устава, распорядка и твердого плана работы. Вышедший устав детально регламентирует деятельность архива. Это, пожалуй, самый подробный и продуманный устав по сравнению с уставами национальных архивов других латиноамериканских стран; он устанавливает стройную структуру архива, определяет, какого рода документы должны храниться в нем, обязанности служащих, приводит схему классификации, правила выдачи документов читателям, правила пользования архивным материалом и т. д.

Согласно устава и закона правительства от 7 мая 1942 г. в архиве хранятся и собираются следующие виды документов: 1) бумаги официальных учреждений колониальных, оккупационных и республиканских властей, 2) рукописи выдающихся деятелей страны, представляющие исторический и общественный интерес, 3) иностранные документы, относящиеся к Кубе, 4) документы негосударственных организаций, но связанные с политической или экономической жизнью Кубы в колониальный период, 5) прокламации, манифесты, декреты, приказы, извещения, переписка и другие документы правительств страны и руководителей многочисленных кубинских революций, 6) уникальные или ред-

кие издания, 7) другие документы, проливающие свет на исторические события или характеризующие крупных кубинских общественных и политических деятелей.

Частные лица, передавшие принадлежащие им ценные документы в архив, имеют право взять их обратно, но не вывозить их за пределы Кубы. Запрещено также вывозить из страны документы, не включенные в состав архива, но относящиеся по содержанию к перечисленным категориям.

Директору архива отпускаются средства на приобретение документов у частных лиц или на компенсацию при изъятии документов властями. Оценку приобретаемых материалов производит Академия истории.

28 января 1940 г., в связи со 100-летием со дня основания архива было решено построить новое здание архива, так как совместное нахождение документов и арсенала могло иметь неприятные последствия. 23 сентября 1944 г. состоялось официальное открытие нового здания.

Наконец документы Национального архива получили вполне современные хранилища. Помещения хорошо вентилируются, стеллажи не подвержены порче вредителями (они сделаны из специальных сортов дерева) и расположены в центре помещений с тем, чтобы к ним имелся доступ со всех сторон, а также для лучшей циркуляции воздуха. Высота стеллажей — 4,85 *м*, длина всех полок — около 16 *км*. При архиве имеются переплетная мастерская и типография.

Хищническое разграбление, которому подверглись архивные материалы в свое время, плохие условия хранения в условиях южного климата и вредители сделали свое дело, и в настоящее время в архиве сохранилось очень немного бумаг, датированных ранее 1800 г.

Архивные материалы распределены по двум крупным отделам: административному и юридическому. Первый состоит из трех секций; *исторической, финансовой и смешанной*.

В *исторической секции* 22 архивных собрания. Укажем некоторые из них: Аудиенсиа Санто Доминго (историческая часть 1747—1800 гг.), 120 папок; Военная комиссия 1869 г., 222 папки; Общая корреспонденция (1716—1887 гг.), 462 папки; Административный совет (1861—1889 гг.), 122 папки; Кубинская делегация в Нью-Йорке (1892—1898 гг.), 17 900 документов; «Las Floridas» (материалы по управлению Флоридой, 1737—1823 гг.), 16 папок; Высшее гражданское правительство (1874—1898 гг.), 542 папки; Революционное правительство (1895—1898 гг.), 121 папка; Революция 1895 г., 10 папок; Секретариат правительства (1899—1907 гг.), 266 папок и т. д.

В *секции финансов* 13 собраний: Главная администрация сухопутных и морских дел (1764—1884 гг.), 515 папок и ее протоколы (1842—1890 гг.), 284 папки; Главное финансовое управление — «Administracion General de Hacienda» (1763—1849 гг.), 2090 папок и 2421 том; Карденасская таможня, 630 папок; Гаванская таможня (1827—1906 гг.), 2160 папок; Государственные доходы (1707—1885 гг.), 44 папки; Общая статистика (1900—1905 гг.), 130 папок; Главное налоговое управление (1832—1898 гг.), 874 папки; Финансовый совет («Tribunal de Cuentas») (1807—1898 гг.), 64 папки и др.

В *секции смешанных документов* семь коллекций и фондов: Коллекция разрозненных бумаг Департамента финансов, сохранившихся после хищения материалов при перевозках архива в 1899 и 1906 гг.— «Смесь» («Miscelánea», 1759—1898 гг.), 4414 папок; Полицейское управление Гаваны (1890—1906 гг.), 32 папки; Таможенные книги Гаваны (1827—1906 гг.), 626 томов; Разные книги испанской администрации, 12 671 том; Фабричные лицензии (1839—1898 гг.), 36 папок; Общественные работы (1841—1897 гг.), 60 папок; Планы (1747—1898 гг.), 7 тыс. карт.

Юридический отдел состоит из двух собраний: гражданских и уголовных дел. В первом из них 14 000 папок. Здесь каталогизированы все документы, составлен карточный алфавитный каталог в порядке фамилий истцов. Уголовные дела составляют коллекцию из 7038 папок, документы которых до сих пор не каталогизированы и не описаны[3].

Таким образом, материалы Национального архива классифицированы как по тематическим коллекциям, так и по фондам в нашем понимании этого термина. В целом Национальный архив является ценнейшим собранием материалов по политической и экономической истории Кубы, а также некоторых других территорий в районе Карибского моря.

По мере окончания работы над составлением каталога того или иного собрания или завершения изучения какой-либо коллекции документов Национальный архив издает каталоги, публикует документы, сопровождая их обзорными статьями и комментариями.

С 1902 г. издается «Boletín del Archivo Nacional» с периодичностью шесть номеров в год. Правда, регулярность издания бюллетеня нарушалась из-за экономических затруднений, нередки были опоздания выпуска очередных номеров.

В бюллетене публикуются исследовательские статьи по истории Кубы и других стран Латинской Америки, тексты документов с комментариями. Почти в каждом номере помещаются каталоги коллекций и списки вновь поступивших документов.

С 1946 г. ежегодно публикуются отчеты Национального архива, освещающие дея-

[3] Roscoe R. Hill. The national archives of Latin America, pp. 73—79.

ельность архива за год («Memoria correspondiente al año...»)[4].

Победа кубинской революции и действия революционного правительства Ф. Кастро открыли громадные перспективы развития культуры в стране.

Широко развернулось архивное строительство в Республике Кубе в последние годы и особенно после победы народной революции в стране. Как указывается в опубликованной Национальным архивом брошюре («Lo gue ha hecho la Revolución. Lo gue hará la Revolución», 1959), архивом проведена большая работа по упорядочению документальных материалов. Составляется центральный фондовый каталог. В недавно организованной Национальной школе архивистов готовятся национальные кадры архивных работников. Значительно расширились научные связи архива с кубинскими и зарубежными учреждениями. Улучшаются условия хранения материалов: установлены металлические стеллажи и сейфы для хранения наиболее ценных документов, приобретено и другое новое оборудование. Заметно выросла производительность фотолаборатории, реставрационных мастерских и типографии архива.

В настоящее время кубинские архивисты ставят своей задачей всемерное расширение использования документальных материалов в интересах трудящихся. С этой целью предполагается реорганизовать Национальный архив в Кубинский центр исторических исследований, где будут созданы отделы периодики и звукозаписей. Намечено сооружение нового здания архивохранилища, приобретение современного оборудования для фотолаборатории, а также установка стальных стеллажей[5].

О. И. Кирик

[4] Подробные данные по истории Национального архива Кубы см. Biografia del Archivo Nacional de Cuba. «Publicaciones del Archivo Nacional de Cuba», № XXXIX. La Habana, 1954; Historia de los Archivos de Cuba. Там же. № XXIV, 1949; Reglamento general è interior del Archivo National de la República de Cuba publicado en la «Gaceta Oficial» del 19 de septiembre de 1944. Там же, № IV, 1944), Memoria correspondiente a los años de 1955—1956. Там же, № XLVI, 1957, а также «Boletín del Comité de Archivos».

[5] «The American Archivist». 1960, № 2, p. 236.

АРХИВОВЕДЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ В 1959 г.[1]

Народная Республика Болгария

Известия на държавните архиви. Министерство на вътрешните работи. Архивен. отдел. София, Държавно издателство «Наука и изкуство».

Известия государственных архивов. Архивный отдел Министерства внутренних дел. София, Государственное издательство «Наука и искусство».

Т. 3, 1959 г. *Статьи:* Государственные архивы в помощь всенародному движению за досрочное выполнение пятилетки; Н. Пеловска. За широкое использование документальных материалов государственных архивов; Е. Симеонова. Инвентарные описи документальных материалов государственных архивов.

Документы: И. Симеонова. Рабочий и общественный контроль на капиталистических предприятиях с 9 сентября 1944 г. до национализации промышленности; Д. Коен. Влияние финансирования немецких оккупационных войск на народное хозяйство Болгарии (1941—44 гг.); К. Каратеодорова. Документы о руководстве воеводы Хаджи Димитрия революционными отрядами в 1864 и 1868 гг.

Обзоры документальных материалов: Й. Йотов, М. Горанова, Л. Стефанова. Документы об Отечественной войне нашего народа (1944—45); Й. Йотов. Общественно-экономическое положение населения в Родопах до 1944 г. и др.

В разделе *«Сообщения»* опубликованы сведения о новых документах, поступивших в болгарские архивы, и заметка И. Пейкова «История Чехословакии в документах (Впечатления от Общенациональной выставки документов в Праге)».

Венгерская Народная Республика

Levéltári közlemények. A. Léveltárak országos központjának folyóirata. Budapest, Akadémiai kiadó.

Левейльтари кёзлемейнек. Орган Национального центра архивов. Будапешт, Академическое издательство.

Т. 29 посвящен истории Венгерской Советской Республики. Обзоры источников

[1] Составил В. А. Черных. Библиографию за 1958 г. см. «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 216—220.

по истории Венгерской Советской Республики в Национальном архиве, в местных государственных архивах, в Военно-историческом архиве, в Центральном экономическом архиве; Ж. Б. Лёринц. Архивное дело в Венгерской Советской Республике; П. Никлаи. Воспоминания об архивном деле в Венгерской Советской Республике; Я. Орт. Будапештское центральное городское управление во время буржуазно-демократической революции и Венгерской Советской Республики; Д. Бониш. Материалы к истории Будапештского революционного трибунала; К. Иеней. Финансовые учреждения и организация кредита в период Венгерской Советской Республики; Ф. Ольтваи. Социализированные поместья в области Чонград в апреле — августе 1919 г.; З. Шаркёзи. Организация «Венгерской экономической библиотеки и архива» в 1919 г.; К. Иеней, И. Сигетвари. Организация и руководство производственными сельскохозяйственными кооперативами в период Венгерской Советской Республики (публикация документов).

Т. 30. А. Седё. Современное состояние архивного дела в Венгрии; Б. Ила. Микрофильмирование архивных документов; А. Ленбьель. История архива г. Дьер; И. Богдан. Вопросы изучения бумажных водяных знаков.

Рецензии. Хроника. Обзоры журналов: «Архейон» (ПНР), «Архивалише Цейтшрифт» (ФРГ), «Аркайвз» (Англия), «Аршив, библиотек э мюзе де Бельжик» (Бельгия), «Аркиви» (Италия), «Архивмиттейлунген» (ГДР), «Архивни часопис» (ЧССР), «Архивум» (Международный совет архивов); «Данань гунцзо» (КНР), «Дер Архивар» (ФРГ), «Исторический архив» (СССР), «Известия на архивния институт» (НРБ), «Известия на държавните архиви» (НРБ), «Газетт дез аршив» (Франция), «Миттейлунген дес Эстеррейхишен штаатсархивс» (Австрия), «Нидерландс архивенблад» (Нидерланды), «Рассенья дельи аркиви ди стато» (Италия), «Ревиста архивелор» (РНР), «Сборник архивних праци» (ЧССР), «Американ аркивист» (США), «Вопросы истории» (СССР).

Германская Демократическая Республика

Archivmitteilungen. Zeitschrift für Theorie und Praxis des Archivwesens. Herausgegeben von den Staatlichen Archivverwaltung in der Deutschen Demokratischen Republik. Berlin, Verlag des Ministeriums des Innern.

Архивмиттейлунген. Журнал теории и практики архивного дела. Орган Государственного архивного управления ГДР. Берлин, Издательство Министерства внутренних дел (9-й год издания).

№ 1. Э. Шетелих. Современные задачи государственных архивов. Участие архивов в подготовке к 40-й годовщине Ноябрьской революции и к народным выборам 1958 г.; Б. Брахман. К истории реформы канцелярского дела; К. Олендорф. Архив предприятий калийной промышленности при Объединении народных предприятий калийной промышленности в Эрфурте; Э. Нейс. Французская точка зрения на документальные материалы народнохозяйственного характера; К. Баудис. Первое рабочее заседание Комиссии по изучению современной истории; Г. Лёцке. Пятый выпуск научных сотрудников-архивистов в Институте архивоведения в Потсдаме; Э. Шетелих. 150-я годовщина Главного архива древних актов в Варшаве.

Обзоры журналов «Архивум» и «Архивалише Цейтшрифт». Рецензии, хроника.

Приложение: Инструкция по упрощению методов отбора на уничтожение некоторых категорий документальных материалов в государственных учреждениях и на народных предприятиях.

№ 2. За мирный договор с Германией; Г. Лёцке. Архивное дело в Польской Народной Республике; В. Бёльке. Отделы прессы и архивы прессы Министерства иностранных дел Германии в 1871—1945 гг.; Г. Дреер. Архив прессы при издательстве «Берлинер Ферлаг»; В. Вейс. Немецкий музей бумаги в Грейце; В. Блёсс. Начало подготовки архивистов в Германии — создание «Архивной школы» в Марбурге в 1894 г.

Обзор журнала «Архивум». Рецензии, хроника.

№ 3. Э. Шетелих. Рабочее заседание Государственного архивного управления совместно с научными и техническими сотрудниками архивов ГДР; Р. Дицель. Опыт работы по упорядочению и описанию современных документальных материалов; Ф. Вехтер. Опыт и проблемы организации фондов карт в архивах; К. Блашке. Об организации архивных фондов карт (дискуссионная статья); К. Штейнмюллер. Об использовании ведомственных книг в городских архивах; Г. Грингмут — Дальмер. История Главного архива земли Саксония-Ангальт в Магдебурге.

Обзор журнала «Исторический архив». Рецензии, хроника.

Приложение: Инструкция по составлению обзоров фондов в городских архивах.

№ 4. За социалистическую архивную работу; Г. Эндер. Методы составления заголовков дел; Р. Клюге. Фонды правительства земли Саксония и их обработка в Главном архиве земли в Дрездене; К. Дюринг. Составление схем систематизации документов. К вопросу об улучшении организации делопроизводства; Г. Пейнгардт. Фотоотдел городского архива в Эрфурте; Х. Шлехте. Архивы на службе исторических исследований — сообщение о V международной конференции «Круглого стола архивов»; К. Хёнель. Сессия общества историков Ганзы.

Обзоры журналов «Архейон», «Архивни часопис», «Известия на държавните архиви», «Нордиск аркивнит» (Дания). Хроника.

№ 5 посвящен 10-й годовщине ГДР; К. Марон. 10 лет Германской Демократической Республики; Э. Шетелих. 10 лет Государственного архивного управления ГДР; Германский центральный архив в Потсдаме и его филиал в Мерзебурге; Ф. Бек. Главный архив земли Бранденбург в Потсдаме; Г. Гринтмут-Дальмер. Главный архив земли Саксония-Ангальт в Магдебурге; Х. Шлехте. Главный архив земли Саксония в Дрездене; К. Кордсхатен. Главный архив земли Мекленбург в Шверине; Г. Эбергардт. Главный архив земли Тюрингия в Веймаре и архивах СССР; К. Хёнель. Городские архивы в ГДР: Г. Бёрнерт. Архивы предприятий в ГДР.

Библиография изданий Государственного архивного управления и государственных архивов ГДР.

№ 6. Л. А. Гольденберг. К вопросу об общих принципах систематизации картографических материалов в исторических архивах СССР; Г. Рихтер. Систематизация документальных материалов фонда Министерства внутренних дел земли Тюрингия в Главном архиве земли в Веймаре (К вопросу о применении принципа регистратуры при систематизации документальных материалов новейшего времени); А. Эберлейн. Рабочая и профсоюзная пресса (К вопросу об ее библиографировании); Г.-И. Шрекенбах. Научная конференция по вопросу о значении истории Германской Демократической Республики; Г. Рамм. Соревнование архивов предприятий в округе Карл-Марксштадт; Э. Шетелих. 4-й съезд австрийских архивистов; Г. Эбергардт. 37-й съезд архивистов ФРГ в Оснабрюке.

Обзоры журналов «Архейон», «Рассенья дельи аркиви ди стато», «Дер Архивар». Рецензии. Хроника.

Польская Народная Республика

Archeion. Organ Naczelnej dyrekcji archiwów państwowych. Czasopismo naukowe poświęcone sprawom archiwalnym. Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe.

Архейон. Орган Генеральной дирекции государственных архивов. Научный журнал, посвященный вопросам архивоведения. Варшава, Государственное научное издательство.

Т. XXX. К. Арламовский. Документальные материалы уездных учреждений мелкого сельскохозяйственного кредита и группировка содержащихся в них сведений методом сводных таблиц; С. Панькув. Выставки архивных документов; В. Туронь. Картографические материалы во Вроцлавском государственном архиве как источник по истории Силезии; Г. Шиманьская, Ю. Смяловский. Нотариальные акты, относящиеся к территории бывш. Царства Польского, и их научное значение; Ю. Стояновский. Варшавский Архив новых актов в годы оккупации 1939—44 гг.; А. Каминьский. Е. Барвиньский — историк, библиотекарь и архивист (1874—1947); Е. Ярос. Регистратуры и архивы горнопромышленных и металлургических концернов Верхней Силезии; Е. Ярос. Общегосударственная выставка архивных документов в Чехословакии; Б. Кролль. Организация и методы работы югославских архивов; Б. Соболёва. Заметки о венгерских архивах; Р. Новицкий. Центральный государственный архив кино-фото-фонодокументов в Москве; М. Гусарская. Лаборатории реставрации и консервации книг, документов и произведений искусства в Ленинграде; Законодательные акты, относящиеся к польским архивам, изданные в 1958 г.; А. Пташникова. Неделя архивов (7—14 сентября 1958 г.).

Хроника. Рецензии. Обзоры журналов: «Исторический архив», «Архивни часопис», «Сборник архивних праци», «Архивмиттейлунген», «Миттейлунген дес Эстеррейхишен штаатсархивс», «Дер Архивар», «Архивалише цейтшрифт», «Архивист», «Аркайвз», «Америкен аркивист»; Письмо в редакцию журнала «Америкен аркивист».

Т. XXXI. Р. Новицкий. Несколько замечаний о документальных материалах, изготовленных механическим способом (кино-фото-фонодокументах); С. Навроцкий. Экспертиза документов в английских архивах в соответствии с рекомендациями комиссии Григга; Т. Менцель. Судьба старопольских административно-судебных книг в 1795—1815 гг.; А. Келбицкая. Документальные материалы бывш. «камеральных» хозяйственных управлений Западной Галиции; М. Цыганьский. Начальник «Гражданского управления при командовании 8-й армии» (немецко-фашистских войск) и оставшиеся от него документальные материалы; Л. Левандович. Организация и деятельность Центрального военного архива в Варшаве; М. Рехоровский. Готический архивный шкаф XV века; В. Ростоцкий. Внешняя форма канцелярских бумаг в эпоху Варшавского герцогства и Царства Польского; С. Росяк. Посещение советских архивов в Гродно, Вильнюсе, Ленинграде и Москве; И. Игнатович. Посещение чехословацких архивов; Ч. Бернат. Отчет о посещении голландских архивов; С. Панькув. Бельгийские архивы; Отчет о деятельности государственных архивов ПНР в 1958 г.

Хроника. Рецензии. Обзоры журналов «Архивум», «Архивни часопис», «Левейльтари кёзлемейнек», «Левейльтари хиродо», «Аркайвз», «Газетт дез аршив», «Дер Архивар».

Румынская Народная Республика

Revista arhivelor. Direcţia generală a arhivelor statului din Republica Populara Romînă. Bucureşti.

Ревиста архивелор. Орган Главного управления государственных архивов Румынской Народной Республики. Бухарест (2-й год издания).

Т. 1. Документы о борьбе трудящихся масс под руководством Румынской коммунистической партии против войны с Советским Союзом и гитлеровской оккупации, а также за подготовку условий для осуществления революционного акта 23 августа 1944 г. (публикация); А. Мурешану. Современные проблемы архивного дела в нашей стране; И. Параскив. Вклад архивов в дело укрепления культурных связей между странами социалистического лагеря; М. Мэнеску. Столетие румынской статистики; Г. Унгуряну. Об отборе документов на хранение и выделении ненужных материалов; Т. Сырбу. Документы о деятельности комитета унионистов в г. Бузэу в 1857 г. (в приложении опубликовано пять документов); Г. Унгуряну. Крестьяне Молдавии и объединение румынских княжеств; М. Фэнеску. Документы, экспонировавшиеся на выставке, организованной Главным управлением государственных архивов по случаю столетия объединения румынских княжеств; Д. Бериндей. Списки министров правительств А. И. Кузы (1859—1866 гг., публикация); К. Тимару. О подготовке специалистов в области архивоведения; И. Ионашку. Новые статистические данные о Бухаресте с 1810—11 гг., извлеченные из московских архивов (в приложении опубликовано четыре документа); В. Трандаф, П. Матей. История государственного сельского хозяйства им. А. Сахия (Мэнэстиря) в документах (в приложении опубликовано 12 документов за 1898—1956 гг.); М. Морару. Документы по истории кинематографии в нашей стране (в приложении опубликовано три документа за 1904—1905 гг.); М. Апостол. Исторические свидетельства (об участии Н. Бэлческу в революции 1848 г.); И. Сабэу. Социальные и политические волнения в горах Апусени в 1790 г. (в приложении опубликовано три документа); Г. Дузинкевич. О методике составления каталожных и инвентарных карточек на документы из архивов Трансильвании; К. Сас. Заметки о методах регистрации документов в архиве управы г. Бая Маре и префектуры комитата Марамуреш; И. Леонте. Княжеский совет Валахии в 1601—11 гг.

Хроника. Рецензии. Обзоры журналов «Архивмиттейлунген», «Архивни часопис», «Архивум».

Т. 2. Документы о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на рабочее движение в нашей стране (публикация); И. Параскив. Использование документальных материалов в целях строительства социализма; Г. Унгуряну. Акты гражданского состояния в Молдове во время Органического регламента (1832—64 гг.); А. Оцетя. Легенда о высылке Тудора Владимиреску за пределы Родины после заключения Бухарестского договора (в приложении опубликовано два документа); В. Трандаф. Новые документы о забастовке рабочих в Валя Жиулуй (в приложении опубликовано 27 документов за 1941 г.); И. Ионашку. Статистика населения и социальное положение жителей Бухареста в 1752 г.; Е. Захария. Катастрофа на шахте в Анине в 1920 г. (в приложении опубликовано 8 документов); А. Нямцу. Санитарное состояние горного владения Златны во время революции 1848—49 гг. (в приложении опубликовано четыре документа); Д. Бериндей. «Марш Свободы» 1850 г.; М. Губоглу. О восточнотурецком архиве, находящемся в Государственной библиотеке им. В. Коларова в Софии; Н. Кориван. Сведения о некоторых фондах архива МИД в Париже, содержащих данные по истории нашей страны; Е. и Д. Лимона. Книги торгового дома И. Марку в Сибиу (XVIII в.); И. Комэнеску. Государственный архивный фонд и архивы судебных учреждений; М. Регляну. Некоторые виды работы по учету архивных фондов, проведенные в прошлом в бухарестских государственных архивах; К. Негулеску. Научное использование архивных материалов в читальном зале Главного управления государственных архивов; К. Гончариу. Архив исправничества или старостии края Путны; Г. Пэрнуца. Два неизданных документа времен Матея Басараба (публикация); И. Мэркуш. Посещение государственных архивов Венгерской Народной Республики.

Рецензии. Обзоры журналов «Исторический архив», «Известия на държавните архиви», «Архивум».

В обоих томах многие статьи иллюстрированы фотокопиями документов.

Чехословацкая Социалистическая Республика

Archivní časopis. Vydává Archivní správa Ministerstva vnitra v nakladatelství Orbis. Praha.

Архивни часопис. Орган Архивного управления Министерства внутренних дел. Прага, издательство «Орбис» (9-й год издания).

№ 1. З. Шамбергер. К современным вопросам нашего архивного дела; А. Шлаис. Общегосударственная выставка архивных документов выполнила свою миссию; М. Вурмова. К проблемам документального наследства; И. Вацка. Государственный архив в Братиславе; Я. Тишновский. Исполнение постановления № 153/56 об архивах госбюджетных и хозрасчетных организаций; В. По-

ак. Замечания к новым правилам работы архивах ЧССР: И. Радимский. К вопросам издания современных источников; И. Ганзал. Заметки по экспертизе документов в сельскохозяйственно-лесных отделах государственных архивов; А. Куришта. Дискуссионные замечания к статье Ф. Фабиана «Административные суды».

Хроника. Рецензии.

№ 2. И. Голл. О деятельности государственных архивов в 1956—58 гг.; И. Мазур. Пятилетний план и его выполнение в государственных архивах Словакии; И. Хрене. О строительстве современных архивохранилищ; И. Блеха. Счетоводство в земледельческих предприятиях до 1945 г. (окончание).

Хроника. Рецензии. Обзоры журналов «Ревиста архивелор», «Архивмиттейлунген», «Сборник архивних праци».

№ 3. Я. Свобода. Пятая годовщина постановления правительства об архивном деле в Чехословакии; Г. Чехова. Архивная обработка карт и планов; И. Гернер. Фамильный архив Меттернихов в Центральном государственном архиве в Праге; М. Кузманова, Д. Врблянска. Архивное дело в Народной Республике Болгарии; Ц. Матула. Государственный архив в Радвани; О. Коледова, Я. Хароус. Опыт подготовки изданий современных документов; А. Добиаш. Ф. Матяшек. К проблемам ведомственных архивов.

Хроника. Рецензии.

№ 4. Резолюции III съезда чехословацких историков: З. Ш. О III съезде чехословацких историков; З. Шамбергер. Два года деятельности Научного архивного совета; Б. Кут. Современное состояние итоги работы и некоторые задачи ведомственных архивов в Чехии; Л. Бичик. Сотрудничество архивов и музеев; Б. Индра. Опыт каталогизации современных документальных материалов в Государственном архиве в Опаве; П. Лесюк. Технические архивы; Я. Соукуп. О статье М. Вурмовой «К проблемам документального наследства».

Хроника. Рецензии. Обзор журнала «Левейльтари хиродо».

Sborník archivních prací. Vydává Archivní správa Ministerstva vnitra v nakladatelství Orbis. Praha.

Сборник архивних праци. Орган Архивного управления Министерства внутренних дел. Прага, издательство «Орбис» (9-й год издания).

Т. 1. И. Мала, П. Лесюк. Оккупация Чехословацкий пограничной области гитлеровской Германией (публикация документов); Обзор современного состояния использования архивных фондов в чехословацких архивах; И. Нугличек. О развитии и современных методах консервации архивных документов в Чехословакии; Я. Новотны. Крепостное право в Моравии в XVI—XVII вв.; Г. Лётцке. Источники по истории Чехословакии в Германском центральном архиве (Потсдам); Р. Марсина. Архивное дело в Венгрии в 1945—57 гг.; Ч. Гладик. Вопросы архивного дела в журнале «Исторический архив» за 1958 г.

Т. 2. П. Лесюк, И. Мала, М. Терова. Некоторые факты об экономическом и социальном положении трудящихся в первом году существования Чехословацкой республики (публикация документов); И. Гернер. Самоуправляющиеся земледельческие организации; А. Турек. Государственная прокуратура в чешских землях в 1850—1949 гг.; Ф. Роубик. К выкупу усадеб в чешских землях в 1848—53 гг.; К. Беранек. Канцелярия Пражского университета на рубеже XVI и XVII веков; И. Новак. Словацкие печати в Будапеште; М. Грох. Шведские архивы и их значение для изучения истории чешских земель; Ч. Гладик. Путеводители по государственным архивам Советского Союза.

Научная информация

СОВЕЩАНИЯ РАБОТНИКОВ ПАРТИЙНЫХ АРХИВОВ

20—23 июля 1960 г. в Свердловске состоялось кустовое совещание заведующих и научных сотрудников партийных архивов Урала и близлежащих областей. В его работе приняли участие работники Архивного управления РСФСР и местных архивных учреждений, преподаватели истории КПСС и основ марксизма-ленинизма высших учебных заведений Свердловска. Всего — более 100 человек.

На совещании были заслушаны доклады: заместителя директора ИМЛ при ЦК КПСС Н. В. Матковского «Об участии партийных архивов в разработке многотомной истории КПСС» и ст. научного сотрудника ИМЛ при ЦК КПСС В. В. Аникеева «Подготовка документальных сборников к печати». Кроме того, были прочитаны лекции: Е. П. Подвигиной «Состав и содержание документов Центрального партийного архива ИМЛ», А. В. Соколовой «Режим хранения и реставрация документальных материалов», А. И. Петрова «Кинофотодокументы ЦПА и микрокопирование документов» и сообщение И. В. Кутейникова «О заполнении паспорта партийного архива».

Н. В. Матковский в своем докладе остановился на решениях XXI съезда КПСС по вопросам идеологической работы партии и в связи с этим указал на все возрастающую роль и значение общественных наук в период развернутого строительства коммунистического общества в нашей стране.

Важное место в научно-исследовательской работе в области истории КПСС должна занять разработка истории коммунистических партий союзных республик, областных, краевых партийных организаций, а также парторганизаций крупнейших промышленных центров страны. Основное внимание местных партархивов должно быть уделено современному периоду — вопросам роста экономической мощи страны и благосостояния народа, трудового героизма, борьбе рабочих, крестьян, интеллигенции за технический прогресс, экономическому сотрудничеству стран социализма, помощи различных предприятий нашей страны народам слаборазвитых стран. Подготавливаемые публикации должны показать всенародную поддержку миролюбивой политики, проводимой КПСС и Советским правительством.

Помимо документальных публикаций, сборников исследований и воспоминаний, партийные архивы будут вести работу по изданию очерков по истории местных партийных организаций.

Мы полагаем, говорит Н. В. Матковский, что самая приемлемая форма научно-публикаторской работы — это подготовка документальных сборников и небольших публикаций по актуальным проблемам в помощь пропагандистам. Наиболее интересные документы следует помещать на страницах местных газет и журналов. Следует шире использовать радио, телевидение, фотовыставки документов в домах политического просвещения, в клубах, на заводах, в колхозах; при этом необходимо учитывать экономические, исторические и национальные особенности республики, края, области.

В прениях по докладу Н. В. Матковского выступило 13 человек.

Ф. П. Быстрых (Свердловский госуниверситет) говорил об участии историков Урала в подготовке многотомного труда по истории КПСС. Первейшей обязанностью историков партии на Урале является подготовка и издание второй части «Очерков истории большевистских организаций Урала».

И. И. Носова (АУ РСФСР) отметила положительный результат творческого сотрудничества ряда партийных и государственных архивов в публикаторской работе: в партийных архивах хранятся руководящие партийные документы, а в государственных — материалы о деятельности масс трудящихся по претворению в жизнь решений партии. Только объединенное издание этих документов позволит издать

олноценные труды, освещающие деятельность КПСС и народных масс.

Старый большевик *А. В. Бархатов* обратил внимание на важность собирания воспоминаний активных участников революции и социалистического строительства, о привлечении их к обсуждению работ по истории местных парторганизаций. В заключение он выступил с предложением об издании сборника «Ленин об Урале».

Н. В. Зуйков (Политехнический институт, г. Свердловск) отметил значение архивов для исторических исследований; «прошли те времена, когда писались книги без привлечения конкретного исторического материала». Он отметил ненормальное положение с концентрацией документальных материалов в Государственном архиве Свердловской области: здесь, по его словам, имеются материалы только до 1934 г.

Серьезной критике он подверг областное книжное издательство, которое отказывается публиковать документальные сборники не только по истории края, но и по истории местных парторганизаций. Так, например, не издается сборник «Создание черной металлургии на Урале».

Среди историко-партийных проблем, слабо освещенных в литературе, сказала старая большевичка *А. Н. Бычкова,* особого внимания заслуживает проблема ломки экономических отношений на Урале. Эта проблема имеет не только местное, но и общесоюзное значение. Очень важно исследовать вопрос о вовлечении работниц и крестьянок в политическую жизнь. В этой связи она упомянула о подготовляемом сборнике «Женщины Урала в революции и социалистическом строительстве».

Сотрудник Тюменского партархива *А. Б. Гамбаров* остановился на собирании документальной базы по истории Тюменской партийной и комсомольской организаций; сейчас партархив хранит около 280 тыс. ед. хр. различных документов; из них 254 тыс. обработаны. Архив готовит «очерки» истории Тюменской парторганизации в послеоктябрьский период, а также сборник воспоминаний о Великой Отечественной войне, документальный сборник «От коммунистических субботников до бригад коммунистического труда» и другие издания. Кроме того, он внес ценные предложения по улучшению «Примерного перечня типовых документальных материалов партийных органов и первичных партийных организаций».

Н. А. Аликина рассказала об опыте публикаторской работы Пермского партархива: подготовлены три небольшие публикации к 90-летию В. И. Ленина, ведется работа над сборником «Документы и материалы по истории Пермской организации РСДРП» (1901—1917 гг.); книгами «Пермская партийная организация в период Великой Отечественной войны» и «Борьба Пермской партийной организации за претворение в жизнь решений XXI съезда КПСС».

З. П. Тютева (Башкирский партархив) сообщила, что работа архива проходит в тесном творческом сотрудничестве с госархивом и научно-исследовательскими институтами Башкирского филиала АН СССР. В результате уже подготовлено пять сборников.

А. Г. Козлов (АО Свердловского облисполкома) говорил о необходимости более широкого использования документов в изучении истории местных партийных организаций, в частности, он отметил, что исследователи редко обращаются к жандармским и полицейским материалам, в которых сосредоточены интересные факты по истории парторганизаций.

Е. Н. Лукьянова (Госархив Пермской области) посвятила свое выступление координации работы партийных и государственных архивов; она внесла предложение о создании специальной комиссии по координации из представителей Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Архивного управления РСФСР. Далее она специально остановилась на вопросе о распространении историко-партийной литературы и отметила плохую работу книготоргующих организаций, неналаженность межобластной торговли. Литература, издаваемая в Перми, не поступает в Свердловск, и наоборот. Такая практика мешает исследовательской и пропагандистской работе, обобщению и распространению опыта работы партийных организаций. В определении тиража издания местные издательства руководствуются только коммерческой стороной.

П. Г. Таренков отметил, что Оренбургскому партархиву не удалось создать постоянные и работоспособные кадры из-за их частой сменяемости. Плохо обстоит дело и с помещением: оно не удовлетворяет растущие потребности в хранилищах, в результате новые документы сюда поступают в незначительном количестве.

В сотрудничестве с научными работниками вузов архив ведет подготовку сборника о развитии промышленности области в предвоенные и военные годы, запланирована подготовка сборника об освоении целинных и залежных земель.

П. Г. Таренков внес предложение о периодическом проведении в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС курсов по археографии.

В выступлении *Н. П. Макарова* (Свердловский партархив) было поддержано предложение о координации работы историков Урала и справедливая критика в адрес книготоргующих организаций. В частности, он привел случай, когда почти весь тираж книги воспоминаний «В боях и походах» Свердловский книготорг направил только в один книжный магазин, несмотря на большой спрос на это издание.

В заключение участники совещания прослушали доклад *В. В. Аникеева* (ЦПА

ИМЛ) «Подготовка документальных сборников к печати». Докладчик остановился на методических вопросах, поднятых в этой работе, отметив, что для местных партийных и государственных архивов наиболее приемлемой формой археографической деятельности являются тематические публикации, удовлетворяющие исследователей и особенно пропагандистские кадры.

Участники совещания отметили положительные итоги работы совещания и обратились в Центральный партийный архив ИМЛ при ЦК КПСС с предложением проводить подобного рода совещания систематически.

* * *

20—25 октября 1960 г. в Хабаровске состоялось кустовое совещание партийных архивов Сибири и Дальнего Востока, организованное Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Хабаровским крайкомом КПСС. Оно обсудило вопросы участия партийных архивов в подготовке многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза» и хода выполнения постановления ЦК КПСС от 7 февраля 1956 г. «О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов».

В совещании были представлены 22 краевых и областных партийных архива Сибири и Дальнего Востока, присутствовали руководящие партийные работники Хабаровского края, заведующие кафедрами и преподаватели общественных наук, сотрудники государственных архивов и научных учреждений, пропагандисты и представители общественности. Всего более 150 чел.

С докладом «Об участии партийных архивов в подготовке многотомного труда „История КПСС"» на совещании выступил заместитель директора ИМЛ при ЦК КПСС *Н. В. Матковский.*

С составом и содержанием фондов Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС присутствующих ознакомил *В. В. Аникеев.*

Заведующая партархивом Хабаровского крайкома *Е. И. Еливарова* поделилась опытом использования документальных материалов в научно-исследовательской и пропагандистской работе в свете постановления ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях». Докладчик приводит ряд примеров оперативного использования материалов партархива Хабаровского крайкома КПСС. Так, к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина подготовлена и опубликована подборка документов «Дальневосточники — Ильичу», в местной печати систематически помещаются связанные с вопросами современности «Странички прошлого», публикуются статьи по вопросам истории партийного строительства, женского и молодежного движения в крае.

Особенно активно проводится наглядная пропаганда путем организации фотовыставок. В 1960 г. экспонировалась фотовыставка «Ленин и Дальний Восток». Особый интерес вызвала выставка «Коммунистический труд победит», где демонстрировалось значительное количество документов бригад коммунистического труда, фото членов бригад и ударников коммунистического труда. На выставке по истории движения рационализаторства и изобретательства партархив экспонирует документы, характеризующие руководящую роль партии в руководстве этим движением.

О проделанной работе по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов рассказала заведующая партархивом Омского обкома КПСС *В. Ф. Садовская.* Докладчик приводит ряд фактов, свидетельствующих о заботе областного комитета партии об архиве и его научно-пропагандистской деятельности.

В июне 1960 г. решением бюро Омского обкома КПСС образован авторский коллектив и редакционная коллегия по написанию «Очерков истории Омской областной партийной организации». Для написания «Очерков» уже сейчас имеется солидная база в виде целого ряда работ по истории партии, написанных на документах партийного архива. В ближайшее время выходит в свет документальный сборник «Омская партийная организация в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.».

Докладчик подчеркивает все возрастающий интерес исследователей к вопросам истории партии. Так, в течение 1956—1960 гг. в партархиве работало 63 исследователя по различным темам и периодам истории партии. Они использовали более шести тысяч дел партийных документов. Однако, отмечает докладчик, из 60-летнего периода развития Омской партийной организации более всего изучены 12 первых лет ее существования, сейчас развернута большая работа по исследованию деятельности омской организации в советское время.

С сообщениями об инструкторской работе архивов и по экспертизе ценности документальных материалов выступили *Смирнов* (Новосибирск), *В. С. Усаты*(Алтай).

Л. Ф. Павленко (Красноярск) критиковал историков края, которые слишком увлеклись изучением истории партии дореволюционного периода и периода гражданской войны. Красноярский партархив пересмотрел, уточнил и пополнил перспективный план своей публикаторской работы сторону приближения к современности. Партархив будет проводить встречи и совещания с активными участниками колхозного строительства, Великой Отечественной войны, послевоенного периода подъема народного хозяйства и строительства коммунизма. Уже сейчас собрано значительное количество материалов, воспоминаний по этим периодам. Партийны

архив считает своей важнейшей задачей постоянное участие в лекционной пропаганде, выступление со статьями, докладами и максимально полное использование имеющихся документальных материалов.

Представитель Военно-научного общества тов. *Щербаков* (Хабаровск) говорил о необходимости при опубликовании воспоминаний тщательно проверять их на основе имеющихся документальных материалов.

О развертывании научно-исследовательской работы в партийном архиве рассказала *А. Я. Шапранова* (Иркутск). В ближайшее время партархивом будет подготовлен сборник документов и воспоминаний о строительстве Братской ГЭС, намечено проведение встречи со строителями Братской ГЭС. Авторский коллектив историков в ближайшее время заканчивает работу над «Очерками по истории Иркутской партийной организации».

М. И. Чугунов (Томск) критиковал редакции журналов «Вопросы истории КПСС» и «Исторический архив» за слабое освещение на своих страницах вопросов истории сибирских партийных организаций. Выступающий говорил также о необходимости издания правил публикации партийных документов.

Представитель Архивного управления РСФСР *И. Д. Анашкин* привел данные о выпущенных партийными и государственными архивами в течение 1945—1958 гг. сборниках документов. За этот период выпущено 120 документальных сборников общим объемом в 1400 печатных листов — в них помещено свыше 16 тыс. документов. Подавляющее большинство сборников посвящено истории советского общества.

И. Д. Анашкин подверг критике стремление архивных учреждений к изданию непременно «своих», локальных изданий документов. В интересах достижения наибольшей полноты публикуемых документов и методически правильного определения темы необходимо развивать коллективную подготовку изданий несколькими научными и архивными учреждениями областей.

О. В. Трофимова (Абакан) рассказала о подготовке и выпуске сборника документов о 250-летии добровольного присоединения Хакассии к России. О вопросах комплектования партийного архива и научно-технической обработке фондов говорил *А. В. Ятченя* (Благовещенск).

Представитель партийного архива Красноярского крайкома *А. П. Лоскутова* высказалась за привлечение общественности к делу собирания и сохранности исторических документов.

Начальник архивного отдела УВД Хабаровского края *В. И. Чернышева* считает, что отсутствие хорошо подготовленных документальных сборников повлекло за собой целый ряд искажений исторических фактов и даже фальсификаций истории подпольной Хабаровской партийной организации в период гражданской войны. В задачу как партийных, так и государственных архивов входит недопущение подобных случаев, строгое координирование своей деятельности в целях наиболее достоверного освещения истории местных парторганизаций.

В прениях также выступили *Н. А. Миронов* (Улан-Удэ), *Д. Ф. Агафонцев* (Чита), *П. А. Бородкин* (Барнаул), *Т. В. Парфенова* (Кемерово).

Общая мысль выступивших в прениях сводилась к тому, что партийные и государственные архивы Сибири и Дальнего Востока готовы принять самое активное участие в работе над изданием многотомной «Истории КПСС».

В настоящее время работники партийных и государственных архивов в основном имеют опыт издательской работы, но этот опыт необходимо расширять, необходимо, чтобы Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС обобщил этот опыт в правилах публикации партийных документов.

Совещание партийных и государственных архивов Сибири и Дальнего Востока имело положительное значение в укреплении связей между ними по всем отраслям их работы.

М. В. Гребенников
И. В. Кутейников

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ЦГАЛИ СССР

29 сентября 1960 г. состоялось заседание Научного совета ЦГАЛИ СССР, которое привлекло внимание советских писателей и ученых.

С докладом «Итоги работы ЦГАЛИ СССР по комплектованию документальными материалами за 1956—1960 гг. и ближайшие задачи архива» выступила начальник отдела комплектования Е. Н. Насокина-Воробьева.

За истекшие пять лет ЦГАЛИ значительно активизировал работу по комплектованию материалов по истории советской литературы и искусства. В архив поступили фонды Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР, Главного управления по делам искусств Министерства культуры РСФСР, Союза писателей СССР, Союза композиторов СССР, Комитета по ленинским премиям в области литературы и искусства, издательств: «Советский писатель», «Искусство», «Гослитиздат», редакций журналов «Знамя», «Новый мир», «Театр», «Искусство» и др. Однако систематической работы по обсле-

дованию и консультации этих учреждений в ЦГАЛИ еще не проводится.

Большое место в докладе уделено вопросам комплектования ЦГАЛИ фондами личного происхождения; на государственное хранение поступили личные фонды писателей М. В. Алтаевой-Ямщиковой, С. А. Басова-Верхоянцева, Б. Л. Горбатова, А. И. Куприна, С. А. Обрадовича, С. Г. Розанова, драматурга В. В. Вишневского; артистов и режиссеров Е. О. Любимова-Ланского, А. Я. Таирова, Н. М. Радина; кинорежиссеров А. П. Довженко, Д. А. Вертова, Г. М. Болтянского; композиторов Р. М. Глиэра, И. О. Дунаевского; художников В. Е. Татлина, В. К. Бялыницкого-Бируля, П. В. Вильямса и многих других деятелей советской литературы, кино, театра и изобразительного искусства.

За последнее время в ЦГАЛИ поступают личные архивы советских поэтов и писателей М. И. Алигер, В. М. Инбер, М. В. Исаковского, С. В. Михалкова, А. С. Тихонова, А. А. Караваевой, С. П. Щипачева, К. М. Симонова, И. Г. Эренбурга; композиторов Д. Д. Шостаковича, Д. Б. Кабалевского, А. Г. Новикова, М. П. Шебалина; артистов С. Г. Бирман, С. В. Гиацинтовой, Б. П. Чиркова, А. А. Яблочкиной, Е. Д. Турчаниновой и многих других.

Но, к сожалению, комплектование материалами личных фондов ЦГАЛИ, как правило, ограничивается пределами Москвы; сотрудники архива редко выезжают на места в целях выявления и привлечения на государственное хранение материалов личных фондов. Слабо ведется работа по приобретению документов по истории русской литературы и искусства за рубежом. Серьезным тормозом является отсутствие единого для всех архивов, музеев и библиотек «ценника» на материалы. Затянулись уточнение профиля ЦГАЛИ и прием-передача непрофильных фондов. До сих пор личные фонды раздроблены и хранятся в различных архивохранилищах, что значительно осложняет работу исследователей над материалами.

В заключение докладчик выразил уверенность, что, опираясь на широкий актив советской литературной, музыкальной и художественной общественности, ЦГАЛИ устранит имеющиеся недостатки, затрудняющие комплектование и концентрацию материалов по истории советской литературы и искусства.

Выступивший в прениях *И. Л. Андроников* отметил, что колоссальная работа, проделанная ЦГАЛИ по сбору личных фондов советских писателей, не снимает с него ответственности за розыск материалов XVIII—XIX вв. Необходимо широко практиковать командировки за пределы Москвы, наметить график поисков, расширить актив, больше и чаще информировать советскую общественность о новых поступлениях, используя печать, радио и телевидение. В заключение он отметил, что существующий «ценник» необходимо пересмотреть вместе со всеми заинтересованными учреждениями.

С. В. Житомирская (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина) отметила, что «Положение о Государственном архивном фонде Союза ССР» 1958 г. сломало ведомственные барьеры. ЦГАЛИ, рукописным отделам библиотек, институтов, музеев и другим архивохранилищам следует договориться о ликвидации существующей раздробленности личных фондов. Это в значительной степени облегчило бы работу по приобретению и оценке материалов, предлагаемых частными лицами.

С. В. Житомирская подчеркнула, что централизация должна проводиться постепенно; на первом этапе необходимо уточнить, где и что хранится. В этом отношении большую помощь окажет «Сводный указатель фондов личного происхождения», подготавливаемый к печати ГАУ СССР совместно с рукописными отделами библиотек, музеев, институтов и пр. Сейчас главной задачей является розыск материалов, сбор, спасение от гибели рукописного наследия. В вопросах оценки материалов необходимо шире практиковать взаимные консультации.

И. С. Зильберштейн (редакция «Литературное наследство») отметил, что за истекшее пятилетие ЦГАЛИ значительно расширил свои связи, создал вокруг себя актив, помогающий ему в работе по сбору литературных памятников. Вместе с тем, он подверг критике ГАУ СССР, которое не проявляет должной оперативности, слабо помогает ЦГАЛИ в вопросах комплектования материалов, находящихся за рубежом. По мнению И. С. Зильберштейна, преждевременно ставить вопрос о концентрации всех материалов по литературе и искусству в ЦГАЛИ. По вопросу об «оценке» материалов ЦГАЛИ необходимо чаще консультироваться со своими коллегами.

В. А. Киселев считает, что существующая раздробленность материалов мешает исследователям в работе над первоисточниками. Однако объединение фондов должно проводиться обдуманно, с учетом всех исторических фактов, нельзя ослаблять работу по комплектованию материалов дореволюционного периода.

А. П. Пшеничный (ГАУ СССР) выступил за концентрацию всех материалов по литературе и искусству в ЦГАЛИ СССР и рекомендовал архиву шире практиковать комплектование материалов за счет безвозмездных передач, используя и расширяя связи с союзами писателей, художников, композиторов и другими общественными организациями.

Научный совет ЦГАЛИ должен помочь архиву в выполнении перспективного плана комплектования на 1958—1965 гг., тесно связанного с задачами обеспечения сохранности и широкого использования памятников литературы и искусства в интересах советской науки.

З. П. Мелит

О СОСТАВЛЕНИИ СВОДНОГО КАТАЛОГА РУКОПИСЕЙ

25—26 октября 1960 г. состоялось Общее собрание Археографической комиссии при Отделении исторических наук АН СССР, посвященное вопросу составления сводного каталога рукописей, хранящихся в Советском Союзе. В работе собрания приняли участие представители крупнейших архивов, библиотек, музеев Москвы (ГИМ, ЦГАДА, ЦГА РСФСР, ЦГАЛИ, Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, библиотека МГУ), Ленинграда (Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Институт русской литературы — Пушкинский Дом), Армянской ССР (Матенадаран), Узбекской ССР, Украинской ССР, представители Архивного управления РСФСР, ученые, сотрудники институтов Академии наук СССР и союзных республик, преподаватели МГУ, МГИАИ, студенты столичных вузов.

Председательствовали члены Археографической комиссии — *Б. Б. Кафенгауз* и *Ф. П. Шевченко.*

С основным докладом «О составлении сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР» выступил председатель Археографической комиссии акад. *М. Н. Тихомиров.* Он отметил, что наша страна поистине является мировой сокровищницей письменности и по богатству и разнообразию рукописей стоит на одном из первых мест в мире. Это — не только рукописи по истории народов нашей страны. Так, в силу сложившихся обстоятельств в СССР оказалось богатое собрание южнославянских рукописей. В наших хранилищах сосредоточено большое количество восточных рукописей (арабских, персидских, монгольских, тибетских и др.). Особый интерес представляют наши собрания греческих, латинских (в широком смысле) и западноевропейских письменных источников. Это, прежде всего, собрание ГИМ (бывшее Синодальное) — одно из древнейших в мире, начало которому положено, возможно, в XIV—XV вв., сложившееся в целом в XVII в. из рукописей греческих монастырей. Весьма значительны и интересны западноевропейские материалы, касающиеся крупнейших событий средневековой и новой истории (архив Бастилии, письма Вольтера, протоколы Парижской коммуны и многое другое).

Но, обладая таким обширным богатством рукописей, мы не имеем до сих пор их удовлетворительных описаний. Сведения об отдельных собраниях и книгах разбросаны в различных изданиях, частью находятся в рукописных каталогах. До сих пор нет общего сводного каталога даже древнейших и уникальных рукописей. Настало время,— говорит М. Н Тихомиров,— поставить вопрос о создании сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Это диктуется, прежде всего, научными требованиями: необходимо привести в порядок наш рукописный фонд, учесть его, чтобы знать более или менее точно, какими богатствами мы обладаем. Составление каталога преследует и цели сохранения рукописей.

Работа по составлению каталога может быть осуществлена только при участии заинтересованных учреждений. Археографическая комиссия готова выработать тип описания и взять на себя общее руководство по его созданию.

М. Н. Тихомиров изложил основные принципы составления будущего каталога. До 1965 г. можно было бы составить каталог древнейших рукописей примерно до конца XIV в., поскольку они являются уникальными и относительно немногочисленны. В некоторых случаях в него следует включить упоминания о более поздних копиях уникальных памятников (если подлинники не сохранились). Католог должен быть кратким, ибо составление подробного справочника задержит работу. Каждая описательная статья должна включать сведения о названии (содержании) памятника письменности, его материальной основе, дате, месте и условиях хранения, а также указания об опубликованности и имеющихся исследований о нем.

В заключение М. Н. Тихомиров выразил уверенность, что историческая общественность откликнется на это важное дело.

Все выступавшие в прениях горячо поддержали инициативу Археографической комиссии в деле создания сводного каталога рукописей.

Н. А. Сидорова (Институт истории АН СССР) отметила необходимость выработки четких принципов составления каталога во избежание кустарщины и разнобоя. Эти принципы должны быть обязательными для всех учреждений и работников, которые будут привлечены к составлению каталога. Составление каталога нужно рассматривать как дело государственной важности.

В. И. Малышев (Институт русской литературы АН СССР) указал, что описание, регистрирование древнейших рукописей связано с находкой новых, ранее не известных рукописей; такие находки редки, но возможны. Он выразил уверенность, что сотрудники Пушкинского Дома, которые уже описали хранящиеся здесь рукописи, смогут оказать помощь в этом деле и работникам других хранилищ. В. И. Малышев подчеркнул особую важность выработки общих принципов описания.

Член-корр. АН УзбССР *Р. Н. Набиев* сообщил, что известие о ценной инициативе Археографической комиссии нашло горячий отклик у историков Узбекистана. Сейчас имеются необходимые условия для создания каталога древнейших рукописей не только центральных хранилищ, но и архивов союзных республик. Докладчик рас-

сказал о большой работе по сбору, описанию и изданию рукописей в Узбекской ССР; только в одном ЦГИА УзбССР (Ташкент) хранится около 40 тыс. описанных рукописей, но значительное количество памятников восточной письменности еще не обработано.

Археографической комиссии следует учесть и другие собрания восточных рукописей — в Ленинграде, в Государственной библиотеке в Сталинабаде, в которую поступил фонд крупнейшего специалиста-востоковеда А. А. Семенова, собравшего большое количество уникальных документов. Имеются древние рукописи в библиотеке Казанского университета. Следовало бы ознакомиться с рукописным собранием Духовного управления мусульман России и Сибири (Уфа), доступ к которому затруднен.

Р. Н. Набиев считает, что в республиках Средней Азии, в частности в Узбекской ССР, имеются все необходимые условия для составления сводного каталога древних восточных рукописей. Институт истории и археологии АН УзбССР готов взять на себя описание рукописей, находящихся в хранилищах Узбекистана.

О необходимости сочетать описание рукописей с выявлением и разысканием новых документов сказал в своем выступлении также *В. В. Максаков* (МГИАИ). Он предложил поставить перед государственными хранилищами вопрос о пересмотре состава фондов. Целесообразно также познакомиться с частными собраниями, разыскать документы, хранившиеся в собраниях, впоследствии распавшихся; судьба многих из них до сих пор неизвестна. Говоря о характере будущего каталога, В. В. Максаков высказался за его краткую форму; он предложил включать в каталог сведения о копиях пропавших древних рукописей, а также учесть рукописи, ранее хранившиеся в наших архивах, но оказавшиеся в силу разных причин за рубежом (с указанием местонахождения).

В связи с вопросом об условиях хранения и сохранности рукописей В. В. Максаков предложил поставить перед администрацией хранилищ задачу обеспечения должных условий хранения, а перед правительством — вопрос о постройке специального здания для крупнейших центральных хранилищ Москвы и Ленинграда. В заключение он внес предложение создать в Археографической комиссии специальную рабочую комиссию по созданию каталога.

М. В. Щепкина (ГИМ) также считает, что каталог должен быть кратким, иначе реально его составление не осуществимо. Она сообщила, что в ГИМ имеется около 400 древнейших рукописей до конца XIV в.; они все описаны, и сведения о них могут быть включены в каталог без особых затруднений.

С. А. Асиновская (Институт истории АН СССР) считает, что описание средневековых западноевропейских рукописей должно быть связано с поисками и выявлением их в архивах и у частных лиц. При этом составление каталога древнейших рукописей нужно сочетать с подготовительной работой по описанию более поздних источников, составлением описаний отдельных собраний или тематических каталогов.

О необходимости ознакомиться с опытом составления каталогов рукописных собраний на Западе говорили *Е. Г. Гурари* (Гос. научн. изд-во «Советская энциклопедия») и *Е. Э. Гранстрем* (Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Гурари указала, что дело с описанием и учетом западноевропейских рукописей в наших собраниях обстоит хуже, чем с описанием других рукописей. В частности, широкая научная общественность мало знает о западноевропейских рукописях в прибалтийских собраниях, о материалах, хранящихся в Львове и других городах СССР.

Ряд практических вопросов подготовки каталога в начальной стадии работы поставил *Г. В. Абгарян* (Матенадаран). Он полагает, что до начала работы по описанию Археографическая комиссия должна собрать общие сведения о количестве рукописей в хранилищах и составить перечень последних. В свою очередь работники архивов и рукописных отделов должны предварительно технически подготовить материал к описанию, которое должно быть проведено как на языке источника, так и на русском языке. Г. В. Абгарян высказался за микрофильмирование наиболее ценных рукописей в процессе составления каталога.

В. И. Мусатов подчеркнул реальность создания сводного каталога древнейших рукописей в настоящее время, так как государственные архивы сейчас приведены в порядок и занимаются подготовкой путеводителей, которые должны быть использованы при составлении каталога. Хуже обстоит дело в библиотеках и музеях. Однако недавний приказ Министерства культуры РСФСР будет способствовать быстрейшему учету рукописей в этих учреждениях.

С сообщением о рукописях ЦГАДА выступил *В. Н. Шумилов*. Архив обладает девятью собраниями, в которых содержится до пяти миллионов рукописей; среди них много уникальных. Все рукописи учтены в инвентарных описях, имеются более подробные описания рукописных книг XV—XX вв., описание монгольских, тибетских рукописей. В ближайшие месяцы рукописные книги будут отделены от архивных фондов в специальный отдел редкой книги. Уже в 1961 г. ЦГАДА сможет дать Археографической комиссии сведения о рукописных книгах. Описание древних книг может быть закончено к середине 1962 г.

В связи с этим выступлением *А. А. Зимин* (Институт истории АН СССР) предложил для ускорения описательных работ

оказать помощь ЦГАДА силами Археографической комиссии или просить администрацию ЦГАДА увеличить число сотрудников, занятых описанием; целесообразно также принять меры к изданию рукописных каталогов, составленных крупнейшими знатоками (С. К. Богоявленским, В. М. Ундольским и другими), но до сих пор неопубликованных.

С сообщением о состоянии работы в Украинской ССР выступил *Ф. П. Шевченко* (Институт истории АН УССР). Он отметил, что в последнее время в республике повысился интерес к вспомогательным историческим дисциплинам; в Институте истории АН УССР создан отдел вспомогательных дисциплин. Предполагается создание республиканской археографической комиссии.

В заключительном слове акад. *М. Н. Тихомиров* отметил, что идея создания сводного каталога получила полное одобрение собрания. Археографическая комиссия может взять на себя руководство этой работой, разработку принципов построения каталога; в ее составе имеются специалисты не только по славянским, но и по арабским, персидским и античным рукописям. Положение на местах также показывает, что с помощью сотрудников многих хранилищ в ближайшие годы можно составить каталог до XIV в. Археографическая комиссия может помочь местным хранилищам в описании рукописей.

В заключение М. Н. Тихомиров отметил исключительно деловой характер заседания, большое количество практических предложений; все это создает уверенность, что работа по составлению каталога будет успешно осуществлена.

Собрание приняло решение поручить Археографической комиссии общее руководство по составлению сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР (до конца XIV в.). С этой целью Археографическая комиссия к 1 марта 1961 г. должна получить от специалистов — членов комиссии и крупнейших хранилищ — предложения о принципах составления каталога. В апреле 1961 г. намечено специальное заседание Комиссии, на котором будут обсуждаться поступившие предложения с целью утверждения принципов составления каталога и рекомендательного типа карточек для описания рукописей [1].

На заседании был заслушан также доклад *Е. Э. Гранстрем* «О греческих палимпсестах Гос. публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина» [2].

Н. Б. Шеламанова

---

[1] В настоящее время ГАУ СССР и архивные учреждения союзных республик проводят большую работу по организации каталогизации документальных материалов государственных архивов. Весьма желательно согласовать принципы составления каталогов материалов государственных архивов и каталога древних рукописей и, в частности, тип карточек *(Ред.)*.

[2] Доклад Е. Э. Гранстрем см. «Византийский временник», т. XVII, 1860, стр. 78—84.

К 75-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА Н. М. ДРУЖИНИНА

14 января 1961 г. исполнилось 75 лет со дня рождения выдающегося советского историка, академика Николая Михайловича Дружинина.

Начиная с 1910 г., когда он выступил с первым своим научным трудом, и до настоящего времени Н. М. Дружинин ведет огромную плодотворную работу в советской исторической науке.

Николай Михайлович является автором свыше 170 научных работ; широко известны многочисленные исторические исследования Н. М. Дружинина по истории России XIX в. Такие капитальные труды, как «Декабрист Никита Муравьев». «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева» и ряд других, получили всеобщее признание не только в Советской стране, но и за рубежом.

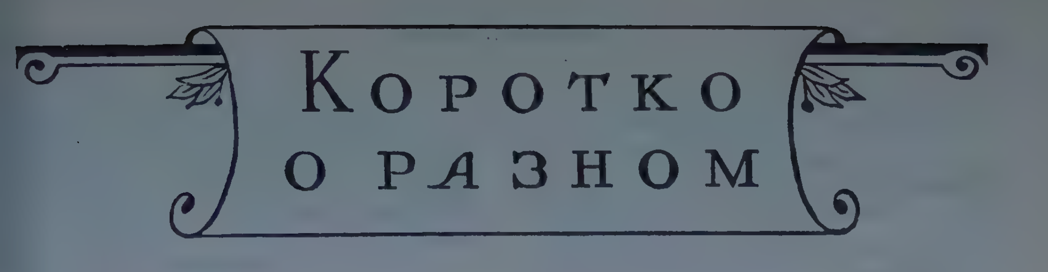
Н. М. Дружинин внес большой вклад в развитие вспомогательных исторических дисциплин. Его работы в области источниковедения и археографии, музееведения и сфрагистики способствовали развитию этих отраслей исторических знаний.

Николай Михайлович известен историкам и архивистам как автор и редактор публикаций документов, представляющих исключительную научную ценность. Под его руководством десятки историков-архивистов прошли прекрасную школу публикаторской работы при подготовке фундаментальной десятитомной серии документальных сборников «Крестьянское движение в России в XIX в.», первый том которой вышел в 1959 г.

Академик Н. М. Дружинин внимательно относится к работе нашего журнала, рекомендуя к печати наиболее интересные работы его учеников в области вспомогательных исторических дисциплин.

В связи с 75-летием со дня рождения Н. М. Дружинина редколлегия шлет ему горячий привет, пожелания здоровья и дальнейших творческих успехов.

ПАМЯТКА Н. И. ПОДВОЙСКОГО

Во время работы XIV съезда ВКП(б) большая группа членов ЦК партии приехала в Ленинград, чтобы разъяснить рабочим и коммунистам города вред оппозиционной работы ленинградской партийной верхушки. Я тогда был в Ленинграде директором завода «Степан Разин». В нашей заводской парторганизации было крепкое ядро, стоявшее за решения XIV съезда ВКП(б) против оппортунистов. Поскольку руководство Московско-Нарвского райкома было в оппозиции, мы разместились в помещении кавалерийского училища по Лермонтовскому проспекту и начали вести под руководством приехавших товарищей разъяснительную работу.

Рано утром в гостинице «Астория» меня принял Н. И. Подвойский и проинструктировал о предстоящей работе. Здесь же он быстро набросал свою памятку, которую я бережно храню до сих пор.

«Памятка

Ставь вопросы так:

не партийное дело делают те, которые запрещают съездовскую литературу;

не партийное дело делают те, кто не проводит разъяснительной кампании;

не партийному делу служат те, кто допускает застращивание и террор;

не партийный прием — составление резолюции так: вначале запугнуть съездом, в конце приветствовать ЦК, а в середине поддержка и одобрение тех, кто препятствует съездовской кампании; одобрение делегации [ленинградской], террор против тех, кто проводит дело съезда.

Такая работа теперь не есть вовсе партийное дело, а служение лицам, не больше».

Эта памятка очень помогла в идейной борьбе с оппозиционерами, а, главное,— в работе по разъяснению позиции партии рядовым коммунистам и рабочим.

Как известно, ленинградская оппозиция потерпела сокрушительное поражение: коммунисты и рабочий класс Ленинграда одобрили генеральную линию партии.

Сообщил *В. С. Максимов*

Автограф памятки Н. И. Подвойского

А. И. УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА О В. В. КАШКАДАМОВОЙ

Имя Веры Васильевны Кашкадамовой широко известно старшему поколению педагогов нашей страны. Она была удостоена звания «Героя труда» 7 июня 1928 г.

Недавно среди личных дел награжденных Президиумом ВЦИК обнаружены два письма А. И. Ульяновой-Елизаровой. Одно, адресованное В. В. Кашкадамовой, от 14 октября 1925 г.; второе — в Президиум ВЦИК от 1 мая 1926 г. (ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 136, д. 917, лл. 36, 43—44). В письме к Вере Васильевне Анна Ильинична писала:

«Редко кто так, как Вы, остается всю жизнь верным призванию своих юношеских лет и редко кому выпадает на долю такой славный юбилей! Вы в полном слове — героиня труда, и такого нужного, такого ценного нам труда на ниве просвещения. Вспоминаю я, как ценил Вас, как выделял среди многих покойный отец, как он говорил, что 5-е женское училище — одно из лучших училищ! Вспоминаю, как Вы приехали в Симбирск, стали бывать у нас и как все мы, дети, горячо полюбили Вас. Вспоминаю, какой чуткий подход истинной воспитательницы, воспитательницы в душе был у Вас ко мне, подростку в том трудном возрасте, когда дети хотят уже, чтобы их считали за больших и обидчивы и мнительны до невероятности. С Вами я сразу распустилась и не побоялась за свою самостоятельность, и так любила бывать с Вами! Немудрено, что Вас любили так и Ваши ученицы!».

А в письме-автографе в Президиум ВЦИК она писала:

«Знаю Веру Васильевну Кашкадамову с 1880 г., когда она поступила народной учительницей в 5-ю приходскую женскую школу, находившуюся в ведении моего отца, Ильи Николаевича Ульянова, директора народных училищ Симбирской губернии.

Помню, что отец выделял В. В. Кашкадамову среди многих, и что 5-я женская приходская школа была у него на лучшем счету. Помню также, что Вера Васильевна пользовалась большой любовью учениц и вообще населения на той окраине Симбирска, где помещалась ее школа. Относясь к делу идейно и с большой любовью, Вера Васильевна не удовлетворялась ежегодным выпуском учениц школы, она создавала вечерние и воскресные классы для подготовки способных, но неимущих девочек к сдаче экзаменов экстерном за гимназический курс. Целый ряд пролетарских девушек получил благодаря ей среднее образование, пробился к высшему, выработал из себя идейных педагогов». И далее: «Нежелание урезать возможность образования для городской бедноты, для „кухаркиных детей" заставило ее открыть гимназию, которая оставалась по тогдашней терминологии „народной" и „демократической", выделяясь из других средних учебных заведений города. Называясь „гимназией", ее школа являлась и при прежнем строе прототипом советской, широко демократической, и наименее из прежних школ болезненно перешла в советскую трудовую».

Сообщила *Л. А. Шапиро*

О ПОПЫТКЕ ВЫВЕЗТИ НИКОЛАЯ II В США

В Архиве внешней политики России обнаружены записки В. В. Горбатенко, довольно подробно рассказывающие о попытке вывезти из России в США свергнутого с перестола царя Николая II (ф. Канцелярия МИД, 1917, д. 157, лл. 29—34).

Как известно из мемуаров английских дипломатов, Временное правительство обратилось к Англии с просьбой о предоставлении убежища Николаю II. Королевское правительство горячо откликнулось на эту просьбу. Вопрос был решен военным кабинетом и королем в поразительно короткий срок: всего за одни сутки. Начались приготовления к отъезду... Но английский народ не позволил поставить этот фарс. Запротестовал и Петроградский Совет, установивший специальную охрану на вокзалах с целью помешать отъезду бывшего царя. Тогда за дело взялись дипломаты США, рассчитывавшие использовать Николая II в борьбе против русской революции.

Чрезвычайной миссии США во главе с Э. Рутом, выехавшей в Россию 18 мая 1917 г., было дано поручение договориться с бывшим царем о тайном бегстве его за океан.

Многое напоминало членам этой миссии по приезде их в Россию о Николае II. Раболепствовавшее перед американскими империалистами Временное правительство предоставило им для следования из Владивостока в Петроград литерный императорский поезд. Аппартаменты Руту и сопровождавшим его лицам были приготовлены в Зимнем дворце.

В качестве агента по особым поручениям к миссии был прикомандирован В. В. Горбатенко.

Из записок В. В. Горбатенко выясняется, что, находясь в Петрограде, Рут совершил четыре загородных выезда из Зимнего дворца. О двух поездках в Москву и в Ставку было известно и ранее по сообщениям печати. Другие две поездки были совершены в глубокой тайне даже от большинства министров Временного правительства, не говоря уже об общественности; о них рассказывает В. В. Горбатенко.

После возвращения Рута из Ставки публике было объявлено, что высокий американский гость «захворал от переутомления». Под этим предлогом некоторое время в прессе ничего не сообщалось о его деятельности. На самом же деле глава миссии на автомобиле отправился в Фин-

ляндию. Там он пытался выяснить возможность провезти через финляндскую территорию, также на автомашинах, Николая II и его домочадцев.

Очевидно, возможность была найдена, ибо после возвращения Рута в Петроград развернулись технические приготовления к намеченной операции; по-прежнему, все было окружено глубокой тайной. Об этих приготовлениях знал лишь министр иностранных дел Терещенко, «без содействия коего нельзя было обойтись». После того как эти приготовления закончились, состоялась вторая тайная поездка Э. Рута для свидания с Николаем II. На этот раз были мобилизованы два автомобиля; в первом находились Рут, Терещенко и секретарь Рута полковник в отставке Мотт; во втором — два американских офицера, секретарь Терещенко, Солдатенков и сам Горбатенко. По прибытии в Царское Село состоялось 40-минутное свидание Рута и Николая II в присутствии Терещенко. Обсуждалась возможность, не теряя времени, тайно вывезти царя с семейством из России. Однако договориться не смогли. Совещание, сообщает В. Горбатенко, «дало отрицательный результат». Очевидно, боязнь попасть в руки революционного народа оказалась сильнее всяких иных эмоций и намерений.

Сообщил *А. Е. Иоффе*

А. Ф. КЕРЕНСКИЙ И НИКОЛАЙ II

В журнале «Красный архив» напечатан дневник Николая Романова, который он вел в 1917 г., находясь под арестом в Царскосельском дворце. Некоторые записи в нем свидетельствуют о том, что не все части, несшие караульную службу по охране бывшего царя, вели себя *как следует*, с точки зрения Николая Романова.

Указание на это можно найти в записи от 26 июня 1917 г.: «Наш хороший комендант полк. Кобылинский попросил меня не давать руки офицерам при посторонних и не здороваться со стрелками. До этого было несколько случаев, что они не отвечали»[1].

Мне представляется не лишним внести некоторую ясность в эти записи, придать им большую конкретность на основе известных мне фактов.

В 1917 г. я был заместителем председателя Царскосельского Совета рабочих и солдатских депутатов. В один из летних дней 1917 г. в Совете была получена телефонограмма из Петрограда, в которой сообщалось, что глава Временного правительства Керенский вызывает к себе председателя Царскосельского Совета и начальника караула, который нес службу в Царскосельском дворце. О причине вызова мы сразу догадались, хотя она и не указывалась в телефонограмме.

В тот день, когда Николай, выйдя утром на прогулку, протянул руку начальнику караула прапорщику Домазьяну, последний сделал два шага назад и сказал:

— Господин полковник, было время, когда русский народ протягивал вам руку, вы не хотели ее принять. Теперь я как сын народа не считаю возможным принять вашу руку.— Солдаты фыркнули. Николай, ничего не сказав, продолжал прогулку.

Наше предположение, что телефонограмма Керенского была вызвана непочтительным отношением начальника караула к особе бывшего царя, полностью оправдалось. Едва мы вошли в кабинет Керенского в Зимнем дворце (я поехал вместо председателя Совета), как он уже выскочил из-за стола в глубине кабинета и набросился на прапорщика Домазьяна.

— Прапорщик, я вами недоволен. Еще три месяца тому назад вы сочли бы за счастье пожать руку Николаю Романову, а сегодня вы не подали ему руки. Это не великодушно!

Я сказал, чтобы защитить начальника караула, что он действовал согласно директиве Совета рабочих и солдатских депутатов. Керенский меня уже не слушал. Он внес в историю свою «благородную» сентенцию о великодушии и на том считал свою миссию законченной. Адъютант любезно раскрыл пред нами дверь.

Великодушие Керенского в отношении Николая Романова выходило нередко за пределы «джентльменства», оно граничило с прямой государственной изменой. Целый ряд записей свидетельствует, что арестованный царь знал то, чего не знала еще страна. Глава правительства регулярно его информировал.

В тот день, когда Керенский вызвал нас для разговора о великодушии, его ждало в приемной не менее полусотни делегатов из самых отдаленных районов России. Он никого не принял, кроме председателя армейского комитета XII армии и царскосельскую делегацию (это меня и прапорщика Домазьяна) и уехал на фронт прививать солдатам чувства великодушия к обиженным капиталистам и помещикам, за интересы которых солдаты не хотели больше проливать кровь свою.

Сообщил *О. М. Сирота*

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО Е. Б. ВАХТАНГОВА

2 октября 1920 г. Е. Б. Вахтангов отправил заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянскому письмо, которое ниже публикуется:

«Я знаю, как Вы заняты, и если я решаюсь потревожить Вас, то к этому понуждает меня крайняя необходимость. Буду краток, чтоб оторвать Вас от важных дел ненадолго. Я с трудом формирую

---

[1] «Красный архив», т. 2 (21), 1927 г., стр. 89.

свою студию (ныне 3-ю студию Художественного театра). Сам воспитываю будущих актеров будущего театра. Материал отыскивается с большим трудом путем отбора из сотен учеников, проходящих испытание в течение нескольких лет. С последним призывом на военную службу я могу лишиться двух, найденных этим путем,— Щукина и Лукьяновского (о них доложит Вам податель сего — член правления студии).

Я прошу помочь оставить их в Москве, м. б. на местах их службы. Я верю в свой театр, знаю, как Вы относитесь к этой стороне искусства, смотрю на этот театр, как на дело государства, и потому обращаюсь к Вам, представителю власти, со спокойной душой. Если Вам, по Вашим соображениям, кажется, что моего обращения удовлетворить нельзя, то я, разумеется, покорюсь печальной необходимости снова искать нужных людей. Оба они талантливы и найдены для центральных ролей первой пьесы («Принцесса Турандот») Шиллера нашего театра.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать Вам свою давнюю симпатию к Вам и поблагодарить Вас от правления 1-й Студии.

Е. Вахтангов»

Полагаю, что историки театра заинтересуются этим письмом (ЦГАСА, ф. 33988, оп. 2, д. 184, л. 607). Известно, что Б. В. Щукин был оставлен в Москве.

Сообщил *А. Л. Райхцаум*

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР О СОВЕТСКОМ КАЛЕНДАРЕ

Союз советских писателей в начале 1944 г. послал Т. Драйзеру в качестве сувенира отрывной календарь на 1944 г.

20 апреля 1944 г. Драйзер писал советским писателям:

«Джентльмены!

Я только что получил ваш превосходный календарь на 1944 г. Я считаю его чудеснейшим произведением, которое по-своему показывает все стороны национального величия России. Я буду бережно хранить его как точное отображение настоящей эпохи, потрясшей мир.

С благодарностью.

Теодор Драйзер»

Поистине, комментарии излишни. Письмо хранится в Архиве ССП (оп. 4, д. 5, л. 65).

Сообщила *Н. К. Покровская*

«ОСОБОЕ МНЕНИЕ» Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА

Записка, излагающая «особое мнение» Д. И. Менделеева, была написана им 13 мая 1869 г. и представлена Совету Петербургского университета в связи с правительственными репрессиями против участников демократического студенческого движения, которое в марте того года охватило Петербургский университет и другие высшие учебные заведения столицы и Москвы.

Их участники требовали прекращения полицейского надзора и репрессий, студенческого самоуправления, организации библиотек, касс и т. д. Среди молодежи распространялись листовки революционного содержания.

Правительство немедленно обрушилось на студентов. В тот же вечер девять наиболее активных участников волнений были преданы университетскому суду. На другой день во двор и в аудитории университета были введены большие наряды полиции и жандармов. К концу 22 марта движение было подавлено. Началась расправа: 38 студентов были исключены из университета, 26 приговорены к различным срокам ареста и другим взысканиям. Исключенные немедленно высылались из Петербурга административным порядком.

Однако эти репрессии показались правительству недостаточными для водворения впредь «спокойствия» среди студентов. К ряду постановлений и правил, еще более ограничивающих и без того ничтожные права студентов, изданных министром «народного затемнения» Д. А. Толстым, министр юстиции К. И. Пален распорядился впредь «принимать на службу только тех окончивших курс студентов, которые представят удостоверение в том, что в бытность свою в университете они не обнаруживали неуважение к закону или к установленным властям и правилам» [1].

«По просьбе» Палена министр народного просвещения Толстой немедленно предложил «эту меру Совету Петербургского университета к надлежащему исполнению» [2].

Прямому распоряжению министра Совет университета должен был подчиниться, но обязанность исполнять подобные полицейские функции вызвала протест многих профессоров. Наиболее резко выступил Д. И. Менделеев, который на другой день после рассмотрения Советом министерского указа подал «особое мнение».

«В Совет университета

Особое мнение профессора Менделеева

По распоряжению г-на министра юстиции на юридическую службу будут принимаемы только те из университетских слушателей, которые получат, кроме узаконенного диплома, особое удостоверение в том, что они не принимали участия в противузаконных заявлениях во все время пребывания в университете.

Предложением г-на министра народного просвещения указано Совету выдавать такие удостоверения за подписью ректора и

---

[1] «С.-Петербургские ведомости», 14 мая 1869 г.

[2] ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6783, л. 2.

декана и с приложением университетской печати.

Когда в заседании Совета, бывшем 12 мая текущего 1869 г., было сообщено о таком новом постановлении, многие члены желали указать на неудобства предлагаемой меры и потому просили сделать о том надлежащее представление, конечно, не останавливая исполнения указанного. Это предложение было подвергнуто двукратному голосованию. По первому голосованию большинство членов желало сделать представление о неудобствах предложенной меры, но, когда зашла речь о редакции представления и когда, по предложению г-на ректора, для ближайшего разбора предмета предложено было отправить все дело в юридический факультет, тогда стали требовать вторичного голосования. Оно было произведено и оказалось, что на стороне лиц, желавших сделать представление, теперь было меньшинство, а потому постановлено, приняв предложенную меру, не делать представления о ее неудобстве.

Считая такое решение несправедливым, имею честь представить по этому предмету особое мнение, которое и прошу присоединить к протоколу.

Не входя в рассмотрение предписания г-на министра юстиции и не перечисляя разнообразные неудобства, какия повлечет за собою предложенная мера, я упомяну только о тех двух сторонах этого предмета, которыми оно ближе всего касается интересов университета.

Студенты, участвующие в противузаконных заявлениях, могут быть известны начальству университета только тогда, когда такое заявление сделано в стенах университета. А такие студенты подвергаются университетскому суду, который или назначает исключение и увольнение или определяет подвергнуть аресту или выговору, или же, наконец, освобождает подсудимых от последствий не только в случае совершенной невинности, но и в том случае, когда виновный оказывается увлеченным, понимающим свою виновность и обещающим совершенно точно исполнять требуемый порядок. Лица, увольняемые и исключаемые из университета, дипломов при этом не получают, а в выдаваемых свидетельствах означается определение суда, если же этого и не делается, то о таких лицах все служебные места могут знать, потому что об них по предписанию начальства доводится до сведения полиции. Следовательно, не для этих лиц придется остановить выдачу особых свидетельств. Если же и эти лица, по миновании срока увольнения или по особому распоряжению начальства вновь поступят в университет и получат диплом, то, по моему мнению, несправедливо не выдать им того свидетельства, какое будет выдано их товарищам. Придется и, по моему мнению, совершенно справедливо выдать одобрительное свидетельство и тем, которые за участие в противозаконных заявлениях получили выговор или были арестованы. Если и этим не выдать такого свидетельства, то это будет мерою, по моему мнению, лишенною справедливости и потому могущею возбуждать недоразумения и даже беспорядки.

Таким образом, начальство университета будет введено в затруднение всякий раз, когда определит не выдавать свидетельства, и каждый раз, когда будет подписывать свидетельство, будет в неуверенности о справедливости своей подписи. Студент может участвовать в противузаконных заявлениях вне стен университета, может быть в толпе, участвующей в таких заявлениях, даже в стенах самого университета, но не быть в числе тех, которые по своей преимущественной виновности подлежат университетскому суду и замечены инспекторским надзором, наконец, студент может быть даже предан суду, но последним оправдан. Строго говоря, ни один из таких студентов не должен получить свидетельство, а между тем незаконно и даже немыслимо отказать подобным лицам в требуемом г-ном министром юстиции свидетельстве. Таким образом, в результате требуемое свидетельство будет выдаваться всем лицам, кончающим университетский курс[1], и потому оно мне кажется совершенно излишним, как новая бесполезная формальность.

Новым, ныне действующим уставом студенты университета подчинены в отношении соблюдения законов общему надзору полиции, а университетское начальство изъято от этих обязанностей и его рассмотрению подлежат только проступки противу университетских правил, совершаемые студентами в стенах университета. Мне кажется, что дела этого рода должны оставаться домашним делом. Самый устав это подтверждает, потому что высшею мерою взыскания назначает исключение, т. е. удаление из среды университетской жизни. А потому, я полагаю, что свидетельство о соблюдении законов должно выдавать полицейское управление, а не университетское начальство, если не желают нарушить смысл ныне действующего устава.

13 мая 1869 г.

Проф. Д. Менделеев»

(ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, св. 193, д. 6783, 1869 г., лл. 7—8.— Подлинник.)

Выступление Д. И. Менделеева было поддержано А. Д. Градовским и другими профессорами. По их настоянию 31 мая Совет составил специальную комиссию под

[1] Посторонние лица, держащие в университете испытания на ученые степени, очевидно, не могут получить требуемого свидетельства, а потому по Министерству юстиции им служба преграждена, потому что в распоряжении г-на министра юстиции прямо сказано, что лица, не представившие такого свидетельства, на службу не принимаются.— *Примечание Д. И. Менделеева.*

председательством ректора К. Ф. Кесслера. Поправки, предложенные комиссией к циркуляру Палена — Толстого, сводились фактически к отмене распоряжения о «свидетельствах» [2].

Однако в 1869 г. Совет Петербургского университета не представил заключение комиссии в вышестоящие инстанции. Вопрос этот был вновь возбужден в конце 1870 г., но министр юстиции К. И. Пален ответил через Д. А. Толстого, что и сейчас «невозможно обойтись без... свидетельства» [3].

Таким образом, возбужденный Д. И. Менделеевым протест не привел к отмене циркуляра. Однако это выступление против воинствующей реакции со стороны передовой русской профессуры еще раз доказывает демократическую направленность ее лучших представителей.

Сообщил *С. Н. Сёманов*

О ДАТЕ РОЖДЕНИЯ П. И. ЯКУШКИНА

Один из основоположников русской демократической фольклористики П. И. Якушкин был видным деятелем революционного и общественного движения 60-х годов. Помимо собирания устного народного творчества, которому он посвятил свыше четверти века, П. И. Якушкин известен как писатель-демократ, автор очерков и путевых записок, пользовавшихся в свое время большой популярностью. Очерки и статьи П. И. Якушкина, опубликованные в «Современнике», «Искре» и «Отечественных записках», отличались острой социальной направленностью, глубоким знанием нужд и интересов крестьянства, большой разоблачительной силой.

До настоящего времени неизвестна точная дата рождения П. И. Якушкина. С. В. Максимов считал, что П. И. Якушкин родился в 1820 г.[1].

Составители био-библиографического словаря деятелей революционного движения в России датой рождения П. И. Якушкина считали 1825 год [2].

В фондах декабриста И. Д. Якушкина и его семьи, хранящихся в Центральном государственном архиве литературы и искусства, обнаружен формулярный список П. И. Якушкина, составленный 26 ноября 1855 г. в период его службы в качестве учителя истории и географии Харьковского уездного училища [3]. Здесь указан возраст П. И. Якушкина — 31 год. На основании этого документа нами была приведена новая дата рождения П. И. Якушкина — 1824 г.[4]

Совсем недавно, в архиве Московского государственного университета, в личном деле брата П. И. Якушкина — Александра — найдено, наконец, свидетельство о рождении писателя. В метрической книге П. И. Якушкин записан родившимся 14 января 1822 года как «сын дворовой девки Прасковьи Фалеевой» [5].

В биографических справках о П. И. Якушкине иногда приводятся противоречивые сведения. Он действительно вырос в мелкопоместной дворянской семье. Но по рождению П. И. Якушкин не принадлежал к дворянскому сословию, так как считался «незаконным» сыном. Брак его матери — крепостной крестьянки и отца — орловского помещика был юридически оформлен значительно позднее, и будущий писатель при поступлении в университет и на службу должен был брать отпускное свидетельство из мещанского общества, в котором он числился по «ревизской сказке» и платил казенные подати [6].

Сообщил *Н. М. Чернов*

СТИХОТВОРНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО СУВОРОВСКОГО СОЛДАТА

Если для А. С. Грибоедова синонимом старины служили времена «Очакова и покоренья Крыма», то какие чувства должны были испытать чиновники Инспекторского департамента Военного министерства в 1854 г., через 25 лет после смерти А. С. Грибоедова, готовившие доклад о столетнем суворовском солдате П. Ф. Веселове, помнившем песню о взятии Очакова. Запись этой песни, как и описание самого столетнего чудо-богатыря, сохранились в деле о награждении этого отставного солдата 100 рублями в связи с его столетием (ЦГВИА, ф. 395, оп. 252/539, д. 86, лл. 5—8).

П. Ф. Веселова чиновник описывает так: «он здоров, много ходит по городу, лицо его свежее и приятное, поступь довольно твердая, память свежа...». Крепостной села Черново Болховского уезда Тульской губернии, он был отдан в солдаты 24 лет, в 1777 г., и участвовал почти во всех походах А. В. Суворова. Со слов суворовского солдата была записана песня, сложенная после взятия Очакова. Стихотворное свидетельство рядового солдата интересно не только для фольклориста, но и для историка — весьма редко доходит до нас голос рядовых участников исторических событий. Публикуем эту запись в выдержках:

«Мы в лагерях стояли,
Все дни красны провождали;
На ученье мы ходили,

---

[2] ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6783, л. 11.

[3] Там же, л. 135.

[1] С. В. Максимов. Материалы для биографии П. И. Якушкина. В кн. Сочинения П. И. Якушкина, СПб., 1884.

[2] Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь, М., 1928, т. 1, ч. 2, стр. 493. Эта же дата приводится и во всех изданиях словаря псевдонимов И. Ф. Масанова.

[3] ЦГАЛИ, ф. 596, оп. 2, д. 24.

[4] См. Н. Чернов. Литературные места Орловской области. Орел, 1959.

[5] Архив МГУ, фонд правления, стол 1, д. 198.

[6] Там же, д. 468.

Ружью строго нас учили;
Скоро ружья заряжать
И плутонками стрелять.
Мы собой не дорожили,
Командиры нас хвалили,
Мы не долго там стояли,
Нам в поход идти сказали,
И дорогой не одной —
Проходили мы деревни,
Многочастые селеньи,
Перешли мы реку Буг,
Нам сказали славный слух:
Запорожцы к нам склонились,
На мелки суда садились;
К нам еще полки пришли
И в поход вместе пошли.
Горы, холмы проходили,
В степях лагерь становили,
Мы пришли к славну лиману,
К устью речки Березани.
Там мы лагерь становили,
Весь Очаков окружили.
Три недели мы стояли,
С флота пушки выгружали,
Мы там время не ронили,
Ближе к граду подходили...
Когда утречня заря,
У нас пушечна пальба,
В дыму головы нам ломит,
Стужа сердце переломит;
На покрытый льдом лиман,
Флотом взята Березань;
С флота в город вобрались,
С нами турки не дрались.
Мы на том лишь утвердились,
На Очаков устремились.
День и ночь мы в шанцах были,
Осторожно всегда жили,
И палаток не снимали,
Зиму в лето поверстали,
Батареи оправляли,
С нами егеря стояли,
Нас в колонны становили,
Смело в шанцы заводили;
Кирки мы, лопатки подбирали,
Свои шанцы прорывали,
Мелки пушки там выправляли
И лестницы подымали,
И фашинник зажигали,
Страшны мины обходили,
Палисадники рубили...
Страшны мины мы взрывали,
Прах на воздух поднимали.
Ярославцы в крепость тут вскочили...»

Сообщили *Т. Н. Копылова, А. Е. Шнейдер*

АФОРИЗМЫ ФЕДОРА КОНИ

В ЦГИАМ сохранились альбомы отца известного юриста А. Ф. Кони — Федора Кони. Озаглавленные в стиле XVIII в. «Мысли, заметки, афоризмы, выдержки, причуды, остроты, выписки и пр. Федора Кони», они содержат много любопытного. Ниже публикуются некоторые из них:

«У Аристотеля спрашивали, как надо определять достоинство книги. Он отвечал: «Книга хороша, если автор говорит все, что должно; если он говорит только то, что должно, и если он это говорит так, как должно!».

Шатобриан очень остроумно сказал: «Государи иногда тешатся тем, что дают власть людям ничтожным, делают министрами людей пустых. Подражая богу, которого они представляют на земле, они хотят создать человека из ничего».

Иному критику можно бы напомнить слова Биаса: «Как умно — не хотеть вредить, когда можешь; как глупо — хотеть вредить, когда не можешь».

Знакомый мне купец сделал следующее определение экспериментальной и натуральной философии:

«Кто-нибудь просит у приятеля денег взаймы,— говорит он,— это экспериментальная философия.

Приятель отказывает: — это натуральная!».

Жан Поль говорит: «Ни в чем человек не обрисовывает так резко своего характера, как в манере изображать других».

Сатира, говорит Свифт,— «зеркало, в котором люди видят всегда чужие лица и никогда свои собственные.

Вот причина, почему сатира так охотно принята в свете и никто ею не обижается».

Монтан в своей расходной книге между прочими издержками занес: на мою лень — 1000 ливров.

Я люблю актера, когда об нем можно сказать то же, что Гвидо Рени сказал о Рубенсе: «Он подмешивает кровь к своим краскам».

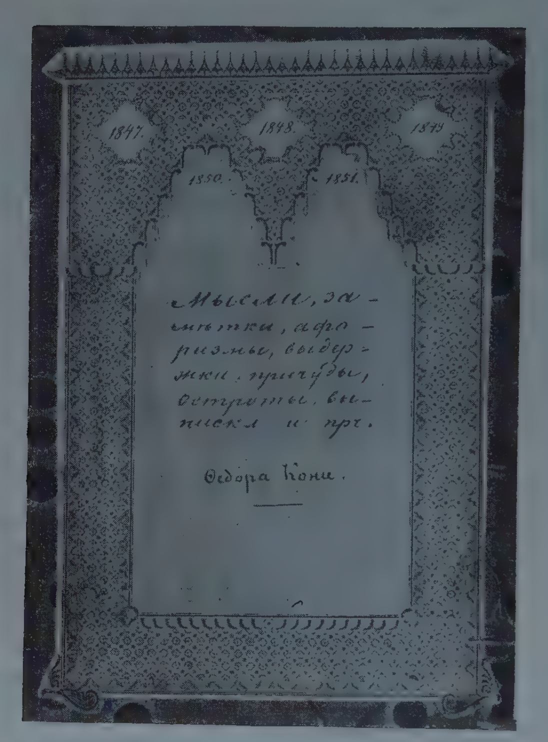
Не стыдно занимать низкую должность, но стыдно быть ниже своей должности.

Известно изречение Генриха IV: «Я хочу, чтоб у каждого француза была курица в супе!». При вступлении на престол Людовика XVI, от которого много ожидали, кто-то написал мелом под статуей Генриха IV: «Воскрес!». Другой остряк, прочитав это, подписал:

«Чтоб верить воскресенью трупа —
Нужна нам курица для супа!».

Два месяца спустя в Париже ходило следующее четверостишие:

«Для супа кур уж двести лет
Нам постоянно обещали.
Поспели чай — сомненья нет —
Когда так долго их щипали»».

Титульный лист «Альбома Кони»

Исторические сближения

«Генрих IV и Сюлли были неразрывные друзья и оба родились 13 декабря: Генрих — в 1553, Сюлли — в 1560 г.

27 мая 1564 г. умер Кальвин, учение которого увлекло Генриха IV. 27 мая 1610 г. был казнен Равальяк, убивший Генриха за то, что он был последователем Кальвина.

25 августа 1569 г. кальвинисты перерезали дворян и священников в Беарне и в Наварре. 25 августа 1572 г. кальвинистов извели в Париже.

Людовик XV умер 10 мая 1774 г. Внучка его, принцесса Елисавета, погибла под революционном ножем 10 мая 1794 г.

Месяц июль был пагубен для четырех замечательнейших плебейцев-революционеров. Артевиль казнен в Генте 17 июля 1342 г.; Мазаньелло убит в Неаполе 16 июля 1647 г.; Марат зарезан 13 июля 1793 г., а Робеспьер обезглавлен 28 июля 1794 г.

10 августа 1788 г. Людовик XVI издал указ о созыве Генеральных штатов. 10 августа 1792 г. был взят Тюильрийский дворец, и Людовик лишен престола.

21 июля 1744 г. Екатерина Великая выходит замуж за Петра III. 21 июля 1762 г. Петр III отрекся от престола.

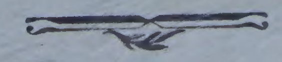
26 ноября 329 г. Константин Великий основывает Константинополь на развалинах Византии, почти совершенно разрушенной Севером.

29 мая 1453 г. последний восточный император Константин Палеолог убит при взятии Константинополя турками. Таким образом, первым и последним царем Константинополя был Константин» (ЦГИАМ, ф. 564, оп. 1, д. 4226).

Сообщил *С. Т. Беляков*

Содержание

Contents

DOCUMENTS

DIARIES AND REMINISCENCES

ARTICLES AND COMMUNICATIONS

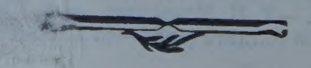
REVIEWS AND NOTES

BIBLIOGRAPHY AND BOOKS

ARCHIVES ABROAD

SCIENTIFIC INFORMATION

BRIEFS

Цена 1 руб. 50 коп.

1/6 20-00